

Э. Карр

4

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Междоцарствие 1923-1924

1924

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

4

МЕЖДУЦАРСТВИЕ
1923—1924

E. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

4

THE INTERREGNUM
1923—1924

London
Macmillan
1954

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ 174

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

4

МЕЖДУЦАРСТВИЕ 1923 — 1924

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междоусобица. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Художник Ю. Н. Егоров

Технический редактор Л. Н. Шупейко

Корректор Шумилина И. В.

Сдано в набор 02.11.88.

Подписано в печать 20.12.88.

Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,06. Уч.-изд. л. 25,57

Изд. № 24/44506

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 119847, Зубовский бульвар, 17

Редактор ШИШКИНА Т. Н.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7

Часть I

КРИЗИС «НОЖНИЦ»

Глава 1. Знаменательное время	11
Глава 2. Положение в сфере труда	36
Глава 3. Кризис разразился	71
Глава 4. «Ножницы» смыкаются	93

Часть II

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

Глава 5. Оккупация Рура	119
Глава 6. Ультиматум Керзона	128
Глава 7. Коммунизм и германский национализм	135
Глава 8. Болгария и крестьянство	146
Глава 9. Фиаско в Германии	154
Глава 10. Признание	181

Часть III

ТРИУМВИРАТ У ВЛАСТИ

Глава 11. Триумвират приходит к власти	193
Глава 12. Напряженность и стресс	217

	<i>Стр.</i>
Глава 13. Борьба против Троцкого	229
Глава 14. Смерть Ленина	255
Приложение А. «Платформа 46-ти»	274
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	281

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предисловии к первому тому «Большевистская революция, 1917—1923», который вышел в свет в 1950 г., я высказал намерение по завершении этого труда приступить «ко второй части всей задуманной работы», озаглавив ее «Борьба за власть, 1923—1928». Дальнейшее рассмотрение и более полное изучение материала заставило меня в некоторых отношениях этот план изменить. Во-первых, последние месяцы болезни Ленина и первые недели после его смерти, то есть время с марта 1923 по май 1924 г. составили своего рода промежуточный период — затишье или междуцарствие в истории партии и государства, когда спорных вопросов по возможности избегали, решение их откладывали. Согласно моему новому плану, этому периоду посвящен отдельный том, который в настоящее время выходит под заглавием «Междуцарствие, 1923—1924».

Во-вторых, хотя период с 1924 по 1928 г. во многих отношениях представляет собой единое целое, я счел более удобным поделить его на два раздела.

И наконец, последнее: первоначально предложенное название этого периода показалось мне слишком банальным и не адекватно отражающим основные разногласия, проявившиеся в этой борьбе. В соответствии с теперешним планом, третья часть моего труда будет озаглавлена «Социализм в одной стране, 1924—1926»; она будет охватывать период приблизительно с лета 1924 г. до первых месяцев 1926 г. и состоять из двух томов.

Лозунг «социализм в одной стране» предоставляет возможность для некоторых размышлений, а именно об отношении большевистской революции к материальному, политическому и культурному прошлому России, что, на мой взгляд, будет здесь уместно.

Я должен еще раз выразить бесконечную признательность всем, кто помогал мне на ранних стадиях моей работы. Самые важные источники моего исследования по-прежнему были сосредоточены в Британском музее, библиотеках Лондонской школы экономических прогнозов и Королевском институте международных отношений. Я также имел возможность пользоваться библиотеками Школы по изучению славянских стран (и стран Восточной Европы. — *Ред.*) при Лондонском университете, Института аграрных

отношений Оксфордского университета, а также Библиотекой современных международных документов Парижского университета, библиотеками Международной организации труда в Женеве и Международного института социальной истории в Амстердаме. Именно в последнем из названных учреждений я обнаружил машинописную копию до сих пор неопубликованной «платформы 46-ти», текст которой я перевел на английский язык; он публикуется в настоящем томе. Я хотел бы горячо поблагодарить работников библиотек этих учреждений и всех их сотрудников за неоценимую помощь и безграничное терпение, с которыми они выполняли мои настоятельные требования.

Данный том несколько проигрывает по сравнению с предыдущими, так как у меня не было возможности посетить Соединенные Штаты, хотя такая договоренность была. Тем не менее я чувствую себя глубоко обязанным миссис Ольге Ганкин, работающей в Гуверовской библиотеке и Институте в Станфорде, за ее неизменную любезность, с которой она удовлетворяла мои самые настойчивые запросы, и за присланные ею сведения из этой богатой источниками и до настоящего времени еще не полностью обследованной библиотеки. Пока немногие ученые обращались к архивам Троцкого в Хьюстонской библиотеке Гарвардского университета; и, насколько мне известно, до сих пор не было опубликовано никаких систематизированных сообщений о том, какими источниками располагают эти библиотеки. Это самый серьезный пробел в наших знаниях о советской истории.

Особую благодарность я должен выразить г-ну Исааку Дойчеру, биографу Сталина и Троцкого, за то, что он прочитал значительную часть моей рукописи и высказал критические замечания, а также за предоставленные им в мое распоряжение его собственные записи, сделанные в архивах Троцкого в 1951 г.; г-ну Генриху Брандлеру, поделившемуся своими воспоминаниями о событиях 1923 г.; г-ну Морису Доббу и г-ну Г. К. Стивенсу, предоставившим мне возможность ознакомиться с книгами и брошюрами, которые в противном случае выпали бы из поля моего зрения; а также миссис Деграс, которая вновь вызвалась держать корректуру, и д-ру Илье Нойштадту за составление указателей к тому. И автор и читатели этой книги чувствуют себя признательными им за выполнение двух таких особенно обременительных обязанностей.

5 января 1954 г.

Э. Х. Карр.

Часть I

КРИЗИС «НОЖНИЦ»

ГЛАВА 1

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Зимой 1922/23 г., после двух лет НЭПа, в советском народном хозяйстве наметилось некоторое оживление. Это частично объяснялось естественным процессом восстановления экономики, возрождавшейся после долгих и тяжких бедствий империалистической и гражданской войн, частично богатым урожаем 1922 г. и, наконец, новой экономической политикой, переход к которой был осуществлен в марте 1921 г. С одной стороны, резко возрастает объем сельскохозяйственной продукции, а также кустарно-ремесленного производства, но менее заметно — промышленности, работающей на массовый рынок (и вовсе незначительно в отраслях тяжелой промышленности, производящей средства производства). Хотя больше всех выиграло от политики НЭПа крестьянство, рабочий класс был освобожден от трудовой повинности, несколько поднялся его нищенский жизненный уровень. Развивались внешняя и внутренняя торговля; закладывались основы финансовой системы и бюджета рабочего государства; делались первые шаги в направлении создания устойчивого денежного обращения. С другой стороны, ни одну из этих задач назвать безусловно социалистической было нельзя. Структура экономики за вычетом национализированных отраслей носила капиталистический или докапиталистический характер. Эти отрасли были вынуждены приспособливаться к полукапиталистическому окружению в силу обстоятельств, налагаемых на них, чтобы вести дела на коммерческой основе. Успехи НЭПа были достигнуты благодаря капиталистическим методам хозяйствования, а это повлекло за собой два побочных последствия, которые марксисты всегда рассматривали как неизбежное зло капитализма: массовую безработицу и резкие колебания цен. Проблемой, которая преследовала победившую революцию начиная с 1917 г. и была заложена в самой идее осуществить переход к социализму в преимущественно крестьянской стране, была зависимость этого процесса от поддержки крестьянства. В 1921 г. казалось, что в переходе к НЭПу временное решение было найдено; союз с крестьянством был закреплен столь надежно, что мог продержаться до того момента, пока пролетарская революция, которая разразится в Европе, поможет борющемуся российскому пролетариату. Однако тогда, в момент оконча-

тельного ухода со сцены Ленина, это предположение впервые подверглось серьезному испытанию. В результате бешеных колебаний рыночных цен в экономике вновь возникла напряженность, на фоне которой образовалась новая трещина между промышленностью и сельским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством, что поставило под сомнение надежность компромисса, достигнутого новой экономической политикой.

Мы уже указывали на некоторую непоследовательность в подходе к НЭПу, обнаруживающуюся в заявлениях партии и самого Ленина, — непоследовательность, которая проистекала из двойственного положения крестьянства: с одной стороны, крестьянство было необходимым союзником пролетариата, а с другой — последним препятствием, которое необходимо преодолеть на пути к социализму¹. Ленин был твердо уверен, что на раннем этапе НЭПа подобные аномалии неизбежны: «Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные, небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих; полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у большинства. Противоречий стало больше. И понятно, что, пока мы переживем крутую ломку, из этих противоречий выскочит сразу нелзя»².

Когда на XI съезде РКП(б), состоявшемся весной 1922 г., уступив тем, кто предсказывал, что НЭП будет иметь пагубные последствия для промышленности, Ленин провозгласил конец «отступления»³, отсюда сам собой напрашивался вывод о том, что уступок крестьянству больше не будет. Однако здесь же на съезде Ленин особо подчеркнул необходимость «восстановить смычку», помочь «разоренному, обнищалоу, мучительно голодающему» мелкому крестьянству — либо «он нас пошлет ко всем чертям»⁴. В своем докладе на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. — это было предпоследнее публичное выступление Ленина — он сказал и то, и другое: и что крестьянство довольно своим настоящим положением, и что необходимы государственные субсидии тяжелой промышленности («Если мы их не найдем, то мы погибли») ⁵. Неделию спустя в своем последнем выступлении Ленин говорит об отступлении как о продолжающемся явлении и откровенно заявляет: «Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем»⁶.

В одной из своих последних статей, написанных в январе 1923 г., Ленин характеризует советский строй как строй, который «основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян», и разъясняет основную задачу партии: «Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания неизбежности такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том,

чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», то есть новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними»⁷.

Таким образом, если в 1922 г. Ленин провозглашал требование возобновить продвижение к социализму, то его последним указанием стало — любой ценой крепить смычку с крестьянством, ибо этот компромисс станет залогом будущего благополучия. Но если возникнет кризис, в результате которого этот компромисс перестанет устраивать одну из сторон и потребует дальнейших уступок, то и тогда всякий курс сможет быть подкреплён подходящей цитатой из этого теоретического источника.

Первые признаки кризиса появились зимой 1922/23 г., когда условия товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью, доселе благоприятные для первого, начали медленно, но неуклонно складываться в пользу промышленности. НЭП дал возможность крестьянству оправиться после лишений и террора военного коммунизма, позволив крестьянину драть три шкуры с горожанина за свои продукты. Закон о трудовом землепользовании, принятый в мае 1922 г. и подтвержденный новым Земельным кодексом РСФСР в конце того же года, давал крестьянину уверенность в праве на пользование землей⁸, а шаги, предпринятые для восстановления ортодоксальной финансовой системы и стабилизации рубля, обещали дать крестьянину защиту от денежной инфляции, которая ложилась тяжелым бременем именно на него. В результате высокого урожая 1922 г. крестьянство впервые со времени революции стало более зажиточным и, как отмечал Ленин, вполне довольно своим настоящим положением⁹. Остановился и пошел вспять процесс уравнивания пашни и инвентаря между различными категориями крестьян, начатый Октябрьской революцией и усугубившийся в связи с реквизициями периода военного коммунизма. Неконтролируемый характер принимает присущая НЭПу тенденция расслоения крестьянства. На одном конце шкалы были бедные крестьяне, которые, чтобы прожить, были вынуждены отдавать свою землю в аренду или наниматься батраками; на другом конце — кулаки, производившие большие излишки хлеба для продажи на рынке. Широкое распространение, которое получила среди крестьянства практика аренды земли и найма рабочей силы, в первые годы революции державшаяся под контролем, была симптомом этого расслоения¹⁰. Согласно статистике, представленной Всеработземлесом (Всероссийский союз работников земли и леса. — *Ред.*), в конце 1923 г. 400 тыс. крестьян, или два процента дворов, имели 600 тыс. наемных рабочих¹¹. Обе цифры, несомненно, сильно занижены. Но соотношение численности наемных рабочих к численности нанимателей показывает, что процесс зашел еще не слишком далеко. На данный момент картина зажиточного

и довольного крестьянства, оставившего навсегда позади ужасы реквизиций и военного коммунизма, была, в общем, близка к правде; доводы о том, что крестьянину необходимо предоставить некоторую свободу действий казались неопровержимыми. К концу 1922 г. в результате прекрасного урожая в первый раз со времени революции удалось экспортировать небольшое количество хлеба; начали раздаваться голоса, призывавшие остановить прогрессирующее падение хлебных цен путем увеличения экспорта хлеба. Наркомфин, в то время главный выразитель интересов крестьянства, теперь к тому же озабоченный тем, чтобы создать запасы иностранной валюты в Госбанке, решительно высказался за экспорт хлеба. По инициативе Наркомфина X Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1922 г., выступил с рекомендацией увеличить экспорт хлеба и сырья¹². Постановление от 17 января 1923 г. предусматривало беспрецедентное по своим масштабам распределение семян крестьянам; в постановлении говорилось о расширении посевных площадей, «являющихся основой как крестьянского, так и всего государственного благополучия». Другим постановлением сельскохозяйственным иммигрантам были обещаны наделы в окраинных районах, где земля в изобилии¹³.

В промышленности все складывалось не так хорошо, как в сельском хозяйстве, хотя бы по той причине, что если в сельском хозяйстве богатый урожай 1922 г. позволил достигнуть около трех четвертей довоенного уровня в пересчете на ту же посевную площадь, то валовая продукция промышленности за тот же период составила чуть меньше четверти довоенной¹⁴.

Если в какой-то мере удалось предвидеть те процессы, желательные или неизбежные, которые переход к НЭПу вызовет в сельском хозяйстве, то в промышленности все обстояло гораздо сложнее. Это озадачивало. Промышленность подразделялась на три категории. Первая включала сельскохозяйственную и мелкую кустарную промышленность главным образом в сельской местности. Импульс, приданный НЭПом сельскому хозяйству, благотворно сказался на этой категории промышленности, которая начиная с 1921 г. восстановилась гораздо быстрее, чем крупная промышленность и отчасти за счет этой последней¹⁵. Но такой тип развития обещал сделать хозяйства села более самостоятельными, укрепить кулацкие элементы в деревне и разрушить ту «смычку» между крестьянством и пролетариатом, между городом и деревней, которую имел целью НЭП. Вторая категория включала промышленность, работающую на массовый рынок: летом 1922 г. благодаря созданию квазимонополистических синдикатов легкая промышленность преодолела кризис разбазаривания, пришедшийся на прошедшую зиму¹⁶; но теперь она стояла на пороге нового кризиса как следствия инфляции цен, сопутствовавшей этому процессу. Третья категория включала тяжелую промышленность, производящую средства производства, необходимые для функционирования экономики в целом, но не работающую прямо на

массовый рынок. В эту категорию входили: металлургическая промышленность, тяжелое машиностроение и химическая промышленность, а также горнодобывающая и транспорт. Две категории крупной промышленности четко различались по методу их финансирования. С того момента как в конце 1921 г.¹⁷, когда возобновила свою деятельность банковская система, предприятия легкой промышленности кредитовались Госбанком и Промбанком на коммерческих основах и в соответствии с их прибыльностью. Тяжелая промышленность и транспорт, убыточные и не могущие получать банковские кредиты, как и прежде существовали за счет прямых государственных субсидий, часть которых шла на образование фонда заработной платы, закупки сырья и оборудования¹⁸. Без подобных субсидий и услуг функционирование народного хозяйства было бы парализовано.

Поэтому, когда обе категории крупной промышленности оказались в 1923 г. в состоянии кризиса, свою роль сыграли абсолютно разные обстоятельства. С осени 1921 г. предприятия легкой промышленности постоянно призывали к переходу на хозрасчет, и при этом их предупреждали, что эффективность работы предприятия будет измеряться его прибыльностью. Благодаря широким кредитным возможностям и своему монопольному положению синдикаты взвинчивали цены и получали значительные прибыли. К лету 1923 г. они расширили свое производство, создали оборотные фонды и восстановили основной капитал. Придаться к ним было непросто. Принятый незадолго до XII съезда партии официальный декрет, установивший статус промышленных трестов, определил их как предприятия, которые действуют «с целью извлечения прибыли»¹⁹. В конце июля 1923 г. ВСНХ издал приказ, в котором повторялись и уточнялись положения декрета, и, в частности, говорилось о том, что получение прибыли является «руководящим началом деятельности трестов»²⁰. Однако именно эта политика привела, или, скажем, в большой мере способствовала возникновению кризиса «ножниц».

Положение, создавшееся в тяжелой промышленности, было значительно более серьезным. В 1922 г. она едва встала на ноги, чуть поднявшись над низким уровнем двух предшествующих лет²¹. В гораздо большей степени, чем легкая, тяжелая промышленность страдала от той всемерной недостаточности, которая была прямым результатом империалистической войны, революции и гражданской войны: устарелое и изношенное оборудование, нехватка сырья, распыление и без того скудных ресурсов квалифицированной рабочей силы, непомерно разбухшие непроизводительные затраты²². Пока шла гражданская война, ни о какой серьезной реорганизации промышленности с учетом изменившихся условий нельзя было и думать; а политика НЭПа на своей начальной стадии не предусматривала мер по централизации промышленности. Поэтому на заре НЭПа, даже после создания трестов, тяжелая промышленность являла собой печальное зрелище малой

загруженности большинства заводов и фабрик²³. Ни одна из мер, которые позволили легкой промышленности, оправившись после первого потрясения, приспособиться к коммерческим условиям и вступить на путь некоторой реорганизации и рационализации, чтобы удовлетворить потребности оживающего рынка, не годилась для тяжелой промышленности, производящей средства производства. Необходимость рационализации здесь была более насущной, чем где бы то ни было: в качестве первого шага в деле спасения тяжелой промышленности нужно было сконцентрировать ограниченный объем производства на наилучше оборудованных и наиболее эффективных предприятиях. Но это повлекло бы за собой массовые увольнения квалифицированных рабочих, которые составляли ядро классово сознательного пролетариата, основной оплот большевизма в рабочем классе. Руководители партии долго не решались пойти на эту жестокую, но необходимую хирургическую операцию²⁴. В феврале 1923 г. постановлением (Президиума) ВСНХ была образована комиссия по концентрации промышленности²⁵. Но эффективные меры по концентрации производства также предполагали с точки зрения ближайших результатов дополнительные капитальные затраты и повышали требования к государственному бюджету. Этих сложностей избежать было нельзя. В условиях отсталой российской экономики (где вряд ли можно было ожидать, что накопление капитала произойдет в результате добровольных сбережений), нельзя было восстановить тяжелую промышленность без государственного участия, без государственных кредитов и без радикального процесса реорганизации, непосредственные результаты которой должны были лечь тяжким бременем на рабочий класс.

С какой бы стороны ни смотреть, балансовый отчет НЭПа в разделе промышленности был донельзя тревожным. НЭП стимулировал те примитивные и отсталые местные производства, которые во всякой развитой экономике естественно вытеснялись, но не мог ни в чем помочь тяжелой промышленности, которая составляет главный ключ промышленного прогресса; НЭП позволил существовать промышленности, работающей на массовый рынок, что тяжело отражалось на крестьянстве и в конечном счете грозило разрушить тот баланс между городом и деревней, который был главной целью политики НЭПа.

Положение в сфере торговли и сбыта было не менее тревожным, чем в промышленности. Оно вызывало беспокойство с двух точек зрения. Во-первых, НЭП породил массу частных торговцев, которые в условиях «военного коммунизма» владели нелегальное существование, к тому же способствовали их росту. В силу этого огромный объем розничной торговли теперь находился в частных руках. То были крупные и мелкие нэпманы, чья энергия и предприимчивость в условиях свободной конкуренции сильно потеснила государственные торговые органы и кооперативы. Подсчеты, сделанные в начале 1924 г., показывают, что 83,4% розничной торгов-

ли было в частных руках, 10% приходилось на долю кооперативов и только 6,6% оставалось на долю госорганов и учреждений²⁶. Сами советские тресты часто пользовались посредничеством нэпманов как агентов при совершении сделок; известно также, что тресты давали большие скидки частникам, чем госорганам; в адрес Госбанка высказывались порой обвинения в том, что он отдавал предпочтение кредитованию частных капиталистов²⁷. Также раздавались жалобы, что тресты и другие хозяйственные органы защищают своих посредников — нэпманов от сборщиков подоходного налога Наркомфина, отказываясь под предлогом «коммерческой тайны» давать сведения о получаемых ими платежах²⁸. Сколь бы аномальными ни казались подобные явления на первый взгляд, они вовсе не были чем-то неожиданным. Как только хозяйственный расчет и свободная конкуренция стали на повестку дня, обученные и опытные в делах торговцы стали пользоваться любым преимуществом над созданными заново и на бюрократической основе торговыми органами, и даже над кооперативами. В частности, это происходило еще и потому, что эффективность и самостоятельность кооперативов была подорвана в долгой борьбе с государственными органами. Пришлось признать, что цены на товары в частном секторе были, как правило, ниже, чем в государственных магазинах; и Лежава, председатель Наркомвнуторга, говоря о частнике, привел известную русскую поговорку: «С паршивой овцы шерсти клок»²⁹.

Во-вторых, причиной для беспокойства была высокая себестоимость и низкая эффективность механизма сбыта в целом, будь то частный или государственный сектор. Неэффективность сбыта происходила из тех же причин, что и низкая производительность в промышленности. Ликвидировать разруху и распад общества, вызванные опустошительным смерчем мировой войны, революции и гражданской войны, было с точки зрения человеческих и материальных ресурсов нелегкой задачей. Индексы оптовых и розничных цен, выработанные на основе соответствующих цен 1913 г., показывали, что разрыв между оптовыми и розничными ценами увеличился с того времени на 20% и в течение всего 1923 г. еще продолжал увеличиваться³⁰. Если Наркомфин виновниками высоких цен на промышленные товары продолжал считать тресты и синдикаты, то более популярным козлом отпущения был посредник. Печать 1923 г. пестрит жалобами, очевидно, вполне обоснованными, на то, что товары проходят свой путь от фабрики до потребителя через множество рук и на то, что прибыли и комиссионные извлекаются на каждом этапе. Поскольку возрождение торговли было существенным условием НЭПа, естественно, что первый серьезный кризис новой экономической политики должен был принять форму кризиса цен.

Критика в адрес новой экономической политики, поначалу еще во многом глухая и невнятная, стала раздаваться все более и более настойчиво зимой 1922/23 г. В ней содержалось требование

в первую очередь прийти на помощь тяжелой промышленности. Орган СТО газета «Экономическая жизнь» в передовой статье от 25 января 1923 г. потребовала сократить расходы бюджета (о какой именно статье бюджета шла речь, не было сказано), чтобы высвободить фонды для помощи тяжелой промышленности. Представитель промышленности протестовал на страницах газеты «Труд» в номере от 10 марта 1923 г. против доводов тех, кто ратовал за дальнейшее государственное вмешательство в пользу крестьянства за счет промышленности: промышленность «требуется от государства не уменьшения протекционизма, а наоборот — его увеличения». Но как только подобные призывы обретали конкретную форму, сразу же напрашивались выводы, идущие вразрез с официальной линией партии. Поскольку внять этим доводам — значило пойти на увеличение дефицита бюджета, на дальнейшее разбухание объема бумажных денег или на усугубление лежащего на крестьянство бремени налогов, 1923 г. стал годом неугасающей и жестокой борьбы между Наркомфином, с одной стороны, — последний теперь держал курс на финансовую реформу и сбалансированный бюджет и поэтому был намерен любой ценой срезать государственные субсидии промышленности — и, с другой стороны, теми, кто считал, что восстановление тяжелой промышленности посредством одновременно осуществляемых процессов ее концентрации и экстенсивного развития (и то, и другое требовало капитальных вложений) было бы в конечном счете единственным путем к экономическому возрождению и продвижением к социализму. Поскольку восстановление тяжелой промышленности находилось в тесной зависимости от развития планирования, вторая точка зрения находила своих наиболее ярых поборников в Госплане. На это возлагал все свои надежды также и Троцкий³¹. В ответ на требование Наркомфина сократить расходы представитель Госплана возразил, сказав, что те сокращения достойны похвалы, которые приводят к тому, чтобы не получился «застой в народном хозяйстве и значительные трудности его восстановления, в результате дальнейшего разрушения транспорта и тяжелой промышленности», и что трезвая политика развития промышленности приносится в жертву финансовым соображениям³².

Однако кампания за увеличение экспорта, которую горячо поддерживал Наркомфин и которая преследовала двойную цель — помочь крестьянству и создать резервы золота и иностранной валюты — встречала противодействие в Госплане, где большинство членов президиума не сдавало своих позиций, будучи твердыми приверженцами политики низких цен на продовольственные товары и планового развития промышленности. Струмилин изложил убедительные доводы против экспорта хлеба. Он обрисовывал опасность возвращения России ее прежнего статуса «сельскохозяйственной колонии буржуазного Запада» со всеми вытекающими отсюда последствиями — гибели русской промышленности и новой зависимости России от капиталистического мира. Он отметил, что

только зажиточные крестьяне, которые продают хлеб, — а их не более чем 15—20% от общей массы — выиграют от повышения цен; основная же масса крестьянства либо едва сводит концы с концами, либо покупает хлеб. Во всяком случае, по Струмилину, «элементарная истина» состояла в том, что необходимой предпосылкой здорового прогресса сельского хозяйства является прогресс городской промышленности³³. Но эти теоретически сильные доводы долгосрочного характера немногого стоили в глазах политических руководителей, оказавшихся лицом к лицу с острой необходимостью дать достаточно мощный экономический стимул крестьянству для производства продуктов, накормить город и обезопасить в какой-то мере самих себя от недовольства населения, вызванного ростом цен. Возросшие возможности экспорта хлеба казались в условиях НЭПа удобным и наиболее эффективным средством для достижения этой жизненно важной цели.

В первые месяцы 1923 г. критика в адрес экономической политики раздавалась в партии с двух сторон, причем эта критика исходила от ответственных работников. Первая группа критиков была озабочена неблагоприятным воздействием, которое НЭП оказывал на тяжелую промышленность, и в первую очередь они искали возможность ослабить это воздействие через расширение государственных субсидий, а если станет необходимо, то пойти на ограничение тех льгот, которые НЭП давал крестьянству, или на увеличение налогового бремени на него. Преображенский, ревностный разоблачитель недостатков и аномалий НЭПа³⁴, критиковавший Ленина еще в декабре 1921 г. за то, что Ленин назвал «военный коммунизм» ошибкой, и доказывавший, что «этот неудачный термин может привести к дальнейшим ошибкам в смысле нахождения ошибок в целях революции»³⁵, был выдающимся теоретиком этой группы; Пятаков, заместитель председателя ВСНХ — ее способнейшим представителем в хозяйственных органах. Троцкий был ближе к позиции этой группы, но полностью ее не разделял. Он всем сердцем принимал НЭП и фактически был первым, кто предложил эту политику³⁶. Троцкий, настаивавший на том, что цель НЭПа «есть использование рабочим государством методов, приемов и учреждений капиталистического общества для построения или для подхода к построению социалистического хозяйства»³⁷, был склонен приветствовать любые меры, которые означали конец «отступления». Эта позиция увязывалась с его излюбленным тезисом о необходимости планирования, ибо планирование было условием восстановления тяжелой промышленности и потому возобновление продвижения к социализму³⁸. Не случайно, что Троцкий к зиме 1922/23 г. стал выразителем интересов промышленности в Политбюро, где он не раз излагал требование о необходимости более щедрой политики кредитования³⁹. Это явилось достаточным основанием для тех, кто в 1923 г. начал обвинять Троцкого в «недооценке» крестьянства, и хотя обвинение было не вполне доказательным в той форме, в которой

оно делалось, позднее оно приняло и вовсе несообразные размеры по сравнению с той крупницей правды, которая в нем содержалась.

Вторая группа, где самым видным из партийцев был Красин, пользовавшийся широкой поддержкой управленцев и хозяйственников⁴⁰, считала непрактичным или нежелательным отбирать слишком много у крестьянства и возлагала надежды на иностранные кредиты. Эта группа не только безоговорочно принимала НЭП, но и стремилась довести его до логического конца, который виделся в большей сговорчивости в отношении с капиталистическими странами. Уязвимость этой позиции заключалась в том, что опыт Гаагской и Генуэзской конференций показал, сколь жесткими были условия, на которых можно было получить иностранные кредиты. К тому же Ленин, который вопреки совету Красина⁴¹ отверг соглашение о сдаче предприятий в концессию Уркарту, явно этой политики не приветствовал.

Таково было положение вещей, когда через несколько недель после поразившего Ленина второго сильного удара, последовавшего 9 марта 1923 г., в спешке шли приготовления к XII съезду⁴². В ходе предварительных обсуждений в Политбюро Троцкий упомянул о своих «разногласиях по хозяйственным вопросам» с большинством, но он столкнулся с тем, что другие члены Политбюро не склонны обсуждать эти разногласия, более того — не хотят признать существование таковых⁴³. Но время еще не настало; сами вопросы еще были не вполне ясны, и пока была надежда, что Ленин еще может вернуться к работе и сказать свое слово в партийных дискуссиях, никто не хотел серьезно вникать в эти проблемы. В соответствии с предшествовавшей практикой проект резолюций по основным вопросам, которые должны были быть вынесены на обсуждение съезда, был подготовлен Политбюро и отражал коллективный характер его руководства. Было решено, что основной политический доклад о работе ЦК за истекший год сделает Зиновьев, Троцкий должен выступить с докладом о промышленности, а Красин — с докладом о налогообложении крестьянства. Согласованный текст содержал некоторые расхождения в нюансах, но без открытого столкновения. В ходе работы съезда по основным экономическим вопросам выступали и другие члены партии, в том числе лица, занимавшие руководящее положение. Но достигнутое в Политбюро предварительное соглашение воздержаться от радикальных и спорных решений ограничило размах дискуссий. Несмотря на такие ограничительные рамки, партийное руководство не пожалело трудов, чтобы защитить крестьянство, а вопрос об укреплении его «смычки» с пролетариатом, на что нацеливала политика НЭПа, стал основным вопросом, обсуждавшимся на съезде. Накануне съезда официальный орган СТО газета «Экономическая жизнь» провозгласила, что вопросы об экспорте хлеба и об ослаблении налогообложения крестьянства являются

двумя важнейшими вопросами, стоящими на съезде⁴⁴. В качестве символического жеста 30 непартийных крестьян было допущено на заседание съезда⁴⁵. Зиновьев, главный докладчик партии, выступил защитником интересов крестьянства. Он мягко отклонил обвинения в «крестьянском уклоне», заявив, что если политика ЦК — это уклон, то Ленин, породивший НЭП, первый повинен в этом, ибо он отстаивал «крестьянский уклон». Крестьянин — ключ ко всему. Налогообложение не должно слишком давить на него; экспорт хлеба следует поощрять, чтобы поднять на него цены; национальный вопрос на окраинных территориях должен решаться с учетом настроений крестьянства; поставить вопрос о дешевом госаппарате; даже антирелигиозную пропаганду нужно вести так, чтобы «не дразнить крестьян»⁴⁶. В одном месте доклада Зиновьев как бы признает уязвимость НЭПа, проводя полушутливое различие между термином «новая экономическая политика» и словом «НЭП», при котором рисуется «нэпман и его неприятные черты». Но сущностью его выступления стал осторожный вердикт в пользу статус-кво.

«Важно только то, товарищи, чтобы мы по-прежнему продолжали смотреть на нэп правильными глазами, чтобы мы ясно сознавали, что тут дело идет о смычке с крестьянством, а не с нэпманом, и чтобы мы понимали, что нам надо дать отпор всем тем, которые в этом видят так называемый „крестьянский уклон“»⁴⁷.

В первой резолюции съезда содержалось признание того, что «сельское хозяйство еще долго останется основой хозяйства Советской страны», и высказывалась поддержка в деле экспорта хлеба, ибо решение этой задачи послужит «стимулом крестьянству для увеличения запашек» и даст возможность повысить цены на хлеб. Еще раз подчеркивалась необходимость «охранять и развивать союз рабочего класса с крестьянством». В области промышленности было рекомендовано навести порядок в своем хозяйстве: «...удельный вес госпромышленности во всей экономике страны может увеличиваться лишь постепенно и лишь при неуклонной и систематической работе партии над улучшением организации промышленности, повышением ее прибыльности и т. д.»⁴⁸.

На одном из последних заседаний Каменев подкрепил эту доктрину, предложив отдельную резолюцию по налогообложению крестьянства. В своей речи, обильно оснащенной цитатами из Ленина, Каменев разъяснил, что «вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в советской стране» есть «основной вопрос пролетарской диктатуры в нынешнее время». Декрет о земле 25 октября 1917 г. был первым «договором» между ними; введение продналога при НЭПе было вторым договором. Тезис о необходимости ослабить налоговое бремя на крестьянство Каменев подкрепляет ссылкой на последнюю опубликованную статью Ленина и на сообщение Фрунзе о «сильном недовольстве крестьянства политикой Советской власти» в Иваново-Вознесенской губернии. Конкретными предложениями были следующие: придать натуральному налогу

частично денежную форму; унифицировать налоги и поднять цены на хлеб через стимулирование его экспорта. Каменев напомнил, что «здесь идет последний бой» между капиталом и коммунизмом. Не на полях сражений гражданской войны, «а именно в сфере крестьянской экономики»⁴⁹.

В более кратком, но зато более конкретном выступлении Сокольникова были приведены некоторые цифры. Налогообложение крестьян за прошедший год составило 390 млн. золотых рублей; размеры обложения на предстоящий 1923/24 фин. г. было предложено поднять до 400 млн., но поскольку посевная площадь будущего года должна увеличиться на 16—18% по сравнению с посевной площадью прошедшего года, это дало бы значительное снижение налоговой тяжести на отдельного крестьянина⁵⁰. В резолюции нашло свое отражение решение съезда ослабить налоговую тяжесть на крестьянство. Резолюция предусматривала следующие меры: облегчить тяготы налогообложения крестьянина, предложив ему платить налоги либо наличными деньгами, либо в натуральном виде, унифицировав все существующие налоги в «единый прямой сельскохозяйственный налог»; при установлении размера налога учитывать не только местные, но и индивидуальные условия хозяйства. Должностным лицам было предписано проявлять исключительное внимание при разъяснении необходимости и цели налоговой политики крестьян в благожелательной форме⁵¹.

На промежутке между этими впечатляющими выступлениями Зиновьева и Каменева в защиту крестьянства, которые были в начале и почти конце заседаний съезда, приходятся претензии тех, кто в дискуссиях, развернувшихся по докладам Зиновьева и Троцкого о промышленности, выступал с критикой налоговой политики. Ларин в речи, полной личных выпадов, которая явно настроила съезд против него, предложил увеличить на 20% налогообложение деревни, чтобы обеспечить правильное распределение ресурсов между промышленностью и сельским хозяйством. Это была апология промышленности в своей крайней и обнаженной форме. Красин представил доводы в защиту развития промышленности с другой точки зрения. В появившейся незадолго до того статье в газете «Правда», вокруг которой разгорелись страсти, Красин возражал против чрезмерного государственного вмешательства в дело управления промышленностью и поставил цель: «Максимум производства и минимум контроля»⁵². В своем выступлении на съезде он скептически высказался как насчет возможности относительно помощи крестьянину, так и относительно развития промышленности собственными силами, и продолжал упорно настаивать на получении иностранных кредитов и концессий. Уязвимость его аргументов состояла в том, что, хотя никто не оспаривал желательность этого средства, немногие верили в его практическое осуществление на условиях, которые были бы приемлемы для режима⁵³. Преображенский с его взглядами на сравнительный удельный вес промышленности и сельского хозяйства в

политике большевиков, противоположными взглядам Зиновьева, ограничился сожалением по поводу отсутствия принципиальной резолюции о будущей судьбе НЭПа. Затем он высказал резкую критику в адрес политики уступок иностранному капиталу, предложенной Красиным, охарактеризовав ее как «коренную опасность»⁵⁴. Оппозиция экономической политике, выработанной Политбюро и представленной на рассмотрение Зиновьевым, сильно выдохлась к тому моменту, когда Троцкий приступил к своему докладу о промышленности.

Троцкий начал с разъяснения, что его доклад не представляет собой отчета о развитии промышленности за истекший год, а имеет «директивный характер». Однако он скорее был аналитическим, чем директивным. Троцкий был явно связан, с одной стороны, собственным нежеланием бросать вызов большинству в Политбюро, а с другой — достигнутым компромиссом, который был не столько компромиссом, сколько договоренностью скрыть имевшиеся разногласия. Выводы, которые проистекали из его анализа, были диаметрально противоположны выводам Зиновьева. Но Троцкий воздержался от прямых заключений, во всяком случае, в такой форме, которая бы сделала очевидной его оппозицию. И все же доклад Троцкого явился дальнейшим развитием его взглядов того времени. По определению Троцкого, НЭП имел две основные задачи: подтолкнуть развитие производительных сил страны и направлять эти производительные силы в русло рабочего государства на социалистический путь⁵⁵. Обмен продукции между сельским хозяйством и промышленностью, развитию которого должен бы содействовать НЭП, означал, что промышленность должна производить потребительские товары. Этот обмен вызвал быстрый подъем кустарно-ремесленного производства и легкой промышленности (в частности, текстильной), работающей на внутреннего потребителя. Тяжелая и средняя промышленность дали ничтожное повышение; частный капитал сюда не проник.

Задача следующего периода состоит в том, чтобы общехозяйственное оживление, которое принес с собой НЭП в легкую промышленность, распространить на тяжелую промышленность, и «отводить на мельницу социализма максимальную часть того, что мы условно назовем прибавочной стоимостью, создаваемой всем трудовым населением нашего Союза»⁵⁶.

Достигнув этого критического пункта, Троцкий делает отступление, благодаря которому его речь стала знаменитой, тогда как остальная ее часть была благополучно забыта. Он представил диаграмму, показывающую соотношение цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами, начиная с лета прошлого года. Две линии сходились и пересекались в сентябре 1922 г. (это соответствовало общему индексу довоенного положения), и с этой точки они начинали расходиться все более широко, что придавало диаграмме вид открытых ножниц⁵⁷. «Ножницы» давали картину быстрого повышения с осени 1922 г. цен на про-

мысленные товары и одновременного понижения установившихся после перехода к НЭПу цен на сельскохозяйственную продукцию⁵⁸. Согласно диаграмме Троцкого, цены промышленных товаров в марте 1923 г. были на 104% выше уровня 1913 г., тогда как сельскохозяйственные цены упали ниже 80%⁵⁹, и этот раствор «ножниц» стремительно расширялся. Характер кризиса какое-то время был замаскирован прогрессирующей инфляцией, поскольку неслыханный рост всех цен по существовавшему курсу в рублях был более подозрителен, нежели меньшее по размеру, но более существенное расхождение между темпами роста цен на различные товары. Доклад Троцкого и его диаграмма впервые раскрыли глаза многим делегатам на характер кризиса. Демонстрация диаграммы позволила Троцкому взять в качестве отправного пункта для своих практических выводов тот аспект экономической ситуации, где самые пылкие поборники крестьянства были наиболее уязвимы с точки зрения необходимости государственного вмешательства. Рост цен на промышленные товары подрывал в корне самую суть тогдашней экономической политики, он угрожал лишить крестьян адекватного товарообмена, который НЭП стремился обеспечить им, и показывал ошибочность предположения о том, что можно без опасений предоставить свободно развиваться рыночным процессам. Но эти радикальные выводы пока не были сделаны даже самим Троцким. Термин «кризис „ножниц“» был вполне адекватен для обозначения экономического кризиса 1923 г. в целом, а резкие колебания цен были лишь частью его симптомов.

Затем Троцкий переходит к своим выводам, которые были предварительно согласованы в Политбюро и нашли свое отражение в проекте резолюции. Первый вывод, который был абсолютно неопровержим, это развитие экспорта хлеба. Второй, который был принят в принципе, хотя его осуществление представлялось весьма трудным и спорным, это повышение эффективности промышленности через ее концентрацию и снижение накладных расходов — процесс, который был связан с развитием более строгой и аккуратной отчетности. Проблема безработицы рассматривалась как второстепенная. Троцкий признал, что «необходимость увольнять рабочих и работниц» — это «твердый, очень твердый орех», но считал это гораздо меньшим злом, чем «замаскированная безработица» неэффективного производства. Вопрос о повышении заработной платы не представлял «каких-либо принципиальных затруднений» и был разрешен в одном абзаце ссылкой на комиссию, которая недавно была организована под председательством Рыкова и сняла назревшие «недоразумения между хозяйственниками и профессионалистами»⁶⁰. Единственной конкретной рекомендацией в этой области было выравнивание заработной платы между легкой и тяжелой промышленностью, чтобы избыток прибыли в легкой промышленности содействовал повышению заработка всего рабочего класса. Более деликатным был спорный вопрос о финансировании промышленных предприятий. Программа

финансирования устанавливается ВСНХ под надзором СТО. Поэтому «финансовый насос» должен быть в руках ВСНХ, а кредиты должны предоставляться Торгово-промышленным банком, который является филиалом Государственного банка. В результате этой меры финансирование будет совершенствоваться не с точки зрения скорой прибыльности, а с точки зрения заглядывания вперед на ряд лет⁶¹.

Троцкий завершил свой доклад пространным изложением принципов планирования, которые он сам, видимо, считал существенной частью своего анализа, тогда как делегаты восприняли это как теоретический и утопический эпилог. Он начал с того, что попытался показать, как плановое хозяйство неизбежно вырастает из текущих потребностей и практики. Основы плановой экономики были уже заложены тремя факторами, которые не могут соответствовать законам рынка — Красная Армия («Армия есть плановое хозяйство»), транспорт и тяжелая промышленность («которая работает у нас либо на транспорт, либо на армию, либо на другие отрасли государственной промышленности...»). В этой области планирование означает не больше чем необходимое предвидение и согласование. Троцкий напоминает, что еще на IX съезде партии в далекие дни «военного коммунизма» возникла идея «единого хозяйственного плана»⁶²: сперва «производить только средства производства для производства средств производства, потом средства производства для производства предметов потребления, потом предметы потребления». Роль планирования в конечном счете состоит в том, чтобы победить НЭП. «Новая экономическая политика нами установлена всерьез и надолго, но не навсегда... „Новую“ политику мы завели для того, чтобы на ее основе и в значительной мере ее же методами победить ее... В конечном счете это плановое начало мы распространим на весь рынок, тем самым поглотив и уничтожив его. Другими словами, наши успехи на основе новой экономической политики автоматически приближают ее ликвидацию, ее замену *новойшей* экономической политикой, которая будет социалистической политикой».

Но за счет чего будет осуществляться этот прогресс планирования? Троцкий цитирует брошюру, представленную на съезд в качестве одного из подготовительных материалов, об организации государственной промышленности на частном примере Подмосквовного бассейна: «Рабочий класс, стоя у власти, имеет возможность, когда это вызывается классовыми интересами, предоставлять промышленности кредит за счет рабочей платы». «Другими словами,— говорит Троцкий,— могут быть моменты, когда государство заработка не выплачивает или платит только половину, и ты, рабочий, кредитуешь свое государство за счет заработной платы». Таким образом, если рабочий класс не даст прибавочной стоимости в распоряжение своего государства, то оно не пойдет вперед к социализму. Открестившись таким образом от нападок на партийное руководство, которые делаются от имени рабочих, Троцкий завер-

шил свой доклад упоминанием о неизбежных трудностях «стадии первоначального социалистического накопления»⁶³.

Доклад стремился охватить все и вся, а последовавшее затем его обсуждение было скомкано и не доведено до конца. Ни один из ведущих руководителей партии не принял участия в обсуждении, никто из выступавших делегатов не заострил вопроса, за исключением Чубаря, рабочего и старого большевика, который брюзгливо отметил, что тогда как рабочие и крестьяне «кредитуют свое государство», отказываясь от части своей платы, «буржуазные спецы» хотят лишь «сорвать то, что поможет им встать прочнее на ноги как собственникам». Лядов, другой старый большевик, безоговорочно отстаивал тяжелую промышленность и высказал пожелание «избавить» ее «от власти НЭПа»⁶⁴. Резолюция после некоторых незначительных поправок была единодушно принята съездом. Она начиналась с констатации того, что «только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диктатуры». Но затем непосредственно шло упреждающее определение: «Сельское хозяйство, несмотря на то, что оно все еще находится у нас на низком техническом уровне, имеет первенствующее значение для всей экономики Советской России»⁶⁵. Продолжительность подобного положения вещей будет определяться в основном «ходом развития за пределами России, т. е. прежде всего ходом революции на Западе и Востоке». Что касается тех мероприятий, которые должны проводиться в стране, осторожно было сказано, что они должны носить «постепенный характер». Резолюция осталась главным образом на безопасной почве общих принципов. С одной стороны, возрождение государственной промышленности зависит от сельского хозяйства, поскольку «необходимые оборотные средства должны образоваться в сельском хозяйстве в качестве избытка сельскохозяйственных продуктов над потреблением деревни». С другой стороны, «вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости есть вопрос о судьбе Советской власти, то есть о судьбе пролетариата», и развитие промышленности «есть... условие развития нашего сельского хозяйства в социалистическом, а не в капиталистическом направлении». Значительный абзац отразил основную проблему НЭПа, но не указал на ее решение:

«Взаимоотношения между легкой промышленностью и тяжелой никак не могут разрешиться только рыночным путем, ибо это фактически грозило бы в ближайшие годы разрушением тяжелой промышленности, с перспективой восстановления ее затем в результате стихийной работы рынка, но уже на основах частной собственности».

Выводы из доклада Троцкого об экспорте хлеба, о рационализации промышленности и ее финансировании и о принципах планирования были должным образом отражены в резолюции — иногда в чуть более обтекаемых выражениях, нежели те, что использовал докладчик. Никаких уступок не было сделано тем, кто видел в

кредитах для промышленности панацею. «Жалобы на *недостаток оборотных средств*» свидетельствуют лишь о том, что государство взяло на себя при переходе к НЭПу ведение большего количества промышленных предприятий, чем ему это под силу при общем хозяйственном состоянии страны»; что «выход из положения лежит на пути „радикальной *концентрации производства* на технически наилучше оборудованных и географически наилучше расположенных предприятиях”». Особое благословение получил принцип единоначалия⁶⁶. Внимание было также привлечено к необходимости усовершенствования торгового аппарата, путем повышения его эффективности и сокращения накладных расходов. Но ничего более радикального, нежели изучение опыта, не было предложено. В целом резолюция скорее носила характер декларации принципов, нежели политических решений⁶⁷.

XII съезд партии представляет собой беспрецедентную победу сторонников экономического статус-кво. Троцкий дал анализ трудностей, которые стояли на пути развития тяжелой промышленности, но воздержался от радикальных выводов, которые были бы прямым вызовом большинству Политбюро. Он поразил воображение делегатов съезда проблемой «ножниц», но не попытался представить эту проблему как широкомасштабный кризис или симптом глубоко укоренившейся болезни. Облака на горизонте еще не сгустились в грозовую тучу, и ничто не могло нарушить самоуспокоенность руководителей партии. На съезде не прозвучал призыв к конкретным и безотлагательным действиям. Когда съезд закончил свою работу, его принципиальные конкретные указания начали через государственный аппарат претворяться в жизнь. Организация экспорта сельскохозяйственных продуктов была вверена учрежденной для этой цели компании с ограниченной ответственностью — «Хлебопродукт», — работавшей под контролем Внешторга⁶⁸. До 30 сентября 1923 г. было экспортировано 44 млн. пудов хлеба, из них 28 млн. — в Германию⁶⁹. Пространным Декретом 20 мая 1923 г. был учрежден «единый сельскохозяйственный налог», который должен был заменить не только налоги, введенные при НЭПе, но также и «общегражданский налог», введенный в феврале 1922 г.⁷⁰, то есть оставшийся от принудительной трудовой повинности, а также все местные налоги, кроме волостных и губернских сборов. Налог, как и ранее, исчислялся в пудах хлеба и взимался частью натурой, частью деньгами⁷¹. Что касается промышленности, то обтекаемые формулировки директив съезда не оставляли места для конкретной законодательной работы, и ничего фактически сделано не было⁷². Летом 1923 г. под предлогом реорганизации комиссариатов, осуществлявшейся в связи с образованием СССР, удалось вернуть Рыкова на пост председателя ВСНХ и убрать слабого в организационном отношении Богданова⁷³, но доминирующей фигурой в ВСНХ оставался Пятаков, способный администратор, всегда твердо выступавший за развитие тяжелой промышленности.

Влияние политики НЭПа было таково, что уже в первые месяцы 1923 г. в советской экономике стали обнаруживаться многие знакомые черты капиталистической модели. Каждый сектор экономики стремился действовать самостоятельно, преследуя собственные интересы. При этом исходили из того, что максимум процветания экономики будет естественным результатом этого процесса. Основным увязывающий контроль осуществлялся финансовым ведомством посредством денежной и кредитной политики. Не случайно, что финансы оказались единственной сферой, в которой в тот период проводилась активная и дальновидная политика. Финансовый аспект НЭПа, в котором дальше всех отошли от его первоначального замысла, к 1923 г. стал наиболее конструктивным и наименее спорным элементом этой политики. Как только с переходом к НЭПу развеялись мечты об отмирании денег, никто уже всерьез не спорил о том, что обесцененная валюта могла осуществлять функцию денег. Здесь, безусловно, надо было действовать конструктивно. После короткой схватки между товарным рублем и золотым рублем, в ходе которой некоторые сторонники товарного рубля отстаивали стабилизацию валюты на основе бумажного, а не золотого обращения⁷⁴, жребий был брошен, и все решилось в пользу золотого обращения. Это решение было оформлено резолюцией XI Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в декабре 1921 г., и закреплено Постановлением XI съезда РКП(б) в марте 1922 г.⁷⁵ Введение в ноябре 1922 г. червонца с эквивалентом в десять золотых рублей, обеспеченного золотом и иностранной валютой, было признано жизненно важным шагом вперед, а значение финансовой реформы в деле стабилизации валюты стало неопровержимым пунктом партийной доктрины. Новый настрой выразился в обширном Постановлении ЦТО об отчетности местных хозорганов перед Советом Труда и Оборона, принятом накануне XII съезда партии. Когда Ленин говорил о значении, которое приобретает при НЭПе вопрос об удержании контроля над «командными высотами», имелась в виду национализированные отрасли промышленности — ядро будущей социалистической экономики и бастион, за стенами которого могут быть успешно отбиты атаки капитализма. В Постановлении ЦТО использована эта известная формулировка и дано ее расширенное толкование: «...торговые и финансовые учреждения и агентуры получают первостепенное практическое значение (кооперация, государственные магазины, Государственный банк и т. д.). Не захватив командных высот здесь, мы не сумеем держать руль хозяйственной жизни в своих руках»⁷⁶. Та главная роль, которую Ленин при НЭПе отводил «командным высотам» в тяжелой промышленности, была распространена на овладение «командными высотами» в сфере финансов и торговли. Подобная экстраполяция была намеренной и, во всяком случае, многозначительной.

Эмиссия червонцев в конце 1922 г. была первым шагом в направлении стабилизации денег или, лучше сказать, к созданию

условий, при которых это могло осуществиться. Но для этого нужно было сосредоточить в руках Наркомфина и его ведомств больше власти, чем та, которой они обладали в данный момент. Установление стабильной валюты требовало более широких мер государственного участия по сравнению с теми мерами, которые были осуществлены в первый период НЭПа, в том числе отмены некоторых принятых ранее постановлений. Шел процесс ослабления контроля, который приветствовали как сущность НЭПа. В ходе этого процесса были предприняты меры по легализации золотых и валютных сделок, до того момента строжайше запрещенных, хотя и зачастую практиковавшихся нелегально⁷⁷; государственным и кооперативным учреждениям было разрешено принимать в уплату за свои товары золотые монеты старого образца⁷⁸.

Были учреждены фондовые биржи, которые были открыты для государственных и кооперативных учреждений, а также для частных торговцев, с которых взимался подходящий налог высшей категории. Сделки на биржах обычно совершались в червонцах, в банкнотах, иностранной валюте или иностранных векселях, советских банковых билетах, акциях или обязательствах кампаний, зарегистрированных на территории СССР, а также в драгоценных металлах⁷⁹. В результате этих мер произошло оживление валютного рынка, золотого рынка и товарной биржи. Чтобы создать монопольное положение для червонца как легального платежного средства, пришлось ограничить некоторые из дозволенных ранее свобод.

Первым шагом явилось образование в соответствии с декретом СНК 6 февраля 1923 г. так называемого Особого валютного совещания, состоявшего из представителей Внешторга, ВСНХ, Госбанка, Комвнуторга и Центросоюза под председательством представителя от Наркомфина. На Особое валютное совещание была возложена выдача разрешений государственным, кооперативным и коммунальным учреждениям или отдельным лицам на вступление в число членов фондовых бирж, а также выдачу разовых разрешений на приобретение иностранной валюты тем учреждениям, которым такое право не было предоставлено. Цель этих мер состояла в том, чтобы ограничить использование иностранной валюты внешнеторговыми сделками и не допустить того, чтобы она стала средством внутреннего обращения⁸⁰. Затем 15 февраля 1923 г. был выпущен общий декрет «О валютных операциях». Этим декретом категорически запрещалось использование золотых монет старого образца (кроме как при заключении внешнеторговых сделок) или иностранной валюты как средства платежа. Сделки в иностранной валюте должны были совершаться на бирже. Таким образом, эти сделки могли заключаться только учреждениями и лицами, имеющими разрешение Особого валютного совещания. Государственные и кооперативные учреждения были обязаны держать всю свою иностранную валюту на текущих счетах в Госбанке, который имел право преимущественной покупки валюты, прежде

чем экспортер, получивший иностранную валюту, мог продать ее кому-либо другому⁸¹. В соответствии с этими законодательными положениями Госбанк получал полный контроль над всеми вкладами в иностранной валюте и над всеми сделками, совершаемыми в иностранной валюте. Но именно в этом и состояло одно из парадоксальных последствий политики НЭПа. Огульные запреты эпохи «военного коммунизма», которые налагались во имя социалистических принципов, на деле никогда последовательно не осуществлялись ввиду отсутствия средств принуждения. Теперь они были заменены конкретными предписаниями, продиктованными практическими требованиями. Но эти предписания, будучи формально менее тягостными, осуществлялись более строго, что дало возможность сконцентрировать в руках центральных органов гораздо более эффективную власть, чем та, которую они имели в более ранний период. Эта тенденция НЭПа отрицать самое себя, создавая такие обстоятельства, которые настоятельно требовали большего контроля центра, прежде всего проявилась в сфере финансов.

В течение первых шести месяцев 1923 г. — времени знаменательного для всей советской экономической политики, в том, что касается финансовой реформы, никакого движения не ощущалось. В марте даже у Сокольникова был момент колебания. На страницах газеты «Правда» он указывает на «симптомы оздоровления» советского рубля, отвергает аналогию между советским рублем и ассигнантом эпохи Французской революции и заявляет, что наша «государственная промышленность и торговля нуждаются в твердой Советской власти еще более, чем в твердой валюте»⁸². В течение года эффективно действовала система двойного обращения, червонцы постепенно все больше входили в обращение наряду с советским рублем (фамильярно, а теперь чуть иронически называемым совзнаком). Печатный станок работал неустанно, и количество совзнаков в обращении возрастало регулярно на четверть или на треть с каждым месяцем. Масса денежных знаков возросла с 2 млрд. рублей (выпуска 1923 г.) на 1 января 1923 г. до 4 млрд. на 1 апреля и 9 млрд. на 1 июля⁸³. Деньги охотно обменивали из одной валюты в другую по курсам, которые отражали непрерывное падение ценности советского рубля или совзнака. Обменный курс между двумя валютами регулярно публиковался в газетах. Но способность печатного станка заполнить брешь в государственной казне теперь была почти истощена⁸⁴. Общая ценность находившихся в обращении советских денежных знаков в пересчете на червонцы и на покупательную способность продолжала медленно подниматься с января по апрель 1923 г. Затем начался спад, который не удавалось остановить никакими лихорадочными выпусками⁸⁵. Если временный характер системы параллельного обращения двух валют был ясен для всех, то методы, которыми старая валюта будет в конечном счете вытеснена или приспособлена к червонцу, все еще были предметом разногласий. В декабре

1922 г. X Всероссийский съезд Советов РСФСР оптимистически поручил ВЦИКу, то есть «ближайшей сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета провести закон ограничения эмиссионного права твердыми пределами»⁸⁶. У Наркомфина был готовый план, по которому мыслилось крайне резко поставить вопрос о срочном сокращении эмиссии совзнаков, для того чтобы стабилизировать их по курсу червонца и установить единую твердую валюту⁸⁷. Однако никто, кроме финансовых пуристов, не был готов оказаться лицом к лицу с последствиями немедленного прекращения эмиссии советских рублей как источника дохода; и XII съезд партии, не найдя практического решения этой надвигавшейся проблемы, обошел вопрос молчанием.

Несмотря на эту задержку, силы, пущенные в ход в прошедшем году, продолжали действовать, и некоторый прогресс был достигнут. Теперь, когда тезис о необходимости обеспеченной золотом валюты получил признание, надо было приступить к накоплению ресурсов золота или стабильной иностранной валюты, ибо нигде, кроме как среди тех, кто определял политику Наркомфина, ортодоксальная теория о золотом запасе как опоре валюты не была предметом столь непоколебимой веры. Это и сделало Наркомфин поборником политики активного торгового баланса, которая совпадала с требованиями аграрников развивать экспорт хлеба. В течение всего этого времени Наркомфин и Госбанк решительно поддерживали тех, для кого вопрос об уступках крестьянству был лейтмотивом всей экономической политики. Но самым значительным достижением этих месяцев было то, что червонец получил распространение, что он был принят в торговом обороте и финансовых учреждениях, что из ценной бумаги он превратился в денежный знак и приобрел стабильную ценность в смысле покупательной способности. Первоначальная цель эмиссии червонцев, как это было сформулировано в Постановлении СНК 11 октября 1922 г.⁸⁸, состояла в том, чтобы «укрепить возобновляемые фонды Госбанка для его коммерческих операций».

Первоначально червонцы рассматривались преимущественно как ценные бумаги для кредитования Госбанком промышленных и торговых предприятий и не были предназначены для использования в текущих сделках⁸⁹. Но это ограничение вскоре превратилось в угрозу срыва той самой задачи, для решения которой эти новые денежные знаки были созданы. 25 января 1923 г. Наркомфин санкционировал разрешение принимать банковые билеты по их нарицательной стоимости в уплату налогов, тем самым придав им характер если не регулярной легальной валюты, то хотя бы налоговых сертификатов; и в последующие месяцы Наркомфин выпустил циркуляр, по которому разрешалось осуществлять платежи Госбанка в червонцах не иначе как с согласия получателей денег⁹⁰. В этих условиях эмиссия червонцев, хотя и не имевших пока статуса законного платежного средства, устойчиво расши-

рялась в течение первых месяцев 1923 г. На 1 января 1923 г. в кассу правления Госбанка был передан 1 млн. червонцев, из которого только 350 тыс. червонцев было выпущено в обращение. В последующие три месяца эмиссия червонцев утроилась и снова утроилась в следующие три месяца. На 1 июля общая масса червонцев увеличилась до 9 600 тыс., из которых в обращении было 7 млн.⁹¹ Хотя юридический статус червонца не изменился, червонец постепенно становится в тех пределах, в которых он циркулировал, признанной и надежной валютой.

Основная функция червонца состояла в том, чтобы служить в качестве стабильного платежного средства. Первоначальное условие требовало, чтобы червонцы были обеспечены на 25% драгоценными металлами, и в течение всего 1923 г. Государственный банк удвоил их обеспечение в золоте и золотом стандарте до 50%⁹². Благодаря этим мерам предосторожности и широкой информации по этому вопросу в течение всего года червонец поддерживал свой золотой паритет с небольшими колебаниями с фунтом и долларом. Наряду с этим удручал провал усилий по поддержанию его (червонца) покупательной силы на внутреннем рынке. Покупательная сила червонца оставалась стабильной в разумных пределах до мая 1923 г., а затем резко упала в период между маем и октябрём. Она была существенно ниже по розничному индексу, чем по оптовому⁹³. Это падение, несомненно, явилось результатом возникновения серьезного торгового кризиса, когда товарный рынок не мог более поглощать стремительно выпускаемые червонцы. Таким образом, ценность червонцев все росла и переросла ценность теоретического золотого рубля — фактор, который приобрел существенное значение в разногласиях, возникших в вопросе о заработной плате⁹⁴. Поэтому в течение этого периода внутренние цены выросли не только в постоянно падающих советских дензнаках, но также (хотя, разумеется, в меньшей степени) в новых и стабильных червонцах. Этот феномен озадачил финансистов и экономистов и вызвал дискуссию, в которой отразился конфликт между политикой, проводимой Наркомфином и хозяйственниками. Наркомфиновцы не без оснований относили это явление на счет эгоистической политики трестов и синдикатов, вздувавших цены. Хозяйственники обвиняли руководство Наркомфина и Госбанка, которое необдуманно увеличивало эмиссию червонцев и делало это более быстрыми темпами, нежели это было оправдано состоянием рынка⁹⁵. Этот довод хозяйственников впоследствии получил свое подтверждение: когда после октября 1923 г. эмиссию червонцев ограничили (после того, как в последнем квартале года она расширилась на 20%), цены в червонцах стабилизировались и оставались более или менее постоянными в течение длительного периода. Но в итоге сам этот довод не принес особой пользы тем, кто его выдвинул, поскольку ограничение эмиссии червонцев автоматически принесло с собой сокращение кредитования промышленности.

Чтобы довести до логического завершения политику ввода в обращение червонца, было необходимо преодолеть систему двойного обращения либо через вытеснение совзнаков, либо через стабилизацию их по курсу червонца. Это в свою очередь требовало прекращения зависимости казначейства от выпуска бумажных денег, сбалансирования бюджета путем снижения расходов и увеличения доходов. По первому пункту было совершенно очевидно, что путь облегчения бремени бюджета лежал через сокращение управленческого аппарата и в промышленности, и в правительственных учреждениях. В марте 1923 г. был принят декрет, предписывающий закончить к маю 1923 г. разработку твердых штатов ведомств «в направлении планомерного сокращения общего контингента ведомств до 25%»⁹⁶. Но ни одна из этих решительных мер не была осуществлена, и комиссии Совета Народных Комиссаров, которой было поручено сократить государственные расходы, удалось лишь свести бюджетный дефицит с 294 млн. рублей на первую половину 1922/23 фин. г. до 221 млн. рублей на вторую его половину⁹⁷. Призывы к сокращению государственных расходов следовали один за другим («Советская копейка социалистический рубль бережет!» — гласил заголовок передовой статьи в газете «Экономическая жизнь» от 22 апреля 1923 г.).

Но скоро стало ясно, что сокращение субсидий и кредитования промышленности — а это обязательно приводит либо к снижению объема производства, либо к снижению уровня реальной заработной платы промышленного рабочего — остается единственным потенциальным источником существенной бюджетной экономии⁹⁸. В том, что касается доходов, в декрете, принятом в январе 1923 г., предусматривались новые тарифы обложения подоходным налогом, введенным прошлой осенью, а для лиц, получающих высокую заработную плату, была введена резкая градация; получающий заработную плату свыше 5000 рублей (образца 1923 г.) платил в месяц налог порядка 1630 рублей на 5000 рублей плюс 80% на то, что осталось. Но эти тарифы, очевидно, оказались слишком высокими, и следующим декретом, принятым в мае 1923 г.⁹⁹, они были резко снижены. Промышленные налоги, которые в 1922 г. составляли только 3—4% от чистой продукции промышленности, поднялись в 1923 г., согласно подсчетам, до 10—12%¹⁰⁰.

Но источники новых доходов были ограничены, пока генеральная линия исключала всякое существенное увеличение налогового бремени на крестьянство¹⁰¹. Государственные займы также не помогли заполнить брешь между расходами и доходами. В марте 1923 г. по примеру успешного опыта предыдущего года был объявлен «второй внутренний краткосрочный государственный хлебный заем» на общую сумму 30 млн. пудов ржи, которые должны были быть выплачены в конце года¹⁰². Но заем скорее был способом реализации налогов, нежели средством увеличения доходов¹⁰³.

Летом 1923 г. расширение обращения червонцев и их растущая популярность, а также улучшение бюджетной ситуации наконец

вдохновили Наркомфин на то, чтобы довести давно готовившуюся финансовую реформу до ее окончательного и логического завершения. На состоявшейся в июле 1923 г. сессии ВЦИКа, которая ратифицировала Конституцию СССР¹⁰⁴, Сокольников нарисовал оптимистическую картину состояния отечественных финансов. «Бюджет обыкновенный» в объеме 1050 млн. золотых рублей мог быть покрыт за счет поступлений от налогов денежных и натуральных, от выручки государственных предприятий. «Чрезвычайные» расходы, идущие на то, чтобы покрыть дефицит транспорта (140 млн. рублей), промышленности (120 млн. рублей) и расходы на сельское хозяйство, что в совокупности составляло сумму от 320 до 350 млн., могли быть покрыты только за счет эмиссии денежных знаков. Исходя из бюджетных предположений в отношении транспорта в том смысле, что в будущем году его дефицит сократится на 50 млн. рублей и что подъем промышленности позволит сократить ее финансирование из бюджетных средств, теперь казалось возможным, что придет тот день, когда можно будет остановить печатный станок.

Опираясь на эти расчеты, Сокольников смело предложил, начиная с 1 августа 1923 г. ограничить эмиссию денежных знаков суммой 15 млн. рублей в месяц по курсу золота¹⁰⁵. Преображенский скептически высказался относительно этой перспективы и вновь повторил свое известное возражение, что стабилизация денежного обращения невозможна без эффективного экономического планирования¹⁰⁶. Но реальный оппозиции не было, и ВЦИК принял Постановление, одобряющее работу Наркомфина «по устранению непроизводительных расходов и укреплению бюджетной бережливости к распоряжению государственными средствами по ограничению эмиссии и упорядочению налогового дела». В постановлении также было оговорено, что с 1 мая 1923 г. ежемесячный выпуск советских денежных знаков не должен превышать суммы в 30 млн. золотых рублей, а с 1 августа — суммы в 15 млн. золотых рублей. Бюджет на следующий финансовый год, начинавшийся 1 октября 1923 г., должен был быть составлен в строгом соответствии с этими предписаниями. Одним важным абзацем постановления пытались примирить разнородные принципы планирования и рыночной экономики и доказать, что финансовая реформа проводится равным образом в интересах обоих принципов.

«Все эти меры финансового характера должны способствовать введению в народное хозяйство Союза ССР необходимых элементов последовательного планирования и будут оказывать сильнейшее и продолжительное влияние на расширение торговли страны и рыночной способности сельского хозяйства»¹⁰⁷.

Формулировка была найдена, и казалось, что курс взят твердо. Официальная экономическая газета, приветствуя эти решения, писала, что они придадут «нашему финансовому ведомству новые силы в борьбе за реальный бюджет, за оздоровление денежного обращения»¹⁰⁸. К концу июля были предприняты дальнейшие шаги

в направлении стабилизации нового денежного обращения. Был издан декрет, который, если пока не придал червонцу статус единственного законного платежного средства, то все-таки позволил не только заключать контракты крупных коммерческих сделок в червонцах, но и осуществлять оплату в червонцах по этим контрактам. Векселя, не ограниченные никакими условиями относительно платежного средства, могли быть оплачены либо в червонцах, либо в советских рублях по выбору векселедателя, но платеж по векселю, выраженный в червонцах, производился не иначе, как червонцами¹⁰⁹. Бюджет на 1923/24 фин. г. теперь должен был быть составлен не в довоенных рублях или в золотых рублях (как бюджет на январь — сентябрь 1922 г.), а в червонцах. Наряду с этим изменением в сентябре 1923 г. инструкциями ВСНХ в августе и сентябре 1923 г. предписывалось всем трестам, синдикатам и другим подконтрольным ему учреждениям перейти на ведение отчетности исключительно в исчислении на червонцы и начинать отчетный год с 1 октября 1923 г., так чтобы он совпадал с бюджетным годом¹¹⁰. Тогда казалось, что предпринятые весной Наркомфином усилия по вытеснению советского рубля и установлению червонца в качестве единственной и стабильной валюты должны увенчаться успехом. Но осенью разразился новый кризис, и в этом немалую роль сыграли как раз те меры, которые предпринимал Наркомфин. Этот кризис еще раз показал тщетность честолюбивых замыслов и привел к дальнейшей отсрочке в деле возвращения к финансовой ортодоксии.

ГЛАВА 2

ПОЛОЖЕНИЕ В СФЕРЕ ТРУДА

Далеко не сразу рабочий класс осознал ухудшение своего положения в народном хозяйстве, которым он был обязан НЭПу. В начале он даже выиграл в силу таких факторов, как ослабление напряженности и общее восстановление народного хозяйства, которое началось с переходом на новую экономическую политику. Призрак трудовой повинности больше не преследовал его; заработная плата рабочих неуклонно возрастала в течение почти всего 1922 г.; уровень жизни рабочего класса, хотя довольно жалкий даже по сравнению с 1914 г., значительно поднялся над уровнем голодного прозябания периода военного коммунизма. Переход к НЭПу был уступкой крестьянству. И вопрос о том, за чей счет эта уступка была сделана, представлялся праздным. Казалось очевидным: будет процветать крестьянство — *ipso facto* выиграет в целом народное хозяйство. Только когда зимой 1922/23 г. начал вырисовываться кризис «ножниц», когда сбалансированный бюджет и стабильная валюта стали путеводной звездой финансовой политики, а забота о крестьянстве — лейтмотивом всякого официального выступления руководителей, только тогда рабочий класс постепенно начал осознавать изменение своего положения. Эпоха «военного коммунизма» провозгласила его главным героем диктатуры пролетариата, а теперь ему грозила опасность стать пасынком НЭПа. В момент экономического кризиса 1923 г. и поборники официальной политики, и те, кто ее оспаривал и ратовал за развитие промышленности, были озабочены чем угодно, только не интересами и недовольством рабочего класса. Главной заботой официальной политики стало теперь крестьянство. В конечном счете «размывание» рабочего класса произошло в результате катастрофического упадка промышленности и ухода рабочих из городов в деревню в годы голода и гражданской войны. Это был процесс «дезинтеграции пролетариата», на первые симптомы которого указал Бухарин еще в марте 1918 г.¹ Но в период начавшегося с переходом к НЭПу оживления экономики уже две другие причины более непосредственно способствовали ослаблению позиции рабочего класса: рост власти и влияния хозяйственников и все более широко распространяющаяся безработица.

То, что интересы промышленного рабочего должны быть в определенном смысле подчинены с помощью НЭПа интересам крестьянина, это осознавалось как неизбежность. Но то, что НЭП ослабит положение промышленных рабочих не только по отношению к крестьянству, но и по отношению к директорам и хозяйственникам, предвидеть было совсем не так легко. И действительно, это казалось уж тем более ни с чем несообразным, так как крупная промышленность, в которой была занята большая доля промышленных рабочих, не претерпела при НЭПе никаких изменений в статусе, оставаясь государственной собственностью и в государственном управлении. При военном коммунизме многие бывшие владельцы предприятий или управляющие снова выплыли на поверхность, теперь уже под маской «специалистов» или управляющих национализированной промышленностью². Но в то время буржуазные специалисты рассматривались как неизбежное зло или как нежелательная аномалия; ответственные должности обычно резервировались для безупречных пролетариев или, во всяком случае, для членов партии, на эти должности в то время буржуазные специалисты допускались редко. С переходом к НЭПу это положение изменилось, хотя и постепенно, но основательно. Статистические данные ВСНХ (о «нашем промышленном командном составе». — *Ред.*) охватывают крупные тресты и синдикаты и относятся к последнему кварталу 1923 г. На основании этих данных видно, что, если в 1922 г. 65% от общего числа руководителей были официально классифицированы как «рабочие» и 35% как «нерабочие» (только один из семи был членом партии), то год спустя это соотношение стало почти обратным — только 36% приходилось на «рабочих» и 60% на «нерабочих», почти половина из их числа теперь являлись членами партии³. Таким образом, происходили два важных процесса: управление промышленностью переходило в руки бывших буржуазных специалистов и директоров, и все более высокая доля последних обретала выгоды, связанные с пребыванием в партии.

Повышение их статуса и влияния, естественно, сопровождалось повышением вознаграждения. Пока на заре военного коммунизма на специалистов смотрели с подозрением, что резко ограничивало их влияние, за их ставками, уже и тогда намного превосходящими заработную плату обычного рабочего или служащего, осуществлялось придирчивое наблюдение, и они строго регламентировались. При НЭПе эти ограничения постепенно исчезли. Переход к НЭПу в промышленности повлек за собой возвращение к капиталистическим способам организации и образу мышления. Упор на необходимость самостоятельности и децентрализации, преобразование главков в тресты, ставших основными единицами организации производства, помогли превратить управляющих крупными промышленными концернами из бюрократов в руководителей промышленности. Хозрасчет был лозунгом дня, и те, кто знал как получить

прибыль, прорвав висящую над ними завесу подозрительности, снова оказались в почете.

Скандал по поводу высоких ставок начал привлекать внимание. В августе 1922 г. было принято постановление, где недвусмысленно говорилось о необходимости «устранения расхищения народных средств и своекорыстного использования их отдельными лицами». К тому же «в целях приведения к большему соответствию вознаграждения между лицами интеллектуального и физического труда», предписывалось установить во всех государственных учреждениях и организациях, состоящих на государственном снабжении, максимальный размер получаемого одним лицом содержания; но при этом не исключались сверх максимума наградные (тантёмы)⁴. С того времени регулярно выпускались постановления и инструкции, устанавливающие предельный размер заработной платы⁵; и в течение всего 1923 г. этот предел поднимался месяц за месяцем с учетом падения стоимости валюты⁶. Но эти ограничения не касались «персональных» окладов, санкционированных СТО, которые получали самые высокопоставленные специалисты — относительно этих окладов подробной информации не давалось⁷. Множество историй ходило о непомерных претензиях хозяйственников и спецов — двойников энпманов в промышленности⁸. Немало трудностей возникало при необходимости направить на работы в отдаленные районы⁹; отдельный декрет, принятый в июле 1923 г., предусматривал специальное стимулирование для таких командированных специалистов¹⁰.

Уже осенью 1922 г. эти процессы привели к возникновению новой детали в общей картине НЭПа — слабо организованной, но влиятельной группы, которая стала известна как «красные директора», или «красные промышленники». Несмотря на свое, как правило, буржуазное происхождение и принадлежность, теперь они были признанными членами советской иерархии; они имели свое определенное место в партии; их голос звучал все громче не только в чисто административной сфере промышленности, но и при определении политики в области промышленности, успехи которой в большой мере зависели от их усилий. Создание синдикатов весной 1922 г.¹¹ было первой реакцией хозяйственников на рыночные условия, неблагоприятные для промышленности; именно из структуры трестов и синдикатов, сложившейся при НЭПе, эта новая группа черпала свой авторитет и престиж. Отдельные отрасли промышленности возродили практику отраслевых совещаний для обсуждения назревших проблем и потребностей. В сентябре 1922 г. было учреждено «временное бюро», куда вошли представители различных отраслей промышленности. Бюро должно было выработать проект создания общего постоянно действующего органа всей промышленности — Совета съездов. Проект получил одобрение ВСНХ, и было принято решение провести до конца года совещание, на котором будет избран Совет съездов¹². Газета «Труд» сообщала: «Главной задачей бюро съездов поэтому явля-

ется координация совместных выступлений красных промышленников и более пристальное их внимание вопросам рабочего законодательства». Одна из целей этой новой организации явно состояла в том, чтобы довести до сведения властей взгляды хозяйственников на готовящееся трудовое законодательство¹³. Вскоре потребовалось употребить внушительную власть, чтобы разоблачить промышленников, которые сопротивлялись проведению предписанной им политики, рассматривая ее «как брешь во фронте промышленной солидарности»¹⁴.

В этот момент профсоюзы подняли тревогу. Еще в дни военного коммунизма вопрос об использовании буржуазных специалистов постоянно наталкивался на недоверие со стороны профсоюзов, и Ленину пришлось использовать все свое влияние, чтобы навязать принцип «единоличия» в промышленности вопреки свирепой оппозиции профсоюзов¹⁵. Улучшение статуса хозяйственников и специалистов при НЭПе могло лишь еще усилить эту враждебность.

В августе 1922 г. газета «Труд» начала мощное наступление на новый «единый фронт» хозяйственников, обвиняя их в «умалении роли союзов», в особенности в деле «приема и увольнения», а также в стремлении к свободному рынку в вопросах найма и увольнения. Статья заканчивалась риторическим вопросом:

«...или наши хозяйственники настолько уже вошли в роль «хозяев», что они предпочитают неорганизованных рабочих организованным и дисциплинированным членам профсоюзов?»

Несколько дней спустя в другом номере газеты был сделан вывод — новые хозяйственники возвращаются к прежнему, к традиционному отношению нанимателей к своим рабочим: «Наши хозяйственники, даже лучшие из них, удивительно быстро усвоили себе нравы и вкусы бывших хозяев-капиталистов»¹⁶. Профсоюзы оказались перед дилеммой. Оспаривать власть спецов и хозяйственников — означало бросить вызов политике партии. Взять их сторону — означало бы проигнорировать интересы рабочего класса и открыто пренебречь настроениями рабочей массы. Вначале склонялись ко второй альтернативе. Газета «Труд» жалуется, что «наблюдается чрезмерное «сращивание» верхушек», что ведет к «отрыву союзов от масс». Газета даже отмечала «особое упорство» в сопротивлении требованиям рабочих со «стороны директоров, которые вышли из профсоюзов»¹⁷.

Новый этап в развитии хозяйственной организации наступил в тот момент, когда профсоюзы впервые оказались под угрозой массовой безработицы, которую они не могли пустить на самотек. Когда в декабре 1922 г. хозяйственники проводили свою конференцию с целью учреждения постоянного действующего Совета съездов, одновременно проходила II сессия ВЦИПС. Выступивший на сессии Томский сослался на проект положения совета по тезисам Межлаука, в котором, между прочим, было сказано, что «промышленность переживает тяжелый кризис, потому что она терпит от наступления профсоюза по линии заработной платы», и поэтому

необходимо создать «промышленный фронт» и «кооперативную организацию промышленников». Томский сердито пригрозил ответить «созданием фронта в профессиональных союзах против красных директоров» и напомнил им, что при диктатуре пролетариата не они, а рабочие являются хозяевами. Исходя из этого, ВЦСПС выразил протест против всяких попыток «изменять установленные формы взаимоотношений между хозорганами и профсоюзами в сторону сужения прав последних». В резолюции II сессии ВЦСПС, в частности, говорилось:

«...плenum ВЦСПС не возражает против создания при президенте ВСНХ совета съездов промышленности, как органа для приготовления съездов промышленности, обладающего совещательными функциями.

Однако идею о создании постоянно действующего совета съездов промышленности, торговли и транспорта, противопоставляющего себя как «общественно-корпоративную» организацию, с одной стороны, органам государственного управления и регулирования промышленности и транспорта (ВСНХ, НКПС), а с другой, — профсоюзам, и таким образом, строящего свою программу и тактику на принципиально неверной основе, пленум ВЦСПС категорически отвергает»¹⁸.

Похоже, что эти громкие протесты особых результатов не возымели. Совет съездов промышленности, торговли и транспорта был создан¹⁹. О характере его деятельности можно судить по тем жалобам, которые появились в официальной экономической газете месяц спустя. Там, в частности, говорилось о том, что «целый ряд наших красных промышленников более склонны идти по линии наименьшего сопротивления, добиваясь понижения налогов или сокращения заработной платы, чем браться за кропотливую, тяжелую работу по реорганизации всего процесса производства»²⁰.

Орган ВЦСПС газета «Труд» вновь повторила освященную временем доктрину о том, что в «переходный период от капитализма к коммунизму» — когда все еще существуют классы и имеют место классовые конфликты — долг партии, профсоюзов и Советского государства поддерживать рабочих в их борьбе против других классов. Газета даже напечатала карикатуру, изображающую красного промышленника с сигарой и всеми остальными атрибутами, которыми советское искусство обычно награждало капиталиста: хозяйственник сидит в тележке, которую тянет рабочий, и жалуется, что «законы о труде» стоят на пути восстановления промышленности²¹. Но потребности промышленности были более чем настоятельны. Авторитет красных хозяйственников был подкреплён декретом ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)». В декрете не только была подчеркнута самостоятельность трестов, но было положение, согласно которому наградные (таньемы) исчислялись в процентах от прибыли²².

Несколько дней спустя в докладе о промышленности, представленном Троцким XII съезду партии и единодушно съездом одобренным, в том абзаце, где говорилось о системе единоначалия в промышленности, были определены функции и обязанности хозяйственников: хозяйственники должны были заботиться о том, чтобы своей повышенной требовательностью не восстановить против себя рабочих предприятия, но также и не должны идти «в вопросах производительности труда, заработной платы и пр. по линии наименьшего сопротивления». «Нужно помочь рабочей массе понять, что директор, стремящийся к получению прибыли, в такой же мере служит интересам рабочего класса, как и работник профессионального союза, стремящийся поднять жизненный уровень рабочего и охранить его здоровье». «На защиту и поддержку директора, зарекомендовавшего себя положительными результатами работ, центральные и местные органы партии должны бросить всю силу своего авторитета»²³. В резолюции съезда, где требования рабочих и профсоюзов не получили должного внимания, расстановка акцентов представляется весьма знаменательной.

По одному из, казалось бы, несущественных изменений летом 1923 г. можно судить о повышении статуса «красных промышленников». Когда в июле 1923 г. на II сессии ВЦИКа были ратифицированы декларация и договор об образовании СССР, Наркомтруд был реорганизован в «объединенный» народный комиссариат Союза ССР. Это послужило поводом для преобразования коллегии Наркомтруда посредством «привлечения новых лиц, главным образом, представителей промышленности». Последнее, как объяснил Шмидт, было рассчитано на то, чтобы улучшить «взаимоотношения органов труда с хозяйственными». Один из этих новых представителей промышленности был назначен руководителем отдела комиссариата, ведающего отделом рынка труда и управлением делами НКТ»²⁴.

Другой, более серьезной причиной ухудшения положения рабочего класса был рост массовой безработицы, ибо политика НЭПа в области труда походила на политику капиталистического хозяйства в том смысле, что сознательно или бессознательно она использовала безработицу как инструмент дисциплины и орудие управления. Причин распространения безработицы при НЭПе было больше чем достаточно. Демобилизация, проведенная после окончания гражданской войны, вызвала общую неразбериху в структуре промышленности. И это происходило в тот момент, когда упор на хозрасчет, на необходимость прибыльности предприятий, требование государственной экономии и сбалансированного бюджета повсеместно породили острую необходимость сокращения лишней рабочей силы²⁵.

Тяжелая промышленность едва оправлялась от состояния развала и разрухи, в котором она оказалась в конце гражданской войны, но при НЭПе, видимо, у нее были слабые перспективы

получить широкомасштабную государственную поддержку, необходимую для ее восстановления. Легкая промышленность, претерпевшая в 1921—1922 г. кризис *разбазаривания*, в условиях синдицирования на следующий год свои силы, в общем, восстановила, но снова оказалась пораженной «кризисом сбыта» летом 1923 г. Начиная с лета 1922 г. массовая безработица в советском народном хозяйстве стала носить характер эпидемии. Долгосрочные меры государственного участия, необходимые для борьбы с безработицей, были трудно совместимы с духом НЭПа и его линией, как ее понимали в то время; то немногое, что все же делалось для облегчения тягот безработицы, на фоне капиталистических стран, стоявших в тот же период перед аналогичной проблемой, было и вовсе ничтожно мало. В силу серьезности кризиса безработицы в конце 1922 г. возобновилась публикация статистики по труду; и, хотя имеющиеся данные далеко не полны, размеры и ход кризиса могут быть оценены с достаточной точностью²⁶.

Согласно данным, впоследствии принятым в качестве официальной статистики, общее число безработных рабочих неуклонно увеличивалось с полумиллиона в сентябре 1922 г. до миллиона с четвертью в конце 1923 г., а в 1924 г. стало еще выше²⁷. Данные того времени не отражали полноты картины, и советские руководители весь 1923 г. не осознавали масштабов проблемы. Рыков, который в то время был председателем ВСНХ, в январе 1924 г. признался, что к своему удивлению узнал, что количество безработных достигает цифры «около миллиона человек», а Шмидт, народный комиссар труда, несколько дней спустя повторил те же самые расчетные данные²⁸.

Причиной или предлогом того, почему сначала советские руководители так бездушно взирали на рост безработицы, являлось то обстоятельство, что он (рост — *Ред.*) сказывался больше всего на двух категориях, которые не вызывали большого сочувствия в официальных и профсоюзных кругах. Из 540 тыс. безработных, зарегистрированных на биржах труда на 1 декабря 1922 г., 166 тыс., или одна треть общего числа, были «советские служащие» (то есть служащие, сокращенные из советских учреждений) и 104 тыс. были неквалифицированные (чернорабочие), мужчины и женщины. Главным образом это был тот поток поденщиков-крестьян, который хлынул в города во время голода 1921—1922 гг.²⁹ Среди квалифицированных и кадровых рабочих уровень безработицы был все еще относительно невысок³⁰.

Серьезность проблемы долгое время не осознавалась во всей полноте, потому что находились те, кто доказывали, что безработными были главным образом мелкобуржуазные элементы, которые никогда ранее или лишь в течение короткого периода времени имели работу в промышленности³¹. Этот довод к тому же подкрепляли таким фактом, говорившим о том, что, несмотря на рост безработицы, общее число рабочих в промышленности сократилось в течение 1923 г. весьма незначительно, а во многих основных отрас-

лях даже увеличилось³². Но это не в полне убеждало. В обществе, где мобильность между городом и деревней была намного выше, нежели в более развитых и стратифицированных капиталистических странах, а сфера труда — намного менее организованной, рационализация и изменения в промышленной структуре быстро привели к такому положению, при котором промышленность втягивала новых рекрутов извне, при этом число кадровых рабочих сокращалось. Этот процесс был отчасти обратным тому оттоку из города в деревню — «дезинтеграции пролетариата», — которым было отмечено голодное время эпохи военного коммунизма³³. Бывший городской рабочий, соблазненный более легкими условиями жизни в городе и повышением реальной заработной платы в промышленности в течение всего 1922 г., устремился обратно в города и усугубил перегруженность негибкого рынка труда³⁴.

В течение первой половины 1923 г. интенсивность кризиса медленно нарастала. Даже если квалифицированные рабочие, по видимому, почти не страдали от безработицы, неквалифицированные поденные рабочие все еще составляли столь значительную часть всей рабочей силы в стране, что их нельзя было целиком и полностью бросить на произвол судьбы. Газетные сообщения того времени повествуют о типичных сценах на биржах труда на промышленных окраинах Москвы, где огромные толпы безработных, мужчин и женщин, осаждают вход, так как только первые ворвавшиеся могут надеяться получить работу. Такие сцены раскрывают всю глубину нищеты городских безработных весной 1923 г.³⁵ Когда волна процветания в легкой промышленности, поднявшаяся в результате создания трестов и синдикатов в 1922 г., спала и уступила место «кризису сбыта», разразившемуся летом 1923 г., в то время как в деле восстановления тяжелой промышленности не было достигнуто сколько-нибудь ощутимых успехов, массовая безработица быстро распространилась на заводских рабочих. В докладе Троцкого о промышленности на XII съезде партии, состоявшемся в апреле, и в постановлении съезда — в первом достаточно ясно, а во втором — глухо — было признано, что рационализация промышленности повлечет за собой значительное число сокращений рабочих мест³⁶.

В июне 1923 г. в Информационном письме ВЦСПС № 4 был отмечен «относительный рост мужчин — безработных по сравнению с женщинами, ... увеличение среди безработных квалифицированных рабочих»³⁷. Несколько недель спустя, главный представитель Наркомтруда на Украине писал, что «увеличение безработных падает на промышленных рабочих» и что в связи с «неизбежной реорганизацией» некоторой части трестов эти тенденции будут еще усиливаться. Далее в сообщении говорилось:

«Безработица становится хронической, этот характер ее связан с состоянием нашего народного хозяйства, и он неизбежен, пока нам не удастся в достаточной степени поднять развитие нашей промышленности»³⁸.

На (IV — *Ред.*) сессии ВЦСПС, состоявшейся в сентябре 1923 г., Шмидт еще раз подтвердил, что 62% всех зарегистрированных безработных составлял либо «мелкобуржуазный элемент», либо неквалифицированные рабочие, в обеих группах преобладали женщины; он повторил голословное утверждение о том, что регистрационные листы безработных разбухли от «нетрудовых элементов», «торгующих на Сухаревке» или занимающихся поденной работой. Однако Шмидт признал, что оставшиеся 38% составляют промышленные рабочие, «основной кадр безработных, на которых следует обратить все наше внимание»³⁹.

На исходе лета 1923 г. стало ясно, что, как ни затушевывать серьезность проблемы, игнорировать ее больше нельзя.

Советская административная машина периода НЭПа была абсолютно неспособна справиться с таким кризисом. Кое-какие красивые жесты были все-таки сделаны. В целях борьбы с безработицей 15 декабря 1922 г. Совнарком постановил отпустить 500 млн. рублей (образца 1922 г.) на общественные работы⁴⁰.

Газета «Труд» сообщала, что на организацию общественных работ в течение I квартала 1923 г. было отпущено 1½ млн. пудов ржи и 1600 тыс. рублей (образца 1923 г., что подразумевало 1/1000 номинальной стоимости рубля образца 1922 г.), а также, что на общественных работах было занято приблизительно 4—5% общего количества безработных⁴¹. Но даже эти скромные сообщения были явно преувеличены, поскольку на общественных работах в Москве и Петрограде в мае 1923 г. было занято в общей сложности менее 1%⁴². В Ярославле созданная при бирже специальная комиссия по организации общественных работ «временно к осуществлению их за отсутствием средств не приступила». В Петрограде с января до начала июля на различных общественных работах в среднем ежедневно было занято около тысячи человек, но в июле ввиду организационных трудностей это число сократилось до 666⁴³. Да и оплачивались эти работы так, что было ясно, что они могут быть лишь скрытой формой пособия по безработице. Зарплата устанавливалась в процентах к «бюджетному набору продуктов соответствующей местности». Месячная ставка неквалифицированного рабочего должна достигать 40% бюджетного набора, квалифицированного — 60% и высококвалифицированного — 80%⁴⁴. 23 мая 1923 г. газета «Труд» признавала, что общественные работы большого числа безработных занять не могут, и выступала за использование безработных для полевых работ⁴⁵. Наконец, в сентябре 1923 г. на сессии ВЦСПС Шмидт заявил, что 4,5 млн. золотых рублей было истрачено на организацию общественных работ по всей стране и при этом удалось занять лишь 5—6% всех зарегистрированных на бирже труда. Шмидт обрисовал положение необычно выразительно:

«Что касается советов организовать общественные работы, то на эти деньги лучше было бы поддержать промышленность». Гро-

мадные суммы, которых требует организация общественных работ, целесообразнее употребить на поддержание промышленности.

«Мы никаких общественных работ, за исключением коммунальных работ по Москве и Петрограду, не можем организовать, и поэтому вводить общественные работы в систему и отметить их в резолюции пленума ВЦСПС не следует. Мы не настолько богаты, чтобы осуществить их»⁴⁶.

Поначалу более многообещающей казалась попытка оказать поддержку *артелям* (или объединениям безработных рабочих), которые издавна были характерной чертой русской хозяйственной жизни и, казалось, являлись истинной мерой самопомощи.

В октябрьском номере газеты «Труд» за 1923 г. сообщалось, что артели из безработных обычно организуются двух типов: производственные и трудовые. Первые преследуют цель организации соответственного производства и сбыта своих изделий на рынок, а вторые имеют задачей применение труда своих членов путем продажи последнего. Согласно последних данных (так в тексте.— *Ред.*), по 42 губ. городам насчитывается 116 производственных артелей, в которых занято 12 тыс. человек, и 173 трудовых артели, в коих занято около 18 тыс. человек. Но, далеко не решая проблему безработицы, артели «процветают во времена хозяйственного подъема и терпят кризис в периоды депрессии»⁴⁷. А если и были какие-то успехи в деятельности артелей, то они достигались за счет урезания нищенской зарплаты постоянно занятых рабочих. В июле 1923 г. председатель ЦК профсоюза строителей энергично протестовал против трудовых артелей, которые, хотя и организуются биржами труда, служат прикрытием «самой грубой и беспощадной эксплуатации рабочих», поскольку рядовые артельщики совершенно не пользуются благами, предоставляемыми всем рабочим социальным страхованием, а также многим из того, что даст законодательство по охране труда. Профсоюзные работники высказывали недовольство тем, что артели в Петрограде «неизбежно вырождаются в мелкие предпринимательские хозяйства с эксплуатацией труда безработных»⁴⁸. Было заявлено вполне официально, что одна из причин использования артелей безработных на общественных работах состоит в том, что «такой способ значительно удешевляет производство»⁴⁹. Чуть позже «Труд» еще раз оставался на «уклонах» в работе артелей безработных, которые иной раз и сами оказываются «в плену у рынка». Однако газета решительно выступала против отказа от дальнейшего артельного строительства⁵⁰. Артели продолжали существовать, но профсоюзные деятели и организованные рабочие по-прежнему смотрели на них с подозрением. И как средство борьбы с безработицей они вскоре были сброшены со счетов.

Осенью 1921 г. вновь возобновили социальное страхование как меру борьбы с безработицей, от которого пришлось временно отказаться в период военного коммунизма. Декрет от 28 декабря 1921 г. определял, что пособие безработному выдается в размере

от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{2}$ средней заработной платы данной местности в зависимости от квалификации (и стажа. — *Ред.*), а продолжительность выдачи пособий должна была устанавливаться Наркомсобесом вместе с Наркомтрудом⁵¹. По инструкции Наркомсобеса от 31 января 1922 г., изданной в дополнение к декрету, право на пособие предоставляется только безработным, зарегистрированным на бирже в течение семи дней со дня прекращения работы. Право на пособие служащие и неквалифицированные рабочие получают, если они проработали по найму не менее 3 лет (для квалифицированных рабочих трудовой стаж необязателен). В условиях того времени немногие могли соответствовать подобному требованию, если оно будет жестко применяться. Цель инструкции явно состояла в том, чтобы ограничить предоставление пособия по безработице небольшим числом квалифицированных рабочих⁵². Согласно КЗоТу, принятому в ноябре 1922 г., продолжительность выдачи пособий устанавливалась на срок не менее, чем шесть месяцев, а полномочия определять минимальный срок предшествующей трудовой деятельности, необходимый для получения права на пособие, оставались за Совнаркомом. В то же время дело социального страхования было передано из Наркомсобеса в Наркомтруд. Такой факт свидетельствует о том, что эта проблема рассматривалась скорее как специфическая проблема труда, нежели как проблема социального обеспечения⁵³.

С ростом массовой безработицы, пришедшемся на последний квартал 1922 г., идея о том, что всех тщетно ищущих работу в городах удастся обеспечить пособиями, была отброшена как химера. Из общего числа безработных, зарегистрированных на январь 1923 года, получали пособие 14% по Петрограду, 26% по Москве и 11% по 12 крупным промышленным городам; надо полагать, что вне этих городов процент был еще меньше⁵⁴. В том же месяце московская биржа труда предприняла перерегистрацию всех безработных, зарегистрированных в ее документах, с целью чистки «фиктивных предъявителей»⁵⁵. Затем по примеру московской биржи эта операция была проведена по всей стране, и этот вопрос стал в 1923 г. одним из самых жгучих. Согласно сообщению органа ВЦСПС газеты «Труд», некоторые биржи «поняли перерегистрацию, как временное искусственное сокращение безработицы, путем огульного снятия с учета всех, „кого только можно“»; «сокращение» безработицы в таких пунктах доходило до 60—70%, но эта работа пошла насмарку в силу нового притока безработных⁵⁶. Сообщались такие прискорбные факты, когда профсоюзы настаивали на регистрации конторских служащих на промышленных предприятиях как «совслужащих», исключая их таким образом, и весьма успешно, из числа лиц, получающих пособие⁵⁷.

Новая инструкция Наркомтруда от 11 июня 1923 г. несколько облегчала условия выдачи пособий. «Интеллектуальные работники высшей квалификации, которые имеют специальное образова-

ние, такие как инженеры, агрономы, врачи, учителя» и т. д. приравнивались к квалифицированным рабочим: им полагалось пособие без обязательного представления свидетельства о предшествующей трудовой деятельности. Для чернорабочих был достаточен срок в размере одного года непрерывного стажа найма (вместо трех)⁵⁸. Однако эти послабления не привели, по-видимому, к сколько-нибудь значительному расширению объема пособий. Процент безработных, получающих пособие, по отношению к общему числу состоящих на бирже в апреле поднялся до 15, а в июне упал до 12⁵⁹. Но поскольку это повышение было уравновешено мощной чисткой «фиктивных заявителей», приходится сомневаться в том что пособия получило большое число действительно (bona fide) безработных.

Что значительно увеличилось в течение первых шести месяцев 1923 г., так это размеры пособия по безработице, которое в сущности представляло собой жалкие гроши. В январе выдавалось в среднем только 13% бюджетного набора, который равен 10 товарным рублям, то есть 1,3 товарного рубля, при этом в Москве нормы были выше. В июне выдавалось уже около 45%, то есть 4½ товарных рубля в среднем⁶⁰. Выше этой цифры, которая была далеко за чертой принятого прожиточного минимума, размеры пособия по безработице не поднялись. Когда зимой 1921/22 г. система социального страхования была реорганизована, то проблема безработицы не получила должного внимания. Фонд безработицы первоначально финансировался взносами от «нанимателей» (с рабочих никаких взносов не брали) в размере 2½% от заработной платы. Для сравнения: взносы на социальное страхование по болезни и временной нетрудоспособности составляли в зависимости от категории предприятия от 6 до 9%, взносы в пенсионный фонд (по инвалидности и обеспечению членов семей, застрахованных в случае смерти. — *Ред.*) — от 7 до 10%⁶¹. Но сбор взносов наталкивался на большие трудности. В апреле 1923 г. неплательщиков стали привлекать к уголовной ответственности; спустя немного времени тарифы были снижены до 2% на фонд безработных от общего взноса, составлявшего от 12 до 16% для предприятий, состоявших на государственном бюджете, и от 16 до 22% для частных предприятий⁶². Однако все трудности и недостатки в деле сбора взносов не оправдывают того факта, что на протяжении всего кризиса безработицы не прилагалось сколько-нибудь серьезных усилий к тому, чтобы изыскать ресурсы для образования фонда безработицы⁶³.

В январе 1923 г. только 70% страхового фонда выплачивалось в качестве пособий по безработице, но поступления продолжали возрастать в основном, вероятно, благодаря усовершенствованию методов сбора взносов. В июне 1923 г., когда размеры пособий были значительно увеличены, доля платежей по отношению к расходам упала до 60%, и оставалась на этом уровне (или чуть ниже) в течение всего года⁶⁴. Во время первого грозного кризиса

безработицы, с которым столкнулась советская экономика, фонд, созданный для борьбы с безработицей, был использован лишь чуть более половины. Когда летом 1923 г. кризис достиг своей высшей точки, никаких сколько-нибудь серьезных мер не было предпринято ни для того, чтобы увеличить пособия, ни для того, чтобы расширить категории лиц, которым полагались пособия.

Причины этих полумер надо искать в области официальной политики. Нежелание увеличивать размеры пособий по безработице основывалось на тех здравых соображениях, что даже скудное вспомоществование в размере 4½ или 5 товарных рублей в месяц уже приближалось к уровню самой низкой заработной платы поденного неквалифицированного рабочего. На сессии ВЦСПС в сентябре 1923 г. Шмидт объяснил, что в Донбассе задержки с выплатой зарплаты шахтерам привели к тому, что шахтеры по своему материальному положению сравнились с безработными, получающими пособие⁶⁵.

Низкий уровень пособий по безработице был показателем бедности экономики в целом. ВЦСПС признал правомерность этих доводов и потребовал лишь расширения круга получающих пособия⁶⁶.

Но это также было несовместимо с политикой Наркомфина, который в соответствии со строжайшими принципами финансовой ортодоксии считал дефляцию и сокращение самыми важными целями эмиссии. В 1923 г. был достигнут компромисс, согласно которому поступали в повседневной практике: был строго ограничен уровень пособий по безработице (более низкий, чем самая низкая заработная плата неквалифицированного рабочего), пособия выплачивались довольно большей части квалифицированных рабочих прежде всего в Москве и в Петрограде, где в то время были сосредоточены основные отрасли промышленности и недовольство рабочего класса могло стать опасным с политической точки зрения. Это было, хотя и со скрипом, но признано профсоюзами, члены которых, во всяком случае, были в лучшем положении, чем остальные рабочие⁶⁷.

Разрыв в положении квалифицированных рабочих и массы временно безработных четко отражал условия труда в народном хозяйстве страны, где крестьяне и разнорабочие были взаимозаменяемыми категориями, подверженными регулярным сезонным колебаниям, где большая часть даже квалифицированной рабочей силы могла дезинтегрироваться при неблагоприятных условиях и влиться обратно в крестьянскую массу, из которой недавно вышла. Этот разрыв констатировал с резкой откровенностью Шмидт, который в своем докладе на сессии ВЦСПС в сентябре 1923 г. разъяснил, что цель состоит в «сохранении квалифицированной рабочей силы, которую мы сейчас в ближайшее время использовать не можем:

«...наша промышленность сжалась настолько, что наши квалифицированные рабочие выброшены из производства. Безработица

среди этой группы стойкая... а между тем эта рабочая сила нам нужна, потому что вы (так в тексте. — *Ред.*) должны во что бы то ни стало ее сохранить к тому времени, когда представится возможность развернуть нашу промышленность. Все остальные группы, зарегистрированные на бирже труда, не могут рассчитывать на нашу помощь».

В резолюции сессии ВЦСПС содержалось требование обратить основное внимание «на борьбу с безработицей среди квалифицированных и подсобных промышленных рабочих, а равно и на дальнейшую очистку бирж труда от чуждого элемента»⁶⁸.

В ответ на решение не регистрировать приезжающих из деревни⁶⁹ безработная масса организовала вольную биржу труда⁷⁰. Но политическая линия Наркомтруда оставалась четкой и бескомпромиссной. Поддерживать за счет пособий ту часть неквалифицированной рабочей силы, которая легко могла быть вновь абсорбирована обратно крестьянской массой до того времени, пока не изменятся к лучшему условия в народном хозяйстве, было делом бессмысленным. Необходимо было обеспечить хотя бы небольшую по численности квалифицированную рабочую силу, распыление которой даже в условиях, когда ее было бы невозможно занять, стало бы в будущем национальной катастрофой. В официальном подходе поражает не столько откровенное признание того, что ничего или ничтожно мало делалось, чтобы умерить зло безработицы; в этом отношении так же, как и в том всеобъемлющем значении, которое придавалось финансовым соображениям, экономика Советской России в период НЭПа в большой мере несла в себе те же характерные черты, что и современная ей капиталистическая экономика. Поражает целеустремленность, с которой даже в разгар НЭПа не упускали из виду долговременную цель развития промышленности и рассматривали ее как оправдывающую все мыслимые трудности и лишения, которые в ближайшее время могли лечь тяжким бременем на рабочую массу.

Курьезным побочным результатом кризиса безработицы было его воздействие на режим в исправительно-трудовых лагерях⁷¹. Раньше заключенных этих лагерей регулярно посылали работать на заводы или другие предприятия, где требовалась рабочая сила. Теперь, когда работы стало меньше, конкуренция со стороны принудительного труда вызвала острое негодование вольнонаемных рабочих и профсоюзов. Постановление от 20 февраля 1923 г. предписывало, что лица, приговоренные к принудительным работам, «должны направляться исключительно на работы, организуемые для мест заключения или в состоящие при них хозяйственные предприятия»; в случаях, если подобная работа не может быть предоставлена, «таких лиц могут направлять на работы вне мест заключения и притом на наиболее тяжелые и опасные, на которые не имеется желающих работать из числа состоящих на бирже труда безработных».

Похоже, что этот декрет явился исходным пунктом для формирования крупных предприятий, организация и управление которыми были вверены ГПУ для использования принудительного труда. Но тогда не было еще абсолютной демаркационной линии между двумя типами предприятий; в случае необходимости безработные могли быть посланы по трудовому обмену на предприятия, где применялся главным образом принудительный труд⁷².

Самым ощутимым из последствий, которые повлекли за собой уменьшение удельного веса рабочего класса в народном хозяйстве СССР, был упадок влияния и престижа профсоюзов. Непосредственным результатом НЭПа явилось резкое сокращение численности профсоюзов, которое происходило отчасти в результате роста безработицы, но главным образом вследствие перехода к добровольному членству с индивидуальной уплатой членских взносов⁷³. Численность членов профсоюзов сокращалась. На 1 июля 1921 г. в них состояло 8,4 млн. членов, на 1 апреля 1922 г.—5,8 млн., а 1 октября 1922 г. в профсоюзах насчитывалось 4,5 млн. человек. На этой цифре численность почти застыла до конца 1922 г., а затем началось восстановление. Возможно, здесь сыграло свою роль улучшение организации—во всяком случае, число членов профсоюза на 1 июля достигло 5,35 млн. человек, а к 1 октября 1923 г. составила 5,5 млн.⁷⁴

Но более наглядным показателем масштабов деятельности профсоюзов служит количество рабочих, охваченных коллективными договорами, которые с переходом к НЭПу пришли на смену трудовой повинности и представляли собой нормальную форму найма рабочих и служащих. На 1 июля 1923 г. 81 коллективным договором было охвачено около двух миллионов рабочих, что было санкционировано ВЦСПС. Это составило 41% от общего числа членов профсоюзов, но этот показатель сильно разнился по различным профессиям. Все железнодорожники (и 90% водников), все учителя и все сахарники были охвачены центральными коллективными договорами, тогда как металлистов было только 41%, шахтеров—39, советских служащих—19 и строителей—2%. На 1 июля 1923 г., помимо центральных договоров, 8430 колдоговоров были локальными, они охватили 1400 тыс. рабочих (в среднем 165 рабочих по каждому колдоговору)⁷⁵. Остальные 2 млн. членов профсоюза (сюда входит также значительное число безработных), не охваченные коллективными договорами, были объектом особой профсоюзной работы, и было неясно, в какой мере действительно являются эффективными локальные колдоговоры, большинство из которых заключалось на мелких и разрозненных предприятиях.

Более значительным последствием, нежели колебания численности профсоюзов, было изменение статуса самих профсоюзов. В период «военного коммунизма» рабочий класс, какое бы бремя ему не приходилось нести в виде военной или трудовой повинности, был привилегированным классом, на который была ориентирована вся советская политика, и профсоюзы представляли рабо-

чих внутри той государственной машины, неотъемлемой и жизненно важной частью которой они были. В период «военного коммунизма» профсоюзы по своему влиянию и значению затмили и управленческую сферу промышленности, тогда страдавшую от яростного предубеждения против буржуазных «спецов», и Наркомтруд — орган государственного регулирования условий труда, который превратился в чисто исполнительный инструмент политики, диктуемой профсоюзами⁷⁶.

С переходом к НЭПу эти отношения в корне изменились. Профсоюзы вскоре обнаружили, что в промышленном «треугольнике», образованном государством, хозяйственными органами и сферой труда, они оказались в подчиненном положении. «Красные промышленники», освободившиеся от паутины подозрительности, теперь стали в буквальном смысле столпами НЭПа в деле организации и управления промышленностью. Их мнение в вопросах промышленной политики было более весомым, нежели голос профсоюзов. Теперь, когда профсоюзы перешли с государственного финансирования на финансирование за счет членских взносов, постоянной и удобной для всех практикой стали сборы членских взносов путем отчислений из заработной платы по договоренности с заводоуправлением. Подобная практика вызывала стойкий протест ВЦСПС. В феврале газета «Труд» поздравляла донской совет профсоюзов с началом широкой кампании по проведению индивидуального сбора взносов⁷⁷. Но при этом в газете не сообщалось, что кампания увенчалась успехом. В июне 1923 г. накануне (VI. — *Ред.*) Всероссийского съезда рабочих-металлистов снова раздавались жалобы на то, что «большинство членов союза проводит отчисления в союз через контору предприятия, и этим скрывается истинное отношение рабочего к союзу»⁷⁸. Однако темпы перехода на индивидуальное взимание членских взносов были слишком медленными. Как следует из официальных сообщений, металлисты Москвы успели перевести на новую форму лишь 10% своих членов, по другим городам даются цифры от 30 до 60%⁷⁹. Если таково было положение в мощном и довольно хорошо организованном профсоюзе московских металлистов, куда входили высококвалифицированные рабочие, то в других местах дела шли намного хуже⁸⁰.

Практика автоматических отчислений взносов из зарплаты была слишком удобной, чтобы профсоюзы могли легко от нее отказаться. Но это проливает свет на те отношения, которые сложились между профсоюзами и хозяйственным руководством.

Да и государственный аппарат теперь уже не имел достаточной власти, чтобы поддерживать интересы профсоюзов во всяком конфликте с хозяйственниками. НЭП лишил рабочего того прямого покровительства государства, которым он пользовался на предыдущем этапе.

Функция государства в отношении рабочего класса теперь, с принятием в ноябре 1922 г. КЗоТа, ограничивалась некоторым ми-

нимумом условий безопасности и благосостояния, установлением минимума заработной платы и поддержанием бирж труда, посредством которых обычно осуществлялся найм рабочей силы⁸¹. Теперь заработная плата устанавливалась не государством, а коллективными договорами, заключавшимися между нанимателями и профсоюзами. Теоретически профсоюзы были полностью независимы; их функции были примерно те же, что и функции профсоюзов в капиталистической экономике. На практике же независимость профсоюзов скорее была источником их слабости, нежели силы; имея во главе руководителей, связанных по рукам и ногам партийной дисциплиной, которые не могли бросить прямой вызов правительственным решениям, профсоюзы заплатили за свою формальную независимость оттеснением от центра власти, что уменьшило их возможности защиты и отстаивания интересов, доверенных им рабочим классом. Наркомтруд не только снова взял в свои руки дело социального страхования⁸², но вновь занял то место в правительственной иерархии, откуда профсоюзы вытеснили его в дни военного коммунизма. Хозяйственники, теперь прочно окопавшиеся на влиятельных должностях в комиссариате⁸³, восприняли такой поворот дела с удовлетворением. «...Вместо захиревшего органа с незначительными функциями в период военного коммунизма, — писала «Экономическая жизнь» 17 июля 1923 г., — мы имеем вновь крепкий, здоровый организм, на обязанности которого лежит распределение очень больших важных задач».

Вообще говоря, начиная с 1923 г. и далее профсоюзы полностью приняли новую экономическую политику со всеми вытекающими из нее последствиями. Они с энтузиазмом отдались расширению и усовершенствованию своей организации, осуществляли необходимую и зачастую деликатную функцию посредника между правительством и рабочими; так, с одной стороны, профсоюзы воспитывали у рабочих чувство долга и готовности откликнуться на решения правительства, а с другой, часто не без успеха, внушали правительству мысль о необходимости облегчить положение рабочих в каких-то частных вопросах. Но больше профсоюзы уже не претендовали на ведущую роль в решении основных политических вопросов.

Зимой 1922—1923 гг. одним из первых и наиболее очевидных симптомов роста власти нанимателей и хозяйственников над рабочими был найм рабочей силы в обход бирж труда. Биржи труда, учрежденные в 1917 г., к осени 1918 г. стали единственным законным местом найма рабочих. Этой системе не суждена была долгая жизнь. Уже в период военного коммунизма эта практика сменилась прямым рекрутированием рабочих через госорганы; биржи труда были преобразованы в органы Наркомтруда, обладавшие властью принудительной мобилизации и регулирования рабочей силы⁸⁴. С переходом к НЭПу биржи труда возобновили свою деятельность. Согласно КЗоТу, принятому в ноябре 1922 г., найм всей рабочей силы, будь то частными нанимателями или государ-

ственными учреждениями и предприятиями, должен был осуществляться через биржи.

Однако и до принятия КЗоТ наниматели нередко обходили это положение (бесплодный протест против подобного произвола прозвучал на V Всероссийском съезде профсоюзов, состоявшемся в сентябре 1922 г.). Да и сам КЗоТ содержал шкалу многих исключений, по которым вполне можно было пренебречь правилами найма через биржи. Понятно, что кампания против бирж труда набирала силу.

О том, как возросла власть хозяйственников в вопросах труда, свидетельствуют не только предоставленные им в соответствии с КЗоТом широкие права в вопросах увольнения рабочих⁸⁵, но и распоряжение, изданное в январе 1923 г. о порядке регистрации безработных (и направления их на работу. — *Ред.*). Согласно этому распоряжению, спрос на рабочую силу удовлетворялся «не в порядке механической посылки состоящих на очереди безработных, а в самом строгом соответствии с требованиями нанимателей»⁸⁶. В Постановлении от 19 февраля 1923 г. давался подробный перечень профессий, наем которых разрешается с последующей регистрацией на биржах труда. В него входили директора, специалисты, бухгалтеры и все ответственные работники⁸⁷.

В такой ситуации, когда наличие рабочей силы намного превышало ее спрос, наниматели, когда им это было удобно, могли без труда действовать в обход бирж. В июле 1923 г. было принято еще одно постановление, в котором подробно оговаривались вопросы организации бирж труда и их функции, и вновь было подтверждено право нанимателей производить непосредственный отбор рабочей силы из числа зарегистрированных на бирже труда. Тем самым Постановление давало нанимателям множество всяких лазеек, чтобы не брать тех рабочих, которые их не устраивали. Направление же безработных на работу должно было производиться «исключительно по признаку наибольшего соответствия последних с точки зрения квалификации, стажа и работоспособности». Однако в случае двух равно пригодных кандидатов «преимущество отдается членам профессионального союза»⁸⁸.

Два месяца спустя циркуляр Наркомтруда установил процедуру, в соответствии с которой хозяйственнику, имевшему заявку не менее чем на 10 человек, предоставлялось право прийти на биржу труда, просмотреть списки имевшихся в наличии квалифицированных рабочих и произвести из них отбор⁸⁹. Все это газета «Труд» назвала «нажимом со стороны хозяйственников на биржи труда в смысле покушения на ее монопольное положение на рынке труда»⁹⁰.

Эти следовавшие одно за другим решения постепенно подготовили почву для ликвидации бирж труда как обязательных каналов регулирования найма рабочей силы и их превращения в добровольные бюро по найму при государственных органах. Этот процесс был завершен в начале 1925 г.⁹¹.

Поле битвы, на котором профсоюзы с неизменным постоянством вели арьергардные бои за сохранение своего влияния, была практика разрешения трудовых споров.

В период «военного коммунизма», когда государство являлось единственным нанимателем рабочей силы, трудовые споры в обычном смысле слова не возникали; спорные вопросы разрешались Главкомтрудом, а «товарищеские дисциплинарные суды» обеспечивали обязательность исполнения решений⁹². С переходом к НЭПу, когда от системы государственного принуждения перешли к добровольному найму рабочей силы, и коллективный договор стал основным средством найма на работу, сразу же вновь в повестку дня встал вопрос о разрешении трудовых споров и конфликтов. 12 января 1922 г. ЦК РКП(б) принял постановление о роли и задачах профсоюзов, проект тезисов которого был написан Лениным. В постановлении осторожно говорилось о допустимости стачечной борьбы против «бюрократических извращений» или «остатков капитализма». Однако обычным способом разрешения конфликтов признавались «посреднические действия» профсоюзов, которые должны непосредственно обращаться к хозорганам или к высшим госорганам; для решения трудовых споров было рекомендовано создавать «конфликтные комиссии»⁹³.

Исходя из этой резолюции, в коллективные договоры стали включать статьи об учреждении так называемых расценочно-конфликтных комиссий (РКК), которые создавались из равного числа представителей администрации предприятия и рабочих (завкома или месткома, выступающих от их имени). Эти комиссии должны были разрешать споры и конфликты, возникающие между администрацией и рабочими. Решение расценочно-конфликтной комиссии принимались по соглашению сторон, и казалось, что стачка как оружие в руках рабочих останется крайним средством, как бы не хотели отбить охоту пользоваться им на практике⁹⁴.

Но вскоре выяснилось, что РКК в деле борьбы с недовольством рабочих непригодны, и декрет от 18 июля 1922 г. ознаменовал собой дальнейшую попытку подхода к этой проблеме. РКК продолжали существовать, но над ними были учреждены еще две инстанции для разрешения споров, возникавших на почве применения наемного труда, которые РКК не удавалось улаживать к удовлетворению обеих сторон.

Это были примирительные камеры и третейские суды. Примирительные камеры отличались от РКК в двух аспектах: они могли разрешать не только споры и конфликты, возникавшие при проведении в жизнь положений коллективного договора, но могли также разбирать жалобы на сами положения коллективного договора, что было за пределами компетенции РКК. Председателя же примирительной камеры назначал орган Наркомтруда. Поскольку состав камеры образовался на паритетных началах спорящих сторон и председатель не имел решающего голоса и обязан был содействовать выработке решения путем убеждения, прин-

цип добровольности сохранялся, хотя принятые решения становились юридически обязывающими. Однако председатель третейского суда, который назначался также органом Наркомтруда, в случаях, когда соглашение сторон не было достигнуто, имел решающий голос, и решения третейского суда были юридически обязательны. Здесь также принцип добровольности теоретически был соблюден, поскольку споры (независимо от того, обращались ли стороны ранее в примирительную камеру) могли быть переданы в третейский суд лишь с согласия обеих сторон.

Но в Положении была оставлена лазейка для принуждения. Так, одна из статей, явно внесенная задним числом, гласила, что при разногласиях, возникающих на государственных предприятиях и в учреждениях, профсоюзы могут передавать дело в третейский суд без согласия администрации⁹⁵. Эта односторонняя статья как будто давала исключительные преимущества рабочим.

Но по мере того как возрастала власть хозяйственников, эта привилегия оказалась недолговечной и быстро превратилась в оружие, которое могло быть обращено против самих рабочих.

Месяц спустя после опубликования основного текста Положения оно было дополнено Положением от 23 августа 1922 г., согласно которому «разногласия государственных органов с профессиональным союзом по вопросу о заключении коллективного договора (при этом совершенно очевидно, что никакие другие) ... могут Народным Комиссариатом труда по заявлению одной из сторон передаваться на разрешение третейского суда»⁹⁶.

На деле возникали некоторые сомнения относительно того, что принцип принудительного разбирательства будет применяться в равной мере к любой из сторон, будь то администрация или рабочие, а наркому труда Шмидту выпала неприятная обязанность попытаться оправдать новое постановление Совнаркома перед V Всероссийским съездом профсоюзов в сентябре 1922 г. Он разъяснил, что он сам был против этого постановления, но Совнарком не принял это во внимание. Согласно Постановлению, преимущественное право разрешения конфликта принадлежит Наркомтруду, но Шмидт заявил, что только индивидуальные споры будут разрешаться в принудительном порядке, но ни в коем случае не те конфликты, которые возникают на почве коллективного договора, и что профсоюзы ни при каких обстоятельствах не будут лишены права на стачку⁹⁷. Этот эпизод весьма примечателен как пример того, что в то время советская и партийная дисциплина не отличалась значительной строгостью, когда нарком мог позволить себе жест, являвшийся фактически публичным обещанием заинтересованной стороне не навязывать непопулярную статью постановления⁹⁸.

Когда в ноябре 1922 г. был принят КЗоТ, который охватил все три процедуры улаживания споров, положение дел в отношении принудительного разбирательства несколько не прояснилось. Под-

черкнув необязательный характер РКК и примирительных камер, КЗоТ предписывал: «При конфликтах в государственных учреждениях и предприятиях органы Народного Комиссариата Труда по требованию профессиональных союзов организуют третейские суды». Этим положением явно восстанавливался односторонний характер инициативы профсоюзов, предусмотренный Положением от 18 июля. Однако здесь же было сделано небольшое уточнение, гласившее, что «в случаях острых конфликтов, угрожающих безопасности государства, третейский суд может быть назначен по особому постановлению высших государственных органов (ВЦИК, СНК и СТО)»⁹⁹. В таких случаях профсоюзы и Наркомтруд теряли право третейского разбирательства трудовых споров, и принудительное разбирательство возлагалось на высшие органы государства. А так как и КЗоТ, и постановления недвусмысленно оговаривали, что принятое примирительной камерой или третейским судом решение является обязательным, а нарушение его — уголовно наказуемым, тем самым, наконец, была окончательно установлена принудительная власть.

Следующим шагом явилось мартовское постановление 1923 г., которое, как подразумевалось, должно было облегчить осуществление статей КЗоТа. Оно внесло ясность и четкость в юридическую ситуацию. Постановление подтвердило статус и права примирительных камер и третейских судов. Согласие обеих сторон в принципе все еще требовалось для создания третейского суда; было отвергнуто даже одностороннее право, предоставленное профсоюзом Постановлением от 18 июля 1922 г. и подтвержденное КЗоТом при конфликтах на государственных предприятиях и учреждениях требовать образования третейского суда без согласия администрации. Но чрезвычайная статья КЗоТа о праве ВЦИКа, Совнаркома или СТО налагать третейское разбирательство в принудительном порядке «в случае, если серьезные конфликты могут угрожать безопасности государства», было вновь подтверждено¹⁰⁰, и это решение носило окончательный характер.

Смысл этого постановления заключался в том, что оно не только обеспечивало принудительную власть против норовистых хозяйственников или нанимателей, но и давало право применять уголовнонаказуемые санкции против нарушений трудовой дисциплины и тем самым восстанавливало в несколько иной форме дисциплинарные суды периода «военного коммунизма».

Страх безработицы, неумолимый и неотступный, однако, сам по себе был недостаточен, чтобы заставить работать в тех суровых условиях, в которых находились промышленные рабочие в Советской России в начале 20-х гг. Но все-таки эти статьи не были целиком и полностью односторонними. В июле 1923 г. в целях борьбы со служебными упущениями, проступками и неправильными действиями лиц, занимающих ответственные должности в государственных органах или предприятиях, были учреждены дисциплинарные суды. В качестве наказания применялись замечания,

выговора, понижение в должности, обязательное возмещение нанесенного ущерба ¹⁰¹.

Самым поразительным симптомом возникновения капиталистических черт в советском народном хозяйстве было то, что главной проблемой в сфере труда теперь вновь стала политика заработной платы. При «военном коммунизме», когда привлечение рабочей силы осуществлялось в порядке трудовой повинности, существовала оплата натурой в виде всяких пайков и прочих бесплатных выдач, которая в основном заменила не только денежную оплату, но и расчеты жалованья в денежном исчислении. Цель же новой экономической политики состояла в том, чтобы заменить все формы натуральной оплаты денежной. Социальное обеспечение теперь осуществлялось на основе страхования и было переведено на самофинансирование. Все виды оплаты, которые при «военном коммунизме» были бесплатными, сделались обязательными, в том числе и квартирная плата ¹⁰².

Вопрос о прекращении выдачи рабочим пайков нельзя было решить одним махом. Здесь изменения носили постепенный характер. Так, транспортники, почтовые работники и рабочие некоторых других национализированных отраслей продолжали получать пайки еще два года спустя после перехода к НЭПу ¹⁰³. Денежная стоимость пайков исчислялась по отношению к тарифным ставкам заработной платы, установленной коллективным договором. Уже с осени 1921 г. все рабочие получали заработную плату, исчисленную в денежном выражении, и даже там, где фактическая зарплата еще частично выплачивалась натурой. Однако было очевидно, что в условиях падающего советского знака не было основы для установления единицы исчисления зарплаты. После утверждения Наркомфином в ноябре 1921 г. официального месячного курса советского рубля на основе индекса цен 1913 г. — так называемого довоенного рубля, или товарного рубля ¹⁰⁴ — вся заработная плата начала исчисляться в этих новых единицах исчисления, хотя выплачивалась она советскими рублями по тогдашнему их курсу.

Когда в марте 1922 г. товарный рубль был заменен золотым рублем, возникли новые трудности. Дело в том, что тогда не были готовы к тому, чтобы в целях устранения колебаний заработной платы отказаться от стандарта, обладавшего тем достоинством, что он был связан с прожиточным минимумом ¹⁰⁵. Исчисление стоимости товарных рублей по индексу цен 1913 г. было принято Госпланом, который разработал собственный бюджетный индекс. Отныне госплановский товарный рубль использовался в коллективных договорах как основа для исчисления тарифной сетки заработной платы. Эта практика была формально санкционирована и рекомендована циркуляром ВЦСПС, изданным в октябре 1922 г. ¹⁰⁶

В результате сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Ежемесячное исчисление тарифных ставок заработной платы по индексу товарного рубля требовало квалифицированных расчетов. Процедура установления курса между товарным и советским рублем, в которых фактически производилась выплата рабочим, влекла за собой тонкие и в высшей степени запутанные расчеты, в ходе которых изыскивались всяческие уловки, чтобы снизить реальную заработную плату относительно согласованного и неукоснительно выплачиваемого уровня. По этой причине официальная статистика того времени постоянно преувеличивала уровень реальной заработной платы. Официальные ставки заработной платы, зарегистрированные статистикой, на практике часто меньше значили, нежели колеблющийся курс, согласно которому осуществлялись фактические выплаты в советских рублях, а также и дата выплаты.

Отсутствие политики в области заработной платы в сочетании с соперничеством между различными ведомствами создавало колоссальную неразбериху. Так, Наркомфин и Госбанк контролировали отпуск денежных знаков; Наркомпрод отвечал за выдачу натуроплаты; ВЦСПС устанавливал тарифную сетку ставок, которая находила отражение в коллективных договорах; две или три межведомственные комиссии занимались фондами заработной платы, будь то денежные или натуральные; наконец, Госплан осуществлял некие теоретические расчеты всего фонда заработной платы, который складывался из бюджетных поступлений. Высшая экономическая комиссия пыталась играть роль посредника между этими органами, но ей не доставало власти, чтобы оказывать на них давление.

Согласно расчетам, проделанным в Госплане, норма оплаты труда «работника средней квалификации» до 1914 г. составляла в месяц 20 довоенных рублей. Когда в начале 1922 г. в Госплане были проведены самостоятельные подсчеты нормы заработной платы в довоенных рублях, то оказалось, что ежемесячный заработок в конце 1920 г., включая выплаты натурой, составлял не более 3 рублей 40 коп. Этот легальный заработок рабочие восполняли всяческими нелегальными поступлениями, в результате чего достигался прожиточный минимум в размере 5—6 рублей. Благодаря импульсу, приданному экономике НЭПом, заработная плата неуклонно, хотя и неравномерно, росла в течение всего 1921 г. В январе 1922 г. Наркомпрод (точнее Центральная комиссия по рабочему снабжению. — *Ред.*) установил паек на сумму 8 рублей 10 коп. (в товарных рублях) для рабочих, занятых самым тяжелым физическим трудом; 6 рублей 78 коп. — для прочих рабочих и 4 рубля 70 коп. — для служащих. В бюджете рабочего главной, если не единственной, статьей расхода были продукты питания, а норма реальной заработной платы за январь, включая денежные выплаты, колебалась от 8 рублей 78 коп. для высшей категории рабочих до 6 рублей 26 коп. — для низшей ¹⁰⁷.

В этих условиях статистики Госплана взяли гипотетическую цифру — 10 рублей или половину ежемесячной нормы заработка 1913 г. как стандартную, или «целевую» цифру для своих расчетов. Текущие расчеты реальной заработной платы осуществлялись в стоимости установленных количеств группы основных товаров, составлявших ежемесячный бюджет типичного рабочего, который в 1913 г. якобы составлял по Москве и Петрограду 10 рублей или 7 рублей 40 коп. в средних ценах по всей стране. Статистика реальной заработной платы в официальных публикациях давалась в процентах от этого довоенного индекса, установленного Госпланом. На этой основе средняя ежемесячная зарплата промышленного рабочего, как следовало из статистических данных, возросла с 75% в январе 1922 г. до 142% в декабре 1922 г. и 162% в январе 1923 г.¹⁰⁸

В действительности же все обстояло не так благополучно. В течение всего 1922 г. Наркомфин, не желая связывать себя довоенным индексом Госплана и полагаясь на совершенно иные собственные расчеты, часто не обеспечивал нужное количество фондов на оплату труда, согласно коллективным договорам в отраслях, находившихся на государственном обеспечении. В результате этого заработная плата с молчаливого согласия профсоюзов либо выплачивалась по заниженному курсу (рабочий, сбивший с толку постоянно падающей валютой, не мог знать, что ему полагалось на самом деле), либо выплачивалась несвоевременно¹⁰⁹.

В некоторых отраслях легкой индустрии, в частности пищевой, табачной и текстильной, все еще бытовала практика, распространенная в период военного коммунизма, когда рабочим выплачивали жалованье изделиями той фабрики, на которой они работали, в расчете на то, что они смогут продать их или обменять на другие товары. Теперь такая практика считалась вредной¹¹⁰, поэтому точный расчет фактически выплачиваемой заработной платы был делом чрезвычайно сложным. Но, учитывая все эти допущения, можно было с большой долей уверенности сказать, что в течение всего 1922 г. реальная заработная плата продолжала постоянно расти.

Если динамика повышения общего уровня заработной платы вызывала законный оптимизм, то частная проблема, связанная с «пестротой» заработной платы в разных отраслях промышленности, настоятельно требовала разрешения. В сентябре 1922 г. V Всероссийский съезд профсоюзов признал «необходимость регулирования зарплат и выравнивания отставших в зарплате, в силу неблагоприятного экономического положения, рабочих крупной и, главным образом, тяжелой индустрии и транспорта». В другом разделе резолюции съезда осторожно был поставлен вопрос по существу: «Различность экономического положения отдельных отраслей промышленности и неравномерное слияние рынка создали в свою очередь пестроту в оплате труда и несоответствие разме-

ров заработной платы удельному весу и роли отдельных групп промышленности в общей системе народного хозяйства»¹¹¹.

Положение с заработной платой, сложившееся в промышленности, отражало одну из основных дилемм новой экономической политики, принципы которой исключали прямое государственное нормирование заработной платы. Относительные успехи легкой промышленности привели к тому, что заработная плата в этих отраслях поднялась гораздо выше уровня заработной платы в убыточной тяжелой промышленности, которая с точки зрения общего восстановления народного хозяйства и конечной победы социализма была наиважнейшей. И более того, заработки в тех секторах промышленности, где господствовали частные предприятия, **были более высокими, нежели** в национализированных отраслях, которые прямо зависели от централизованных фондов Наркомфина. В декабре 1922 г., например, «на табачных фабриках девушки — работницы, обклеивающие бандеролью папиросы, получали больше забойщика и монтера»¹¹². В апреле 1923 г. в одном из выступлений (Андреева. — *Ред.*) на XII съезде партии было сказано, что труд транспортных работников так низко оплачивается, что их бюджет составляет на 40% из нелегальных доходов¹¹³. Лишь страх безработицы удерживал рабочих на своих местах в национализированных и в масштабах отечественной экономики жизненно важных отраслях промышленности. Таковы были неизбежные результаты возвращения к рыночной экономике и перехода к принципам хозрасчета.

Поэтому в середине 1922 г. политика в области заработной платы стала во всех отношениях жгучей проблемой. Как только задача установления стабильной валюты и, следовательно, сбалансированного бюджета и ограничения эмиссии бумажных денег была признана первостепенной, значительно усилилась тенденция к снижению заработной платы. Не только потому, что зарплата в промышленности представляла существенную статью государственных расходов, но еще и потому, что против экономии по этой статье возражали не так резко, чем когда речь шла о других статьях бюджета. Однако в Госплане существовала другая точка зрения на этот вопрос. Там считали, что производительность труда рабочих тесно связана с их уровнем жизни и всякая экономия на заработной плате или сохранение уравнительного низкого ее уровня происходит за счет снижения эффективности труда¹¹⁴.

Знаменательно, что два государственных ведомства оказались главными действующими лицами в этой борьбе и что вовсе не профсоюзы, а совсем другое ведомство явилось главным поборником интересов промышленных рабочих. Профсоюзы, будучи в большей степени подчиненными указаниям партии, нежели теоретики Госплана, скорее были готовы пойти на компромисс с жесткой реальностью. В резолюции V Всероссийского съезда профсоюзов, состоявшегося в сентябре 1922 г., в разделе, посвященном вопросам заработной платы, уже прозвучала предупреждающая от

иллюзий нотка «о возможности доведения в ближайший период размеров заработной платы до уровня довоенного прожиточного минимума» и выдвигалось требование «установить общую единицу исчисления, гарантирующую заработную плату от непрерывных колебаний рыночных цен и дающую возможность наиболее простого сравнения настоящего уровня с довоенной заработной платой»¹¹⁵.

Три месяца спустя, торжественно провозгласив, что реальная заработная плата теперь достигла половины довоенного уровня, ВЦСПС по указанию Центрального Комитета призвал приостановить дальнейшее повышение заработной платы: «Настоящая экономическая обстановка делает объективно невозможным дальнейшее общее повышение заработной платы в госпромышленности. ВЦСПС считает, что внимание союзов на ближайшее время должно быть сосредоточено на сохранении достигнутого уровня заработной платы и недопущении реального падения его в будущих договорах».

Одновременно союз поставил в качестве неотложной задачи повышение зарплаты для отставших групп и в первую очередь рабочих транспорта¹¹⁶.

Это полуофициальное указание о замораживании заработной платы оставалось в силе в течение всего 1923 г. и явилось предлогом для активных наступательных действий против повышения заработной платы в промышленности. Кампанию, которую вел Наркомфин в интересах экономии бюджета и его стабилизации, теперь поддерживали «красные промышленники». Они сами находились под сильным нажимом Наркомфина и были озабочены поисками козла отпущения, которого можно было бы обвинить в высоких ценах на промышленные товары.

16 января 1923 г. газета «Экономическая жизнь» заявила, что затраты на рабочую силу, включающие заработную плату, социальное страхование и социальное обеспечение, были слишком высоки для промышленности, которая должна работать на началах прибыльности. В номере газеты от 25 января бывший текстильный магнат, который теперь был один из членов правления льняного треста, утверждал, что заработная плата и прочие выдачи рабочим теперь составляют 56% стоимости продукции по сравнению с довоенными 25%.

Газета «Труд» в своем ответе, появившемся буквально на следующий день, опрометчиво заявила: «вопрос о зарплате ставится *вне всякой зависимости от производительности труда рабочего*». Но это явно не соответствовало официальной линии¹¹⁷, и несколько недель спустя газета в своей передовой статье выступила против того, «будто их (профсоюзов. — *Ред.*) роль защитников экономических интересов рабочего класса сводится к безудержной борьбе за повышение заработной платы рабочих безотносительно к чему бы то ни было»¹¹⁸. Знаменательно, что профсоюзы, осознавая сколь мал их реальный вес в государственном аппарате, бы-

ли в то же время решительными противниками государственного нормирования заработной платы; они считали, то «нет... ни принципиальных, ни практических оснований возродить тарифные методы эпохи военного коммунизма»¹¹⁹. В марте компромисс был достигнут и зафиксирован в совместном директивном письме ВЦСПС и ВСНХ о ближайшей линии в тарифной политике. В письме отмечалось, что в среднем за истекший период зарплата поднялась до 50—60% ее довоенного уровня, производительность труда растет также быстро или еще быстрее, и поэтому «снижение ее (зарплаты. — *Ред.*) следует признать совершенно недопустимым». Отмечалась необходимость принять все возможные меры к выравниванию зарплаты путем поднятия ее в отставших от легкой промышленности группах предприятий и в первую очередь на транспорте и в тяжелой индустрии. Однако дальнейшее общее повышение зарплаты могло иметь место лишь при более благоприятных условиях: «Важнейшей задачей хозорганов и профсоюзов является создание дальнейших экономических предпосылок для повышения оплаты труда»¹²⁰, — отмечалось в письме.

Но что на деле было достигнуто профсоюзами в то время, так это выравнивание заработной платы работников тяжелой и легкой промышленности. Так, давление профсоюзов, с одной стороны, и снижение процветания легкой промышленности — с другой, ликвидировали тот разрыв в нормах заработной платы, который стал причиной скандала в 1922 г. Несмотря на официальные заверения, процесс выравнивания происходил не только в сторону понижения заработной платы, но и в сторону ее повышения. Тем самым удалось как-то нейтрализовать первые пагубные последствия НЭПа и восстановить более разумное соотношение между уровнем заработной платы в разных отраслях промышленности.

Политика в области заработной платы первые три четверти 1923 г. отражала все более ширившийся разрыв между теорией и практикой. Согласно официальным статистическим данным, реальная заработная плата в промышленности, которая в январе составляла 153% стоимости бюджетного набора продуктов, выросла в июне до 170%, затем немного понизилась, а в сентябре увеличилась до 174%; реальный же заработок работников железнодорожного транспорта оставался на одном уровне в течение того же периода и составлял чуть больше 130%¹²¹. Эти данные, отражающие относительно стабильный уровень заработной платы с тенденцией к ее повышению, за исключением постоянного отставания зарплаты транспортников, достаточно четко соответствовали официальным указаниям.

Реальность, однако, была иной. К весне 1923 г. стало очевидно, что замораживание зарплаты в декабре прошлого года фактически явилось сигналом к повсеместному снижению заработной платы. Передовая газеты «Труд» от 11 марта 1923 г. (дата выпуска газеты указана неверно. — *Ред.*) под заголовком «И все же зарплата падает» отмечала общее понижение зарплаты начиная

с декабря, упоминала «кампанию, развязанную промышленниками за постепенное сокращение заработной платы», и сетовала на пассивность «некоторых» профсоюзов. В резолюции 14 апреля 1923 года (III сессии ВЦСПС. — *Ред.*), принятой накануне XII съезда партии, ВЦСПС признавал, что зарплата рабочего «реально понижается» и призвал разработать ряд мероприятий о порядке ограничения ее падения ¹²².

К этому времени расхождение между официальным бюджетным индексом, по которому исчислялась зарплата, и индексом, по которому она фактически выплачивалась, стало для всех очевидным. Большие сложности возникали в деле увязывания официальной политики стабильной заработной платы, выражением которой были коллективные договоры, заключавшиеся профсоюзами, и неспособностью или нежеланием Наркомфина обеспечить необходимые средства для выплаты заработной платы, согласно нормам оплаты труда, установленным коллективными договорами. Это приводило к неразберихе и создавало почву для всяких действий в обход закона, что было вообще характерно для советской и партийной политики того периода. Бюджетный индекс Госплана не рассматривался ими как четкая юридическая единица измерения. В результате местные власти (органы Наркомтруда на местах. — *Ред.*) игнорировали бюджетные индексы Госплана и исчисляли индексы по своему собственному усмотрению. Заработная плата фактически выплачивалась по местным индексам, которые подгонялись не столько под местные рыночные цены (что было бы оправдано хотя бы теоретически), сколько под платежные ресурсы хозяйств. Таким образом, в результате подобных исчислений получался индекс, который фактически являлся мошенничеством. После таких манипуляций с индексом нормы, установленные коллективными договорами, и принцип «устойчивой единицы измерения» в теории были как будто соблюдены. При такой системе рабочим не просто было обнаружить, что происходит с их заработной платой на самом деле, тогда как злостные манипуляции с индексом приводили к тому, что фактическая выплата заработной платы производилась в тех границах, которые были выгодны Наркомфину. Поскольку заводу управления не хватало наличных денег, то им приходилось прибегать к выплате заработной платы по урезанным индексам. Едва ли стоит говорить, что подобная процедура могла осуществляться без молчаливого согласия профсоюзов. Статистические данные по Донбассу показывают, что шахтеры этого района на 1 января 1923 г. в результате применения местного индекса потеряли 25% своей реальной заработной платы и 37% — на 1 марта 1923 г. ¹²³

В апреле 1923 г. была предпринята попытка погасить скандал, разгоревшийся в связи с нарушениями выдачи заработной платы. С этой целью был издан декрет (СНК. — *Ред.*), предписывавший губернским отделам труда вместе с хозорганами публиковать местные рыночные цены на продукты и товары, указанные в особом

перечне (бюджетный набор), выработанном Госпланом (точнее Государственной Общеплановой комиссией. — Ред.)¹²⁴. Но и эта мера оказалась неэффективной. По мере того как летом 1923 г. обострялся «кризис сбыта», легкая промышленность, работавшая на рынок, столкнулась с той же хронической нехваткой фондов, от которой до сих пор страдала главным образом тяжелая промышленность. К осени скандал докатился до самой столицы. Официальный индекс цен, опубликованный отделом труда Моссовета, был охарактеризован Струмилиным как «изобретательный кудесник, который подобно Иисусу Навину, остановившему солнце, вышел на московский рынок, воздел руки к небу, рявкнул: «Цены, остановитесь...» И цены послушно остановились? Более того, некоторые из них даже отпрянули назад от страха»¹²⁵.

Однако манипуляции с индексом, даже самые беззастенчивые, во многих случаях не помогали свести концы с концами, не всегда хватало платежных средств, чтобы выплачивать зарплату даже и по этим урезанным индексам. Еще зимой 1921/22 г. раздавались жалобы о несвоевременной выплате жалования рабочим, особенно в глухих провинциях¹²⁶. 1 августа 1922 г. был принят декрет о расширении полномочий Высшего тарифного совета. Отныне всякое увеличение заработной платы сверх минимума, установленного Высшим тарифным советом, не должно было покрываться за счет общегосударственных фондов; обо всех случаях несвоевременной выдачи зарплаты следовало доводить до сведения Высшего тарифного совета; все факты о незаконных действиях передавать на рассмотрение юридических органов. Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции обязан был осуществлять государственный контроль за распределением фондов¹²⁷.

На самом деле этот декрет скорее свидетельствовал о преобладающем хаосе, нежели обещал поправить положение дел. Нет сомнения, что наниматели, и в особенности директора национализированных концернов, пользовались задержками с выплатой зарплаты и намеренно, там, где они решались пойти на это, растягивали выплату, чтобы за счет рабочих выиграть от падения курса валюты. Жалобы на несвоевременную выплату жалования и попытки властей покончить с этими злоупотреблениями стали постоянной темой печати зимой 1922/23 г. Согласно коллективным договорам, расчеты обычно производились по курсам, действовавшим либо на 1-ое (что было более благоприятно), либо на 15-ое число месяца, в которые должна выплачиваться зарплата, но сама выплата происходила лишь в следующем месяце¹²⁸. При том, что зачистую стоимость дензнаков падала в месяц на 30%, рабочие, зарплата которым выплачивалась по этой системе, несли весьма ощутимые потери. На деле же пунктуальное соблюдение этой системы в то время было скорее исключением, нежели правилом.

Как сообщала печать, за последние три месяца 1922 г. рабочие Донбасса в результате падения стоимости денег потеряли в своей реальной заработной плате соответственно 34, 23 и 32%¹²⁹. В ян-

варе 1923 г. газета «Труд» констатировала, что «случаи невыплаты жалованья в течение двух и более месяцев становятся опять «бытовым явлением»¹³⁰. В Донецком бассейне, где условия всегда были особенно плохими, 76% зарплаты за февраль были выданы в начале апреля, а первая февральская получка (24%) выдана в конце марта; в июле выплачивали зарплату за май и июнь; задолженность по этим месяцам достигла 115 млн. рублей¹³¹. Разная степень аккуратности выдачи заработной платы приводила к тому, что между оплатой работников одного и того же разряда в учреждениях одинакового значения и характера наблюдалась «колоссальная разница»¹³². В июне газета «Экономическая жизнь» опубликовала статью, в которой вместе с извинениями разъяснялось, что несвоевременная выплата зарплаты происходит в результате разделенной (неполной. — *Ред.*) ответственности органов, несущих материальную ответственность, и заявлялось, что положение меняется к лучшему¹³³. Было издано постановление (НКТ. — *Ред.*), согласно которому все учреждения и предприятия обязывались выплатить заработную плату за июнь месяц не позднее 25 июня, окончательный же расчет произвести не позднее 5 июля (1923 г. — *Ред.*)¹³⁴. В то же время третейский суд под председательством самого Шмидта, разбиравший спор между союзом металлистов и хозорганами, постановил, что 70% тарифной ставки должны выдаваться не позже 20-го числа по индексу на 15-е, а полный расчет производить не позже 10-го числа следующего месяца по индексу на 1-ое число¹³⁵. Но такое улучшение было лишь частичным. Хроническая нехватка наличных денег, которая в свою очередь была непосредственным результатом попытки сбалансировать бюджет и сократить эмиссию валюты, создала такое положение, при котором не помогли ни строжайшее регулирование, ни строжайший контроль. Согласно официальной статистике, причиной более половины забастовок, имевших место во второй половине 1922 г., была несвоевременная выплата заработной платы¹³⁶, той же причиной объясняется нарастающая волна стачек в 1923 г.¹³⁷

В тех разногласиях по экономическим вопросам, в которые поневоле были втянуты руководители партии, вопрос о положении промышленных рабочих еще не стоял. Но настроения беспокойства среди рядовых членов партии вылились в образование двух подпольных оппозиционных групп, которые активизировались в партии накануне XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г. Первая сформировавшаяся группа называла себя «Рабочая правда» по имени нелегального журнала, в котором она опубликовала свою программу. Эта группа, состоявшая в основном из интеллигентов, заявляла о своей приверженности идеям Богданова, старого большевика, отличавшегося неортодоксальностью своих взглядов, что до революции не раз ставило его в оппозицию к Ленину. Группа «Рабочая правда» образовалась осенью 1921 г., когда вновь начал оживать дух оппозиции, задавленный на X съезде партии, состоявшем-

ся в марте 1921 г., в обстановке паники, в момент Кронштадтского мятежа. Год спустя, по мере распространения волны брожений на заводах, эта группа приобрела влияние. Оппозиция трактовала НЭП как возрождение нормальных капиталистических отношений. Она обращалась «к революционному пролетариату и всем революционным элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему классу»; она пыталась сыграть на разногласиях между рабочими и новыми «промышленниками», с одной стороны, и между рабочими и партией — с другой.

«Рабочий класс влачит жалкое существование, в то время как новая буржуазия (то есть ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т. д.) и нэпманы роскошествуют и восстанавливают в нашей памяти картину жизни буржуазии всех времен... Советская, партийная и профсоюзная бюрократия и организаторы государственного капитализма находятся в материальных условиях, резко отличных от условий существования рабочего класса; само их материальное благополучие и устойчивость их общего положения зависят от степени эксплуатации и подчинения им трудящихся масс; все это делает неизбежным противоречивость их интересов и разрыв между коммунистической партией и рабочим классом».

Дальше больше — в условиях НЭПа руководители профдвижения сосредоточивают свою деятельность на вопросах материального положения рабочих, в частности на вопросах регулирования зарплаты: это ведет к возрождению (стихийного. — *Ред.*) «экономизма»¹³⁸ и выхолащивает революционный дух рабочих. «Некогда передовой пролетарский отряд — Российский Рабочий Класс — сейчас далеко отброшен чуть ли не на десятилетия назад»¹³⁹. Конструктивная часть программы была гораздо менее четко изложена, хотя группа решительно отмежевывалась от меньшевиков и эсеров и от бывшей «рабочей оппозиции»¹⁴⁰ и явно желала создать собственную партию. Большая часть этих аргументов была в сокращенном виде повторена в обращении группы «Рабочая правда» к XII съезду РКП(б), в котором профсоюзам было брошено обвинение в том, что они превратились из «организаций защиты экономических интересов рабочих в организации защиты интересов производства, т. е. госкапитала в первую очередь»¹⁴¹.

Вторая и более решительная группа называла себя просто «Рабочая группа» и состояла в основном из рабочих. Ее вдохновителем был Мясников, рабочий с Урала, который сразу же после X съезда РКП(б) в 1921 г. начал мутить воду в партии, требуя «свободы печати и слова для всех — „от монархистов до анархистов включительно“»*. Получив нагоняй от Ленина за пропаганду своих взглядов, Мясников отказался прекратить ее и был исклю-

* Цит. по: История КПСС, в шести томах, том 4, 1921—1937 гг., книга первая (1921—1929 гг.). Политиздат, М., 1970, с. 85 — *Прим. ред.*

чен из партии в начале 1922 г.¹⁴² В феврале 1923 г. Мясников объединил свои действия с Кузнецовым, который был исключен из партии на XI съезде РКП(б) в марте 1922 г. как один из вожakov «обращения — 22» к ИККИ¹⁴³, и членом партии Мойсеевым. Эти трое сочинили «Манифест Рабочей Группы Российской Коммунистической партии (б)», в основу которого была положена ранее написанная Мясниковым брошюра. Они образовали «центральное организационное бюро» (точнее «Временное Центральное Организационное бюро». — *Ред.*) и начали тайно вербовать себе сторонников среди членов партии и беспартийных рабочих¹⁴⁴. Эта группа стояла на безусловно «левацких» позициях и отвергала всякие компромиссы с буржуазией или с капиталистами. Экономическая платформа группы была путаной, однако важна сама расстановка акцентов. Группа яростно отвергала политику уступок крестьянству, на которую нацеливал НЭП с его знаменитой «смычкой» между крестьянством и пролетариатом: «Преодоление нэпа в России зависит от того, как быстро деревню завоеует машина, от победы трактора над деревянной сохой. Органическая смычка между городом и деревней будет установлена на основе роста производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве».

Даже ввоз оборудования из-за границы группа считала ненужным и вредным: эта политика просто создавала «смычку сельского хозяйства и заграничных купцов и ослабляла отечественную индустрию»¹⁴⁵. По мнению группы, IX съезд РКП(б) в 1920 г., который одобрил использование «спецов», поставил все управление промышленности на ошибочные рельсы: «Организация нашей промышленности со времени IX съезда РКП(б) осуществляется без непосредственного участия рабочего класса путем назначений чисто бюрократическим способом.

Образование трестов происходит тем же путем как в плане назначения руководящего состава, так и в плане объединения предприятий в тресты. Рабочий класс не ведает, почему назначен тот или иной директор или почему завод относится к тому или иному тресту. Благодаря политике правящей группы РКП(б), рабочий класс отстранен от всякого участия»¹⁴⁶.

Поистине находкой, в которой как в капле воды отразилась вся позиция группы, стала язвительная формулировка манифеста, расшифровывавшая аббревиатуру «НЭП» как «новая эксплуатация пролетариата». Позитивные предложения были сделаны в старом синдикалистском духе. На фабриках должен быть восстановлен рабочий контроль; политические Советы (перерождение первоначальной их идеи) как правительственные органы должны быть заменены на «производственные Советы»; Рабкрин должен контролироваться «производственными профсоюзами».

Неудивительно, что весной 1923 г. руководители партии, всецело сконцентрировавшие свое внимание на проведении курса, намеченного два года назад, и вынужденные поддерживать нелегкий компромисс между рабочими и крестьянами, вряд ли заметили эту

возню. Обе группы и организационно, и идейно воспроизводили крайне «левацкие» движения, возникавшие не раз с момента захвата власти в партии или на ее периферии. От рабочего контроля отказались еще зимой 1917—1918 гг.; битвы за использование «спецов» отгремели и были выиграны в эпоху «военного коммунизма»; «рабочая оппозиция» 1920—1921 гг. разоблачала зло бюрократизма и господство интеллигенции в партии; проект передачи профсоюзам контроля над производством был рассмотрен со всех сторон и отвергнут как синдикализм в известной полемической схватке, которая предшествовала X съезду партии; даже возражение против политики импорта было не ново, его год спустя после съезда уже выдвигал Шляпников¹⁴⁷.

Естественно, что оба манифеста, которые были широко известны в партийных кругах (даже если лицо их вдохновителей было еще не вполне раскрыто), рассматривались как смесь старых и отброшенных за ненадобностью идей, исходящих от дискредитировавших себя левацких маньяков. Партийное руководство, пребывавшее в муках поиска разрешений более деликатных проблем, не приняло всерьез обе оппозиции и не рассматривало их как угрозу. Новым у обеих групп, и в особенности у «Рабочей группы», было то, что они пытались использовать недовольство рабочих, вызванное в совокупности падением реальной заработной платы, нарастающим страхом безработицы и усиливающейся властью хозяйственников, которые не принимали близко к сердцу интересы рабочих.

Но это недовольство в первые месяцы 1923 г. еще только принимало серьезные размеры и пока что не представлялось партийным руководителям проблемой, заслуживающей внимания. На этом этапе апологеты промышленности, критиковавшие политику партии в этом вопросе со времени введения НЭПа, были представлены двумя направлениями — это были «старые большевики», считавшие, что капитальные вложения в тяжелую промышленность есть необходимый первый шаг на пути к строительству социализма, и «новые промышленники», которые всей душой принимали коммерческие и капиталистические элементы НЭПа и стремились лишь к получению прибыли благодаря успешному управлению своими предприятиями. Ни одно из этих направлений не могло легко кооперироваться с глашатаями интересов рабочего класса, поскольку их требование повышения материального уровня рабочего класса не было непосредственно совместимо с получением высоких прибылей или с накоплением капитала.

Троцкий был потенциальным вождем и центром «промышленной оппозиции». Однако его прошлое как поборника милитаризации труда в эпоху «военного коммунизма» и идеолога «огосударствления» профсоюзов вызывало в профсоюзных кругах особую к нему подозрительность. В разгар дискуссии о профсоюзах в декабре 1920 г. он встал на защиту бюрократических методов руководства промышленностью, необходимых из-за низкого политического

и культурного уровня масс¹⁴⁸; фактически пропасть разделяла его убеждения в необходимости централизации и планирования экономики от квазисиндикалистских взглядов главарей двух «рабочих» групп. Ввиду того, что в партийных кругах интересы рабочего класса бездумно отождествлялись с путаной идеологией «левацких» групп, мало кто из влиятельных людей в партии встал тогда на его защиту.

Эта ситуация нашла свое отражение на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Зиновьев в отчетном докладе с презрением отверг обвинение «Рабочей группы» в том, что НЭП означает «новую эксплуатацию пролетариата», а Троцкий в докладе о промышленности обронил замечание, что «Рабочую правду» вернее назвать «Рабочей кривдой»¹⁴⁹. В своем докладе на съезде Троцкий проявил не только полную невозмутимость в отношении перспективы роста безработицы и сокращения рабочей силы как следствия концентрации промышленности, но и оправдал необходимость давления на рабочий класс с целью снижения уровня заработной платы задачей «социалистического накопления»¹⁵⁰. В резолюции съезда «О промышленности» в поверхностном разделе о заработной плате неясно сказано о «значительном росте заработной платы по всем категориям рабочих», провозглашено требование выравнивания средней заработной платы во всех отраслях промышленности — при этом добавлено об «обусловлении индивидуальной заработной платы фактической выработкой» — и указано, что подлинный прогресс возможен «только на основе развивающейся, то есть приносящей прибыль промышленности». Таким образом, выходило, что рационализация производства соответствовала коренным интересам рабочего класса¹⁵¹.

Эти безапелляционные суждения не оставляли почти никакой надежды на то, что вскоре будет найдена панацея от недовольства промышленных рабочих или придуман способ вывести их из того бедственного положения, в которое их поставил НЭП. Всякое официальное заявление партии и профсоюзов неизменно подчеркивало задачу повышения производительности труда как первостепенной необходимости, а это в свою очередь служило постоянным напоминанием о том, что борьбу за повышение эффективности и интенсивности труда будут вести не покладая рук¹⁵².

В течение весны и лета 1923 г. положение промышленных рабочих постоянно ухудшалось. Один из компонентов логики НЭПа состоял в том, что бремя, частично снятое с крестьянских плеч, должно быть переложено на плечи рабочего класса, что хозяйственники и наниматели, направлявшие все силы на то, чтобы удерживать промышленность на плаву в крайне неблагоприятных условиях, оказались именно теми, кто был наиболее заинтересован в том, чтобы основное бремя легло на рабочий класс. Несмотря на то что уровень жизни промышленных рабочих в 1923 г. был выше, чем в трудные годы «военного коммунизма», они никогда с момента революции не подвергались столь открытой дискриминации

и не имели столько законных оснований испытывать горькое чувство в отношении режима, который провозглашал, что правит от их имени. Настойчивое требование более высокой эффективности труда в промышленности выражало насущнейшую потребность советской экономики, так как без этого никакой существенный прогресс был невозможен. Однако обе меры, посредством которых могла быть достигнута бóльшая эффективность производства — концентрация промышленных предприятий и повышение индивидуальной производительности труда — достигали одного и того же результата, а именно: сокращения излишней рабочей силы, пополнявшей ряды безработных. Но без генерального плана развития промышленности и без капитальных ресурсов, необходимых для осуществления такого плана, перспектива рассасывания излишней рабочей силы была все еще отдаленной.

Таким образом, долгосрочные интересы советской экономики, а при социалистическом строе, который уничтожил капиталистическую эксплуатацию (о чем не уставали говорить партийные и профсоюзные деятели), также и долгосрочные интересы самих рабочих требовали мер, которые в ближайшей перспективе на самом деле сулили им лишь новые невыносимые тяготы. Поэтому рабочий класс не видел для себя в будущем ничего, кроме тяжелой работы, падающей (в лучшем случае стабильной) реальной заработной платы и все растущего страха безработицы. Из этого порочного круга не было иного выхода, кроме неустанной гонки за повышение производительности труда при одновременном снижении затрат. Так как сущностью НЭПа было ослабление того давления, которому в прошлом подвергалось крестьянство, то неизбежным результатом становилось усиление давления на малочисленный промышленный пролетариат. То, что за этим стояла экономическая реальность так называемой диктатуры пролетариата, было мрачным парадоксом, неумолимо возникшем в ситуации, когда после победы революции в России и ее провала в развитых странах Запада была сделана попытка построить социализм в условиях отсталой экономики страны при помощи тактики наскока.

ГЛАВА 3

КРИЗИС РАЗРАЗИЛСЯ

На исходе лета 1923 г. кризис наконец достиг своей критической точки, и руководители партии волей-неволей вынуждены были уделить ему внимание. В течение лета 1923 г. в официальных заявлениях, особенно в выступлениях Зиновьева, продолжали звучать настоятельные требования крепить смычку с крестьянством. После XII съезда партии, состоявшегося в апреле, накал атеистической пропаганды был ослаблен, чтобы не оскорблять чувств верующих крестьян. В августе со страниц газеты «Правда» провозгласили, что «руготней и издевательствами мужицкого бога не изведешь», нужно, «чтобы крестьянин понял, прочувствовал, что он действительно не так беспомощен перед слепыми силами природы: искусственное насаждение безбожия создаст «только фанатиков, готовых пострадать за свою веру, за своего бога»¹.

В конце 1921 г.² обсуждался вопрос об устройстве большой сельскохозяйственной выставки, которая должна была стимулировать развитие сельского хозяйства. Наконец, в августе 1923 г. в Москве была открыта первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Она была призвана символизировать значение крестьянства в народном хозяйстве СССР³. Но идиллическую картину преимущественно крестьянской страны, безболезненно продвигавшейся по пути социализма в условиях мягкого нажима НЭПа, нарушала напряженность в отношениях между сельскохозяйственным и промышленным секторами экономики. Корнем всех бед был устойчивый характер этой напряженности. После XII съезда партии появилась надежда, что раствор «ножниц» больше не раздвинется, и все образуется само собой. Но произошло обратное. Расхождение между промышленными и сельскохозяйственными ценами продолжало увеличиваться из месяца в месяц. 1 октября «ножницы» раздвинулись до отказа. В этот день розничные и оптовые цены промышленных товаров в довоенных рублях составили соответственно 187 и 171% по отношению к уровню 1913 г., а розничные и оптовые цены сельскохозяйственных продуктов — 58 и 48%⁴.

К этому времени появились и другие бесспорные признаки глубокого экономического кризиса. В течение лета снижался объем сбыта потребительских товаров. Промышленные тресты, пользуясь прочностью своего финансового положения, опираясь на свои

монопольные торговые организации, на рынок, который обеспечил им созданный НЭПом новый городской «средний класс», продолжали взвинчивать цены и были рады придержать товары, выжидая момент, когда крестьяне, собрав урожай, разживутся деньгами. В этом большую роль сыграл июльский 1923 г. декрет ВСНХ, согласно которому трестам предлагалось любой ценой добиваться наибольшей прибыли⁵.

Экономический кризис 1923 г. ни в какой степени не походил на предшествующие кризисы, которые с 1917 г. пережили Советы. Тогда это были кризисы бедности и недостатка товаров, теперь же склады были забиты товарами, а урожай дал значительные избытки сельскохозяйственной продукции. Кризис разразился главным образом не из-за неспособности производить, а вследствие неспособности найти методы сбыта, позволяющие направить поток товаров от фабричного рабочего к крестьянину и от крестьянина к рабочему⁶. Предполагали, что при НЭПе условия ведения торговли автоматически сделаются наиболее взаимовыгодными для всех заинтересованных сторон, ибо, согласно финансовой ортодоксии, это обязательно должно было явиться результатом отмены ограничений на торговые операции. Но надежды явно не оправдались.

Если то, что произошло в 1923 г. в этом смысле стало кризисом НЭПа — «первым кризисом», который, по словам Рыкова, «положил серьезную трещину между рабочими и крестьянами»⁷, — то в более глубоком смысле это был один из аспектов борьбы между сельским хозяйством и промышленностью, между крестьянством и пролетариатом. Эта борьба своими истоками восходила не к начальному этапу НЭПа, не к большевистской революции, а ко времени отмены крепостного права. Значение и цель отмены крепостного права были в том, что появилась возможность промышленной революции в России. Наличие крупных помещичьих хозяйств и некоторое повышение культуры земледелия позволяли постоянно увеличивать экспорт хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, что сделало Россию важным поставщиком продовольствия в страны Западной Европы. Однако этот экспорт лишь покрывал процентные выплаты на капиталовложения в развитие российской промышленности, которые обеспечивались иностранными займами. Индустриализация отнюдь не была стихийным и не планируемым процессом; она осуществлялась путем правительственных решений и акций, продиктованных политическим мотивом — укреплением военного могущества России. Государство всегда являлось основным заказчиком российской тяжелой промышленности как в производстве оружия и снаряжения, так и в развитии транспорта.

Большевики, взявшие в 1917 г. власть в России, были целиком преданы идее плановой и целенаправленной политики индустриализации России; они были готовы продолжать эту политику и делать это в еще более интенсивных формах — но не ради военного

могущества, а во имя построения социалистического общества. Однако у них не имелось двух источников, которые способствовали бы скорому и успешному развитию этого процесса, как это происходило в течение двух десятилетий, предшествовавших 1914 г.

Дезинтеграция, вызванная мировой войной, и раздробление крупных помещичьих хозяйств на крестьянские наделы сделали невозможной перспективу экспорта зерна в больших масштабах. Политическая революция фатально сказалась на возможностях получения иностранных займов. Возобновление индустриализации было возможно при условии, что капитал для развития промышленности будет извлечен непосредственно из собственной экономики и в основном из преобладающего в ней сельскохозяйственного сектора.

До того как новый режим серьезно начал рассматривать проблему индустриализации, на него свалились бедствия гражданской войны, вынудив сконцентрировать все ресурсы для обеспечения армии и промышленности, которая обсуживала военные нужды. В свою очередь это означало изъятие продовольствия у крестьян без сколько-нибудь эквивалентного обмена, причем в гораздо более крайних формах, чем это обычно происходит в ходе индустриализации в условиях мирного времени. Когда закончилась гражданская война, крестьянство было так истощено и раздражено, что осуществление пусть даже умеренной программы индустриализации в подобных формах стало немыслимо. Сущностью НЭПа и было своевременное признание этого неумолимого факта. В отсутствии притока иностранного капитала — а это, как покажет опыт двух последующих лет, было отдаленной перспективой — развитие промышленности, так называемый светлый путь к социализму, зависело от накопления новых капиталов в отечественной экономике.

Но в сколько-нибудь значительных масштабах такое накопление было возможным при условии серьезного восстановления сельского хозяйства и в том случае, если крестьянство будет настолько умиротворено, что сможет обеспечить значительную часть этого накопления за счет сельскохозяйственного сектора. Пока это время не наступило, все, что можно было сделать — это прочно удерживать «командные высоты» национализированной промышленности и выжидать возможности для возобновления наступления. До тех пор пока выжидательная политика была целесообразной, ни один из пунктов доктрины сомнений не вызывал, дискуссии в партии утихли с переходом к временной, соответствовавшей требованиям момента политике НЭПа, и теперь партийное руководство могло держать руку на пульсе партийной жизни. Однако к осени 1923 г. постепенно стало ясно, что НЭП автоматически не создал стабильного равновесия, при котором можно было безопасно переждать, пока условия для нового продвижения не изменятся к лучшему. НЭП не привел к хваленной «смычке» или «союзу» между пролетариатом и крестьянством, скорее он соз-

дал арену, на которой эти два основных элемента советской экономики боролись друг с другом в условиях рыночной конкуренции, попеременно одерживая верх. В такой обстановке то, что было бы терпимым и даже благотворным в богатой и могущественной стране в лучшую пору капитализма, неизбежно становилось разрушительным для и без того истощенных ресурсов отсталой российской экономики. Государство не могло ждать развязки битвы «ножниц» и позволить, чтобы крестьянство, держа в осаде города, требовало выкупа, а легкая промышленность занималась безудержной погоней за максимальными прибылями. В один прекрасный день государство должно было бы вмешаться, чтобы вновь привести в движение процесс индустриализации и возобновить продвижение к социализму. Вмешательство государства требовалось хотя бы и для того, чтобы поддержать то неустойчивое равновесие, которое установилось при НЭПе между промышленностью и сельским хозяйством. Два с половиной года назад НЭП был провозглашен как компромисс, который при неизбежности основ социализма в национализированных отраслях промышленности должен был стимулировать крестьянство торговать и таким образом обеспечивать продовольствием городское население и рабочий класс. Но как бы ни старались обеспокоенные руководители обойти этот вопрос или хотя бы отложить его решение, теперь стало ясно, что достигнуть эту двойную цель через высвобождение экономических сил и их свободное взаимодействие невозможно.

Неудивительно, что сложность и глубокие корни проблем, с которыми пришлось столкнуться при строительстве социализма в условиях отсталой крестьянской экономики, не вполне осознавались теми руководителями партии, которым осенью 1923 г. пришлось бороться с кризисом «ножниц»⁸. Те две группы, которые начали формироваться внутри Центрального Комитета, отказывались признать наличие конфликта между сельским хозяйством и промышленностью, ибо цель НЭПа именно в том и состояла, чтобы исключить всякий конфликт. Однако этот момент отчетливо выявился в ходе дискуссий. Большинство членов ЦК, с одной стороны, было ободрено значительными успехами, достигнутыми при НЭПе, а с другой — осознавало опасности, связанные с любым возобновлением политики нажима на крестьянство, которая чуть было не закончилась катастрофой в дни «военного коммунизма». Поэтому оно было готово поддерживать статус-кво, установленный НЭПом и пустить строительство социализма на самотек. Поскольку кризис «ножниц», который тогда угрожал этому самому статус-кво, якобы происходил из непомерно вздутых трестами цен на потребительские товары, почти бесспорной казалась точка зрения, согласно которой крестьянство являлось жертвой, а промышленность — злодеем (что было в неразрывном единстве). А поправить положение можно было бы, нажав на тресты, чтобы они снизили цены и ограничили свои прибыли, предоставив новые льготы крестьянам и повысив цены на хлеб путем увеличения экспорта и

снижения налогообложения. Все беды промышленности шли от утраты крестьянского рынка, что в свою очередь произошло главным образом из-за высоких цен на промышленные товары. Между тем возрождение тяжелой промышленности приходилось откладывать до лучших времен.

Меньшинство, которое вскоре назвали «оппозицией», исходило из основополагающей марксистской теории о главенствующей роли пролетариата и промышленности в социалистической революции. Меньшинство рассматривало кризис «ножниц» с точки зрения защиты интересов промышленности в целом и необходимости оживления тяжелой промышленности как основы социалистической экономики — в частности. Отстаивая повышение цен на промышленные товары и предлагая различные меры против этого, меньшинство разъясняло, что такое повышение произошло в результате увеличения расходов, которое в свою очередь явилось отчасти следствием роста промышленных налогов и накладных расходов (например, на транспорт⁹, а это промышленность не могла контролировать), отчасти же из-за неэффективной организации промышленности. Сторонники этой позиции доказывали, что единственно верный путь к снижению цен лежит через увеличение эффективности промышленности путем рационализации и концентрации, а также через расширение производства. Согласно этой точке зрения, первой причиной кризиса «ножниц» было то, что оживлению сельского хозяйства не сопутствовало оживление промышленности. И поправить дело можно было, лишь придя на помощь промышленности, и в первую очередь тяжелой как базы всей промышленности. И это четко сформулировал экономист Госплана Струмилин:

«Если мы хотим достигнуть максимальных успехов в сближении ножниц, нам, прежде всего придется в порядке рассмотрения производственных планов нашей промышленности обеспечить возможно более быстрое их расширение. Дальнейшее повышение нагрузки и производительности труда в нашей промышленности — вот основное условие успешной борьбы с расхождением цен. А все остальное — уже при небольшой затрате энергии со стороны регулирующих органов — само собой приложится»¹⁰.

Однако эти меры требовали (и об этом еще прошлой зимой говорили Троцкий и ответственные лица из ВСНХ) пересмотра политики кредитования. В первое полугодие 1923 г. в короткие сроки были увеличены кредиты для промышленности, работавшей на массовый рынок. Такая политика, критерием коей была заработанная прибыль заемщика, в условиях рынка вела к дискриминации тяжелой промышленности, у которой не было никаких перспектив выйти из депрессии, пока был в ходу этот критерий. В своем докладе на XII съезде партии Троцкий рассмотрел контраст между стремительным прогрессом сельской, кустарной и легкой промышленности в целом и застоем в тяжелой промышленности и указал на несовместимость такого положения дел с принципами построения основ социалистической экономики. Вывод был

ясен: тяжелую промышленность можно возродить лишь в условиях плановой экономики и в этой связи плановая кредитная политика, которая служит поставленным целям и не берет прибыльность за окончательный критерий, должна стать существенной частью такой экономики. Меньшинство в ЦК, не подвергая критике расширение кредитов для легкой промышленности, потребовало в то же время мощных инъекций в тяжелую промышленность как необходимого условия не только ее развития, но и ее выживания. Чем дальше продолжалась дискуссия, тем глубже казалась бездна, отделявшая эти взгляды от мнения большинства.

Три на первый взгляд не связанные между собой события, происшедшие в августе и сентябре 1923 г., вызвали обострение кризиса и показали политическим руководителям, что им больше не уйти от масштабных политических решений. Первое событие — это широкий размах стачек и волнений среди промышленных рабочих; вторым событием стало решение Госбанка предотвратить дальнейшую раздвижку «ножниц» путем сокращения кредитования промышленности в целях понижающего давления на индустриальные цены; третьим — был денежный кризис, повлекший за собой возобновление печатания огромного количества советских рублей, чтобы финансировать урожай.

До сих пор в дискуссиях вокруг кризиса «ножниц» вопрос о тяжелом положении, в котором оказались рабочие, не возникал вовсе. Ныне он достиг критической точки. То, о чем позднее было глухо сказано как о «волне брожения и забастовок в связи с заработной платой, прокатившихся по некоторым районам республики в августе этого года»¹¹, в свое время не было предано гласности, и сейчас приходится восстанавливать эти события в общих чертах. Основные неприятности происходили в тяжелой промышленности. Первая зарегистрированная массовая забастовка произошла на Сормовском механическом заводе в начале августа 1923 г. Все сведения сходятся в том, что основной причиной забастовки была задержка выплаты заработной платы, хотя наряду с этим упоминается желание рабочих поехать в свои деревни на уборку урожая. Когда сормовские рабочие в августе выразили протест против задержки выплаты июльской зарплаты, им было сказано, что на Юге и на Урале рабочие еще не получили своей заработной платы за май и июнь. Новое недовольство вызвала практика выплаты части заработной платы в облигациях золотого займа. Сначала у рабочих создалось впечатление, что эти облигации можно отоварить по их номинальной стоимости, но скоро они обнаружили свою ошибку¹². Иногда часть зарплаты выплачивалась бонами, которые можно было отоварить лишь в специальных прикрепленных кооперативах, где, кроме залежалых товаров¹³, ничего не было.

Угроза увольнения или локаута стала весьма эффективным оружием, которым постоянно пользовались хозяйственники, что-

бы утихомирить всякое недовольство рабочих или снизить заработную плату. По закону при увольнении рабочие должны были получить уведомление и месячную зарплату. Но в целом ряде случаев внезапного увольнения, предусмотренных КЗоТом, эти меры гарантии не имели никакого значения. Положение профессионалистов (то есть профсоюзных функционеров.— *Ред.*) в таких столкновениях было очень незавидным. Не вызывает сомнений, что они как могли нажимали на финансовые органы в Москве, чтобы добиться своевременной выплаты заработной платы; и в этом они зачастую находили сочувствие и получали поддержку со стороны хозяйственников, которым также хотелось избежать беспорядков на производстве. Но профсоюзы, целиком подчиненные в своей политике партии, безусловно, выступали против стачек. Всякая угроза забастовки, вызванная стремлением рабочих привлечь внимание к своим нуждам, рассматривалась как срыв профсоюзной дисциплины и наказывалась исключением виновных из членов профессионального союза, что означало автоматическое увольнение с фабрики и безработицу¹⁴. Поэтому на практике представители профсоюзов и фабричные комитеты стремились действовать совместно с хозяйственниками и милицией, чтобы поддерживать дисциплину среди рабочих, предотвращать забастовки и ликвидировать беспорядки. В случае прекращения работы по просьбе заводоуправления и с молчаливого или открытого согласия профсоюзов тотчас появлялись работники ГПУ, чтобы арестовать «зачинщиков» и «подстрекателей». Протесты и рабочие демонстрации безжалостно подавлялись силой. Беспорядки в промышленности, которые достигли своего апогея в августе и сентябре 1923 г., были стихийным и неорганизованным движением: нет никаких свидетельств об их связи с агитацией, проводимой «Рабочей правдой», «рабочей оппозицией» или с какой-либо другой оппозицией. Год спустя, на XIII съезде партии, Ларин был одним из немногих, кто пытался сочувственно обрисовать настроения рабочей массы того времени: «Вы помните, что период до осени 1923 г., это был период, когда, с одной стороны, широкая рабочая масса видела нарастание хозяйственных успехов, — у нас развивалась промышленность, улучшалось финансовое положение государства, лучше работали железные дороги, мы все на собраниях, в газетах сами с торжеством указывали: вот мы поднимаемся, поднимаемся, год за годом поднимаемся, — и в то же время рабочая масса испытывала некоторое недоумение: ну, вот мы поднимаемся, это ясно, хорошо, а нэпманы тоже все больше разгульничают, все больше жиреют. Рабочая масса обижалась: мы поднимаемся, а у нас, рабочих, некоторый застой в улучшении нашего положения»¹⁵.

Пролетариат взял власть в свои руки; средства производства принадлежали ему. Однако революция мало в чем улучшила его материальное положение. Все выгоды в основном достались спецам и нэпманам. Условия на производстве мало чем отличались от условий на большинстве фабрик в самые мрачные годы цариз-

ма. Все это наводило на грустные размышления о судьбе рабочего в «рабочем государстве».

В спорах об экономике, разгоревшихся осенью 1923 г., недовольство рабочих было лишь второстепенным пунктом. Весь этот вопрос был слишком деликатным, чтобы предавать его публичному обсуждению, и он, в сущности, стал запретной темой не только с согласия большинства, которое считало своим долгом отстаивать интересы крестьянства, даже если это тяжело сказывалось на положении промышленного пролетариата. Но и меньшинство, представлявшее «нанимателей» — хозяйственников, организаторов и плановиков и ощущавшее на себе сильное давление официальной политики, было почти не склонно сочувственно рассматривать новые требования рабочих и прощать им нарушения трудовой дисциплины¹⁶. Имеется немало свидетельств о том, что забастовки и беспорядки на заводах и фабриках, имевшие место в июле, августе и сентябре 1923 г., вызвали шок у партийного руководства. События тех месяцев показали, что настал предел, когда увеличивать бремя, которое взваливали на плечи промышленного пролетариата с переходом к НЭПу, а также к реорганизации и восстановлению промышленности, становится небезопасно. Учитывая это, зимой 1923/24 г. были сделаны попытки перейти к менее скаредной и жесткой политике заработной платы, начав новую кампанию против нэпманов.

Вторым фактором, в результате которого кризис крайне обострился, явилось ограничение, наложенное Госбанком на кредиты легкой промышленности. Каноны финансовой ортодоксии с самого начала диктовали директорам Госбанка, что принципом кредитной политики должно быть осторожность. Банк всегда неохотно предоставлял кредиты торговым организациям¹⁷, и поэтому промышленность была тем более зависимой от кредитов, необходимых для финансирования сбыта своей продукции. После того как в первой половине 1922 г. произошло быстрое расширение выпуска червонцев, эти кредиты стали давать более охотно. Жалобы на стесненный кредит в то время были связаны с отказом банков давать ссуды тяжелой промышленности. Нормы процентов были еще очень высоки и равнялись 60% годовых, но по сравнению с еще более высокими нормами процентов, существовавшими в 1922 г., они выглядели сравнительно неплохо¹⁸.

Эти безмятежные дни закончились, когда в конце лета 1923 г. раствор «ножниц» стал раздвигаться еще больше. Во всех стычках между конфликтующими интересами сельского хозяйства и промышленности Наркомфин, твердо стоявший на позиции снижения индустриальных цен, в то время всецело был на стороне крестьянства. В начале июля 1923 г. народный комиссар финансов Сокольников в своем докладе на (II. — *Ред.*) сессии ВЦИКа сообщил, что Государственным банком было открыто кредитов промышленности на сумму 100 млн. золотых рублей, а Промбан-

ком — на сумму 10 млн. золотых рублей. При этом он сделал предупреждение относительно кредитования промышленности:

«И если этот кредит используется вовсе не на то, чтобы расширять операции промышленности, а на то, чтобы сокращать реализацию и добиваться повышения товарных цен, то, конечно, это будет вовсе не целесообразное использование банковского кредита промышленностью, а злоупотребление банковским кредитом»¹⁹.

Шесть недель спустя после этого предупреждения последовала акция. Госбанк по договоренности с Наркомфином вдруг резко начал «кредитный зажим» промышленности²⁰. Эта мера, помимо соображений, связанных с политической цен, могла быть оправдана или объяснена финансовыми причинами. Падение покупательной способности червонца с некоторой долей вероятности приписывалось чрезмерному выпуску банкнот, вызванному быстрым расширением кредитов²¹. Но эта мера справедливо истолковывалась как намеренное вмешательство в кризис «ножниц». Введение червонца вначале было в высшей степени эффективным для легкой промышленности. Предоставление кредитов под товары был одним из факторов, который позволил легкой промышленности преодолеть зимой 1922/23 г. кризис разбазаривания предшествующего года, и, используя монопольное положение синдикатов, оказывать нажим на потребителя. Но когда изменчивая фортуна привела в первой половине 1923 г. к кризису противоположного характера, возникшему в результате высоких промышленных цен, сразу же стали раздаваться голоса, требовавшие пересмотра кредитной политики, которая усиливала позиции легкой промышленности²². Доказывали, что «зажать» кредиты для промышленности — это очевидный путь заставить тресты продавать промышленные товары по более низким ценам. Таким образом, вмешательство Госбанка в кредитную политику было одобрено даже теми, кто в других отношениях желал сохранить свободное взаимодействие рыночных сил как основную черту НЭПа. И это мнение, к которому охотно в первую очередь присоединились и приверженцы финансовой ортодоксии и те, кто интересы крестьянства ставил превыше всего, значительно перевесило возражения тех, кто считал, что промышленные цены должны быть снижены путем повышения эффективности производства, стимулом которой в свою очередь должна стать более щедрая кредитная политика.

Резкое ограничение кредитов почти сразу вынудило легкую промышленность снизить цены и освободиться от товарных запасов в условиях падения цен. В конце сентября 1923 г. печать изобиловала воплями отчаяния, исходящими почти из всех отраслей промышленности²³. Именно 1 октября расovor «ножниц» раздвинулся до отказа, и с этого момента началось падение промышленных цен и подъем сельскохозяйственных²⁴. Нельзя сказать, что сокращение кредитов промышленности, которое явилось важнейшим актом экономической политики со времени XII съезда пар-

тии, хоть сколько-нибудь противоречило обтекаемым и эклектичным резолюциям съезда. Эту меру можно было даже обосновать, обратившись к неожиданному высказыванию Ленина на XI съезде партии об оздоровительном характере финансового кризиса²⁵. Эта мера положила конец дискриминации тяжелой промышленности в кредитной политике в пользу отраслей легкой промышленности и тем самым ликвидировала разрыв, возникший в первые годы НЭПа между интересами легкой и тяжелой промышленности. После того что произошло осенью 1923 г. больше невозможно было сохранять такой порядок, при котором промышленность, работавшая на массовый рынок, получала банковские кредиты, а тяжелая промышленность, от которой в конечном счете зависело возрождение всей экономики, сидела на голодном пайке, не получая кредитов Наркомфина по бюджетным соображениям. С тех пор вопрос о кредитах для промышленности стал рассматриваться комплексно и как вопрос политики в области промышленности. В этом плане «анархия» первых лет НЭПа была обуздана.

Значение урезывания кредитов легкой промышленности в августе 1923 г., помимо прочего, состояло в том, что это был дальнейший шаг к укреплению червонца и путь к окончательной стабилизации валюты. Однако вслед за этим возникла острая нехватка денег, что было третьим фактором крайнего обострения экономического кризиса²⁶. Узким моментом политики Наркомфина все еще были трудности удовлетворения государственных расходов, поскольку печатный станок мог работать лишь в пределах, установленных июльским декретом²⁷. Наркомфин лихорадочно пытался заполнить эту брешь (внутренними. — *Ред.*) займами. Объявленный в октябре 1922 г. золотой (выигрышный. — *Ред.*) заем был воспринят с недоверием, несмотря на меры морального давления, чтобы заставить трудящихся подписываться на него, вплоть до того, что часть жалованья выплачивалась облигациями²⁸. Облигации были выпущены как ценные бумаги, «не обращающиеся и не котирующиеся на фондовой бирже». Но в действительности они с большими скидками покупались и продавались на вольном рынке, так что быстро испарился всякий стимул к нормальной подписке²⁹. Вкладчики неохотно помещали облигации в Госбанк, который в августе авансировал 60% их номинальной стоимости. Примером того, как пытались заставить платить контрибуцию подавленного промышленного рабочего, как пытались компенсировать нехватку денег, выдавая облигациями часть нередко несвоевременно выплачиваемой зарплаты, является курьезная реклама в форме вопросов и ответов, помещенная в официальной экономической газете:

«Вопрос: Как поднять реальную заработную плату?»

Ответ: Прекратить обесценение денег.

Вопрос: Как прекратить обесценение денег?

*Ответ: Массовой покупкой облигаций золотого займа»*³⁰.

Эта реклама скорее работала на тех, кто делал финансовую

политику, нежели на рабочих. 4 сентября 1923 г. был издан декрет, обязывающий плательщиков государственного подоходного налога приобретать облигации государственного (6% выигрышного. — *Ред.*) займа согласно разрядам от 3% до 20% для высокооплачиваемых; на следующий день другим постановлением плательщикам подоходно-поимущественного налога, а также частным предприятиям и лицам, обращающимся за патентами, предписывалось приобретать облигации займа на установленную для этой категории сумму. Две недели спустя еще одним декретом подобные обязательства были возложены на частных подрядчиков и комиссионеров, имеющих дело с государственными предприятиями и учреждениями³¹. Однако даже эти меры, превратившие заем в принудительный сбор, не дали желаемых результатов, и в ноябре 1923 г. Сокольникову пришлось объявить, что из 100 млн. выпущенного займа удалось разместить лишь 75 млн. рублей³².

Провал займа был уже очевиден, когда Наркомфин встал перед неизбежностью денежного кризиса. До революции постоянно практиковалось каждую осень расширять кредиты и производить эмиссию банкнот для финансирования реализации урожая и сокращать их по завершении операции. С 1918 г. к этой практике больше не прибегали. В эпоху «военного коммунизма» урожай изымали в форме прямых реквизиций. В первые два года НЭПа большую часть урожая поглощал натуральный налог. В эти годы не стремились расширять эмиссию банкнот, чтобы удовлетворить спрос. В 1923 г., когда крестьянству наконец было предоставлено право выбора платить значительную часть налога деньгами, впервые после революции можно было ожидать, что гораздо бо́льшая доля собранного зерна дойдет до свободного рынка, и впервые же после революции на московской бирже вновь открылся хлебный рынок (хлебный отдел московской товарной биржи. — *Ред.*)³³. Сведующие люди, помнившие прежнее время, предвидели необходимость увеличения денежной массы для финансирования закупки хлеба и заранее ставили вопрос о «возможном использовании совзнака как орудия кредита»³⁴.

Июльский декрет, установивший предел эмиссионного права для Наркомфина, будучи необходимым шагом к финансовой реформе, намеренно закрыл путь к решению проблемы через расширение денежной массы. Но никто не мог предложить ничего лучшего. Вопрос о расширении выпуска червонцев для финансирования реализации урожая был отвергнут всеми заинтересованными сторонами. Возможно, справедливо, а возможно и ошибочно полагали, что крестьяне откажутся принимать в уплату незнакомые им деньги, которых они еще не видели³⁵; опасались также, что бо́льшая эмиссия червонцев подрывает стабильность самого червонца.

Но первый острый симптом денежного голода обнаружился совсем в другом месте. В июле 1923 г. СТО одобрил предложение Наркомфина и Наркомпути о выпуске «транспортных сертификатов» стоимостью в 5 млн. золотых рублей достоинством от 5 до

25 рублей. Сертификаты были обязательны к приему для всех касс железных дорог, морского и речного транспорта и в любом случае подлежали погашению к марту 1924 г.; с сентября 1923 по март 1924 г. было выпущено транспортных сертификатов на сумму 24 млн. золотых рублей³⁶.

Кроме акции расширения массы твердых денежных знаков, осуществленной по указанию свыше, но без шума — то был первый опыт создания вспомогательного средства обращения на основе червонца — денежный голод породил обычную практику, когда местные Советы, фабрики и кооперативы стали выпускать денежные суррогаты в виде талонов и бон. Но когда пришло время финансировать хлебозаготовки, эти ухищрения оказались безрезультатными, в частности, потому, что крестьяне неожиданно предпочли вносить деньгами довольно высокий процент сельскохозяйственного налога³⁷. Это обстоятельство опрокинуло все расчеты экспертов.

31 июля 1923 г. газета «Экономическая жизнь» поместила статью, в которой приводилась мысль о том, что «совместный сельскохозяйственный кредит должен быть преимущественно товарным». Это признание было запоздалым и отчаянным воплем по возврату к «натуральному» хозяйству. 3 августа Каценелленбаум, финансовый эксперт Госбанка, на страницах той же газеты убедительно доказывал неизбежность очередной эмиссии советских рублей для финансирования урожая. Десять дней спустя в передовой статье (цитируемое ниже высказывание опубликовано в номере от 18 августа в передовице «Перед началом хлебозаготовительной кампании». — *Ред.*) вновь отмечалось, что «в самом начале встал вопрос о кредите для заготовок», и сообщалось, что сведения с мест говорят о том, что заготовки затрудняются «из-за недовостановки вовремя денежных средств»³⁸.

В сентябре финансовые пуританцы из Наркомфина волей-неволей вынуждены были признать логику ситуации. Нашедшая свое отражение в декрете от 7 июля попытка сократить выпуск советских рублей была признана безнадежной, и все ограничения были отменены. Не потрудившись издать очередной декрет или хотя бы публично объявить об изменении в политике, снова без всяких ограничений стали печатать советские рубли в таких количествах, которые требовались для удовлетворения спроса³⁹. Ежемесячный выпуск советских рублей внезапно стал возрастать: с 3 млн. 400 тыс., 4 млн. 200 тыс. и 6 млн. в июле, августе и сентябре 1923 г. до 39 млн., 46 млн. и 110 млн. за последние три месяца года⁴⁰. Последствия этого шага были менее серьезными по сравнению с тем, что происходило ранее после неограниченного расширения эмиссии банкнот.

С одной стороны, счета государственных учреждений и счета основных отраслей промышленности теперь велись в червонцах, а с другой — советский рубль теперь был настолько дискредитирован, что его выпуск больше не мог принести сколько-нибудь зна-

чительной прибыли государственной казне: рост цен быстро опережал всякое расширение эмиссии банкнот⁴¹. Возобновление выпуска бумажных денег в колоссальных размерах хотя и решило проторенным путем насущную проблему продажного зерна, в долгосрочной же перспективе явилось поражением финансовой политики последних двенадцати месяцев. Оно не только вновь породило нестабильность и спекуляцию валютой, но и запутало основную проблему кризиса «ножниц», усугубив ее более очевидной для всех проблемой неконтролируемой инфляции.

Теперь уже было невозможно скрывать наличие серьезного экономического кризиса и сопутствовавшего ему раскола в рядах партии и Центральном Комитете. Урезывание кредитов нанесло сокрушительный удар легкой промышленности. О положении тяжелой промышленности было сказано в докладной записке в ЦК от 19 сентября 1923 г. Рыков и Пятаков, подписавшие ее в качестве председателя и заместителя председателя ВСНХ, утверждали, что «... при складывающейся обстановке ведение порученной нам госпромышленности становится чрезвычайно затруднительным»⁴².

Вынужденное возобновление неограниченной эмиссии совзнаков для финансирования урожая поставило под сомнение перспективы финансовой реформы и ослабило доверие к Наркомфину и к его политике. Именно в этих условиях, когда фундаментальные проблемы сельского хозяйства и промышленности, труда и финансов сплелись в запутанный клубок, Центральный Комитет в конце сентября 1923 г. создал три комиссии: 1) комиссию о «ножницах», 2) о заработной плате и 3) о внутрипартийном положении⁴³. Комиссия о «ножницах» в конце концов слилась с комиссией о заработной плате и была преобразована в комиссию по экономической политике. Последняя не без оснований рассматривала «ножницы» как средоточие всего кризиса. Эта комиссия, в которую вошли 17 человек, поставила целью представить все оттенки мнений, имевшие место в Центральном Комитете, хотя в тот момент группировки еще идейно не оформились. Но ни Троцкого, ни кого-либо другого из видных инакомыслящих в составе ЦК не было в Москве, когда было принято решение о создании комиссии⁴⁴. Троцкий отказался от участия в комиссии за недостатком времени⁴⁵, Пятаков был послан в командировку в Германию⁴⁶, а Преображенский явно бойкотировал комиссию, так что голоса глашатаев оппозиции не прозвучали⁴⁷. Это развязало им руки для резкой критики рекомендаций, выработанных комиссией, но лишило их возможности активно участвовать в выработке политики в такой момент, когда давление извне явно встревожило партийное руководство, и оно готово было пойти на некоторый компромисс.

Но едва комиссия о «ножницах» приступила к работе, как Троцкий, либо подгоняемый собственным нетерпением, либо посчитавший безнадежными дальнейшие дискуссии в Политбюро, сделал решительный шаг. 8 октября 1923 г., как всегда в одиночку и яв-

но не посоветовавшись с той группой в ЦК, которая во многом разделяла его взгляды, он обратился в Центральный Комитет с письмом, которое фактически было обвинительным актом в адрес политики Политбюро.

Начав свое письмо заявлением, что в партии вновь создались фракционные группировки, Троцкий указывает две причины этого явления: «а) в корне неправильный и нездоровый внутривнутрипартийный режим и б) недовольство рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением, которое сложилось не только в результате объективных трудностей, но и в результате явных коренных ошибок хозяйственной политики». Далее он пишет, что, несмотря на настояния Ленина (о необходимости наделения Госплана законодательными правами. — *Ред.*) и резолюции XII съезда партии, Госплан и принципы планового хозяйства отодвинуты еще более назад. Важнейшие хозяйственные вопросы решаются в Политбюро «без предварительной подготовки, вне их плановой связи». Национализированная промышленность принесена в жертву «самодовлеющему, то есть неподчиненному общему хозяйственному плану характеру нашей финансовой политики». Кризис «ножниц» цен, разрушивший экономическую смычку между промышленностью и крестьянством, «равносителен ликвидации новой экономической политики». Но политика комиссии о «ножницах», которая пыталась решить проблемы путем директивного снижения цен, оказалась неэффективной. «Само создание комиссии по снижению цен является красноречивым и убийственным доказательством того, как политика, игнорирующая значение планового маневренного регулирования, под влиянием своих собственных неизбежных последствий, вынуждается к попыткам военно-коммунистического командования ценами!»

Правильный подход к крестьянству лежит через рабочего; на языке экономики это означает, что рационализация промышленности есть ключ к сжатию «ножниц»⁴⁸.

Вдохновленные этой инициативой Троцкого 46 видных членов партии, в том числе несколько членов ЦК, выработали политический манифест, известный как «платформа 46-ти», который был оглашен 15 октября 1923 г. Среди подписавших этот манифест были Пятаков, Преображенский, Антонов-Овсеенко, Осинский, В. Смирнов, И. Н. Смирнов, Каганович, Сапронов, Серебряков и Розенгольц. В этом документе отмечалось, что ввиду того, что «решения Центрального Комитета носят случайный, необдуманный и бессистемный характер», страна оказалась на грани «тяжелого экономического кризиса», симптомами которого являются кризис денежного обращения, кредитный кризис, кризис сбыта в промышленности, низкие цены на сельскохозяйственные продукты и «перебои в выдаче зарплаты». Посетовав на «отсутствие руководства», ответственного за эти провалы, манифест переходил от своего экономического диагноза к общему наступлению на диктаторский стиль руководства партийного аппарата и заканчивался

требованием немедленного созыва конференции для обсуждения создавшегося положения⁴⁹. Примерно в то же время, когда «платформа 46-ти» была вручена Политбюро, соратники Троцкого в Политбюро дали ответ на его письмо от 8 октября, и этот ответ подвинул Троцкого на новое письмо, в котором он опять подтвердил свою принципиальную позицию: «Я стоял и стою на точке зрения, что одной из важнейших причин наших хозяйственных кризисов, является отсутствие правильной единообразной регуляции сверху»⁵⁰.

Однако дальнейший обмен письмами между Троцким и Политбюро перешел в плоскость личных и политических обвинений⁵¹ и не добавил ничего нового к экономической дискуссии, обнажив, однако, остроту кризиса, который главным образом был связан с экономическими вопросами. Столкнувшись с этой ситуацией, Центральный Комитет (на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК, которая была ответственна за дисциплинарные вопросы⁵²) 25 октября 1923 г. принял резолюцию, поручавшую Политбюро ускорить работу трех комиссий, назначенных ЦК месяц тому назад; начать проводить в жизнь необходимые меры, разработанные этими комиссиями; сделать об этом доклад на очередном Пленуме ЦК в январе 1924 г.⁵³ Таким образом, будущие важнейшие решения были переданы в надежные руки Политбюро. 1 ноября 1923 г. газета «Экономическая жизнь» писала, что переживаемый кризис экономически и политически угрожает самому существованию Советской власти (в тексте газеты этого нет. — *Ред.*). 7 ноября в газете «Правда» в годовщину революции говорилось, что редакция приглашает товарищей, придерживающихся различных направлений и линий, разделяющих партию, принять участие в дискуссии (в примечании «От редакции» к статье Зиновьева)⁵⁴.

Неясный характер кризиса «ножниц» и разнобой в толковании его причин вынудили комиссию о «ножницах» предельно широко рассмотреть вопросы экономической политики. Видимо, комиссии по заработной плате было поручено выработать чуть более либеральную политику в области заработной платы, которая начала проводиться к концу 1923 г.⁵⁵ Никаких материалов о работе этой комиссии нет, и единственным официальным документом, выражающим позицию партии по вопросу заработной платы на тот момент, является раздел, включенный в отчет комиссии о «ножницах». Протоколы работы комиссии о «ножницах» не публиковались. Наркомфин занял непримиримую позицию, он не желал терпеть никаких нападков на принципы экономической и финансовой политики. Это проявилось в необычайно откровенном выступлении Сокольников на экстренном заседании президиума Госплана, состоявшемся 13 октября 1923 г. Сокольников резко выступил против проекта, усердно проповедовавшегося Госпланом, суть которого заключалась в том, что планирование кредитов должно стать составной частью планирования промышленного производства. Сокольников разъяснил, что кредит — это дело коммерции и

банков. Как писали в газетах, Сокольников категорически возражает против установления обязательного планирования в работе кредитных учреждений. По мнению Сокольникова, «кредит не поддается так плановому нажиму, как производство. Производство должно соотносываться с кредитом, а не наоборот». Тщетно Смилга возражал, что если бы Госплану не удалось ввести в русло плана финансирование промышленности, то Госплан был бы не в состоянии подойти к общегосударственному хозяйственному плану. Тщетно Кржижановский протестовал против подчинения Госплана «стихийным началам рынка»⁵⁶.

Ни разу со времени революции тезис о превосходстве финансов, как неуклонных проводников законов рынка, не провозглашался столь открыто; ни разу НЭП столь однозначно не истолковывался как победа свободного предпринимательства над планированием. К тому же и позиция критиков этого тезиса была шаткой по причине ее близкого сходства со взглядами «платформы 46-ти», которые явились прямым вызовом политике Центрального Комитета. По этим основным вопросам комиссия о «ножницах» была вынуждена остаться в границах официальной линии, которая пока что была линией Наркомфина.

Однако когда дело дошло до конкретного вопроса о ценах, который стоял в повестке дня работы комиссии, этот курс перестал выглядеть столь четким и неуязвимым. Теория торговли в том виде, в котором она была первоначально выработана применительно к условиям НЭПа, постулировала полезность подчинения законам рынка; коммунисты присягнули ленинским заветам «учитесь торговать», «потрудитесь приспособиться» к стихии купли — продажи⁵⁷. Предполагалось, что государственный аппарат не будет регулировать торговлю. По мере постепенного вытеснения оплаты натурой оплатой деньгами при взимании сельхозналога, по мере постепенной ликвидации системы выплаты жалованья (или части жалованья) натурой, купля — продажа сельскохозяйственных продуктов все больше и больше переходила в частные руки; а НЭП развязал крестьянам руки, чтобы они могли продавать свои «излишки» по цене, ими установленной. Национализированным отраслям промышленности, выпускающим промышленные товары, было приказано работать безубыточно с получением прибыли. Применение принципов хозрасчета дало предприятиям свободу устанавливать оптовые цены за свою продукцию в соответствии с условиями рынка. От первоначальной попытки контролировать цены, принятой осенью 1921 г., пришлось быстро отказаться, и комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг), учрежденная в мае 1922 г., стала чем-то вроде статистического бюро. Это было время, когда Наркомфин публично защищал нэпманов от обрушившихся на них обвинений в спекуляции и доказывал, что регулирование цен идет вразрез с принципами рыночной экономики, которые воцарились с переходом к НЭПу⁵⁸.

Эта непоколебимая вера в достоинства свободного предприни-

мательства не пережила зиму 1922/23 г., когда цены промышленных товаров, взвинчиваемые новыми синдикатами, начали стремительно расти в ущерб крестьянину и городскому потребителю. В новых условиях Наркомфин всей душой воспринял необходимость переориентации баланса в пользу крестьянства, хотя вначале надеялись добиться этого путем стимулирования экспорта хлеба и без прямого государственного вмешательства. Предубежденность против регулирования цен как против всего, что отдавало практикой «военного коммунизма», была живучей. На Всероссийском съезде представителей биржевой торговли, проходившем в январе 1923 г., председатель Комвнторга Лежава представил тезисы к докладу, где утверждалось, что «регулирование цен» должно быть сосредоточено в одном органе, призванном способствовать дальнейшему расширению торгового оборота. Но когда далее Лежава посетовал, что до сих пор «установление цен было чисто стихийным» и выразил надежду на то, что вновь учрежденные биржи помогут в деле снижения цен путем улучшения условий торговли, Сокольников ответил ему, что все силы брошены на укрепление финансового положения страны. Несмотря на то что съезд склонялся в принципе в пользу тезисов, представленных Лежавой, в резолюции съезда отразились лишь благочестивые намерения о сокращении накладных расходов и цен на промышленные товары⁵⁹.

В апреле 1923 г. на XII съезде партии Троцкий с помощью наглядной диаграммы охарактеризовал кризис как кризис цен, по которым промышленная и сельскохозяйственная продукция переходит из рук в руки. Но в тот момент ни он, ни другие не сделали вывода, который напрашивался сам собой. В резолюции, принятой (XII. — *Ред.*) съездом, все беды списывались на счет *«кризиса торговой беспомощности*, не находящим себе оправдания в состоянии даже и нынешнего крайне узкого рынка» и не было сделано никаких конкретных предложений относительно контроля цен. Вместо этого удовлетворились дежурным комплиментом в адрес кооперативов как «торгового аппарата, долженствующего во все возрастающих размерах соединять государственную промышленность с сельским хозяйством», и такими же дежурными рекомендациями торговому аппарату, а именно: «радикальное сокращение накладных расходов... и ...внимательно приспособлять свое производство к потребностям рабочего и крестьянского потребителя»⁶⁰.

К осени 1923 г., когда комиссия о «ножницах» собралась для обсуждения назревших вопросов, аргумент, что государство не могло и не должно вмешиваться в регулирование цен, был во всех отношениях дискредитирован. В августе со страниц «Экономической жизни» раздалось требование о расширении полномочий Комвнторга, «пассивная» роль которого отныне должна превратиться в «активную» в деле стабилизации цен промышленных товаров в червонцах. Неделию спустя с таким же требованием высту-

пила газета «Труд»⁶¹. После 1 октября 1923 г. раствор «ножниц» продолжал расширяться, и никто не мог предсказать до какого предела. Все косвенные средства, к которым прибегали, чтобы вынудить промышленность снизить цены, оказались напрасными. 3 октября Комвнторг, невзирая на протест текстильного синдиката, понизил цены на ситец на 20%⁶². На следующий день, чтобы предупредить действия Комвнторга, льняные тресты, «идя навстречу общегосударственным интересам», объявили о снижении цен, за ними последовали объявления других трестов о добровольном снижении цен⁶³.

Последствия удара (по «ножницам». — *Ред.*), нанесенного Госбанком, сократившим кредиты, постепенно начинали осознаваться. Представитель Наркомфина, который пользовался благосклонным вниманием партийного руководства, резко переметнулся на сторону политики нормирования цен, сколь бы несовместимым это ни казалось с прежним постулатом НЭПа. На сессии ВЦИКа, состоявшейся в ноябре 1923 г., Сокольников решительно заявил, что «необходимо государственное регулирование цен, как метод борьбы против злоупотреблений монополий»⁶⁴, а тем, кто отрицал регулирование цен как нарушение принципов НЭПа, Сокольников возразил, что если бы это было так, то при НЭПе было бы не лучше, чем в «капиталистической Америке. Там мелкий крестьянин и рабочий беззащитен против трестов, беззащитен против Рокфеллера, Моргана и других»⁶⁵. Для Наркомфина это был новый язык. И хотя это всего лишь очередной шаг в кампании, которую вел Наркомфин против промышленных трестов, он свидетельствовал о том, как сильно стрессы политики НЭПа начинают теперь сказываться на всей экономике.

Таким образом, к моменту, когда комиссия о «ножницах» собралась для обсуждения, принципу контроля оптовых цен было обеспечено всеобщее одобрение. Другое дело — вопрос о контроле над розничными ценами. Розничная торговля в том виде, в каком она продолжала существовать, в основном была бесконтрольной даже в дни «военного коммунизма», а поощрение и всемерное развитие ее путем снятия прежних запретов стало одной из провозглашенных целей НЭПа. 83% розничной торговли в стране было в частных руках⁶⁶, а огромное большинство торговых единиц — это были, в сущности, уличные разносчики в деревнях или торговцы в ларьках на рынках или базарах⁶⁷; даже в городах преобладали небольшие лавки. Если и в дни «военного коммунизма» было невозможно прекратить «мешочничество», то сама мысль, что можно контролировать эту разрозненную массу частных торговцев в условиях нэповской анархии, была поначалу отброшена как полностью утопическая. И нелегко было опровергнуть популярную точку зрения, что именно розничные цены затрагивают интересы покупателя и что бесполезно снижать оптовые цены, если это просто означает рост чистого дохода посредников. Кам-

пания против посредников усиливалась. В газетах появились статьи, где показывали, как, проходя через множество посредников, разбухают розничные цены на предметы массового потребления⁶⁸. Неудивительно, однако, что, несмотря на эти разноречивые мнения, члены комиссии о «ножницах» «очень долго колебались», прежде чем выступить с предложением о регулировании розничных цен⁶⁹. Было осторожно сказано, что нормирование цен возможно прежде всего по отношению к тем «продуктам, которые однородны и которые находятся в наших руках в большом количестве»; в качестве первого опыта были взяты соль, керосин, сахар⁷⁰.

Централизованное регулирование оптовых цен и розничных цен на отдельные виды товаров было единственным важным новшеством в рекомендациях комиссии о «ножницах». Этот принцип явился не только существенной уступкой противникам свободы торговли, но и серьезным ущемлением основ НЭПа, поскольку он вновь вводил в действие жизненно важный пункт государственного контроля над торговлей, которым НЭП намеренно пренебрег. Изобретательный и эксцентричный Ларин, обратившийся теперь в ярого сторонника официальной политики, заявил, что, заменив «коммерческую свободу» «принудительным установлением промышленных цен одним государственным центром», резолюция открыла путь к переходу от «государственного капитализма» к «государственному социализму». В этом, доказывал он, «историческое значение» рекомендации комиссии «о ножницах»: это еще не социализм, но уже «действительная приостановка экономического отступления». Это есть «исходный пункт пересмотра всей системы нэпа»⁷¹. Кроме Ларина, никто не озаботился тем, чтобы поднять эти принципиальные проблемы или попытаться рассмотреть вопрос о нормировании цен применительно к условиям НЭПа. В тот момент новое предложение казалось пусть скромным, зато явным вкладом в решение проблемы кризиса «ножниц». Но оно было чревато новыми трудностями и стало очередным прецедентом в будущем.

Резолюция, выработанная комиссией о «ножницах» и единодушно ею одобренная, в декабре 1923 г. была представлена Политбюро⁷². Хотя резолюция носила двусмысленный и путанный характер, присущий НЭПу вообще, и в ней не обошлось без некоторых уступок критикам НЭПа, тем не менее ее содержание, дух и буква являли собой беспримерную победу партийного руководства. Резолюция начиналась длинным вступлением, целью которого было подчеркнуть преобладающее значение крестьянского хозяйства как фактора, которым и впредь будет руководствоваться советская экономическая политика. Этот тезис, вероятно, представлял собой последнее ленинское предписание партии и был самой удобной позицией, с которой можно отразить критику Троцкого и дискредитировать ее. Признавалось, что кризис «нож-

ниц» носит острый характер и требует поиска средств для его преодоления. Но он не может быть уподоблен общему кризису, который ставит под сомнение действенный характер политики, проводившейся после XII съезда партии. Преемственность официальной политики была подчеркнута тем, что во введение (резолуции. — *Ред.*) был вставлен искусно сокращенный абзац из резолюции XII съезда партии о (организации. — *Ред.*) промышленности, принятой по инициативе Троцкого. Первое предложение, перенесенное из резолюции XII съезда, было именно той формулировкой, которая была внесена большинством ЦК в пику Троцкому; в нем подчеркивалось «первенствующее значение» сельского хозяйства «для всей экономики Советской власти». Второй абзац резолюции съезда, в котором Троцкий доказывал, что только по мере развития тяжелой промышленности и электрификации возможно изменение удельного веса сельского хозяйства во всей экономике страны, что партии не надо жалеть усилий и останавливаться перед жертвами для ускорения этого процесса — однако успех дела зависит не только от внутренних хозяйственных успехов, но и от хода развития революции «за пределами России», — был вообще опущен. Затем, после пропуска начала следующего предложения — «имея всегда перед собой эту интернациональную перспективу», — в резолюции подчеркивалось: «Наша партия в то же время должна ни на минуту не забывать или хотя бы упускать из виду при оценке любого своего шага фактического преобладающего значения крестьянского хозяйства... Не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к этому обстоятельству было бы чревато неисчислимыми опасностями как в области экономической, так и в области чисто политической, ибо неизбежно подрывало бы или ослабляло бы тот союз пролетариата и крестьянства, то доверие крестьянства к пролетариату, которые для данного исторического переходного периода являются одной из самых основных опор диктатуры пролетариата...»

Таким образом, осторожно аннулировав апрельский компромисс путем опущения одного из двух основополагающих моментов, резолюция комиссии о «ножницах» далее переходила к объяснению причин переживаемого «кризиса сбыта». Среди них, в частности, отмечались такие, как недооценка преобладающего значения крестьянского хозяйства, отсутствие координации между отдельными отраслями народного хозяйства и неумение госпромышленности и торговли проложить дорогу к крестьянскому рынку⁷³. Это введение задавало тон всей резолюции и обозначило сдвиг от умеренной позиции, которую Троцкий еще мог отстаивать на XII съезде партии. В тексте резолюции говорилось обо всех отраслях народного хозяйства, для каждой были сделаны «практические выводы». В том, что касалось сельского хозяйства, Рыков (в своем докладе. — *Ред.*) особо подчеркнул тот момент, что если в резолюции ЦК партии на первое место выдвинут вопрос о положении сельского хозяйства⁷⁴, то его необходимо было разви-

вать с помощью расширения кредита, сокращения налогов и увеличения хлебозэкспорта. В разделе о промышленности, которую обвиняли во взвинчивании цен и в получении непомерно высоких прибылей, не без тонкого умысла напоминали, что «*социалистическое накопление*» (выражение, ставшее популярным после доклада Троцкого на XII съезде), хотя оно требует, чтобы цены покрывали издержки и «необходимую минимальную прибыль», отнюдь не оправдывало цен, недоступных для масс населения, и было обязано принять меры для организации промышленности, расширения производства и сокращения накладных расходов. Широкий жест был сделан в отношении тяжелой промышленности. Теперь, когда положение с топливным хозяйством улучшилось, стало «возможным и необходимым» сосредоточить внимание партии на металлургии, которая «должна быть выдвинута на первый план и должна получить от государства гораздо большую, чем в прошлый год, всестороннюю, в частности и финансовую, поддержку»⁷⁵. Но это принципиальное заявление в тот момент не привлекло особого внимания и никаких рекомендаций в разделе «Практические выводы», помещенного в конце резолюции, дано в связи с этим не было.

Хотя резолюция в целом, казалось, знаменовала новую победу сторонников статус-кво и поражение поборников усиления планового начала, в ней все-таки присутствовал элемент компромисса. Цель политики заработной платы, как гласила резолюция, заключалась в том, чтобы «держат курс на подъем заработной платы в соответствии с подъемом промышленности и производительности труда». В частности, была подчеркнута необходимость «подтягивания заработной платы рабочих» до среднего уровня; устанавливались «строжайшие кары» за задержку выплаты заработной платы; было предписано возмещение рабочим потери на разнице курсов совзнаков. Выдача тантьем допускалась лишь из чистой прибыли и только особо добросовестным работникам при условии согласия профсоюзов⁷⁶. Теперь следовало уделять внимание и улучшению жилищных условий рабочих. То была явная уступка настроениям пролетариата, грозящим вылиться в недовольство. В резолюции говорилось также о закреплении монополии внешней торговли и необходимости обеспечить активный торговый баланс. В области внутренней торговли предписывалось усилить регулирование оптовых цен, прежде всего на основные предметы массового и в первую голову крестьянского потребления, распространив его и на розничные цены путем установления предельных накидок для кооперации, путем маневрирования со стороны государства определенными товарными массами с целью понижения цен, путем установления кредитной политики; признано необходимым нормирование цен на соль, керосин, сахар. В нижеприведенном разделе (VI. «Частный капитал») резолюция неожиданно зашла так далеко, что ее буква и дух вполне совпали с требованиями тех оппозиционеров, которые настаивали на

необходимости решительных действий против той опасности, которой был чреват НЭП:

«Вопрос о соотношении между государственным и частным капиталом в области хозяйства является в данный момент важнейшим вопросом, ибо он предreshает вопрос о соотношении классовых сил пролетариата, базирующегося на национализированной промышленности, и новой буржуазии, базирующейся на стихии вольного рынка...»

Одним из основных условий усиления наших позиций против частного капитала является политика цен... Вместе с тем, в целях подчинения деятельности частного капитала общему направлению хозяйственной политики Советской власти должны быть приняты дальнейшие меры по регулированию цен на основные предметы массового потребления».

Оппозиционеров должно было удовлетворить то, что острое новой политики теперь повернулось против всегда непопулярных нэпманов. Было признано, что регулирование «частного накопления» должно достигаться мерами налоговой политики: «Неуклонно должен проводиться налог на роскошь, и должна быть усилена борьба со злостными спекулянтами и т. п.» Наконец, переход на твердые денежные знаки — венец всей политики — должен быть ускорен сбалансированием бюджета и прекращением эмиссий неустойчивых совзнаков; кредит для промышленности должен быть удешевлен. При этом признавалось необходимым всемерно использовать регулируемую «роль кредита» в экономике, координируя деятельность Госбанка и других кредитных учреждений «через Госплан и СТО с органами, руководящими промышленностью и торговлей». Резолюция заканчивалась традиционным реверансом в адрес планового начала и необходимости усиления роли Госплана.

24 декабря 1923 г. резолюция комиссии о «ножницах» была одобрена Политбюро, по-видимому, без изменений. На следующий день она была опубликована в газете «Правда», но в текст вкрались некоторые ошибки, и она вновь была полностью напечатана 28 декабря 1923 г. Этот факт говорит об особом значении резолюции, которое ей придавали. В целом резолюция представляла собой сплав различных, а порой и противоположных мнений. Разделы о заработной плате и внутренней торговле свидетельствовали о попытке поддержать то неустойчивое равновесие, которое было достигнуто на XII съезде. Но главным ее результатом был вотум доверия политике Центрального Комитета и Политбюро. Резолюция подтвердила преобладающее значение крестьянства, которому политика НЭПа принесла наибольшие выгоды и на которое она возложила роль арбитра в развитии советской экономики.

ГЛАВА 4

«НОЖНИЦЫ» СМЫКАЮТСЯ

В то время когда в последние месяцы 1923 г. комиссия по «ножницам» продолжала свою работу, серьезная экономическая ситуация, побудившая образовать подобную комиссию, претерпела существенные изменения к лучшему. Второй год подряд собирали прекрасный урожай — а этот фактор был все еще господствующим в советском народном хозяйстве¹. Возобновление экспорта хлеба и хорошие перспективы его дальнейшего расширения действовали оздоравливающе на сельскохозяйственные цены в тот самый момент, когда урезание кредитов и прочие официальные меры стали сбивать промышленные цены. «Ножницы» начали смыкаться. Сельскохозяйственные цены, которые на 1 октября 1923 г. составили 49% от уровня 1913 г. в оптовых ценах и 58% — в розничных, к 1 января 1924 г. поднялись до 68 и 77% соответственно. Промышленные цены за тот же период упали в оптовых ценах со 171 до 134% от уровня 1913 г., и со 187 до 141% — в розничных².

Вопреки предсказаниям эти изменения вовсе не обернулись катастрофой для промышленности. Процесс концентрации промышленности, в особенности тяжелой, выражавшийся в укрупнении и за счет этого в создании более рентабельных предприятий, был начат весной с благословения XII съезда партии³. И несмотря на то что в тот момент этот процесс, несомненно, усугубил проблему безработицы, он все же стал приносить свои плоды в виде увеличения эффективности производства и снижения производительных затрат⁴. Председатель ВСНХ Рыков в докладе, сделанном в декабре 1923 г., заявил, что рост промышленности в истекшем году составил 200% по сравнению с 1920 г. (год наибольшего спада), правда, тяжелая промышленность, продолжал он, все еще отстает от легкой; в каменноугольной и металлургической промышленности увеличение по сравнению с 1920 г. достигает 159%; в текстильной — 320%. И хотя по сравнению с 1913 г. крупная промышленность дает лишь 34% продукции, процесс восстановления начался даже в этом наименее податливом секторе народного хозяйства⁵.

В условиях всестороннего подъема производства и перелома тенденции цен, вызвавших кризис «ножниц», пришедший на

прошлое лето «кризис сбыта» был постепенно ликвидирован. После того как был реализован урожай и собран натурой или деньгами сельскохозяйственный налог, у крестьян все еще оставались деньги, которые было соблазнительно истратить в обстановке снижения цен. Начиная с октября рынок стал медленно расширяться. В декабре в докладной записке ВСНХ (точнее ЦПЭУ ВСНХ. — *Ред.*) содержится вынужденное признание того, что «наиболее острые проявления денежного и торгового кризиса начинают изживаться с середины ноября» и констатируется «некоторое оживление сбыта в связи с понижением цен и окончанием продналоговой кампании». Но далее в записке сказано, что общее положение в промышленности остается «тяжелым и неустойчивым» и что «дальнейшее снижение цен... невозможно»⁶.

И все же на какое-то время всестороннее улучшение стало фактом неоспоримым, имевшим важные и далеко идущие последствия. Оно проложило путь завершению затянувшейся денежной реформы; свело на нет поползновения оппозиции, которая вела борьбу на основе экономической платформы, выработанной в начале октября в самый разгар кризиса, когда можно было с некоторой долей вероятности предположить, что экономика находится на грани катастрофы. Ничего такого, однако, не произошло. Положение дел в экономике неумовимо изменилось в сторону выхода из кризиса и в пользу тех, кто отстаивал разумность тогдашней официальной линии.

Когда 24 декабря 1923 г. резолюция комиссии по «ножницам» была одобрена Политбюро, новые условия были еще не вполне осмыслены. Публикация резолюции, подобно брошенной в воду гальке, взволновала и без того бурное море партийных дискуссий⁷. Видные партийные работники приветствовали резолюцию как новую победу политики Центрального Комитета, а оппозиция ринулась в бой. Каменев в своем докладе на заседании ответственных партийных работников Краснопресненского района 27 декабря 1923 г. спокойно и сдержанно разъяснил положения резолюции. Он сказал, что нет никаких оснований для утверждений оппозиции о том, что кризис привел страну на край гибели, что стоит вопрос о пересмотре «самых основ нашей экономической политики». Нельзя сказать, что в этой резолюции нельзя изменить ни одного слова; возможно, что пункты о заработной плате и о роли профсоюзов в особенности будут исправлены или дополнены практическими предложениями. Но в целом резолюция является «единственно правильной», является «продолжением осуществления той линии, которую в своих последних статьях дал Владимир Ильич». В этой неширокой аудитории не прозвучал ни один голос из числа инакомыслящих, и резолюция была принята единогласно⁸.

Два дня спустя на большом собрании (бюро ячеек и активных работников. — *Ред.*) Московской партийной организации Рыков

изобразил положение дел еще более оптимистично. Но тут-то оппозиция показала свое лицо, и Осинский от своего имени и от имени Преображенского, Пятакова и Смирнова представил пространную контррезолюцию, которая осталась в истории как самое обстоятельное заявление оппозиции. В этой резолюции причины кризиса опять объяснялись «отсутствием плана, объединяющего работу всех отраслей народного хозяйства»; отмечалось также, что делались попытки заменить такой план «коммерческой деятельностью хозорганов». Доказательством этих ошибок, по мнению оппозиции, являлась «хаотичность нашего промышленного строительства» (для устранения которой предлагалось разработать вопрос о более строгом контроле трестов со стороны ВСНХ), а также случайная кредитная политика, когда сначала промышленности щедро дали кредиты, а потом вдруг внезапно их урезали. Резолюция подвергла критике данное трестам указание ориентироваться лишь на «необходимую минимальную прибыль». Отмечалось, что правильная политика должна основываться на том, чтобы строить госбюджет на доходах, получаемых промышленностью от рынка; понижение цен должно достигаться путем расширения производства. Наконец, были подвергнуты критике финансовая реформа и тезис о необходимости активного баланса во внешней торговле. Советская Россия, считала оппозиция, «не может позволить себе роскошь тратить средства на переход от банкнот к звонкой монете»; отстаивалась идея «товарной интервенции» (определенная как «частичный ввоз из-за границы недостающих и особенно вздорожавших продуктов»), а также в необходимых случаях ввоз средств производства путем иностранных займов⁹.

Таким образом, в платформе оппозиции развитие промышленности, а не умиротворение крестьянства, рассматривалось как призыв к восстановлению господство же рынка и финансовых механизмов отвергалось во имя хозяйственного плана. В этом смысле платформа бросала вызов принципам НЭПа. Но не было единства и в самой оппозиции. Мало что делалось ради сплочения сил в единое последовательное целое для атаки. Создавалось впечатление, что оппозиция придирчиво ищет ошибки в каждом из пунктов официальной политики, но сама не имеет никакой конкретной альтернативы. Эта слабость оппозиции облегчала партийным руководителям задачу во имя партийной дисциплины апеллировать даже к тем, кто сочувствовал оппозиции по отдельным пунктам ее платформы.

Помимо мер убеждения и призывов к партийной дисциплине, были предприняты некоторые практические шаги, чтобы мнение партии, не поддающееся контролю, одобрило бы резолюцию комиссии «по ножницам». Первым шагом стала активная кампания против нэпманов, которая вполне логично вписывалась в решение о возобновлении контроля над торговлей посредством нормирования цен. Эта кампания, несомненно, послужила отдушиной для

лихорадочной напряженной обстановки партийных дискуссий, ибо гнев недовольных она направила на привычного козла отпущения. В конце декабря 1923 г. в самый момент публикации резолюции комиссии по «ножницам» ГПУ прочесало дорогие увеселительные заведения и прочие места сборищ преуспевающих торговцев и спекулянтов, арестовало несколько сот человек и выслало их из Москвы: одних — в провинцию, других — в концентрационные лагеря¹⁰. Число высланных было еще не столь велико, чтобы ликвидировать торговый слой, но достаточно большим, чтобы послужить предупреждением и произвести впечатление активного наступления партии на частный капитал. Нэпманы продолжали процветать, однако представляли собой не более, чем необходимый придаток к национализированному сектору экономики. Но кампания вырвала у оппозиции жало их обвинений в адрес Центрального Комитета в том, что он находился в состоянии апатии перед лицом роста частного капитала при НЭПе и малодушно капитулирует перед стихийными силами рынка.

Другим шагом, предпринятым в то время, стала попытка (предзнаменованием которой стало выступление Каменева 27 декабря 1923 г.) успокоить волнения рабочих и умиротворить оппозицию путем некоторых уступок в вопросе о заработной плате. В течение осени постарались затушить скандал, разразившийся в связи с задержками в выплате заработной платы и манипулированием с индексом. 29 декабря 1923 г. был издан декрет, запрещавший практику выплаты части заработной платы облигациями государственного займа¹¹, открыто санкционированную четыре месяца тому назад. Но теперь этого было недостаточно, чтобы успокоить рабочих.

Возникла новая проблема, для решения которой комиссия по «ножницам» не дала никаких рекомендаций. В начале осени Наркомфин предпринял решительную акцию по выплате заработной платы не товарными рублями, а червонцами. Этот шаг был продиктован застарелой враждебностью Наркомфина к товарному рублю как сопернику золотого рубля (или червонца) и соответствовал желанию Наркомфина во всех возможных направлениях подготовить почву для окончательного установления единой золотой валюты. Но и этот шаг приобретал особое значение в обстановке начавшегося брожения рабочих, которое вылилось в скандал из-за регулярного запаздывания с выплатами заработной платы и манипуляцией с индексом цен. Эти события заставили отказаться вообще или хотя бы частично от подобных злоупотреблений. Повышение цен в червонцах было эквивалентно падению курса червонца по отношению к бюджетному набору товаров (см. Струмилин, с. 170. — *Ред.*). Таким образом, финансовое ведомство, которое заменило товарный рубль червонцем, сделав его основой для исчисления заработной платы, получило еще одно удобное средство для скрытого снижения реальной заработной платы. Проект Наркомфина был также поддержан Советом съездов про-

мышленности, который пользовался благосклонным вниманием СТО.

В октябре 1923 г., когда подошел срок возобновления коллективных договоров шахтеров Донбасса и транспортников всей страны, был осуществлен переход от товарного рубля к червонцу при паритете курсов¹². В начале ноября СТО принял постановление о переходе на червонное исчисление заработной платы во всех наркоматах и ведомствах¹³.

Сопrotивляться переводу зарплаты на основу фиксированной валюты было трудно. Орган ВЦСПС газета «Труд» попыталась бороться методом волокиты. «Нужно ли торопиться?» — гласил заголовок ее передовой статьи в номере от 24 октября 1923 г. Два дня спустя газета опубликовала таблицу, показывающую, что червонные рубли, составлявшие в январе 1923 г. 80% стоимости товарных рублей, теперь составляют лишь 60%. Из этого вытекало, что при эквивалентном переводе произойдет падение реальной заработной платы на 40% с перспективой дальнейшего снижения. Кампания протестов постепенно набирала силу. В начале декабря ВЦСПС созвал специальное (тарифное) совещание, на котором были приняты резолюции, требовавшие точного соблюдения сроков расплаты, прекращения выплаты заработной платы натурой, страхования заработной платы от реального падения путем пересчета на червонцы и признававшие недопустимость «искусственного установления индекса»¹⁴.

Вскоре было объявлено, что Президиум ЦИКа СССР (у автора председатель. — *Ред.*) «передал на новое рассмотрение Совнаркома» постановление СТО и Совнаркома СССР о переводе зарплаты на червонное исчисление и указал, что «постановление должно быть изменено таким образом, чтобы переход на червонное исчисление не привел к реальному снижению зарплаты». Но эффект этого заявления был ослаблен тем, что в разъяснении к нему было сказано, что это относится только к окладам совслужащих, подпадающих под существующие соглашения о зарплате, а не к заключению новых коллективных договоров¹⁵. В резолюции комиссии по «ножницам», одобренной Политбюро без всяких дополнений 24 декабря 1923 г., в довольно поверхностном разделе о заработной плате не был отражен этот ныне животрепещущий вопрос. Страсти разгорелись, когда Каменев в своем выступлении 27 декабря признал, что этот раздел резолюции, возможно, потребует дополнения. 4 января 1924 г. было объявлено, что Центральная Контрольная Комиссия и Рабкрин назначат специальную комиссию, которая будет осуществлять наблюдение и обеспечивать правильность и своевременность выплаты заработной платы¹⁶. 6 января Рыков выступил на собрании коммунистической фракции ВЦСПС, ЦК союзов и МГСПС (*Ред.*). После явно бурной дискуссии была принята резолюция (единогласно при двух воздержавшихся), одобрявшая резолюцию комиссии по «ножницам». Но при этом в ней говорилось о необходимости «возмож-

ных поправок и добавлений»¹⁷, характер которых более не уточнялся.

Теперь стало ясно, что необходимо пойти на некоторые уступки в отношении курса червонца, хотя это, несомненно, встретит сильное сопротивление. Последнее слово было оставлено за самой партийной конференцией. В сложившейся ситуации, за развитием которой, должно быть, с циничным вздохом облегчения наблюдали руководители партии, обнаружился некий парадокс. Дело в том, что вопрос о заработной плате, именно тот вопрос, в котором сами руководители оказались уязвимы, не был оставлен ни Троцким, ни «официальной» оппозицией, возглавляемой Преображенским и Пятаковым, и не фигурировал в платформе оппозиции. Провал оппозиции в ее стремлении объединиться ради общего дела с промышленным пролетариатом и использовать его глубокое недовольство опять показал ее слабость¹⁸.

Таким образом, была подготовлена почва для генерального обсуждения резолюции комиссии по «ножницам» на XIII партийной конференции, которая состоялась в Москве с 16 по 18 января 1924 г., за неделю до смерти Ленина. Троцкий опять отсутствовал по причине нездоровья — он недавно уехал на юг. Тем не менее он нашел время, чтобы выпустить сборник своих последних статей, в том числе из неопубликованных ранее, под общим заголовком «Новый курс». Сборнику было предпослано предисловие, где Троцкий писал, что «намеченные в резолюции XII съезда пути и методы почти не нашли до последнего времени своего применения» и сетовал на то, что с разных сторон исходят скептические суждения в адрес Госплана и планового руководства вообще¹⁹.

В одной из ранее неопубликованных статей Троцкий обобщенно излагал свои взгляды на сущность тогдашних разногласий. Госплан, писал он, должен «согласовывать, то есть планомерно сочетать и направлять все основные факторы государственного хозяйства»; «стержнем работ Госплана должна быть забота о росте и развитии государственной (социалистической) промышленности»; «внутри государственного комбината «диктатура» должна принадлежать не финансам, а промышленности»²⁰. Таким образом, Троцкий разделил точку зрения оппозиции, но при этом не сделал открыто заявления о том, что он присоединяется к ней и целиком принимает ее платформу. Подобная позиция Троцкого принесла лишь вред и оппозиции, и ему самому, ибо он подставил себя под огонь обвинений в неискренности.

Когда конференция начала свою работу, то председатель ВСНХ Рыков представил на одобрение конференции в качестве основной резолюции комиссии ЦК по «ножницам» резолюцию «О текущих задачах экономической политики». Исходя из тезиса об экономической отсталости России с ее стомилионным крестьянством и пятиллионным промышленным пролетариатом, Рыков в своем

докладе делает уже знакомый нам вывод о необходимости умиротворения крестьян: «политическую диктатуру рабочих» нельзя подменять «экономической диктатурой фабрики». Рыков принес извинения за допущенную ошибку: одобрение им Приказа ВСНХ от 16 июля 1923 г. по трестам, согласно которому руководящим началом в их деятельности признавалась прибыль. Проект приказа был подготовлен Пятаковым. Рыков с оптимизмом привел официальные данные о значительном повышении за истекший год зарплат в промышленности. И хотя он признал, что наличие миллиона безработных — это цифра колоссальная, он умалил значение этого факта, заявив, что рост безработицы происходил «параллельно» с ростом количества занятых рабочих, и повторил избитый довод о том, что «большую часть безработных составляют чернорабочие, пришедшие из деревень, и служащие». Рыков высмеял идею планового хозяйства: как можно планировать в преимущественно крестьянской экономике, где урожай зависит «от дождичка». Во всяком случае абсурдно предполагать, что плановая комиссия, находясь в Москве, может составлять все планы и управлять страной «от Владивостока до Петрограда, от Мурманска до Одессы»²¹. Доклад Рыкова был не просто безоговорочной защитой резолюции комиссии по «ножницам» и Политбюро, это был призыв оказать доверие тогдашнему руководству партии и реалистическому характеру его официальной политики.

В отсутствие Троцкого Пятаков был главным трибуном оппозиции. Он отстаивал свой авторитет в партии и «платформу 46-ти» и предложил ряд специфических поправок к резолюции.

В дополнение к вступительной части Пятаков осуждает «линию наименьшего сопротивления» — в подтексте следовало понимать, что речь идет о линии ЦК и Политбюро, — которая поощряла «коммерческий элемент, элемент нэпа» вместо того, чтобы укреплять «государственное хозяйство и кооперативы». Он предложил дать новый раздел об управлении государственными предприятиями. А именно: вместо того чтобы, согласно принципам НЭПа, рассматривать государственные предприятия как изолированные единицы наравне с частными предприятиями, надо объединить госпредприятия в единую систему государственного хозяйства и сделать ее господствующим элементом экономики. Третья поправка утверждала не только теоретическое значение планирования, но и необходимость поставить это дело на практические рельсы (в докладе Пятаков бросает остроумную реплику по поводу рыковского «дождичка»). Четвертая поправка содержала резкий выпад против политики цен: надо снижать промышленные цены, но это должно делаться путем расширения базы и объема производства (другими словами, необходимо и впредь оказывать поддержку промышленности), а не в ущерб капитальным вложениям. Последние две поправки отвергали идею активного торгового баланса в пользу «значительной программы импорта прежде всего ради дела нашей государственной промышленности»; эти

же поправки отменили как абсурдные данные промышленности предписания ориентироваться на «минимальную прибыль»²².

Инвектива Пятакова в адрес тогдашней политики партии и его защита принципов планирования явились впечатляющим интеллектуальным действием и, без сомнения, заслужили более благосклонное отношение широких партийных масс, нежели это могло проявиться на конференции²³.

В последующих дискуссиях Пятакова в основном (без ссылки на его специфические поправки) поддерживали в своих выступлениях Преображенский и В. Смирнов.

В выступлении Пятакова прозвучала тревожная нотка по поводу роста частной торговли и частного капитала в промышленности. Частные предприятия не только «сильнее капиталом» (вероятно, он имел в виду оборотный капитал), чем государственные, они «сильнее опытом и умением ориентироваться на рынке». Можно предсказать, что без четкой организации и планирования «в борьбе между частнокапиталистическим началом, которое развивается, и государственным социалистическим началом неизбежно поражение будет терпеть государственное, социалистическое начало»²⁴.

Преображенский привел подсчеты, согласно которым прибыли частного торгового капитала за 1922—1923 гг. оцениваются в 500 млн. золотых рублей, и выдвинул довод о том, что «нэпмановское накопление» угрожает перевесить «социалистическое накопление» которого можно ожидать от национализированного сектора экономики²⁵. Смирнов в своем выступлении требовал усилить плановое начало в народном хозяйстве. Он утверждал, что даже в резолюции от 24 декабря вопрос о планировании трактуется не как существенный компонент социализма, а как средство для преодоления кризисов²⁶. Молотов, Каменев и Микоян нападали на Пятакова и отстаивали официальную линию; Сокольников дал ответ Преображенскому, который скептически высказался относительно финансовой реформы. Красин повторил свое особое мнение по поводу того, что восстановление экономики целиком и полностью зависит от иностранного займа. Представители официальной политики вслед за Рыковым подвергли насмешкам идею планирования. Микоян назвал резолюцию IX съезда партии о «плановом единстве» (1920) и знаменитый «Приказ № 1042» Троцкого о ремонте паровозов (в том же году) «верхом утопии»²⁷. Обином говорилось, что платформа оппозиции тянет назад к «военному коммунизму» с его бюрократическим централизмом; идеи Пятакова об организации промышленности были уничижительно квалифицированы как «главкизм»²⁸. Тем самым вызвали не к рассудку, а скорее к предрассудкам, но эти призывы оказали желаемый эффект на тщательно отобранную аудиторию делегатов.

Отстаивать интересы промышленного пролетариата выпало на долю Лутовинова, бывшего члена «рабочей оппозиции», и Косио-

ра, подписавшего «платформу 46-ти». Оба оратора были из рабочих, оба — члены ВЦСПС. Оба горячо отвергли заявление Рыкова о том, что в 1923 г. реальная заработная плата возросла. Выступление Лутовинова (после Пятакова) отличалось необычной краткостью и сдержанностью²⁹. Лутовинов резко осудил дежурный оптимизм раздела резолюции о заработной плате и еще раз привлёк внимание к имевшим место в прошлом и все еще продолжающимся нарушениям в деле исчисления заработной платы. Выступая от имени партийной фракции ВЦСПС³⁰, Лутовинов теперь потребовал прекратить переход от исчисления заработной платы в товарных рублях к исчислению в червонных, а в тех отраслях промышленности, где уже перешли на червонное исчисление, в целях сохранения реальной заработной платы провести мероприятия по выравниванию заработной платы в зависимости от движения товарного рубля.

Тщательный отбор делегатов на конференцию, осуществленный Секретариатом³¹, был, без сомнения, основной причиной того, что оппозиция оказалась в безнадежном меньшинстве. Но той легкости, с которой руководители партии одержали победу, немало способствовало отсутствие взаимного понимания между лидерами оппозиции и теми, кто высказывался в пользу рабочих. Представители официальной линии, обойдя молчанием вопрос о недовольстве рабочего класса, всю мощь своего натиска обрушили на Пятакова и его группку. Подавленная таким образом оппозиция могла лишь вести нерешительные арьергардные бои. Пятаков в своем заключительном слове предсказал, что партия в один прекрасный день придет к «организации экономики». Он пытался, правда, слабо, протестовать против брошенного ему обвинения в том, что он «противопоставляет свою линию в экономической политике политической линии ЦК», и посетовал, что «Политбюро, проводя правильную линию в области нашего хозяйства, не ставит еще практически тех вопросов, которые уже нужно поставить»³². В заключение своего выступления он отметил, что «на будущих съездах» станет видно, была ли правильна постановка выдвинутых им вопросов перед партией, и, когда Орджоникидзе язвительно спросил, верно ли, что Пятаков не требует ставить эти вопросы на голосование, он под общий смех смог лишь ответить: «Я достаточно политически опытный человек, чтобы знать, что при данном составе конференции они не будут приняты». Поправки были все же поставлены на голосование и получили три голоса «за» при одном воздержавшемся.

Затем резолюция была передана в редакционную комиссию. О том, что в процессе работы вносились изменения, свидетельствует факт включения Лутовинова в состав комиссии. Однако в комиссию не вошел ни один представитель оппозиции, а предложение дополнить комиссию Косиором и Пятаковым было отклонено³³. Комиссия, закулисно проработавшая вопрос о заработной плате, от обсуждения которого конференция воздержалась, предложила

внести в этот раздел резолюции две поправки. В первой поправке выдвигалось требование дальнейшего подтягивания заработной платы рабочих в тех основных отраслях промышленности и в тех промышленных районах, где величина заработной платы все еще отставала от среднего уровня. Во второй предлагалось в тех случаях, когда заработная плата исчисляется в червонцах, обязательно по истечении каждого месяца выплачивать специальные надбавки в зависимости от роста дороговизны. Эти предложения вместе с несколькими другими незначительными поправками были представлены делегатам конференции, и резолюция с внесенными в нее дополнениями была принята единогласно³⁴. Тем самым был сделан шаг, чтобы удовлетворить самые насущные потребности промышленного пролетариата и таким образом нейтрализовать взрывоопасную ситуацию. Было решено попробовать ввести нормирование цен. Оппозиция была разгромлена. Основная структура НЭПа осталась нетронутой, а тезис о первенствующем значении крестьянства — непоколебимым. Ни доводы критиков, ни давление внешних обстоятельств не смогли убедить в том, что линия наименьшего сопротивления непригодна. Перспективы народного хозяйства казались более многообещающими, нежели в прошлом году. Конференция положила конец долгим и яростным спорам об экономической политике, которым суждено было замолкнуть на многие месяцы.

XIII партийная конференция, принявшая резолюцию комиссии по «ножницам», одобрила тогдашнюю линию в экономической политике. Теперь через государственный аппарат требовалось осуществить три решения конференции: завершить финансовую реформу, реализовать дополнения, касающиеся заработной платы, и установить контроль над ценами.

Завершение финансовой реформы сразу же после окончания конференции явилось кульминационным моментом в стабилизации НЭПа. Оно логически вытекало из предшествующей политики в этой области. Решение возобновить в сентябре 1923 г. неограниченный выпуск советских рублей было вызвано необходимостью иметь наличные деньги для финансирования хлебозаготовок. Эта мера в свою очередь привела к окончательному решению проблемы твердых денежных знаков. Стало невозможно восстановить советский рубль, да он того и не стоил.

К ноябрю 1923 г. четыре пятых бумажных денег, находившихся в обращении, исчисленных по их стоимости, составляли червонцы, и только одна пятая оставалась на долю умиравшего советского рубля; таким образом, червонец стал, как отмечалось в резолюции комиссии по «ножницам», «основной валютой страны»³⁵. Благодаря экспорту хлеба и политике активного торгового баланса в течение года устойчиво накапливались резервы золота и иностранной валюты, создавшие червонцу безупречное обеспечение. На 1 января 1924 г.³⁶ вклады Госбанка в золоте и ино-

странной валюте поднялись почти до 150 млн. золотых рублей, что составляло более половины всей эмиссии червонцев (по сравнению с 15 млн. золотых рублей на 1 января 1923 г.).

Единственным оставшимся уязвимым пунктом был государственный бюджет, громадный дефицит которого из года в год покрывался за счет очередного выпуска бумажных денег. И теперь здесь нужно было многое сделать, чтобы восстановить порядок. На сессии ВЦИКа, состоявшейся в ноябре 1923 г., Сокольников с гордостью заявил, что впервые в первом квартале квартальный бюджет был подготовлен до начала квартала, а не в конце его, и что твердый годовой бюджет на текущий финансовый год (октябрь 1923 — октябрь 1924 гг.) будет представлен к 1 декабря. Он сказал, что две трети бюджета покрываются налогами и доходами, и лишь одна треть кредитными операциями и эмиссией, что при условии стабильного расширения экономической деятельности выглядит вполне разрешимой задачей³⁷. Условия для завершения реформы постепенно созрели.

Оппозиция, все еще преисполненная недоверия к последствиям реформы для промышленности, но лишенная возможности открыто выступить против этой меры, подкрепленной абсолютным авторитетом Ленина и XI съездом партии, ограничивалась спорадическими проявлениями пессимизма. На закрытом заседании ВЦИКа в ноябре 1923 г. В. Смирнов пророчествовал, что червонец умрет через три месяца своей смертью. На это Сокольников потребовал дать ответ: представляет ли это заявление официальную точку зрения Госплана³⁸, и опять привел свой неоспоримый довод о том, что стабильные денежные знаки есть предварительное условие планирования. Единственный вопрос, который все еще оставался открытым, заключался в следующем: стоит ли стабилизировать советский рубль в червонцах или заместить его новым выпуском денег малого достоинства, а во втором случае — должен ли этот выпуск осуществляться Госбанком как часть эмиссии червонцев или самостоятельно казначейством. Зимой было принято решение в пользу нового выпуска казначейских билетов и чеканной серебряной монеты (достоинством в 1 рубль и 10, 15, 20 коп. — *Ред.*), обмениваемых на червонцы по паритету 10 рублей за червонец³⁹. На XIII партийной конференции Сокольников заявил, что пришло время перейти «на стадию стабилизированных казначейских денег, то есть денег, стабилизированных в золоте, государственных казначейских билетах, выписанных в золоте, играющих роль разменных денег по отношению к червонцу». Эту меру он охарактеризовал как «валютный мост между городом и деревней»⁴⁰. Преображенский еще раз ворчливо заметил, что проведение денежной реформы показывает «всю стихийность, бесплановость в нашем хозяйстве». Но серьезной критики в адрес реформы не было, и Микояну удалось зло упрекнуть оппозицию в том, что она ни за, ни против нее⁴¹. Резолюция комиссии по «ножницам» и Политбюро, одобренная конференцией, приветствовала за-

вершение денежной реформы, которое должно стать «одной из основных задач Советской власти на предстоящий период»⁴².

Реформа осуществлялась в несколько этапов. Первым этапом явился декрет (ЦИК и СНК СССР. — *Ред.*) от 4 (5. — *Ред.*) февраля 1924 г. о выпуске казначейских (государственных) билетов достоинством в один, два (три. — *Ред.*) и пять рублей золотом как законного платежного средства для всех сделок. Был установлен предел эмиссионного права казначейских билетов не выше половины общей суммы червонцев, выпущенных в обращение Госбанком, который таким образом оставался арбитром всего выпуска билетов и гарантом их финансовой платежеспособности⁴³. Декрет не устанавливал никакой формальной связи между новым казначейским золотым рублем и червонным рублем. Поскольку червонец имел золотое обеспечение и никаких трудностей не предполагалось, Госбанк 7 февраля 1924 г. заявил о готовности принимать новые казначейские билеты по курсу обмена 10 рублей за 1 червонец⁴⁴. Следующим этапом стал декрет (ЦИК и СНК СССР) от 14 февраля 1924 г. о прекращении с 15 февраля эмиссии советских денежных знаков и уничтожении не выпущенных в обращение запасов⁴⁵. Декретом от 22 февраля 1924 г. обеспечивались (чеканка. — *Ред.*) и выпуск в обращение серебряной и медной монеты советского образца разного достоинства вплоть до 1 рубля⁴⁶. Эти меры расчистили путь для последнего этапа, который был определен постановлением от 7 марта 1924 г. Согласно постановлению, советские рубли начиная с 10 марта подлежали выкупу по курсу 50 тыс. рублей в денежных знаках образца 1923 г. (эквивалентных 50.000 миллионам рублей образца до 1921 г.) за один рубль золотом и прекращали быть легальным платежным средством после 10 мая⁴⁷. Результатом финансовой реформы стало исчезновение не только советских денежных знаков, но и гипотетического товарного рубля (или индекса цен) как единицы исчисления. Постановление СТО от 29 февраля 1924 г. предписывало перевод в золотые рубли всех сделок, заключенных в товарных рублях, и в будущем запрещало заключать сделки или устанавливать расценки в товарных рублях⁴⁸.

На последующих этапах проводимой реформы в официальных кругах ощущалось беспокойство относительно ее успеха. Необходимые по ходу реформы меры предпринимались с определенным интервалом для того, чтобы обеспечить себе возможность отступления, в случае если какая-нибудь часть плана в последний момент не сработает. Но самой поразительной особенностью всей реформы было ее близкое сходство с западными, в частности английскими, канонами финансовой ортодоксии. Ни одна из стран, получавших в то время рекомендации от экспертов Великобритании или Лиги Наций о наилучшем пути поддержания стабильной валюты, не применяла более скрупулезно, чем СССР, все предписания, касающиеся золотого обеспечения, сбалансированного

бюджета, осторожной кредитной политики или правильных отношений между казначейством и центральным банком. Такая готовность к восприятию западных моделей объяснялась не в последнюю очередь присутствием в Госбанке бывшего кадетского министра Кутлера⁴⁹ и других экспертов, воспитанных в ортодоксальной традиции международных финансов XIX века. Но тут имелось в виду и другое. Установление твердой валюты являлось не только самоцелью, но также и средством, чтобы завоевать доверие капиталистического мира, обеспечить себе выгоды от международной торговли и в конечном счете возможность получения иностранных займов, которые не одному только Красину представлялись главной надеждой для спасения советской экономики. На II Всероссийском съезде Советов Каменев поставил этот вопрос с полной откровенностью: «Вся Европа, которая бьется над валютным кризисом, должна будет признать экономику страны здоровой, если она могла достигнуть тех результатов, которых мы достигли за этот год, если она создаст твердую валюту»⁵⁰.

Шарж в газете «Известия» изображал червонец как «нового полпреда СССР в Нью-Йорке»⁵¹. Появилась неожиданная готовность подчеркивать скорее сходства, нежели различия между советскими финансами и финансами западного мира. Сокольников еще давно, в 1918 г., оправдывал беспорядок в советском бюджете, приведя в пример Францию (которая на тот год еще не имела бюджета. — *Ред.*)⁵². Теперь, в разгар политики оздоровления финансов, он сделал совершенно неожиданный вывод из тех мер, которые почти одновременно были приняты под эгидой Запада для стабилизации валют Германии, Австрии, Чехословакии, Польши, Латвии, Эстонии и Литвы: «И мы, как члены европейского хозяйственного целого, несмотря на все особенности нашего политического положения, несмотря на то, что у нас другой класс стоит у власти, оказались втянутыми в этот европейский механизм экономического и финансового развития»⁵³.

Денежная реформа увенчалась *сближением* Советской России с капиталистическим миром, чему способствовали, с одной стороны, НЭП и с другой — англо-советское торговое соглашение. Однако более всего новая финансовая политика выражала желание порядка, стабильности и покоя после революционной сумятицы, которые установились с приходом НЭПа. Все были сыты по горло мерами, сулившими возврат к хаосу и аскетизму «военного коммунизма». Похоже, что руководители, которые теперь, после смерти Ленина, ведали вопросами экономической политики, не имели пока иной цели, нежели ознаменовать свое правление сохранением уже завоеванного, насладиться плодами победы и закрепить свое пребывание у кормила власти. Пока экономика продолжала функционировать без недопустимых срывов или провалов, они были готовы ограничить свое вмешательство до минимума. Это казалось легко осуществимым при условии, если путеводной звез-

дой экономики станет обеспеченная золотом валюта, функционирующая посредством автоматического, саморегулирующегося механизма, описанного классиками экономической науки. Как разъяснил Каменев очередному съезду партии, твердый рубль является «превосходным термометром, который может показывать и здоровье, и болезнь», и если термометр будет показывать «болезненные явления», нет причины его разбивать ⁵⁴.

Основная цель решения XIII партийной конференции по вопросу о заработной плате, принятого по запоздалым размышлениям в качестве дополнения к первоначальному тексту, заключалась в том, чтобы компенсировать трудящимся повышение цен в новых червонных деньгах. На XI Всероссийском съезде Советов ⁵⁵, состоявшемся сразу же после партийной конференции, нарком труда Шмидт представил скромный отчет о тех недавних усилиях, которые были предприняты в последнее время для облегчения положения рабочих. Он сообщил, что во второй половине 1923 г. улучшение заработной платы рабочего достигло «небольших размеров» — «всего-навсего на 3%»; при этом, по словам Шмидта, заработная плата в Москве теперь составляет 78% довоенного уровня, а в Петрограде — до 68%; что касается заработной платы транспортников (точнее железнодорожников. — *Ред.*), она составляет лишь 50% довоенной; 84% заработной платы выплачиваются (исключительно. — *Ред.*) деньгами. Затем Шмидт острожно затронул больной вопрос о переводе норм заработной платы на червонное исчисление, признав при этом, что за последние три месяца произошло падение червонца по отношению к товарному рублю. «Надо очень осторожно относиться к вопросу: можем ли мы окончательно гарантировать высоту заработной платы при червонном исчислении? Здесь также должна быть известная страховка» ⁵⁶.

Представитель ВСНХ Богданов опять выступил от лица хозяйственников и с их позиции. Он доказывал, что кризис сбыта, переживаемый уже 4 месяца, еще не закончился и что нельзя снижать цены и поднимать заработную плату без соответствующего повышения производительности труда. Повышение производительности труда — это единственный путь для того, чтобы «безболезненно, без повышения цен на товары, повысить и заработную плату». Богданов ратовал за перевод заработной платы на червонное исчисление, а компенсацию потерь при таком переходе он видел в усилении рабочей кооперации, которая может продавать необходимые для рабочих продукты без повышения розничных цен ⁵⁷. Но в принципе вопрос был уже решен партийной конференцией, и никто всерьез не предлагал вновь его обсуждать.

Съезд принял резолюцию «О мероприятиях по дальнейшему улучшению условий труда рабочих». В ней содержалось требование: в тех случаях, когда заработная плата исчисляется в червонцах, рабочий в зависимости от роста дороговизны должен получать специальную надбавку на дороговизну ⁵⁸.

Наконец, 29 февраля 1924 г. СТО принял постановление, где говорилось, что в будущем все коллективные договора должны заключаться в червонцах, а нормы заработной платы по всем существующим коллективным договорам переводятся из товарных рублей в червонцы. С этой целью территория страны была разделена на три пояса, и перевод должен был осуществляться по разным курсам в зависимости от пояса. При этом паритет устанавливался в размере 1,50 червонного рубля к одному товарному рублю. «Надбавки» в случае усиления дороговизны должны были выплачиваться в червонцах⁵⁹. Надбавки, строго замечала газета «Труд» несколько дней спустя, должны быть «честными» и проводиться в полном соответствии с движением рыночных цен⁶⁰.

Этому с трудом завоеванному и неуклюжему компромиссу суждена была короткая жизнь. Как только был осуществлен переход на фиксированные нормы заработной платы и выплату в червонцах, принцип надбавки за дороговизну — останки списанного за ненадобностью товарного рубля — быстро оказался под критическим обстрелом. Похоже, что завершение финансовой реформы и стабилизация цен, которая ее сопровождала, лишила систему надбавок последнего оправдания. Все народное хозяйство теперь подгонялось к стабильной, обеспеченной золотом валюте: было логично, что теперь пришла очередь урегулировать заработную плату. Раздавались голоса, доказывавшие, что рабочие и так получили слишком много от выплаты зарплаты по твердому курсу стабильной валюты и что нет нужды идти на дальнейшие уступки⁶¹.

4 апреля 1924 г. ВСНХ и ВЦСПС совместно издали «Циркуляр № 606» для всех профессиональных и хозяйственных организаций. Он начинался с объяснения того, что «на переходный момент» была установлена смешанная система товарного и денежного исчисления заработной платы, основанная частично на условном паритете между товарным и червонным рублем и частично на надбавке на дороговизну. Теперь, когда твердо установлен новый финансовый порядок, необходимо «завершить реформу исчисления зарплаты, перейдя к заключению коллективных договоров на известный срок с твердым денежным выражением зарплаты». Новая система (исчисления) будет проводиться с 1 апреля за исключением транспорта, Донугля и Югостали, которые еще целый месяц будут пользоваться благами смешанной системы. Чтобы подсластить пилюлю, отмечалось, что все спецставки с 1 апреля подлежали сокращению на 20%⁶².

Трудно поверить, что это решение было с энтузиазмом воспринято рабочими или профсоюзами, жалобы на то, что рабочих приносят в жертву, не замедлили себя ждать. Месяц спустя, на XIII съезде партии, делегат от профсоюзов подверг резкой критике «Циркуляр № 606» как нарушивший решения Политбюро и XIII партийной конференции⁶³. Но благодаря неожиданному восстановлению покупательной способности червонца и его стабильности

на протяжении всего 1924 г. изменение было осуществлено без особого противодействия или неодобрения⁶⁴. Память прошлых лет о неустойчивости денег и неуверенности в завтрашнем дне была все еще свежа, а безработица все еще столь велика, что занятый рабочий был не столь глух и слеп к непривычным благам, связанным с получением фиксированной зарплаты в деньгах со стабильной покупательной способностью. Не меньшим достоинством финансовой реформы было и то, что она положила конец манипуляциям с индексами цен при выплате зарплаты, этим вопиющим нарушениям прежних лет. В последующий период акцент сместился на другой аспект сферы труда: на отношение заработной платы к производительности труда.

Третье решение, принятое XIII партийной конференцией по материалам комиссии по «ножницам» — решение о контроле над оптовыми и розничными ценами, — не требовало особого законодательства, поскольку этими полномочиями уже был наделен Комвноторг. Но за этим решением последовал поток декретов о ценах, изданных разными ведомствами. Постановлением СТО от 22 февраля 1924 г. право Комвноторга регулировать товарные цены было распространено на «все товары, обращающиеся на внутреннем рынке Союза, во всех стадиях их товарного обращения». Приказ ВСНХ от того же числа предупреждал тресты о снятии в ближайшем будущем «надбавки к ценам, являющейся страховкой при обесценении совзнаков»⁶⁵. В последующую неделю Комвноторг (при СТО СССР. — *Ред.*) принял обязательное постановление о предельных ценах на хлеб в Москве и Ленинграде и указал список из 16 товаров первой необходимости, цены на которые все торговые организации обязаны вывешивать на видном месте в своих торговых помещениях⁶⁶. Постановление СТО от 29 февраля являлось, в сущности, компромиссом в вопросе о заработной плате⁶⁷. Оно содержало непререкаемые — в том смысле, чтобы возмещать рабочим возможные курсовые потери при выплате зарплаты в новом исчислении — инструкции местным органам Комвноторга по всей стране снизить розничные цены и вывесить в торговых помещениях прейскуранты на товары массового потребления.

Сомнительно, чтобы попытка снизить цены административным путем была бы успешной. Шесть недель спустя резолюция ЦК РКП(б) признала неизбежную ограниченность подобной акции. Более того, сама резолюция выглядела отступлением на те более осторожные позиции, которые занимала комиссия по «ножницам» в декабре 1924 г. «Нормирование розничных цен должно быть распространено на частную торговлю в тех случаях, когда обеспечено со стороны госорганов насыщение рынка определенными товарами, составляющими фактически государственную монополию, как-то керосин, соль, спички и т. п.»⁶⁸. Стабилизация оптовых и розничных цен весной 1924 г. была достигнута гораздо скорее бла-

годаря успеху денежной реформы, нежели прямому правительственному контролю над ценами. Но наследие кризиса «ножниц» давало себя знать. Доктрина о том, что даже в условиях НЭПа фиксирование цен есть прямая и необходимая обязанность правительства, воцарилась во всей полноте и уже более не оспаривалась.

Новый подход к организации внутренней торговли привел к давно назревшей системной перестройке: обострилось до предела межведомственное соперничество, которое было отличительной чертой прошлых двух лет; теперь с этим было покончено. Рост авторитета Наркомфина и Госбанка, который был связан с новой ролью финансовой политики, явился одним из наиболее заметных административных последствий НЭПа. В эпоху «военного коммунизма» двумя самыми могущественными экономическими ведомствами в государстве были ВСНХ, контролировавший промышленность, и Наркомпрод, который ведал продуктами сельского хозяйства; при этом СТО осуществлял надзор и координацию. С переходом к НЭПу функции обоих ведомств претерпели радикальные изменения. За ВСНХ осталось управление промышленностью, хотя его прямой контроль был ослаблен тем обстоятельством, что Главки и центры были заменены трестами и концессионными предприятиями, а это наряду с переходом на хозрасчет сужало сферу его власти.

Но теперь и другие ведомства стали посягать на власть ВСНХ. Так, финансирование промышленности (если вообще можно говорить о таковом применительно к эпохе «военного коммунизма»), до сих пор проводившееся ВСНХ, теперь перешло в руки Госбанка, который пользовался безграничным доверием Наркомфина. Троцкий на XII съезде партии отмечал, что «финансовый аппарат является... основным аппаратом управления промышленностью» и что «ВСНХ останется, несомненно, пятой спицей в колеснице, если не будет иметь в своих руках аппарата финансирования промышленности»⁶⁹. Учреждение Промбанка⁷⁰ явилось компромиссом, который не мог удовлетворить всех; последнее слово все еще оставалось за Госбанком. Но иначе и не могло быть в экономике, где финансы служили окончательным регулятором, а прямое государственное вмешательство в функционирование рынка являлось нарушением провозглашенных принципов.

Однако монополию власти ВСНХ подрывали Внешторг и Комвнуторг, которые требовали, хотя и недостаточно настойчиво, преимущественного права абсолютной свободы в деле внешней и внутренней торговли. Наркомпрод, равноправный партнер ВСНХ в эпоху «военного коммунизма», испытывал еще более сильное давление с тех же двух сторон. Первое же нововведение, с которого начался НЭП — замена продразверстки продналогом — принесло с собой вторжение Наркомфина в область, которая в период «военного коммунизма» была исключительной и крайне важной заповедной зоной Наркомпрода; пока налоги взимались натурой,

их сбор оставался в руках Наркомпрода, а переход на денежные выплаты скоро сделал сборщиком налогов агентов Наркомфина, а не Наркомпрода. Аналогичным образом переход от пайков и выплат натурой к денежной выплате заработной платы сделал Наркомфин третейским судьей в вопросах политики заработной платы. И наконец, растущее значение экспорта хлеба ввело в крестьянскую экономику страны новый фактор в лице Внешторга. Между 1921 и 1923 гг. Наркомпрод одну за другой терял те руководящие позиции, которые он занимал в эпоху «военного коммунизма»⁷¹.

Первая попытка реорганизации исходила от ВСНХ. Во время работы XII съезда партии он поставил на обсуждение проект об объединении ВСНХ, Внешторга и Комвнуторга в единый комиссариат промышленности и торговли, который также отвечал бы за заготовку и закупку хлеба. Таким образом, все основные сектора экономики ставились бы под единый контроль⁷². Этот далеко идущий проект столь явственно напоминал прежние притязания ВСНХ стать высшим и всеобъемлющим органом экономического контроля, чтобы иметь хоть какие-нибудь шансы быть принятым. Первым институциональным изменением стала реорганизация самого ВСНХ. В условиях «военного коммунизма» можно было руководить промышленностью как неким единым целым. При НЭПе промышленность делилась на два сектора: государственная промышленность и концессионные или частные предприятия. Поэтому функции ВСНХ делились на две категории: одна — это общее регулирование и общее руководство, законодательная деятельность в отношении всей промышленности и другая — оперативное управление государственными предприятиями, которые, согласно декрету от 10 апреля 1923 г., были организованы в тресты⁷³.

Подобная организация не отвечала характеру тогдашних условий. И тот факт, что ВСНХ не смог предусмотреть разразившийся летом 1923 г. кризис сбыта и ликвидировать его, был расценен как невыполнение со стороны ВСНХ своих функций общего регулирования⁷⁴. В сентябре 1923 г. ВСНХ был разделен на два основных управления, соответствующих упомянутым двум функциям. Рыков остался председателем ВСНХ, а Богданов и Пятаков — его заместителями. Пятаков был поставлен во главе управления государственной промышленностью⁷⁵, однако сразу же после реорганизации он был направлен в командировку в Германию⁷⁶. Трудно сказать, было ли это случайным совпадением или за этим стоял некий тайный умысел. Впоследствии Пятаков горько сожалел о том, что в его отсутствие ничего не было сделано, чтобы всю государственную промышленность собрать в единое целое⁷⁷.

Дальнейшая реорганизация проходила после смерти Ленина. Рыкова, теперь ставшего председателем Совнаркома, сменил на его посту новый председатель ВСНХ Дзержинский, первый ру-

ководитель ВЧК, а с 1921 г. народный комиссар транспорта. Эти меры в сочетании с начавшимся в 1924 г. оживлением промышленности вдохнули новую жизнь в ВСНХ. Но ВСНХ все же так и не удалось вновь распространить свою власть за пределы промышленности. В начале февраля 1924 г. Государственный универсальный магазин (ГУМ) с его отделениями, первоначальное порождение ВСНХ, был передан Комвнуторгу, который таким образом получал непосредственный плацдарм в розничной торговле⁷⁸. Новая попытка контролировать цены потребовала создания органа, который обладал бы большей властью и престижем, нежели Комвнуторг; но этот новый орган не должен был входить в состав ВСНХ⁷⁹. Теперь решение сформировалось почти автоматически. В мае 1924 г. были изданы декреты, согласно которым вместо Комвнуторга создавался Народный комиссариат по внутренней торговле, который заменил Комвнуторг и вобрал в себя то, что осталось от аппарата ликвидированного Наркомпрода⁸⁰. Народный комиссариат внешней торговли оставался самостоятельным, и Красин пока еще возглавлял его.

Неожиданным результатом этих реорганизаций, а также победы партийного руководства на XIII партийной конференции стало то, что скептическое отношение большинства членов партии к принципу планирования несколько поколебалось. Типичным показателем такого скептицизма были, в частности, выступления Рыкова и Каменева на конференции. В той перестановке должностей, которая произошла после смерти Ленина, Кржижановского на посту председателя Госплана заменил Цурюпа, бывший одним из заместителей председателя Совнаркома. Крайне важно отметить, что это перемещение было предложено Троцким более года тому назад, но тогда его отвергли⁸¹. Теперь же Каменев лез из кожи вон, пытаясь объяснить, что это делается для того, чтобы «Госплан подтянуть к правительству, поднять его авторитет»⁸².

В апреле 1924 г. ЦКК и РКИ обратили внимание на Госплан. Они приняли тезисы, в которых Госплану ставились конкретные задачи. Ему, в частности, предписывалось «выработать перспективный план развития народного хозяйства СССР сроком на 5 или 10 лет»; отмечалась необходимость создания также финансового плана, составной частью которого должен был стать госбюджет. Рекомендовалось также образовать в Госплане и особую секцию по труду⁸³. Хотя еще было далеко до существенного прогресса в деле создания всеобъемлющего аппарата планирования, сама тенденция представлялась симптоматичной. С точки зрения ближайших задач более важным оказался тот момент, что вернулись к до сих пор игнорировавшейся рекомендации комиссии по «ножницам» об увеличении финансовой поддержки металлургической промышленности. Несомненно, в этом большую роль сыграл Дзержинский, назначенный на пост председателя ВСНХ. Дзержинский, которому было поручено рассмотреть этот вопрос, доложил, что на

поднятие металлургии в ближайшие пять лет потребуется 100—200 млн. рублей⁸⁴.

Когда в мае 1924 г. открылся XIII съезд партии, экономические вопросы уже более не стояли в центре его внимания. Накануне открытия съезда официальный экономический орган газета «Экономическая жизнь» в своей передовой статье охарактеризовала советскую экономику как «качественно измененную базу, базу устойчивую с резко и ясно выраженным характером восстановления, подъема роста»⁸⁵. Кризис вроде бы был изжит, и никому не хотелось возвращаться к тем вопросам экономической политики, которые были одобрены XIII партийной конференцией четыре месяца назад, а в период между конференцией и съездом окончательно урегулированы. Троцкий в своем довольно коротком выступлении на съезде почти не останавливался на экономических вопросах. Правда, он в очередной раз с пафосом повторил свое требование об усилении планового начала, заявив, что считает «безусловно установленным» тот факт, что «партия, в лице своего руководящего аппарата, не подходит с необходимой энергией к задачам планового руководства хозяйством». Преображенский, единственный из других членов оппозиции, которому на съезде было предоставлено слово, проповедовал ту же идею, указав, в частности, на недостаток капитала в промышленности, на безработицу, достигшую 1 млн. 300 тыс. человек, не считая «колоссальной скрытой безработицы в деревне»⁸⁶.

Зиновьев, доложив о выводах Дзержинского относительно суммы, которая потребуется для выполнения постановления XIII партийной конференции о поддержке металлургической промышленности, риторически провозгласил: «На очереди металл, на очереди улучшение средств производства, на очереди поднятие тяжелой промышленности». Хотя еще год-два вряд ли можно было ожидать, что будет достигнут довоенный уровень производства, *«довоенный идеал пора начать оставлять позади»*. В резолюции съезда было подтверждено указание обратить серьезное внимание на «производство средств производства»⁸⁷. В выступлении Зиновьева в том месте, где он говорил о безработице, чувствовался пессимизм, которым тогда были охвачены капиталистические страны. Однако он бесстрастно отметил, что «практических предложений в этой области мы до сих пор не слышим»⁸⁸. Однако основные экономические показатели были пока еще весьма благоприятными, и ничто не вызывало серьезного беспокойства. За последние шесть месяцев «ножницы» постепенно сомкнулись, и было восстановлено довоенное соотношение между сельскохозяйственными и промышленными ценами; промышленность постепенно восстанавливалась; падение заработной платы было приостановлено, а скандалы в связи с ее несвоевременными выплатами урегулированы; были предприняты некоторые новые шаги, чтобы обуздать господство частного капитала и нэпманов в сфере торго-

вли. Более того, на очередное требование Троцкого об усилении планирования Каменев мог торжествующе ответить, что «план, который проводила наша партия в течение последних месяцев... воплощен в двух словах: в денежной реформе». И этот проект был осуществлен вопреки оппозиции, которая во всех своих резолюциях требовала усиления планирования⁸⁹.

На съезде был детально рассмотрен и животрепещущий вопрос о внутренней торговле, хотя в ходе обсуждения не выявилось новых точек зрения. Зиновьев в своем основном докладе повторил, что «свобода внутренней торговли — это основа зпа»⁹⁰. Каменев, который делал доклад по этому вопросу, процитировал знаменитое указание Ленина — «учитесь торговать», но при этом довольно простодушно заметил, что «этот лозунг, данный уже 2 1/2 года назад, меняет свое конкретное содержание в ходе нашей хозяйственной работы, и задача заключается в том, чтобы в каждый конкретный момент точно определить, как надо понимать этот лозунг Владимира Ильича, и как надо его применять». Насущная необходимость заключалась в том, чтобы «приспособлять темп развития нашей промышленности к мощи крестьянского хозяйства» и «искать именно в крестьянской массе ту хозяйственную базу, на которую можно опереть развитие государственной промышленности». Но Каменев решительно высказался за контроль над ценами и привел в пример закрытие «ножниц» как доказательство того, что политика контроля над ценами была правильной и необходимой⁹¹.

В резолюции съезда отмечалось, что «новая экономическая политика оправдала те задачи, которые ставила перед ней партия», и что партия не видит «никаких оснований для пересмотра новой экономической политики», на основе которой необходимо проводить систематическую работу над усилением социалистических элементов в народном хозяйстве»⁹². В специальном разделе резолюции о внутренней торговле отмечалось, что «основными методами в деле овладения рынком должны явиться не меры административного воздействия, а усиление экономических позиций государственной торговли и кооперации». Но двусмысленность провозглашенного принципа была устранена четким указанием предоставить вновь образованному Наркомату внутренней торговли «право регламентации всей внутренней торговли, установления твердых цен»⁹³. Тем самым было подтверждено, что НЭП носит эмпирический характер; была громко провозглашена бескомпромиссная верность его принципам. Но под давлением кризиса «ножниц» пришлось поступиться принципом свободы торговли от вмешательства государства (или допустить такое вмешательство лишь под видом финансовой политики). Контроль над ценами со стороны государства был восстановлен вовсе не по принципу теоретического буквоедства, а в силу суровой экономической необходимости.

На всех съездах партии того периода, проходивших под руководством Зиновьева, не упускали случая отметить главенствующее значение крестьянства. Но в заявлениях видных деятелей партии по этому вопросу звучала нота беспокойства. Зиновьев признал: «Мы — партия еще слишком городская, мы слишком мало знаем деревню». Но, прибегнув к обильному цитированию партийных и непартийных источников, он без особого труда смог выделить главную проблему момента: «Основное, что касается деревни — это то, о чем мы последнее время все уши прожужжали, это — *расслоение*. Много раз говорил нам Владимир Ильич, что деревня подравнялась. Теперь начинается уже нечто новое: в результате нэпа деревня расслаивается». Зиновьев признал, что все больше говорят о кулаке, но наряду с ним появляются «нэпман — ростовщик, лавочник, самогонщик, оптовик». Поэтому нельзя каждого зажиточного крестьянина клеймить как кулака. Тем не менее тревожным симптомом было уже то, что режим всецело стоял за «зажиточно-кулацкий угол». Ясности в этом вопросе не было: «Дело не в том, чтобы во что бы то ни стало нажимать на кулака до бесчувствия, а дело в том, чтобы поддержать середняка, чтоб поддержать бедняка»⁹⁴.

Эти общие фразы, однако, не выходили за рамки традиционных выводов, закрепленных в резолюции съезда о том, что «неизменной задачей партии остается укрепление и упрочение доверия крестьянства к пролетарскому государству»⁹⁵. Для того чтобы понять подоплеку этих дежурных фраз, необходимо обратиться к другим ораторам.

Калинин, который на съезде делал основной доклад по крестьянскому вопросу, начал с цитирования высказываний Ленина на VIII съезде партии в 1919 г. о необходимости примирения с крестьянством, в особенности с середняком. Калинин признал, что при НЭПе увеличилась разница между бедняком и середняком, с одной стороны, и кулаком — с другой. Такое положение вещей можно оправдать следующим: «В настоящий момент увеличивает-ся общее благосостояние крестьянства, в том числе и бедноты. Состояние бедноты может, ведь, косвенно увеличиваться. Многие, например, уходят на наемные работы. Здесь нет социализма, но это есть непосредственное улучшение... в соответствии с тем, как увеличивается благосостояние крестьянства, увеличивается и его расслоение». Нарисовав в розовых тонах картину сельскохозяйственных коммун (которые пользовались по сравнению с совхозами тем преимуществом, что на них не распространялось трудовое законодательство⁹⁶), Калинин возвращается к крестьянину — единоличнику и заявляет, что «уравнительность» в сочетании с «натуральным хозяйством» была бы шагом назад. Развитие товарности в сельскохозяйственном производстве — это путь к социализму. В таких условиях очень трудно бороться с тем, чтобы изменить «кулаческие тенденции», однако «из этого не следует, что рабоче-крестьянская власть совершенно не будет применять мер

административного воздействия и против крупных ростовщиков, мародеров и хищников, занимающихся разорением крестьянства».

Затем Калинин перешел к обсуждению вопроса о будущем крестьянских комитетов взаимопомощи. В тот момент этот вопрос имел скорее символическое, нежели реальное значение, но, как оказалось, он стал одним из самых спорных вопросов аграрной политики на съезде. Комитеты, первоначально созданные для надзора за распределением пособий во время великого голода 1921 — 1922 гг., с того времени прозябали, не имея определенного статуса комитетов помощи нуждающимся крестьянам. Теперь горячие головы в партии предлагали реорганизовать эти комитеты в комитеты середняков и бедняков и использовать их как инструмент для обуздания растущей силы кулаков, короче говоря, чтобы эти комитеты выполняли функции, аналогичные тем, что в эпоху «военного коммунизма» выполняли недолго просуществовавшие комитеты бедноты (комбеды)⁹⁷. Калинин горячо выступил против этой точки зрения. Он заявил, что необходимо сохранить их как органы индивидуальной помощи крестьянам на случай бедности и не преобразовывать их в политический инструмент для улучшения положения беднейшего крестьянства как класса⁹⁸.

Крупская выступала вслед за Калининным и, прямо не опровергая его доводы, сменила тональность, начав с цитаты из сказанного Лениным в 1920 г.: «Классовая борьба в деревне стала фактом, теперь она пошла в самую гущу, нет ни одной деревни, где бы ни разбирались, между тем, что такое кулаки, что такое бедняки». Крупская стремилась смягчить то впечатление официального потворства кулаку, которое оставила речь Калинина. Комитеты взаимопомощи могут служить формой объединения середняка и бедняка; если эта форма не будет найдена, «верх возьмет кулак, и крестьянство наше пойдет не по пути кооперирования, а по пути капиталистического развития»⁹⁹.

Рыков подвел итог в пользу точки зрения, высказанной Крупской. Задача заключалась в том, «чтобы отделить среднего и бедного крестьянина от кулака»; комитеты взаимопомощи должны «играть не только роль, так сказать, благотворительную, но явиться узлом сосредоточения сил бедного и среднего крестьянства в борьбе с богатым крестьянином и с кулаком, должны быть основой нашей власти и нашего влияния в деревне»¹⁰⁰. Несмотря на эти авторитетные заявления, кулак совершенно очевидно имел мощных покровителей в партии среди тех, кто видел в нем гарантию роста сельскохозяйственной продукции. Калинин и Рыков сделали неожиданное признание, что в резолюции съезда по вопросу о функции комитетов недостает «четкости» и «определенности», и Калинин особо добавил, что «формулировка этого пункта является компромиссом двух линий»¹⁰¹.

Резолюция, которая носила общий заголовок «О работе в деревне», была написана дежурными фразами. Основной акцент в резолюции был сделан на развитии всех видов кооперации. В этом

видели цель работы партии и наиболее эффективное противоядие от капитализма в деревне. Резолюция одобряла комитеты взаимопомощи как органы для оказания помощи беднейшему крестьянству и для его организации, но воздержалась от каких-либо нападок на *кулака* или призывов к усилению классовой борьбы в деревне. В резолюции было подчеркнуто, что благосостояние все еще повышается в основном благодаря усилиям тех, кого можно было с легкостью заклеить как кулака. Города обеспечены продовольствием, а хлеб даже экспортируется. Опасность оживления капитализма в деревне в тот момент не казалась ни грозной, ни неизбежной. Симптомы беспокойства, проявившиеся на XIII съезде относительно окончательных последствий НЭПа для советского сельского хозяйства, были еще не более чем слабым и отдаленным предвестником грядущих бед.

Часть II

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

ГЛАВА 5

ОККУПАЦИЯ РУРА

1922 г. был в целом успешным и обнадеживающим периодом для советской внешней политики. В Генуе, в Гааге, в Лозанне советские делегаты сидели бок о бок с представителями других держав на равных или почти на равных основаниях. Рапалльский договор и экономические и военные соглашения, которые за ним стояли, составляли если не союз, то по крайней мере «сердечное согласие» с важной державой и впервые давали Советской России возможность заставить другие страны считаться с ее интересами в европейской политике. Не все предзнаменования были благоприятными. Несмотря на улучшение в дипломатических отношениях, только двенадцать стран, из которых лишь одну можно было считать великой державой, признали Советское правительство де-юре: Германия, Австрия, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Турция, Персия, Афганистан и Внешняя Монголия. Еще шесть стран признали Советскую Россию де-факто. Это были Великобритания, Италия, Чехословакия, Норвегия, Швеция и Китай¹. Остальной мир все еще отвергал какую бы то ни было форму официальных отношений. Претенциозная попытка советских руководителей привлечь иностранный капитал на условиях, которые не были бы слишком обременительны, не увенчалась успехом. В Италии власть захватила диктатура в новом, вызывающем тревогу фашистском обличье. В Англии власть перешла к консервативному правительству во главе с Бонар Лоу, во Франции к национальному блоку Пуанкаре, причем они оба открыто провозглашали свое враждебное отношение к советскому режиму. В Германии коалиционное правительство Вирта, которое заключило Рапалльский договор, в ноябре 1922 г. ушло в отставку и сменилось правительством более ярко выраженного правого толка, чем до сих пор это имело место в Веймарской республике. Это было так называемое «правительство деловых людей», возглавляемое Куно, директором пароходной компании «Гамбург — Америка». Германия стала, употребляя распространенное выражение, «республикой без республиканцев». Прежде всего IV конгресс Коминтерна в ноябре 1922 г. подтвердил вывод, первоначально сделанный на III конгрессе Коминтерна, об общем спаде революционной волны. Те, кто был разочарован откладыванием

революции в Европе, могли, однако, найти утешение в усилении мощи и стабильности Советского правительства, которое теперь наконец, казалось, было неуязвимо не только для внутренних, но также и для внешних врагов. Благодаря постепенному улучшению ослабело стремление к успехам, бьющим на эффект. Спокойствие и консолидация были знамением времени.

Эта благоприятная картина, которая подавала измученным депутатам Ленина надежду на то, что в ближайшем будущем не потребуются никаких серьезных внешнеполитических решений, была расстроена французской оккупацией Рура 11 января 1923 г. Она была совершена в качестве ответной меры за несвоевременную выплату германских репарационных платежей. Это было действие, во всех отношениях неприятное для Советского правительства. Оно влекло за собой неисчислимые угрозы нового европейского переворота. Оно ослабляло единственного важного союзника Советской России и, нанося удар по жизненно важной артерии, ставило этого союзника на грань катастрофы. Не говоря уже об этих общих результатах, это действие приводило к застою ту отрасль немецкой промышленности, которая была крупным или потенциальным источником удовлетворения советских запросов. Тот факт, что Франция предприняла этот шаг, вопреки возражениям Англии с поддержкой только Бельгии из числа западных стран, лишь усиливал опасность. Ибо если бы эта операция была успешной, Франция вместе со своим восточным сателлитом Польшей стала бы господствовать в Европе; ни одна держава не была настроена столь последовательно и непримиримо враждебно по отношению к Советскому правительству, как Франция. Шансы успешного сопротивления в Германии были незначительными. Но два дня спустя после французского вторжения правительство Кунно обратилось к населению Рура с призывом к «пассивному сопротивлению» и отказу сотрудничать с оккупационными властями. Этот призыв был воспринят с энтузиазмом и поначалу ему повсеместно повиновались. Промышленность Рура перестала функционировать.

Когда Франция оккупировала Рур, Коммунистическая партия Германии отнеслась к этому весьма сдержанно. Как и коммунистические партии в других странах, она медлила и собирала силы для будущего. «Завоевание власти, — сказал Радек на IV конгрессе Коминтерна, — не стоит в порядке дня в качестве ближайшей актуальной задачи»². Но это не означало, что КПГ бездействовала. Следуя предписаниям IV конгресса Коминтерна³, она энергично проводила всеобщую кампанию против Версальского договора. За неделю до оккупации в Эссене состоялось совещание представителей всех западноевропейских коммунистических партий, на котором была принята резолюция, осуждающая Версальский договор и империалистическую политику западных держав в отношении Германии⁴. Оккупация Рура вызвала бурю протестов. В день оккупации «Роте Фане» опубликовала воззвание

Центрального комитета КППГ. Два дня спустя ВЦИК в Москве принял резолюцию протеста, обращение «К народам всего мира»⁵. За этим последовал аналогичный протест от ИККИ⁶. 17 января «Роте Фане» опубликовала протест, подписанный в Берлине Цеткин, Радеком и Ньюболдом от имени Коминтерна и Геккертом от имени Профинтерна⁷. Главной идеей всех этих документов было обрисовать французскую авантюру как кульминацию преступной политики угнетения и эксплуатации Германии, — политики, которая была начата четыре с половиной года назад в Версале.

«Суверенитет Германского народа, — говорилось в резолюции, — нарушен. Право германского народа на самоопределение поправлено. Расшатанному народному хозяйству Германии нанесен новый сокрушительный удар. Жестокая нищета и неслыханные угнетения грозят трудящимся массам Германии, а всей Европе — усиление экономической разрухи. Мир снова ввержен в состояние предвоенной лихорадки. Искры сыплются в пороховой погреб, созданный из Европы Версальским миром»^{*}.

Мало что или даже ничего не было предложено в качестве положительного совета, хотя в совместном воззвании Коминтерна и Профинтерна, которое было обращено «ко всем рабочим, крестьянам, солдатам», говорилось о лозунге «объединения с Советской Россией».

Недостаток всех этих документов заключался в том, что они избегали ответа на злободневный практический вопрос о позиции, которую должна была занять КППГ в отношении правительства Куно, провозгласившее политику «пассивного сопротивления» французской оккупации. Когда Куно 13 января 1923 г. обратился к рейхстагу с просьбой о вотуме доверия в отношении своей политики «пассивного сопротивления», члены КППГ выразили протест и проголосовали против него. Фрелих, который выступал в прениях от имени партии, подверг критике прежнюю политику «выполнения» договора, рассматривая эту политику как попытку принести в жертву интересам буржуазии «голодный, смертельно слабый, умирающий пролетариат». Но тем не менее он заявил, что «в этот час угрозы извне мы должны бороться с нашей буржуазией изнутри» и потребовал свержения правительства Куно⁸.

«Роте Фане» в течение всего этого периода продолжала считать Пуанкаре и Куно врагами — двойниками, против которых в равной степени были направлены выступления этой газеты. В номере от 23 января 1923 г. под лозунгом «Сломить Пуанкаре и Куно в Руре и на Шпре» она опубликовала новое воззвание Центрального комитета с призывом к борьбе как против «грабительских планов Пуанкаре», так и против «Стиннеса, Тиссена, Круппа и их приспешников в правительстве Куно»⁹. Фрелих, который принадлежал к левому крылу в КППГ, охарактеризовал «войну в Руре»

^{*} Курсив в русском оригинале. — Прим. ред.

как совместную борьбу французских и немецких коммунистов («первое интернациональное действие коммунистов») против Пуанкаре и против Куно и резко осудил всякую попытку поставить коммунистов перед дилеммой «либо против Пуанкаре, либо против Куно»¹⁰.

Те, кто нес ответственность за проведение советской внешней политики, должно быть, сознавали, что правительство Куно предлагало единственную практически возможную и отчасти эффективную оппозицию французскому плану, и это было в советских интересах. Радек, во всяком случае, не был настолько глуп, чтобы полагать, что правое германское правительство было менее надежным союзником для Советской России, чем левое германское правительство. Политика Рапалло и тайные военные соглашения были такими же надежными при власти Куно, как и при власти Вирта, и при этом они были гораздо более надежными, чем при власти Эберта или Шейдемана. Но подобными соображениями в то время не руководствовались в формировании политики Коминтерна. Радек проявил свою обычную изворотливость, действуя в Германии и в качестве агента Коминтерна, и в качестве агента Советского правительства. Кроме того, также нет никаких свидетельств серьезного давления из Москвы на руководство КППГ, за исключением того, что предпринималось с целью сохранения единства партии. Ничто в истории событий в Германии в 1923 г. не является более удивительным, чем отсутствие какой бы то ни было очевидной попытки координировать политику Коминтерна и Советского правительства и чем признание разграничения между ними со стороны германского правительства.

Мир между правым и левым крылом КППГ, который был залан на IV конгрессе Коминтерна¹¹ в ноябре прошлого года, не был прочным, и старые битвы разгорелись с новой силой на VIII съезде КППГ, который открылся в Лейпциге 28 января 1923 г. Единственным изменением было то, что Мейер, который провел вторую половину 1922 г. в штабе Коминтерна в Москве¹², уступил свое место вождя партии и ее правого крыла Брандлеру, на которого Радек теперь распространил свою поддержку. Обе стороны продолжали заверять в своей верности коминтерновским лозунгам «единого фронта» и «рабочего правительства». Но интерпретация этих лозунгов широко различалась на практике.

Правые во главе с Брандлером и Тальгеймером стремились применить тактику «единого фронта» посредством заключения соглашений с лидерами других левых партий, а также посредством агитации среди членов этих партий. Они истолковывали призыв к «рабочим правительствам» как призыв к вступлению в коалиционные правительства с социал-демократами (возможность, которая уже обсуждалась в Саксонии и Тюрингии).

Левые под руководством Маслова, Рут Фишер и Тельмана проповедовали создание единого фронта «снизу» как средства привлечения на свою сторону членов других левых партий и отрыва их

от своих продажных лидеров. Они считали, что ни одно правительство, во главе которого не стояли бы и в котором не господствовали бы коммунисты, недостойно называться рабочим. Левые обвиняли правых в недооценке конечной цели революции и в преувеличенном внимании к ближайшим целям и тактическим маневрам, необходимым для их достижения.

Делегаты съезда были поглощены этой полемикой, и съезд вообще никак не высказался относительно оккупации Рура. Правда, левые предложили, чтобы на первое место в повестке дня были выдвинуты «политическое положение и задачи КППГ» (имея в виду кризис в Руре). Но правые отнеслись к этому предложению как к вотуму недоверия в отношении партийного руководства и отвергли это предложение большинством в 122 голоса против 88¹³. Главное выступление Брандлера на съезде было пространным призывом к политике «единого фронта» с другими рабочими партиями и содержало особое предложение о вступлении в коалиционное правительство с социал-демократами в Саксонии¹⁴. Большинством в 118 голосов против 59 были приняты тезисы правых о «едином фронте» и «рабочем правительстве», а тезисы левых отвергнуты¹⁵.

Однако для внешнего мира, а также и для самой КППГ наиболее заметной характерной чертой форума была его неспособность сделать сколько-нибудь значимое заявление по решающему вопросу на злобу дня. Левые отнесли эту неспособность за счет банкротства правого руководства партии и занялись риторическими призывами к действию, — призывами, которые были осуждены правыми как демагогия¹⁶.

Радек, следуя линии Коминтерна того времени, стремился избежать опасности раскола в Компартии Германии и настаивал на включении трех представителей потерпевших поражение левых во вновь избранный Центральный комитет¹⁷. Партия, несмотря на резкие взаимные упреки, не распалась. Но лейпцигский съезд вряд ли повысил ее авторитет или рассеял сомнения тех, кто ставил под вопрос ее эффективность как революционной организации.

Рурский кризис вскрыл запутанные отношения, давно трудно существовавшие в истории и политике КППГ: двусмысленные связи между германским коммунизмом и германским национализмом. Протесты КППГ и Коминтерна против французской оккупации Рура были сопряжены с национальной кампанией протеста против Версальского договора, в результате чего эти протесты становились все более злободневными и более резкими. Слова осуждения, употребляемые коммунистами, все более заметно стали совпадать со словами, которые употребляли националисты. Выходило так, что нельзя рассматривать германский национализм в том же свете, что и французский национализм или британский империализм, как безусловно враждебную силу. В феврале 1923 г. Тальгеймер, который теперь был главным теоретиком правого руководства КППГ, попытался найти теоретическую основу для более терпимой точки зрения. В Рурском конфликте, утверждал он, «ро-

ли французской и германской буржуазии не тождественны, вопреки тождеству их классовой сущности»; германская буржуазия приобрела *«объективно»* * революционную роль... против собственной воли». Он обратился к прецеденту Бисмарка, который после 1848 г. играл роль «революционера сверху». Тальгеймер напомнил суждение Маркса и Энгельса о том, что роль Бисмарка «превратилась в явно реакционную» только после Седана. Поражение 1918 г. вновь совершенно изменило позицию Германии и сделало немецкий национализм потенциально революционным фактором. Отсюда последовал логический вывод: «Поражение французского империализма в мировой войне не было коммунистической целью» **. Статья Тальгеймера без подписи появилась в теоретическом журнале КППГ¹⁸. Она подавала пример. Радек в своей статье, написанной в ознаменование двадцатипятилетней годовщины со дня основания Российской коммунистической партии, отдал дань существовавшему тогда настроению, неожиданно сравнив Бисмарка с Лениным:

«Когда читаешь первые его доклады, когда следишь шаг за шагом за развитием его политики, разводишь руками и спрашиваешь себя, откуда этот огромный охват всевропейской действительности у прусского помещика? Та же мысль приходит всегда в голову, когда думаешь об истории нашей партии, об истории революции и об Ильиче»¹⁹.

Это новое проявление снисхождения к германскому национализму не ускользнуло от внимания коммунистов в соседних странах. Чешский коммунист Нейрат написал статью в чешском коммунистическом издании, непосредственно критикуя позицию Тальгеймера как пример заражения рабочего движения патристическими сентиментами (как в 1914 г.) и призывая его доводить свои аргументы до их логического конца, то есть до того, что германский пролетариат должен поддерживать германскую буржуазию против французской буржуазии. В журнале КППГ другой чешский коммунист, который писал под фамилией Зоммер, осудил идею Тальгеймера, назвал ее «махровым цветком национал-большевизма» и заявил, что нет разницы между 1914 и 1923 гг. Пролетариат по-прежнему обязан бороться против своей национальной буржуазии: «Соглашению же с внутренним врагом не должно быть места». Наконец, Тальгеймер в своем ответе остановился на этом вопросе и попытался оправдать проведение различия между 1914 и 1923 гг.²⁰

Политические силы, обуславливающие сотрудничество между коммунистами и националистами в Германии летом 1923 г., имели большую действенность, чем теоретические суждения, выдвигаемые за или против этого курса. Но эта полемика вовсе не проясняла политику партии. Хотя продолжение пассивного сопротивле-

* Курсив в тексте русского оригинала. — *Прим. ред.*

** Цитата не найдена. — *Прим. ред.*

ния и борьбы против оккупационных сил приводило ко все большему расстройству германской экономики, КПГ не имела плана для того, чтобы использовать чрезвычайные обстоятельства, и Коминтерн не издал на этот счет никаких новых директив.

В конце января 1923 г. от имени Коминтерна и Профинтерна было выпущено совместное извещение о создании комитета действия против фашизма, и в марте в Берлине был создан комитет с тем же названием под председательством Клары Цеткин, который провозгласил «антифашистскую неделю»²¹. В марте была сделана попытка проводить тактику «единого фронта» посредством созыва международной конференции во Франкфурте, на которую также были приглашены партии Второго Интернационала и Амстердамский интернационал профсоюзов. На ней присутствовали некоторые социал-демократы, но большинство участников были коммунистами²². Брандлер, Цеткин и французские и английские делегаты — все осудили Версальский договор и оккупацию Рура. Но создается впечатление, что главной фигурой там был Лозовский, который приехал из Москвы представлять Профинтерн. Основные резолюции конференции были направлены против «угрозы войны» и против «международного фашизма»²³. Осуждение германского правительства и требования его свержения были отодвинуты на задний план. В этом смысле конференция явилась успехом для правого крыла КПГ. Но в рядах КПГ в самом Руре преобладали более агрессивные левые. Региональная партийная конференция в Эссене в конце марта подвергла критике молчаливую поддержку, оказываемую партией политике пассивного сопротивления; на ней было заявлено, что «пропаганда и приготовления националистов составляют основу контрреволюции» и предлагалось «спасти германский пролетариат от вечного тяжелого порабощения путем завоевания политической власти»²⁴.

Это подстрекательство к революции, которое напоминало грубую ошибку в период мартовских действий, серьезно обеспокоило правых в рядах партии. «История, — писал Радек после конференции в Эссене, — сейчас несется как испуганная лошадь»²⁵. Местные коммунисты организовывали почти непрерывные волнения в Руре. В середине апреля был совершен неудачный коммунистический путч в Мюльгейме, а в мае имели место серьезные волнения в Гельсенкирхене. Чтобы поднять боевой дух рабочих, советские профсоюзы организовали отправку в Рур двух пароходов, груженных зерном. Это предпринималось не просто как символический жест поддержки, а как свидетельство советской готовности прийти на помощь победоносной германской революции, если со стороны Запада ей будут угрожать блокадой и голодом²⁶.

Но к этому времени ИККИ был глубоко встревожен. 22 апреля 1923 г. Исполком Коминтерна собрал представителей Центрального комитета и Берлинской и Гамбургской организаций (которые были оплотом «левой оппозиции») на совещание в Москве²⁷. Здесь ИККИ предпринял еще одну попытку добиться компромисса

и примирения. Была принята резолюция, которая признавала ошибки, допущенные как правыми, так и левыми. Отмечалось, что некоторые высказывания Центрального комитета в пользу «единого фронта» заходили слишком далеко, хотя его линия «в общем и целом была правильной». Начало революционных действий было бы, согласно резолюции Исполкома Коминтерна, опасным, «поскольку на неоккупированной части территории и среди французских трудящихся масс не наблюдается никакого революционного движения». В Саксонии коммунисты должны проводить тактику «единого фронта» с социал-демократами, но не в такой степени, чтобы принимать на себя ответственность за их политику. Должно быть выдвинуто требование «общегерманского рабочего правительства». Между тем членов Берлинского и Гамбургского окружных комитетов инструктировали не вести более агитации за пределами своих районов²⁸. Сущность этого компромисса обнаружилась только после возвращения делегатов в Германию. Центральный комитет КПП решил расширить свой состав, увеличив численность членов ЦК до 25 человек, и кооптировал четырех левых, включая Тельмана и Рут Фишер²⁹.

В первые четыре месяца после оккупации Рура было бы ошибочно приписывать как Российской коммунистической партии, так и Коминтерну какую бы то ни было продуманную политику в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств или какое бы то ни было стремление вмешиваться в германские дела. В общем, и РКП(б), и Коминтерн были озабочены тем, чтобы укреплять Коммунистическую партию Германии и продвигать дело революции в Германии. Но когда сама КПП была резко разделена по вопросу о средствах достижения этой цели, в Москве отмечалось величайшее нежелание стать на чью-либо сторону. Это нежелание отчасти объяснялось стремлением «тянуть время», которым руководствовались во всех обсуждениях в Политбюро в период болезни Ленина. Но можно было бы также отметить, что последнее вмешательство Ленина в дела Коминтерна было направлено на то, чтобы сгладить противоречия между правыми и левыми в КПП и отказаться делать выбор между ними³⁰. Почти постоянное присутствие Радека в Берлине в этот период³¹, возможно, создавало впечатление, что Коминтерн поддерживает правых в КПП. Но это впечатление исчезало всякий раз, когда вопрос передавался в Москву, и есть свидетельства того, что правые завоевали бы большинство в Компартии Германии даже без поддержки Радека. Уроки мартовского выступления не были забыты. После этого трагического провала Радек не без оснований характеризовал традиционную роль КПП как «силы, удерживающей рабочих от ненужных стычек, силой, организующей и просвещающей массы для крупных боев, чтобы им не угрожала в них опасность поражения и изоляции»³².

Весной 1923 г. разделенные франкции в КПП и, говоря более широко, различные круги немецких рабочих способствовали тому,

что революционное действие даже в тогдашнем отчаянном положении немецкого народа казалось почти безнадежным. Находился ли Радек, когда он поддерживал позицию правых, под влиянием стремления основывать советскую политику на дружественных и близких отношениях с германским правительством независимо от политического направления последнего, и оказывало ли это соображение сознательно или подсознательно влияние на членов Политбюро в процессе принятия ими решений — это вопросы, на которые нет ответа за отсутствием фактических данных. Вероятно, эти вопросы по своей природе не поддаются точному ответу. Можно справедливо утверждать лишь то, что вплоть до середины мая 1923 г. позицию Коминтерна и его агентов по германскому вопросу можно объяснить, не прибегая к гипотезе об особых советских интересах в принимаемых решениях. Затем резкое изменение в международной обстановке вызвало новый драматический крен в политике Коминтерна.

ГЛАВА 6

УЛЬТИМАТУМ КЕРЗОНА

Советская реакция на события в Западной Европе в первые недели Рурской оккупации характеризовалась в основном одним: боязнью, что эти события могут стать прелюдией к новой европейской войне. Какие бы преимущества большевистские руководители ни надеялись получить, воспользовавшись случаем — будь то посредством усиления национального возмущения немцев против Версальского договора или благодаря процессу ускорения мировой революции, это стремление ловить рыбу в мутной воде было вытеснено сознанием того, что в случае мировой войны советские границы могут подвергнуться нападению с запада.

«Окончательное подавление Германии, — писала газета «Известия» 21 января 1923 г., — является величайшей угрозой для Советской России. Это дало бы Пуанкаре контроль над территорией, простирающейся от Сены до Вислы, а Польше как союзнику Франции это дало бы контроль над территорией от Вислы до советской границы» *.

В частности, угроза продвижения французской армии в глубь Германии, казалось, влекла за собой крах Рапальского договора и, как сказал впоследствии Каменев, «потрясение тех основ устойчивости и равновесия в мировом положении, на которых стоит советская республика»¹. В середине февраля 1923 г. Чичерин, зернувший в Москву с Лозаннской конференции, попытался дать более обнадеживающую оценку французских действий. Прогрессивное развитие международных картелей было важным фактором в современном капиталистическом мире. Он утверждал, что «до новой мировой войны, по меньшей мере, неблизко», что «рурская авантюра в конечном итоге окажется эпизодом в процессе картеллирования двух промышленности [Франции и Германии]» и что «вмешательство Англии, тем более с Америкой вдвоем... сразу привело бы к примирению». Тем временем Россия могла поздравить себя с ростом ее значения в мировой политике². Но смелые слова не могли избавить от существовавших тогда опасений.

* В данной цитате второе предложение в указанном источнике не найдено. — *Прим. ред.*

Заинтересованность Советской России в мире стала постоянной темой советских официальных заявлений. Каменев, который был заместителем председателя Совнаркома, сказал Рэнсону, корреспонденту «Манчестер Гардиан», что Советская Россия находится в состоянии мира и что «в том, что касается нас, мы сделаем все возможное, чтобы это продлилось вечно». События в Западной Европе носили угрожающий характер. «Но будем ли мы вовлечены в войну, целиком зависит от Польши», поскольку мобилизация Польши против Германии «в конечном счете будет направлена против нас»³.

Десять дней спустя Рэнсом добился интервью у Троцкого, который попытался дать ответ на щекотливый вопрос, «почему мы не приветствуем вторжение Франции в Рур как революционный стимул». Он объяснил, что «совсем не в наших интересах, чтобы революция произошла в истощенной и истекающей кровью Европе». Война могла бы означать «обескровливание и уничтожение преимущественно тех поколений рабочего класса, которые являются носителями будущего». Это привело бы к «самому резкому снижению уровня европейской культуры на длительный период времени» и к «отдалению революционных перспектив»⁴. Поэтому Советская Россия была «жизненно заинтересована в сохранении мира». Троцкий выразил уверенность, что «предположение о возможности нападения Польши [на Германию] останется лишь гипотезой»⁵.

Конечно, основания для раздражительности в советских отношениях с западными державами были всегда, и их редко игнорировали. В январе 1923 г. литовское правительство, уставшее от долгих и бесплодных дискуссий с союзниками относительно будущего Мемеля, захватило этот порт путем военного переворота, а 16 февраля союзные правительства, пойдя по пути наименьшего сопротивления, признали суверенитет Литвы в отношении этого города. Это позволило им легче заключать сделки со своей соседкой, официально признавая существование восточной границы Польши — шаг, который до сих пор затруднялся бесконечными диспутами по вопросу о Вильне и Восточной Галиции. Признание было достигнуто благодаря официальному соглашению послов в Париже 15 марта 1923 г.

Хотя решение вопроса о Мемеле вряд ли затрагивало интересы Советской России, а в результате решения польского вопроса была признана лишь существующая граница, эти мероприятия вызвали целый ряд протестов со стороны Советского правительства⁶. Аналогичный протест был направлен финляндскому правительству против его попытки передать Карельский вопрос на рассмотрение «так называемой Лиги Наций»⁷. Но в январе 1923 г. народный комиссар здравоохранения Семашко впервые прибыл в Женеву, чтобы присутствовать на заседаниях организации здравоохранения Лиги Наций⁸. Когда в марте 1923 г. от Лиги Наций поступило приглашение участвовать в намечаемой в Риме конференции по

ограничению морских вооружений, то, хотя ответ и содержал принципиальные советские возражения в отношении «так называемой Лиги Наций» (это выражение было обычным в тот период), приглашение было принято⁹. Здесь не было ничего такого, что предвещало бы неминуемый кризис в отношениях с Западом.

Ровный характер этих отношений был, однако, нарушен непредвиденно. Продвижение в Рур увеличило престиж и самоуверенность Франции и ее союзников, причем все они были непримиримыми врагами Советской России. Возвышение Керзона до непрепрекаемого авторитета британской внешней политики привело к постепенному ухудшению англо-советских отношений. Ллойд Джордж, как отмечал Каменев в вышеприведенном интервью, «понимал, что он живет в XX веке, хотя ему не всегда хватало мужества сделать необходимые выводы и действовать в соответствии с ними». Керзон, однако, «решил, что он будет действовать так, словно сейчас XIX век»¹⁰. Враждебные выпады Чичерина на Лозаннской конференции отнюдь не смягчили Керзона. 30 марта 1923 г. британский поверенный в делах в Москве Ходжсон вручил народному комиссариату по иностранным делам вежливую, но резкую ноту, содержащую «настойчивый и окончательный призыв» к тому, чтобы не был приведен в исполнение смертный приговор, недавно вынесенный Буткевичу, католическому священнику, обвиняемому в шпионаже, который являлся советским гражданином. На следующий день от народного комиссариата по иностранным делам был послан ответ за подписью Вайнштейна, заведующего Западным отделом. В этом ответе отвергалось вмешательство во внутренние дела «независимой страны и суверенного государства», цитировались некоторые замечания, будто бы высказанные «представителем Ирландской республики во Франции» о «лицемерном вмешательстве Британского правительства», и в заключение говорилось, что поведение англичан в Индии и Египте делает не особенно убедительным британский призыв «во имя гуманности и священности жизни». За отказом Ходжсона принять ноту, обличенную в столь оскорбительные выражения, последовал новый ответ за подписью Вайнштейна от 4 апреля. Позже ходили слухи, что Вайнштейн отправил эти ноты в отсутствие Чичерина и без его одобрения. Чичерин в других случаях, безусловно, проявлял большую искусность как в нанесении, так и в парировании ударов. Верны ли эти слухи или нет, но ноты не были бы посланы, если бы тогда сознавали, что они предоставят Керзону ту возможность, которую он ждет. Безудержная антисоветская пропагандистская кампания захлестнула английскую прессу. Тогда, 8 мая 1923 г., после месячного размышления, министерство иностранных дел поручило Ходжсону передать Советскому правительству длинный меморандум, состоящий из двадцати шести параграфов, который вошел в историю как «ультиматум Керзона». Он начинается с упоминания о нотах Вайнштейна, далее в нем говорится о всеобщем недовольстве характером советской политики в отношении Вели-

кобритании со времени заключения англо-советского торгового соглашения в марте 1921 г. Первые три раздела «ультиматума» касались антибританской деятельности Шумяцкого и Раскольников, советских послов в Тегеране и Кабуле; пропаганды в Индии и деятельности Коминтерна вообще. В меморандуме содержалось требование отказа от этой деятельности и принесения извинений. Четвертый и пятый разделы были посвящены претензиям в связи со смертью одного британского агента и заключением в тюрьму другого (их статус, очевидно, не оспаривался, хотя обвинения против одного из них характеризовались как ложные) еще в 1920 г., а также в связи с недавним задержанием двух британских тралеров. В меморандуме содержалось требование немедленного удовлетворения этих претензий. Последним требованием было «недвусмысленное взятие обратно» двух нот Вайнштейна. В ноте говорилось, что если эти требования не будут удовлетворены в течение десяти дней, то торговый договор будет расторгнут, а Ходжсон отозван из Москвы¹¹.

Ультиматум явился серьезным ударом для Москвы. Это было сильнее, чем что-либо из того, что можно было ожидать. На XII съезде партии в середине апреля Зиновьев несколько легкомысленно размышлял о возможности «новой интервенции»¹². Теперь эта угроза казалась неминуемой. На следующий день появилось объявление, что ближайшая сессия расширенного ИККИ откладывается до 10 июня ввиду «угрозы войны»¹³. Оцепенение в Москве усилилось под влиянием двух неудачных случайных совпадений. Во-первых, 2 мая 1923 г. Фош прибыл в Польшу со строго официальным визитом, который широко рекламировался. Он провел там более недели, посещая военные парады и военные части. В умах советских людей неизбежно складывалось впечатление, что польскую армию готовят для новой войны против Советской России, особенно когда за визитом Фоша неделю спустя последовал визит начальника имперского Генерального штаба Великобритании. Во-вторых, имело место бессмысленное преступление. Когда отложенная Лозаннская конференция вновь собрались в апреле 1923 г., то Советское правительство назначило на нее своим делегатом Воровского, который теперь был советским представителем в Риме. Поскольку переговоры о конвенции о Проливах закончились¹⁴, казалось, больше не было оснований для присутствия советского делегата. Но после первоначальной попытки отказать Воровскому в праве пользования дипломатическими курьерами¹⁵ он был допущен в качестве наблюдателя. При выполнении этой миссии в Лозанне он был убит русским «белым» 10 мая 1923 г. — в день, когда Фош окончил свой визит в Польшу и два дня спустя после вручения ультиматума Керзона.

В атмосфере большой тревоги и сознания опасности Советское правительство поспешило откупиться от того, что представлялось самой настоящей угрозой. Ситуация весьма напоминала ту, которая сложилась во время последнего серьезного про-

теста Керзона против советских преступлений в сентябре 1921 г. Британское правительство могло бы себе позволить при поддержке значительной части английского общественного мнения денонсировать англо-советское торговое соглашение и порвать отношения с Советской Россией, и вряд ли английское правительство отказалось бы от своих требований. Советское же правительство не могло позволить себе разрыва и потому было вынуждено идти на уступки¹⁶. 11 мая 1923 г., три дня спустя после ультиматума Керзона, Литвинов подписал ответ, составленный скорее в духе сожаления, чем возмущения. Этот ответ фактически обещал безоговорочное признание всех пунктов, кроме одного. Предлагалась компенсация, хотя и без официального признания ответственности, за обращение с двумя британскими агентами. Тралеры были освобождены, наложенные на них штрафы сняты и были предложены переговоры по принципиальному вопросу. Ноты Вайнштейна были взяты обратно и объявлены несуществующими. Только по оставшемуся вопросу о советской деятельности, направленной против британских интересов в Азии, были возобновлены споры, имевшие место в 1921 г., однако с вежливым раздражением от скучного однообразия. Вновь было заверено, что Коминтерн не зависит от правительственной власти. В том, что касается информации от тайных агентов, на которую опиралось английское правительство, говорилось, что «подобного рода материалы» имеются у всех правительств, и если бы эти данные использовались для создания конфликтов, «то вряд ли могли бы существовать мирные отношения между любыми двумя государствами». Британское правительство снова проявило слабость, приводя непроверенные и глубоко сомнительные секретные донесения (на этот раз о том, что народный комиссар финансов Сокольников является членом комиссии Коминтерна по покрытию расходов зарубежных коммунистических партий). Но тон советских доводов был примирительным, а главный спор имел под собой некоторые основания. Британские и русские агенты в Азии занимались подрывной деятельностью друг против друга в течение 50 лет еще до Советского правительства или до того, как был задуман Коминтерн. Правила игры были хорошо известны: от тех агентов, которых вылавливала противная сторона, их хозяева отказывались. Тот факт, что русские агенты выступают теперь в обличье коммунистических агитаторов, не может служить оправданием для изменения правил игры. Протесты Великобритании, говорилось в советской ноте, «дают основание думать, что, по мнению великобританского правительства, Российская республика вообще никакой собственной политики на Востоке не должна иметь, а всюду поддерживать английские стремления. Такого обязательства, — говорилось в ответе, — российское правительство на себя не брало»¹⁷.

Вручение этого ответа сопровождалось потоком пропаганды. На следующий день в Большом театре в Москве имел место грандиозный митинг в знак протеста против убийства Воровского и

ультиматума Керзона. Главным оратором был Чичерин, и, говоря об убийстве Воровского, он указал на «крайнюю реакцию», господствующую в других частях мира «и особенно в Великобритании». Болезнь Ленина внушает врагам Советской России «наивную уверенность, что Советская власть лишилась прочности и может быть свергнута напором извне». В заключение с явным пренебрежением к ультиматуму Керзона он сказал: «Мы твердо ждем врага у нашего порога, и мы думаем, что он не посмеет на нас напасть». В том же духе выступил Троцкий, но и он так же красноречиво говорил о советском стремлении к миру:

«Теперь, в нынешней напряженной обстановке Европы, это была бы борьба не на жизнь, а на смерть; это была бы борьба, которая длилась бы не * месяцы, а может быть годы, которая поглотила бы все средства и силы нашей страны, которая приостановила бы хозяйственную и культурную работу на ряд лет. Вот почему мы говорим: „Да минует нас чаша сия“»¹⁸.

С речью выступил также Бухарин. На митинге присутствовал видный член компартии Великобритании Галлахер как «посланец английского пролетариата»¹⁹. ВЦСПС провел специальное заседание и выпустил «Обращение» к британским левым против «провокаторов новой империалистической бойни». Оно было широко адресовано «Генеральному Совету тред'юнионов, Рабочей партии, всем трудящимся Великобритании, парламентской фракции Рабочей партии, всем членам тред'юнионов»²⁰. Два дня спустя был обнародован протест против убийства Воровского совместно от имени ИККИ и Бюро Профинтерна²¹. Затем последовала чрезвычайно жесткая нота Чичерина швейцарскому правительству, где утверждалось, что последнее несет ответственность «за поведение швейцарских властей, которое сделало возможным это преступление», и где содержалось требование «полного и исчерпывающего удовлетворения»²².

На английское правительство оказала достаточно сильное впечатление мягкость официального советского ответа, и оно продлило срок ультиматума, предоставив возможности для новых переговоров. Советская сторона теперь поручила их Красину в Лондоне. Это был прекрасный выбор. На последнем съезде партии Красин настойчиво ратовал (что было плохо воспринято) за более уступчивую внешнюю политику²³, и он понимал английских политиков и английское общественное мнение лучше, чем какой бы то ни было другой большевик.

В своей ноте от 23 мая 1923 г. Красин вновь повторял сущность ноты Литвинова в более краткой и более деловой форме. В ноте Красина предлагались непосредственные переговоры с Чичериным по вопросу о пропаганде. В ответном английском меморандуме от 29 мая отвергалась идея переговоров, но предлагалась новая формулировка по вопросу о пропаганде, в дополнение к той формули-

* В переводе у Карра слово «не» отсутствует. — *Прим. ред.*

ровке, которая содержалась в англо-советском торговом соглашении. Это в свою очередь было принято Советским правительством, которое брало на себя обязательство «не поддерживать ни деньгами, ни каким-либо другим способом лиц или организации или же агентства или учреждения, целью которых является распространение смуты и возбуждение восстаний в какой бы то ни было части Британской империи». Было дано обещание отозвать Раскольникова, советского представителя в Кабуле, усердие которого было особенно компрометирующим. 16 июня 1923 г. * с последней нотой Чичерина переписка заканчивалась ²⁴.

Спор со швейцарским правительством из-за убийства Воровского оказался более трудно разрешимым. В своем ответе оно проявило не только терпение, но и упрямство, высказывая сожаление, но не признавая ответственности. Поэтому 20 июня 1923 г., после ряда новых взаимных обвинений, ВЦИК и Совнарком совместно издали декрет о бойкоте в отношении швейцарских граждан (кроме трудящихся) и швейцарских товаров в качестве меры наказания, поскольку «поведение швейцарских властей... неслыханно» ²⁵. Но это не шло ни в какое сравнение с успешной политикой умиротворения Великобритании.

В оставшуюся часть года в официальных англо-советских отношениях не наблюдалось ничего необычного. Красин был переведен в Париж в надежде вывести из тупика советские отношения с Францией, а в Лондоне его преемником стал Раковский. После объявления о назначении Раковского и агремана в начале июля английского правительства в печати и в парламенте началась шумная кампания против антибританской речи, которую Раковский произнес еще по поводу ультиматума Керзона и которая позднее была опубликована в виде брошюры. Поэтому по просьбе Форин офис его приезд был отложен на несколько недель. После того как страсти утихли, Раковский вступил на свой пост в конце сентября, хотя Чичерин впоследствии сетовал, что, поскольку ни один британский министр не принял советского посланника, он сам мог встретиться с Ходжсоном, британским поверенным в Москве, «только в резиденциях третьих сторон» ²⁶. Но эти взаимные знаки нежелательности представляли собой не что иное, как небольшое изменение дипломатии. Негодование против Ллойд Джорджа улеглось. Другие влияния подготавливали почву для нового этапа, который наступил в начале 1924 г., когда в Англии к власти пришло лейбористское правительство.

* По-видимому, Карр неправильно указывает дату окончания переписки. В книге «Англо-советские отношения...» приводится ответ Чичерина от 29 июня 1923 г. (с. 58—59). — *Прим. ред.*

КОММУНИЗМ И ГЕРМАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Целый ряд потрясений, пережитых советской дипломатией в мае и июне 1923 г. и совпавших с прогрессирующим углублением кризиса в Германии, привели здесь к пересмотру и приспособлению политики как КППГ, так и Коминтерна. Никаких новых радикальных решений принято не было. Но теперь больше подчеркивался революционный потенциал ситуации в Германии. Радек, похоже, являлся инициатором всего, что совершалось КППГ и Коминтерном в Германии в критические месяцы мая, июня и июля 1923 г. Теснее, чем в любой предшествующий момент ему чуть ли не мгновенно удалось объединить два крыла германской партии. И до самого конца июля все, что он делал, получало одобрение ИККИ. Первомайские лозунги КППГ, обнародованные до того как назрел международный кризис, содержали обычные осуждения фашизма и призыв к созданию «рабочего правительства»¹.

13 мая 1923 г. в Берлине были организованы массовые демонстрации в знак протеста против ультиматума Керзона и убийства Воровского², а 17 мая «Роте Фане» поместила статью Радека, озаглавленную «Пролетарский вал вокруг России», в которой рабочие всего мира призывались сплотиться вокруг Советской республики. Когда в конце мая в Гамбурге проводился конгресс по воссоединению 2-го и 2 1/2-го Интернационала³, «Комитет действий против опасности войны и фашизма»⁴ предложил Гамбургскому конгрессу вступить в «пролетарский единый фронт против новой военной угрозы, против усиления кровавого зверя фашизма», а также прислать своих делегатов на Гамбургский конгресс. Последнее предложение было бесцеременно отвергнуто⁵. Одной из немногих успехов в тактике единого фронта достигла на конгрессе в Берлине Международная федерация транспортных рабочих, в которую входили и западные, и советские профсоюзы; общий протест против угрозы войны и фашизма подписали совместно Роберт Вильямс, английский президент федерации, Фиммен, секретарь Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП), Лозовский и Андреев⁶. Но от более агрессивной тактики левых в КППГ тоже не отказывались. Совместное воззвание Центрального правления партии и национального комитета фабзавкомов нападало на правительство Куно под лозунгом «Долой

правительство национального позора и национальной измены»⁷, а 1 июня «Роте Фане» вышла под заголовком «Рабочие мобилизуются».

В то время как коммунисты лихорадочно пробовали один подход за другим, самой заметной чертой майских событий в Германии стала возрастающая сила и организованность тех групп крайне правых, на которые их противники без разбора навешивали новый ярлык «фашизм»: националистов, членов многочисленных нелегальных военных формирований; бывших членов добровольческого корпуса, воевавшего в Прибалтике; членов недавно созданной Гитлером национал-социалистской партии. Отношение коммунистов к этим группам некоторое время являлось предметом дискуссии в партийных кругах. Еще в начале февраля 1923 г. в том же номере «Интернационале», где была помещена статья Тальгеймера о германском национализме⁸, была опубликована также статья под названием «Буржуазия, фашизм, национал-большевизм и партия», в которой фашизм и национал-большевизм, рассматриваемые в качестве эквивалентов, оказались представлены как движения против крупных германских капиталистов и иностранного капитала, а также утверждалось, что, поскольку коммунизм отвергает оба эти движения, то чтобы победить их, требуется пропаганда нового типа⁹. Статья не вызвала никакой непосредственной реакции. Но 17 мая, когда кризис достиг стадии обострения, Центральный комитет КПГ принял пространную резолюцию, в которой, кроме уже знакомых и банальных пунктов, содержались и некоторые новые. Международное положение определялось как попытка Великобритании развязать новую войну против Советской России и как попытка французской и германской тяжелой промышленности создать новый франко-германский трест. Правительство Куно было названо «пленником Стиннеса»; путем к спасению явились бы рабочее правительство и союз с Советской Россией. Самой поразительной частью резолюции стала, однако, попытка разделить фашистов на две категории. В одну из них входили те, кто «прямо продан капиталу», а в другую — *«заблуждающаяся националистическая мелкая буржуазия»*, которая не понимает, что национальный позор можно преодолеть только тогда, когда пролетариат «возьмет будущее немецкого народа в свои руки». В резолюции содержалась и новая директива:

«Мы должны пойти к страдающим, заблуждающимся, разгневанным массам пролетаризированной мелкой буржуазии, чтобы рассказать им всю правду, чтобы сказать им, что они могут защитить себя и будущее Германии только объединившись с пролетариатом для борьбы против настоящей буржуазии. Путь к победе над Пуанкаре и Люшером лежит лишь через победу над Стиннесом и Круппом».

Последняя фраза предполагала возможность соединить попытку расколоть фашистское движение с уступкой взглядам левого

крыла КПГ на соотношение борьбы внутри страны и на международной арене ¹⁰.

Крайние националисты отреагировали тем временем на кризис, усилив кампанию саботажа и убийств. 26 мая 1923 г. французские власти застрелили молодого националиста и бывшего члена добровольческого корпуса в Прибалтике по фамилии Шлагетер, пойманного с поличным при попытке взорвать железнодорожную линию. Националистам требовался герой и боевой клич. Имя Шлагетера было превращено в символ возрождения германской национальной чести и призыв к новым актам насилия против французских агрессоров.

Такова была ситуация, когда в Москве 12 июня 1923 г. начался очередной расширенный пленум ИККИ. Во вступительном докладе Зиновьева особого значения германскому вопросу не придавалось. Он кратко упомянул о состоявшейся в Москве в апреле конференции, на которой речь шла о «тактических разногласиях, занимавших Германскую коммунистическую партию», а позже косвенно критиковал руководство КПГ, не захотевшее «с достаточной силой подчеркнуть, так называемый, национальный момент в его коммунистической интерпретации» ¹¹.

Радек, выступавший в прениях по докладу Зиновьева, посвятил весьма знаменательную заключительную часть своего сообщения тезису, что «национальный вопрос» в Германии имел определенное значение и сам по себе. В незадолго до этого опубликованной статье в журнале национал-социалистов «Гевиссен» КПГ характеризовалась как «борющаяся партия... которая день ото дня становится все более „национал-большевистской”». Радек больше не отказывался от этого ярлыка:

«Национал-большевизм означал в 1920 г. союз ради спасения генералов, которые сразу после победы стерли бы коммунистическую партию с лица земли. Сегодня национал-большевизм означает всеобщее убеждение, что спасение возможно только с коммунистами. Единственный выход сегодня — это мы. Особый упор на нацию в Германии — революционный акт, так же как и упор на нацию в колониях» ¹².

Этот тезис относительно германской внутренней политики дублировал тезис Бухарина на IV конгрессе Коминтерна, что Советское государство стало «достаточно сильным», чтобы заключить союз с буржуазным государством ¹³. С этой позиции ситуация отличалась от 1920 г. тем, что коммунисты могли теперь заключить сделку с националистами, считая себя более сильным партнером и рассчитывая использовать партнерство в своих собственных целях. Зиновьев, отвечая по этому вопросу в прениях, не расходился в оценке с Радеком, но осторожно постарался преуменьшить значение гипотезы о надвигающейся революционной ситуации в Германии:

«Германия находится накануне революции. Это не значит, то до революции остался месяц или год. Может быть, потребуется гораздо больше времени, но в историческом смысле Германия находится накануне пролетарского переворота»¹⁴.

Если эта дискуссия и породила какие-то отклики, то они прервались, и когда два дня спустя Радек выступал перед расширенным ИККИ с основным докладом о международном положении, то оккупация Рура упоминалась лишь как один из других четырех (пяти, как сказано в докладе. — *Ред.*) основных моментов, которые усиливали существующую напряженность в капиталистическом мире¹⁵. На этот раз, однако, в дискуссию вмешался Нейрат и, не ссылаясь на Радека, повторил свои уже обнародованные ранее нападки на февральскую статью Тальгеймера. Бетхер защищал точку зрения правых в партии. Радек в заключительной речи обвинил Нейрата в том, что тот «сражается с ветряными мельницами» и продолжал:

«Его (то есть французского правительства. — *Э. К.*) победа в Руре необычайно укрепила бы его; его поражение, напротив, расшатало бы Версальскую систему и явилось бы, таким образом, фактом, играющим революционную роль. В силу этих обстоятельств, германская партия должна была сказать себе: да, германский рабочий класс, как и рабочий класс всего мира, включая сюда и французский, заинтересован в поражении Пуанкаре». И он еще раз подчеркнул: «То, что называется германским национализмом, не только национализм, но и широкое национальное движение, имеющее большое революционное значение»¹⁶.

Критики с готовностью отмечали, что политика Радека и КПГ в 1923 г. означала отход от ленинского тезиса 1914—1917 гг. о равной ответственности империалистических держав и о долге пролетариата в каждой стране выступать за поражение и свержение своего национального правительства. Однако никто не вспомнил, что это было также и возвращение к позиции Маркса, которую Ленин отбросил как устаревшую перед 1914 г.¹⁷ (См. статьи В. И. Ленина о войне, т. 26. — *Ред.*).

Поэтому, несмотря на публичное обсуждение хорошо известных разногласий в германской компартии и на обращение Радека к модному словечку «национал-большевизм», ничто в первые дни работы ИККИ не предвещало драматических изменений в германской политике. Они произошли сами собой на более поздней стадии, во время дебатов о фашизме, начатых Кларой Цеткин. Цеткин осудила фашизм как «чрезвычайно опасного и страшного врага» и «самое сильное, сконцентрированное, классическое выражение наступления, которое ведет по всей линии мировая буржуазия». В то же время он был и результатом потери веры у рабочих в свой собственный класс, «прибежищем для всех политически бесприютных».

«Мы не должны забывать, — продолжала Цеткин, — фашизм... — это движение голодных, бедствующих, оторванных от

почвы и разочарованных. Мы должны стараться или завоевать на сторону нашей борьбы, или, по крайней мере, нейтрализовать социальные слои, попавшие в объятия фашизма»¹⁸.

Эти общие места немного или вообще ничего не добавляли к тому, что говорилось уже десятки раз. Однако когда Радек на следующий день вмешался в дискуссию, его речь придала теме новый поворот и произвела сенсацию. С наигранным пафосом он заявил, что во время речи Цеткин перед его глазами стоял «труп германского фашиста нашего классового врага, который был приручен к смертной казни и расстрелян сторожевыми псами французского империализма». Он приветствовал Шлагетера как «мужественного солдата контрреволюции», сравнив его с героем популярного националистического романа «Странствующий в ничто»*. Шлагетер воевал против большевиков в Прибалтике и против рабочих в Руре; на его похоронах в Мюнхене с речью выступил Людендорф. Но теперь, после смерти Шлагетера, его товарищам по оружию все еще предстояло ответить на жизненно важный вопрос:

«Против кого хотят бороться немецкие националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала, или с капиталом Антанты для порабощения германского и русского народов?»

Радек в этом выступлении привел исторический пример, как Шарнхорст и Гнейзенау** после унижения Йены поняли, что освобождение крестьян было условием освобождения и восстановления Пруссии (Германии, у Радека. — *Ред*)¹⁹. Освобождения Германии от оков Версаля можно было добиться только путем освобождения рабочих. КПГ «не только партия борьбы за кусок хлеба для промышленных рабочих, она партия пролетариев, которые борются за свое освобождение, освобождение, совпадающее с освобождением всего народа, освобождением всех тех, которые страдают в Германии»²⁰.

Немыслимо, чтобы по такому вопросу Радек выступал на свой страх и риск. Он впоследствии говорил, ни разу не отказавшись от своих слов, что получил «не только молчаливое, но и письменное одобрение» Зиновьева на свою речь и что Зиновьев впоследствии оценивал его выступления о Шлагетере следующим образом: «Ваши статьи о Шлагетере правильны и хороши»²¹. Ясно одно: этот зондаж показался менее драматическим, менее новаторским и менее заслуживающим доверия тех, кто слышал его в

* Роман Фрекса, написанный в 1920 г., в котором показана жизнь офицера, павшего в борьбе со спартаковцами. — *Прим. ред.*

** Август Вильгельм Гнейзенау (1760—1831) — прусский генерал-фельдмаршал; Герхард Иоганн Шарнхорст (1755—1813) — прусский генерал; Г. и Ш. значительно улучшили организацию прусской армии и подготовку офицеров. — *Прим. ред.*

Москве, чем это ретроспективно представляется исследователям-историкам. Согласно стенограмме заседания, он был встречен общими аплодисментами.

Цеткин, которая завершила дебаты по фашизму сразу же после этого выступления, комментируя различные выступления, заметила, не подчеркивая особо, что речь Радека ее очень взволновала. Резолюция «Борьба против фашизма», проект которой был составлен еще до речи Радека, не была смягчена: призыв к тотальной борьбе с фашизмом во всех странах не был сколько-нибудь заметно ослаблен брошенным вскользь замечанием, что «находящиеся в фашистских рядах смутно — и бессознательно — революционные элементы должны втянуться в пролетарскую классовую борьбу»²². Никто не возвращался к предложению Радека в последние два дня заседаний, а Зиновьев в своем заключительном слове вообще не упомянул Германию²³. Что бы ни думали о политике Радека, ее не рассматривали как радикальный новый курс. Она воспринималась не как попытка вызвать рабочий альянс с германскими фашистами против Версальского договора, а как попытка расколоть их ряды, доказав, что действенную оппозицию Версальскому договору могут в конечном счете предложить только коммунисты; поэтому логически она вполне согласовывалась с продолжением энергичной кампании против фашизма. Тем не менее сравнение Радеком нового приступа германского национализма с политикой поддержки национальных движений в колониальных странах предвещало появление в Германии тех же сложностей, которые уже возникали в Азии и должны были возникнуть там, где от местных коммунистических партий требовали поддержать идеологическую программу, несовместимую с конечными целями коммунизма²⁴.

Поворот к «шлагетеровской линии» в ИККИ произвел сенсацию в политике КПГ и сопровождался широкой публичной дискуссией. «Роте Фане» напечатала полностью речь Радека в номере от 26 июня, а десять дней спустя опубликовала еще одну статью Радека, защищающую ее от обвинений «Форвертс». Тем временем Меллер ван ден Брук, интеллектual из движения нацистов, высказался в «Гевиссен» по поводу выступления Радека, предлагая коммунистам от имени националистов руководство, которое не мог обеспечить пролетариат.

«Большинство не может руководить собой. Только сознательность может руководить, такая сознательность, какая была у Шлагетера... Марксизм всегда будет ограничен работниками физического труда: он не завоюет работников умственного труда. Но именно работники интеллектуального труда возглавят дело народа как свое собственное»²⁵.

Радек на страницах «Роте Фане» снова возразил, что «фашизм представляет не клику функционеров, а широкое, хотя и противоречивое, народное движение», и упрекнул «Гевиссен» в расплывчатости политической программы. В полемику вмешался Ревентлов,

чтобы в своем журнале «Рейхсварт» еще раз высказать точку зрения националистов:

«Мы не знаем никаких классов и не хотим никаких классов. Мы считаем всех интернационалистов и интернационалистски настроенных внутренними врагами».

И Фрелих от имени КПП ответил, что настоящий «внутренний враг» — это капитализм, международная сила, которая попирает национальные интересы. Эти пять статей вместе с выступлением Радека были опубликованы в июле 1923 г. в виде брошюры, два издания которой быстро разошлись²⁶. Ораторы, как националисты, так и коммунисты, появлялись бок о бок на общих трибунах и достаточно тщательно приспосабливали свои речи, чтобы сорвать аплодисменты смешанной аудитории²⁷. Эти события достигли кульминации в начале августа 1923 г. в разгар политического кризиса в Германии. 2 августа Реммеле, член Центрального правления КПП, выступал на большом митинге нацистов в Штутгарте, где, как говорят, было очень много сторонников КПП, и заслужил громкие аплодисменты, осудив капитализм, Версальский договор и державы Антанты и потребовав «рабоче-крестьянского правительства» для освобождения Германии.

10 августа еще более массовый митинг был организован КПП, и на нем присутствовали представители национал-социалистской партии (СДПГ тоже получила приглашение, но отклонила его). Реммеле снова нападал на Версальский договор и «демократическую республику Германию». Оратор-нацист призывал к национальному, а не интернациональному социализму; коммунизм не может стать национальным, «пока коммунистами руководят Радек — Зобельзон и другие евреи, как бы их ни звали». Однако перемирие между нацистами и коммунистами могло быть объявлено до тех пор, пока не был повергнут общий враг и разрушитель Германии — демократия. Реммеле ответил нападками на антисемитизм и требованием альянса ради свержения капитала, а нацистский представитель закончил на ноте «благородной враждебности».

Но к этому времени эксперимент начал смущать нацистов даже больше, чем коммунистов. 14 августа 1923 г. нацистское руководство запретило дальнейшее сотрудничество, заявив, что никогда не может быть законных оснований для общих действий с коммунистами²⁸. Этот запрет, а также растущее обострение внутреннего кризиса в Германии положили конец кратковременному эпизоду со «шлагетеровской линией». Разрыв совпадал со свержением правительства Куно и приходом к власти правительства Штреземана. Осенью 1923 г. фашисты и коммунисты боролись каждый своими методами²⁹.

Пониманию несколько уклончивой тактики, принятой Коминтерном и КПП по настоянию Радека летом 1923 г., мешает и то, что ее постоянно путали со старой программой «национал-большевизма», а также знание о гораздо более поздних событиях в Гер-

мании. Программа «национал-большевизма» была, как следует из ее названия, сплавом националистических и большевистских целей: от националистов она взяла призыв к союзу всех немцев для освобождения нации от ига империалистических держав, от большевиков — концепцию революции, лишенную, однако, интернационального контекста. Критики не преминули указать, что национал-большевизм предполагает и прекращение классовой войны в Германии, и национальную войну против пролетариата других стран. Радек яростно нападал на него³⁰, а теперь, отвечая Меллеру ван ден Бруку, вкратце повторил основные пункты своих возражений:

«В 1919 г. Лауфенберг предложил смесь (*kuddelmuddel*) коммунизма и национализма. Мы открыто заявляем, что нельзя фокусничать с идеями и делать салат из идей»³¹.

«Шлагетеровская линия» не была ни в каком роде компромиссом с фашистской доктриной или фашистской политикой, которые оставались в то время объектом яростной враждебности и обвинений в коммунистической прессе. В номере «Роте Фане» от 26 июня 1923 г., на первой странице которого была опубликована статья Радека о Шлагетере, также на видном месте были помещены сообщения о нападениях фашистских банд на рабочих; а Радек с полной откровенностью продолжал развивать эту линию в ответе на критику социал-демократической газеты «Форвертс»:

«Долг германских коммунистов — если необходимо, *бороться с оружием в руках против фашистского мятежа*, который был бы бедствием для рабочего класса, бедствием для Германии. Но в то же время их долг — сделать все, *чтобы убедить мелкобуржуазные элементы фашизма, которые борются против обнищания, что коммунизм не враг им, а звезда, которая показывает путь к победе*»³².

В теории «шлагетеровскую линию» можно рассматривать как сдвиг вправо: она предполагала, что Германия еще не созрела для пролетарской революции и была в положении «колониальной страны, где можно было идти вместе с буржуазным национальным правительством»³³. На практике она была более благоприятно встречена левым крылом партии, чем правым³⁴. «Шлагетеровская линия» была оборонительной лишь как тактический маневр, подводящий к начальной попытке захватить власть, и тем самым совпадала с призывом левых к непосредственным революционным действиям. Однако обращение к националистам могло лишь ослабить обращение КППГ к социал-демократам, что было сущностью политики правых. Но это был вопрос скорее тактический, чем доктринарный, и линия как таковая была безоговорочно принята всей партией³⁵. Имелось в виду заманить рядовых членов конкурирующей партии, убедив их, что только коммунисты способны осуществить их желания и устремления, и для этого заключить временное соглашение с лидерами ради определенных ограниченных целей. Этой политике были свойственны те же двусмысленности и колебания, что и предписанию Ленина британским коммунистам под-

держат гендерсонов и сноуденов, «точно так же, как веревка под-держивает повешенного», и, кроме того, заключить избирательное соглашение с лейбористской партией, сохранив полную свободу нападать на нее (см.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 73, 71. — Ред.*)³⁶. Можно прямо сказать, что обе стороны пошли на это дело с открытыми глазами и полностью осознавая цели парт-неров. В конечном счете фашисты, возможно, проявили больше искусства в использовании коммунистов для своих целей, чем коммунисты в использовании фашистов. Но это вряд ли верно для временного сотрудничества между ними летом 1923 г.

Поэтому происходившее не предвещало никаких перемен, когда в начале июля 1923 г. КППГ решила провести в воскресенье 29 июля антифашистский день с уличными демонстрациями в крупных го-родах Германии. Напряженность, навязанная германской эконо-мике пассивным сопротивлением, становилась уже невыносимой; курс марки неудержимо падал; с перспективами беспорядков по всей стране приходилось считаться всерьез. 11 июля Центральное правление КППГ предупредило партию об опасности «фашистского восстания» и о том, что «нам предстоят решающие бои»³⁷. Ход событий в Берлине достиг кульминации в чудовищно огромном шествии на Потсдам. Такие же демонстрации были проведены и в других городах. Тогда 23 июля 1923 г. прусское правительство запретило все шествия на открытом воздухе и уличные демонстра-ции во время антифашистского дня. Запрет тут же вызвал споры в КППГ между левыми, которые проповедовали действия любой ценой, и правыми, которые считали, что для революционного вы-зова властям ситуация еще не созрела. Партийное руководство отменило берлинскую демонстрацию, проигнорировав преимущест-венно левую берлинскую партийную группу³⁸. Вопрос был вынесен в штаб-квартиру Коминтерна и вызвал там первые открытые раз-ногласия по германскому вопросу. Зиновьев и Бухарин, которые уехали из Москвы в отпуск, телеграфировали, что одобряют про-ведение демонстрации. Радек, который поспешил в Москву, в со-стоянии возбуждения телеграфировал Зиновьеву и Бухарину, что их политика «означала бы, что Коминтерн толкает партию на июльское поражение» — формулировка была выбрана так, чтобы напомнить о злосчастном прецеденте «мартовской акции»³⁹. Проконсультировались с Троцким, который также был в отпуске, но он отказался высказать свое мнение ввиду отсутствия более полной информации.

Сталин разделял осторожный скептицизм Радека и вопреки обыкновению высказался по поводу коминтерновских дел. В письме Зиновьеву и Бухарину он нелестно сравнил тогдашнюю германскую ситуацию с русской ситуацией октября 1917 г. и вы-сказал мысль, что, «если бы власть в Германии, так сказать, валя-лась на улице и коммунисты подобрали бы ее, дело кончилось бы провалом и крахом». Буржуазия и социал-демократы «преврати-

ли бы эту демонстрацию в сражение ради того, чтобы преподнести урок... и уничтожить коммунистов». Делался вывод, что «немцев нужно сдерживать, а не поощрять»⁴⁰. 26 июля, все еще в отсутствие Зиновьева и Бухарина, была послана телеграмма Президиума Коминтерна Центральному правлению КПГ:

«Президиум Коминтерна советует отказаться от уличных демонстраций 29 июля... Боймся западни».

Главными инициаторами такого рвения были, очевидно, Сталин и Радек. Зиновьев недовольно свидетельствовал позже, что «часть наших товарищей, положившись на т. Радека, поддержала его в этом»⁴¹.

Вердикт Президиума Коминтерна был обязательным для КПГ. Шествие отменили, и в Берлине антифашистский день был отмечен только собраниями в помещениях, а в городах, где предписание прусского правительства было недействительно, проводились уличные демонстрации. В «Роте Фане» объяснялось, что «рабочие недостаточно подготовились» и что «мы не только не можем предложить общее сражение, но и должны избегать всего, что могло бы дать противнику возможность уничтожить нас по частям»⁴². Такой осторожный совет был мудрым, если не героическим. Но сам эпизод еще больше углубил раскол в партийных рядах. Заседание Центрального комитета КПГ 5—6 августа подтвердило те же позиции и продемонстрировало те же разногласия, ничуть не приблизившись к решению. Брандлер ожидал приближающегося краха буржуазного режима, но считал преждевременным объявлять пролетарскую диктатуру и верил, что пропагандой можно еще склонить на свою сторону часть социал-демократов. Рут Фишер снова оспаривала концепцию единого фронта Брандлера и Радека, требовала решительного руководства со стороны КПГ и считала, что «промежуточная стадия рабочего правительства становится на практике все более невероятной». Большинством голосов была принята резолюция с требованием «свержения правительства Куно, предотвращения любого нового коалиционного правительства и создания рабоче-крестьянского правительства». Снова был подчеркнут дуализм политики, которую следовало принять по отношению к фашизму⁴³. Осталось несколько мрачное впечатление, что КПГ исчерпала свой репертуар слов и идей и была не подготовлена или не готова к действиям. Ее настроение, казалось, точно отражало положение германских рабочих, которые с 1918 г. легко объединялись вокруг революционных лозунгов, могли взбунтоваться по любому поводу, но робко отступали, когда нужно было сделать решительный шаг.

В этот момент, когда так зловеще было продемонстрировано бессилие КПГ, правительство Куно оказалось уже при последнем издыхании. Валюта обесценивалась с каждым часом и уже почти ничего не стоила, экономическое положение не только рабочих, но и всего среднего класса стало невыносимым, а «пассивное сопротивление» терпело неудачи на всей оккупированной территории.

10 августа 1923 г. стачка печатников банкнот нанесла правительству Куно удар в самое уязвимое место. На следующий день в Берлине разразилась всеобщая стачка, быстро распространившаяся по другим промышленным центрам, и Куно ушел в отставку. Ни КППГ, ни какая-либо другая партия не выразили ни малейшего желания взять власть как легальными, так и нелегальными средствами. Стачка, потеряв смысл с отставкой правительства, выдохлась.

Из этого замешательства и пустоты как сильная личность возник Густав Штреземан. Он был одним из лидеров Немецкой народной партии, партии промышленников, и другом Стиннеса, представлял точку зрения рурских промышленников, что нужно отказаться от политики пассивного сопротивления Куно, которая привела к банкротству. Ни одна партия не посмела оспаривать эту точку зрения; ни одна другая партия не посмела предпринять практические шаги, чтобы привести ее в действие. Смелость в сочетании с определенным добродушием и гибкостью в переговорах была основным козырем Штреземана. Он быстро организовал вокруг себя правительство всех партий — от своей собственной справа до СДПГ слева — так называемую большую коалицию; не включены были только крайне правые партии и КППГ. Радек в необычной гипотетической статье в «Роте Фане» от 19 августа назвал Штреземана выразителем интересов средней буржуазии и предсказал, что он будет искать соглашения с Францией. В Германии возникла совершенно новая ситуация. Потребовалось какое-то время, прежде чем все заинтересованные лица как в стране, так и за границей, сумели обрести новую ориентацию.

БОЛГАРИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

По случайному совпадению, которое сыграло свою роль в истории Коминтерна, болгарский кризис разразился в то же время, что и германский, летом 1923 г. Спустя несколько дней после того, как в январе французские войска вошли в Рур, местные выборы (в Окружное Земство. — *Ред.*) в Болгарии, проводившиеся строго по партийным спискам, подтвердили итоги последних парламентских выборов 1920 г. и поддержали ненадежную власть крестьянского правительства Стамболийского, которое находилось у власти с 1919 г. Болгарский земледельческий народный союз получил 437 тыс. голосов или несколько менее половины числа участвовавших в выборах; затем шла Болгарская коммунистическая партия, завоевавшая 230 тыс. голосов¹; буржуазные партии все вместе получили только 220 тыс. голосов, а «широкие социалисты» (или правые социалисты) не более 40 тыс. Через неделю после этих выборов Совет Болгарской коммунистической партии одобрил лозунг «рабоче-крестьянского правительства», выдвинутый IV конгрессом Коминтерна за два месяца до этого².

Если и была в Европе страна, где оказался бы применим этот новый вариант единого фронта, то ею, конечно, являлась Болгария, где крестьяне составляли более 80% всего почти пятимиллионного населения. К сожалению, эта поддержка сопровождалась большим количеством оговорок и этим подчеркивалось, что подобное понимание единого фронта идет «снизу»; все это было почти равнозначно его отклонению. В резолюции от 22 января 1923 г. Совет партии заявил, что «осуществление лозунга рабоче-крестьянского правительства в наши дни в Болгарии не пойдет путем коалиции Компартии с Крестьянским Союзом* и выдвинутым им крестьянским правительством». Этот союз и его правительство обвинялись в том, что они были не только защитниками интересов болгарского кулака, или сельской буржуазии, против мало- и безземельных крестьян, но и «слепым орудием антантовского империализма». Болгарская коммунистическая партия обещала бороться за «объединение под ее знаменем широких масс пролетариата и малоземельного крестьянства» и делать все, чтобы приблизить

* Болгарский земледельческий народный союз. — *Прим. ред.*

момент, когда при поддержке этих масс она захватит власть. Официальный комментарий партийного лидера Кабакчиева разъяснял это объявление войны Земледельческому союзу:

«Идея и возможность единого фронта или коалиции Компартии с Союзом сельских хозяйств совершенно исключаются... Рабоче-крестьянское правительство может быть лишь результатом революционной массовой борьбы, иными словами, самостоятельной борьбы городского пролетариата и мелкого и безземельного крестьянства»³.

На всеобщих выборах в апреле 1923 г. число голосов, поданных за кандидатов Земледельческого союза, возросло до 500 тыс., а благодаря искусной манипуляции он обеспечил себе 210 из 246 мест в парламенте. За ним следовала Болгарская коммунистическая партия с 210 тыс. голосов и 17 местами⁴.

Такова была ситуация, когда 9 июня 1923 г. правые партии в Болгарии, составившие ничтожное меньшинство в парламенте, но поддержанные армией, македонцами* и другими недовольными, произвели государственный переворот и свергли правительство Стамболийского. Болгарская коммунистическая партия, подражая официальной позиции КПГ при таких же обстоятельствах во время Капповского путча⁵, объявила о своем нейтралитете в том, что она считала борьбой между двумя слоями буржуазии. В день восстания Совет партии опубликовал заявление, равно осуждавшее правительство Стамболийского и любое буржуазное правительство, которое могло прийти ему на смену, и не предлагавшее никакой позитивной программы⁶. Переворот был полностью успешным: Стамболийский убит и установлен военный режим Цанкова. Статья в коммунистическом партийном журнале определяла партийную линию:

«Болгарская коммунистическая партия ни в коем случае не может поддержать новое правительство правых партий, поскольку это несет с собой лишь растущую нищету, новый налоговый гнет и продолжение террора и репрессий против всякого революционного движения. Болгарская коммунистическая партия не может также помочь правительству Стамболийского вернуться к власти»⁷.

Кабакчиев же отметил, что «массы городских рабочих отнеслись к перевороту равнодушно или даже с некоторым облегчением»⁸. А в новом заявлении, изданном Советом партии 15 июня, с гордостью утверждалось, что в «вооруженной борьбе», которая теперь «подходила к концу», коммунисты «сохранили полную независимость»⁹.

* Имеется в виду правое крыло Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), ставившей своей целью создание независимой Македонии. Правое крыло проводило политику болгарской буржуазии, стремившейся присоединить всю Македонию к Болгарии (см.: Г. Димитров. Избранные произведения. М., 1957, т. I, с. 515, прим. 57). — *Прим. ред.*

12 июня в Москве открылся очередной Расширенный пленум ИККИ. Но судьба болгарского переворота была все еще неопределенной. Когда начали приходить тревожные вести, Зиновьев повторял ходившие слухи — что Стамболийский арестован, что Стамболийский мертв, что Стамболийский идет на Софию во главе 20 тыс. крестьян, а также сообщение, к несчастью, оказавшееся верным: коммунисты в Плевне стихийно восстали против «белого правительства», но из ЦК Коммунистической партии будто бы последовал строгий приказ оставаться нейтральными*. Зиновьев из этих событий вывел четкую мораль. Нужно не только провозглашать лозунг «единого фронта», но облить его в плоть и кровь. Болгарские коммунисты «должны вступить в союз с крестьянством и даже с проклятым Стамболийским для того, чтобы вместе организовать борьбу против белых»¹⁰. Когда в ходе пленума стало ясно, что Болгарская коммунистическая партия действовала противно этим предписаниям, то выступил Радек, в словах которого слышались критические нотки. Его речь была скорее призывом, чем обвинением, хотя в какой-то момент, отбросив обычную осторожность, он заявил, что долг («каждой коммунистической». — *Ред.*) партии, если ее поддерживают массы, бороться «даже с риском быть разбитой»¹¹. «Воззвание к болгарским рабочим и крестьянам», изданное от имени ИККИ в конце пленума 23 июня 1923 г., приписывая болгарский переворот «отбросам европейской контрреволюции», «фашистским бандам» и пособничеству болгарских социал-демократов, тем не менее признавало, что «раскол пролетариата и крестьянства» был для него предрасполагающей причиной¹².

Вскоре, однако, критика стала более явно выраженной. 28 июня 1923 г. Президиум ИККИ опубликовал заявление «Уроки болгарского переворота», подписанное Зиновьевым и предложенное «внимание секций Коминтерна». В заявлении говорилось, что крестьянские партии в целом, несомненно, справедливо рассматриваются на деле как «политическое пушечное мясо для буржуазии». Но нужно признать, что Стамболийский вначале делал кое-какие попытки проводить крестьянскую политику, направленную против буржуазии. Болгарская коммунистическая партия осуждалась за «догматически-доктринерский подход». В заявлении говорилось, что «отсиживаться в бесте нейтральности в такой момент означает политически капитулировать»¹³.

Тем временем Центральный комитет партии собрался в Софии в первую неделю июля, одобрил позицию, занятую Советом партии во время переворота как «единственно возможную» и отверг воззвание ИККИ от 23 июня (последнее заявление Зиновьева, очевидно, еще не было получено) как основанное на неточной информации: во всяком случае, было бы теперь прискорбной ошибкой для партии «возвращать лидерам аграриев, этим предателям ин-

* У Зиновьева — «подчиняться белым войскам». — *Прим. ред.*

тересов трудящегося сельского населения, влияние, которое они утратили»¹⁴. Это было открытое неповиновение. Но дисциплинарные полномочия ИККИ были в то время слабыми, и прибегали к ним все еще очень неохотно. Болгарская коммунистическая партия была, по-видимому, спасена от формального осуждения благодаря суровым репрессиям, которым она подвергалась в своей стране: отличавшийся относительной терпимостью режим Стамболийского сменился диктатурой, сделавшей преследование коммунистов важной частью своей политики.

Однако общественное мнение в коммунистическом мире было мобилизовано против БКП. Ракоши поручили написать статью, сурово порицающую ее позицию¹⁵. Резолюция Центрального комитета КПГ в начале августа называла режим Цанкова альянсом крупного капитала, монархистов и фашистов против пролетариата и крестьянства и доказывала, что в такой крестьянской стране, как Болгария, коммунистическая партия не может оставаться безразличной к нападкам на крестьян, каким бы ни было отношение режима Стамболийского к коммунистам¹⁶.

Какое впечатление произвели эти указания на Болгарскую коммунистическую партию — неясно. Но Кабакчиева, которого считали ответственным за июньскую политику¹⁷, в партийном руководстве оттеснили Коларов и Димитров, оказавшиеся более чуткими к подсказкам Коминтерна и готовые искать союза с последователями Стамболийского против режима Цанкова. Подготовка к восстанию, видимо, шла быстро¹⁸, когда правительство решило нанести удар первым. 12 сентября 1923 г. по всей Болгарии лидеры коммунистов были арестованы, а отделения партии подверглись налетам и закрыты¹⁹. Этот шаг толкнул партию к поспешному и плохо подготовленному восстанию, которое началось 22 сентября в западной и северо-западной Болгарии и получило на местах некоторую поддержку крестьян. Восстание было совершенно бесперспективно. Порядок был восстановлен после недели партизанской войны в окраинных районах. Слабые репрессии после июньского переворота теперь превратились в настоящий «белый террор»; партия была сокрушена или загнана в глубокое подполье. Однако теперь Москва реагировала совсем иначе, чем три месяца назад. Не имея возможности скрыть поражение, Зиновьев в передовой статье в «Правде» теперь хвалил Болгарскую коммунистическую партию за мужество и твердость. Могло показаться, что если в июне партия не сумела действовать вовремя, то теперь она действовала преждевременно. Но такой приговор не был вынесен. Коммунисты, заявил Зиновьев, должны «не отступать от борьбы в момент, когда фашистское правительство решило уничтожить компартию». Удалось добиться, что «крестьянство, чуть ли не поголовно, готово идти за компартией». Партия, «исправив последствия доктринерства», открыла дорогу к будущей победе²⁰. Тон статьи, выражавшей эти чувства, однако, предполагал, что автор больше озабочен тем, чтобы подбодрить грядущее восстание в Гер-

мании, чем тем, чтобы проанализировать судьбу его злосчастного болгарского предшественника.

Лето и осень 1923 г. оказались отмечены событием, которое, не оставив серьезных последствий, было характерно для этого периода. В Москве был создан Крестьянский Интернационал. Когда в России закончилась гражданская война, стало ясно, что революция обязана победой стойкости крестьянства и что недовольство крестьян было единственной серьезной угрозой ее консолидации. Введение НЭПа означало признание доминирования крестьянства в советской экономике. Сначала это, казалось, не имело идеологических последствий, тем более в международной области. Однако когда зимой 1922/23 г. обострилась дискуссия о НЭПе, защитникам официальной линии все чаще приходилось превозносить роль крестьянства. Именно в этой атмосфере Коминтерн на своем IV конгрессе в ноябре 1922 г. дал благословение «рабоче-крестьянскому правительству» как одной из теоретически приемлемых форм подготовки к победе пролетариата²¹. Высказывался даже аргумент, особенно когда обсуждались перспективы революции в Германии, что успешную социалистическую революцию в индустриальной стране неминуемо ожидает угроза блокады со стороны капиталистического мира и, возможно, гибель от голода, если ее не поддержат революции солидарности в соседних аграрных странах. Так же как поддержка русского крестьянства была необходима для победы в октябре 1917 г., так и поддержка европейского крестьянства была условием победоносной революции в Европе. Революционное движение имело бы самые большие виды на успех, если бы сначала захватило власть в таких крестьянских странах, как Румыния, Болгария и Югославия, затем распространилось на такие полуиндустриальные страны, как Италия и Австрия, и только потом достигло такой типично индустриальной страны, как Германия²².

Эта доктрина, однако, все еще казалась парадоксальной добродетельным марксистам и не получила серьезной поддержки в Коминтерне. XII съезд партии в апреле 1923 г. снова обратил внимание на крестьянство, особенно Зиновьев. Но это не нашло еще отражения в докладе Бухарина о делах Коминтерна, который уделил некоторое внимание «сотням миллионов колониальных и полуколониальных рабов» Востока и особо рекомендовал «создание блока между рабочим классом и крестьянством» в Японии²³, но продолжал игнорировать роль крестьянства в Европе.

Вопрос был вынесен на повестку дня болгарским переворотом 9 июня 1923 г., когда сильная Болгарская коммунистическая партия стояла в стороне, в то время как крестьянский режим Стамболийского был свергнут военной силой. Несколько дней спустя на Расширенном пленуме ИККИ крестьянский вопрос стал главной темой вступительной речи Зиновьева. Материал в его распо-

ряжении был ограниченный, но он использовал его максимально. Польская социалистическая партия (ППС) незадолго до этого ставила вопрос о недовольстве крестьян. Зиновьев призывал польских коммунистов последовать этому примеру и отказаться от «старой традиции», которой все еще придерживался кое-кто из них относительно роли крестьянства в социалистической революции²⁴. Стамболийского, известие о падении которого еще не подтвердилось, хвалили за попытки создать «Зеленый Интернационал». Решение образовать объединенную Рабоче-Фермерскую партию в США — ее учредительный съезд состоялся в Чикаго 3 июля 1923 г. — было встречено с одобрением. Чтобы оправдать новое учение, был привлечен пример успешной тактики русской революции:

«Пароль рабоче-крестьянское правительство есть путь к диктатуре пролетариата, а вовсе не отрицание диктатуры пролетариата»²⁵.

Никто больше не высказывался по этой теме, кроме Варги, коминтерновского экономиста-венгра, который считал необходимым делать различие между «трудящимися крестьянами» и «крестьянами, эксплуатирующими чужой труд»²⁶. Пленум принял длинную резолюцию, в которой цитировались резолюции II и последующих конгрессов Коминтерна по аграрному вопросу и делался вывод: чтобы правильно выразить взаимоотношение рабочего класса и крестьян, требуется *«политическая формула — рабоче-крестьянское правительство»*²⁷. Осуждение Болгарской коммунистической партии за отказ сотрудничать с крестьянским режимом Стамболийского вполне укладывался в рамки этой тактики.

Несмотря на усилия Зиновьева, попытки спасти крестьянство от второстепенной роли, на которую обрекла его марксистская доктрина, не имели успеха. Уроки русской революции, казалось, мало ценились в интернациональной сфере. Их нельзя было применить в индустриальных странах Западной Европы, а попытки втиснуть в эту модель американские политические комбинации были просто фарсом. В азиатских странах проблема крестьянства переходила в более широкие вопросы национального освобождения. Только в одной части мира — в Восточной и Центральной Европе — условия частично походили на русские, только здесь к власти приходили крестьянские политические партии.

Летом 1923 г. польский коммунист из крестьян и бывший депутат польского сейма по имени Домбаль, который был только что освобожден из польской тюрьмы в обмен на заключенных поляков в Советской России, выдвинул предложение создать Крестьянский Интернационал. В отличие от нескольких прежних проектов такого же рода план Домбалья предполагал создать Интернационал под эгидой коммунистов²⁸. Благодаря удачному стечению обстоятельств советская сельскохозяйственная выставка, первоначально запланированная на 1922 г. и затем отложенная

до следующего года, открылась 15 августа 1923 г. в Москве ²⁹. Присутствие делегаций гостей от крестьянских организаций из-за границы помогло осуществить этот проект, и собрание, официально названное «первым международным крестьянским конгрессом», состоялось там 10 октября 1923 г. Более 150 делегатов представляли крестьян сорока стран (включая в это число и несколько республик и автономных республик Советского Союза).

Ход событий был обычным и представлял мало интереса. Домбаль открыл конгресс и играл на нем важную роль. Калинин вручил приветствия от имени ЦИК и правительства СССР. Зиновьев появился только на третий день с приветственным посланием от Коммунистического Интернационала. Клара Цеткин в риторическом обращении разъясняла, что «мы и не думаем вовлекать широкие массы трудящихся крестьян в ряды коммунистической партии», требуется только союз «для общей борьбы против капитализма». Антивоенная резолюция была принята с энтузиазмом. Варга подробно разъяснил безнадежность положения крестьянства при капитализме. Теодорович, народный комиссар земледелия РСФСР*, описал положение крестьянства в Советском Союзе, единственной проблемой которого теперь были низкие цены на его продукты в сравнении с высокими ценами на промышленные товары. Было решено учредить Международный крестьянский совет (Крестинтерн. — *Ред.*) с президиумом из 12 членов в качестве постоянного органа и в дальнейшем созывать крестьянские конгрессы каждые два года. В Москве создавался аграрный институт. Не было сделано и намека на разногласия в российской партии, которые достигли острой стадии во время работы конгресса. Событий в Болгарии коснулись лишь слегка, чтобы показать важность сотрудничества между крестьянином и промышленным рабочим. Никто не говорил о политической ситуации в Германии, за исключением Бухарина и Радека, которые оба выступали на заключительном торжественном собрании в Большом театре. Здесь Бухарин заметил, что трудящимся массам в Германии противостоит «враг, вооруженный до зубов, который может сокрушить их, если пролетариат и крестьянство Германии не будут идти вместе», а Радек, заявив, что «Европа находится накануне больших волнений», призвал французских и немецких крестьян оказывать давление на свои правительства, чтобы предотвратить угрозу войны ³⁰.

Сразу после конгресса Международный крестьянский совет провел свое первое, в основном официальное заседание, избрал президиум и назначил А. П. Смирнова, старого функционера российской партии, генеральным секретарем, а Домбалья — его заместителем. Совет или президиум от его имени продолжали несколько лет время от времени издавать манифесты по поводу текущих событий. Единственный заметный эпизод в его деятельности про-

* С 1922 г. зам. наркома земледелия. См.: Советский энциклопедический словарь, 1982 г., с. 1329. — *Прим. ред.*

изошел в июне 1924 г., когда Радич и Косутич, два лидера Хорватской республиканской крестьянской партии, приехали в Москву и обратились от имени партии с просьбой принять ее в Крестьянский Интернационал. Партия была с энтузиазмом принята на заседании президиума 1 июля 1924 г., и в Москве на мгновение сложилось впечатление, что достигнут большой политический успех³¹. Результат не оправдал этих надежд. Радич, которому, видимо, не понравились все советские политики, кроме одного Чичерина, вернулся в Югославию убежденный, что «с точки зрения крестьянских интересов, советский строй является самым неудачным, что могла изобрести история»³². Визит Радича в Москву оказался козырем в югославской внутренней политике. После трудных переговоров Радич добился примирения с сербо-хорвато-словенским правительством и получил в нем портфель. Больше в Крестьянском Интернационале о хорватских интересах слышно не было. Из институтов, созданных конгрессом в октябре 1923 г., лишь аграрный институт был кое в чем жизнеспособен и просуществовал много лет; международные конгрессы больше не проводились.

ФИАСКО В ГЕРМАНИИ

Известие из Германии о падении правительства Куно и установлении правительства широкой коалиции во главе со Штреземаном сразу же произвело сенсацию среди советских лидеров, уже разъехавшихся на отдых. Через шесть месяцев это событие легко было оценивать как «отлив в волне революции»¹, которая последние полгода неуклонно протекала в Германии. Но в то время немногие в этой стране или вне ее считали так или хотя немного верили в способность правительства Штреземана выдержать бурю. Политический барометр, казалось, еще более определенно, чем всегда, показывал революцию. 15 августа 1923 г. Зиновьев писал с Кавказа, что «кризис надвигается» и что «новая решающая глава начинается в деятельности Коммунистической партии Германии, а вместе с ней и Коминтерна»². Брандлера поспешно вызвали из Берлина для консультации. Зиновьев, Бухарин и Троцкий срочно вернулись в Москву, где 23 августа 1923 г. было созвано внеочередное заседание Политбюро, на котором, кроме членов Политбюро, присутствовали Радек, Пятаков, Шмидт и Цюрупа³. Радек доложил ситуацию. Важно и характерно, какие позиции заняли лидеры. Троцкий с самого начала и более глубоко, чем любой из его коллег — за исключением, возможно, Ленина в некоторые моменты, — был убежден, что судьбы русской и германской революций связаны неразрывно: для него это было столь же эмоциональное, сколь и рациональное убеждение. В статье, написанной в Нью-Йорке сразу после начала Февральской революции, приводится воображаемый диалог между критиком и им самим:

«— А если немецкий пролетариат не поднимется? Что мы будем делать тогда?

— То есть, вы предполагаете, что русская революция может пройти бесследно для Германии?.. Но ведь это совершенно невероятно.

— Ну, а все же?

— Нам в сущности незачем сейчас ломать себе голову над таким невероятным предположением»⁴. Позиция Троцкого в Брест-Литовске определялась этой непреодолимой верой. Даже то, что это предположение не оправдалось в тот момент, не убедило его,

что оно ложно. Просто его осуществление отсрочилось. Троцкий, пожалуй, единственный из главных большевиков продолжал искренне верить, что шанс победоносной пролетарской революции в Европе был упущен в 1919 г. только потому, что еще не существовало ни одной организованной коммунистической партии, чтобы возглавить ее⁵. В течение весны и лета 1923 г. он с сильным волнением наблюдал возрастающую напряженность в Германии. В августе он пришел к убеждению, что упущенная возможность чудесным образом вернулась. Ожидаемое пришествие пролетарской революции в Германии было теперь, как он думал, лишь вопросом нескольких недель, и он упорно доказывал, что нужно поставить на карту все, чтобы поддержать ее.

Зиновьев возражал против чрезмерного оптимизма и считал более безопасным рассчитывать на месяцы, а не недели, но в целом соглашался с предполагаемой политической линией.

Сталин был все же более осторожен. Он не усматривал революции в Германии ни теперь, ни осенью; она могла произойти весной, но и это казалось сомнительным.

Однако сомнения и колебания преодолели быстро. Политбюро, в отличие от Троцкого не высказываясь открыто с энтузиазмом, решило всеми доступными средствами поддержать революционное движение в Германии и для наблюдения за этим процессом назначило постоянный комитет, состоящий из Радека, Пятакова, Уншлихта, ставшего заместителем председателя ГПУ, и Шмидта (впоследствии в комитет вошел Крестинский, советский полпред в Берлине)⁶. Аргументом, который, вероятно, убедил Политбюро (тогда или позже), был страх, что Штреземан намеревается придать германской политике западную ориентацию и откажется от достигнутого в Рапалло. Предположение, что Германия и Советская Россия, что бы их ни разделяло, имеют общие интересы в противодействии господству западных держав, казалось, серьезно оспаривалось германской стороной.

Новая линия, одобренная Политбюро, требовала активизации и на интернациональном, и на дипломатическом фронте. 27 августа 1923 г. ИККИ и Центральный совет Профинтерна выпустили совместное воззвание, в котором объявили, что германский пролетариат в опасности, и призвали рабочих всех стран протестовать против оккупации германской территории⁷. В сентябрьском номере журнала Профинтерна Лозовский начал раздувать пламя:

«Революция стучится в дверь Германии и требует впустить ее... Мы не можем определить дату германской революции. Судя, однако, по настоящему положению вещей, это только вопрос месяцев».

И статья заканчивалась словами о предвкушении того момента, когда «мировая революция образует территориальный массив от Владивостока до Рейна»⁸. 31 августа Центральное правление КПГ объявило, что решающий момент «уже недалек» и закончило

призыв словами: «Поднимайтесь на борьбу — тогда победа обеспечена»⁹.

В номере «Роте Фане», где публиковалось воззвание ИККИ и Профинтерна, была помещена также статья Радека, написанная в соответствии с новой линией: она обвиняла Штреземана в том, что он стремится превратить Германию, как Австрию, в «колонию Антанты», и утверждала, что только Советская Россия — истинный друг германских масс. Даже Радек мгновенно отбросил свой обычный скептицизм. В речи на торжественном заседании, посвященном выпуску красных командиров московских военно-учебных заведений, он заявил, что «германская грядущая революция является только частью новых крупных мировых столкновений, к которым мы идем, и причина этих столкновений — это полнейшее банкротство не только германской буржуазии, но банкротство буржуазии всей Европы»¹⁰.

Решение Политбюро поддержать германскую революцию, если и когда она разразится, было твердым. Но не было решено, предпринимать ли активные шаги из Москвы, чтобы ускорить и спровоцировать начало революции. Брандлер находился в Москве с середины августа, ожидая, пока большевистские лидеры на что-либо решатся. Лидеры левых в КППГ, Маслов и Рут Фишер, были теперь тоже вызваны в Москву, чтобы сыграть свою роль в решении и в подготовке к его выполнению. То, что последовало, стало затем поводом столько же взаимных обвинений и столько же попыток самооправданий, что точную позицию заинтересованных сторон в то время приходится в известной степени домысливать.

Однако можно нарисовать и довольно ясную картину. Левое крыло КППГ, представленное на московских дискуссиях Масловым, Рут Фишер и Тельманом, считало, что в Германии созрела ситуация для немедленной пролетарской революции, которая примет форму захвата партией власти, как это сделали большевики в октябре 1917 г. Что было важно, так это установить скорейшую дату нанесения удара; предварительные маневры, подводящие к ней, сочли делом второстепенной важности. Эту точку зрения разделяли и Троцкий, и — с несколько меньшим энтузиазмом — Зиновьев, и большинство в Политбюро.

Позиция Брандлера оказалась более двусмысленной. Публично, отдавая дань партийной лояльности, он держался той точки зрения, которую явно разделяло большинство. На заседании Исполкома Профинтерна он заявил, что захват власти в Германии «вполне выполнимая задача». Удержать власть было бы «гораздо сложнее и труднее» из-за неясной позиции Польши и Чехословакии и возможной нехватки продовольствия. Но здесь также «мы все это учли и говорим, что сейчас настало время действовать»¹¹. Однако в частном порядке он продолжал высказывать сомнения, достаточно ли партия уже подготовлена — и политически, и технически — для захвата власти. Перед тем как сделать окончательный шаг, необходимо, утверждал он, выяснить, какую позицию

займут рабочие в целом по отношению к коалиционному правительству Штресемана, в котором была представлена СДПГ. Эту точку зрения, к которой присоединялся и Радек, по-видимому, тайно разделял и Сталин. Во всяком случае, настолько, чтобы считать, что ситуация в Германии еще не созрела для революции. Но Сталин в это время не знал и не считал, что хоть сколько-нибудь хорошо знает европейские дела. И он не был склонен отходить от большинства коллег по вопросу, в котором чувствовал себя не на высоте. Он молча присоединялся к общей точке зрения¹².

Самым острым спорным вопросом была дата захвата власти: в этом пункте труднее всего оказалось достичь устного компромисса между правым и левым крылом в германской партии. На секретном заседании в конце сентября 1923 г. Политбюро решило, по настоянию Троцкого и с характерным учетом русского прецедента, назначить срок революции в Германии на 7 ноября¹³. Когда, однако, это было предложено Брандлеру, он упорно возражал против назначения этой или любой другой даты; и от решения уклонились, согласившись оставить назначение срока революции в Германии на усмотрение германских коммунистов¹⁴. На этом основании, которое, казалось, оставляло окончательное решение в его руках, Брандлер позволил втянуть себя в дискуссии о подготовке к революции.

Непосредственно вопрос о тактике имел отношение к предполагаемому вступлению КПГ в коалиционное с СДПГ правительство в Саксонии. Этот вопрос возник конкретно во время IV конгресса Коминтерна в ноябре 1922 г., когда выборы в Саксонии дали СДПГ и КПГ абсолютное большинство по отношению ко всем остальным партиям в ландтаге и к коалиции между ними стремились многие с обеих сторон. Правые лидеры КПГ и в Германии, и в Москве поддерживали этот проект, но отказались от него по настоянию ИККИ¹⁵, предоставив СДПГ в Саксонии вступать в коалицию с буржуазными партиями. Эта коалиция вскоре развалилась. С начала 1923 г. у власти в Саксонии при поддержке голосов коммунистов в ландтаге находилось социал-демократическое правительство во главе с премьер-министром Цейнгером. Считалось, что и КПГ могла бы потребовать в нем свою долю министерских постов, если бы захотела. Теперь предлагалось, чтобы коммунисты вошли в правительство в Саксонии (и в Тюрингии, где существовала такая же ситуация) и тем самым захватили бы плацдарм для совершения германской революции. Высказывалась надежда, что участие в правительствах земель даст коммунистам, кроме других преимуществ, возможность прибрать к рукам запасы оружия¹⁶. Несколько путаную программу действий Радек впоследствии изложил следующим образом:

«Пролетариат выступает (*marschiert auf*) в Саксонии, начиная с защиты рабочего правительства, в которое мы входим, и он пытается в Саксонии использовать государственную власть для

того, чтобы вооружиться и создать в этой ограниченной пролетарской провинции Средней Германии стену между южной контрреволюцией в Баварии и фашизмом севера. В это же время по всей рейху включится партия и мобилизует массы»¹⁷.

Но даже на эту программу нельзя было добиться искреннего согласия всех лидеров КППГ. Левые явно воспринимали эти маневры со смешанным чувством¹⁸, но считали их шагом на пути к захвату власти. Однако Брандлер, который в теории был не против ограниченного сотрудничества с СДПГ, почти так же не хотел назначать срок вступления коммунистов в саксонское правительство, как и срок начала самой революции. Он утверждал, что пора еще не пришла и что надо дать ситуации на месте созреть. Сначала нужно мобилизовать массы¹⁹. Но и по этому вопросу он тоже разрешил себе уступить. И 1 октября 1923 г. в Центральное правление КППГ была доставлена телеграмма, подписанная Зиновьевым от имени ИККИ:

«Поскольку, согласно нашей оценке ситуации, решающий момент наступит через четыре, пять, шесть недель, мы считаем необходимым сразу захватывать любую позицию, которая может быть непосредственно использована. Ситуация вынуждает нас поднять в практической форме вопрос о нашем вхождении в саксонское правительство. При условии, что люди Цейгнера [то есть социал-демократы] действительно готовы защищать Саксонию против Баварии и фашистов, мы должны в него войти. Сразу начинайте вооружение 50 000—60 000 человек, игнорируйте генерала Мюллера. То же и в Тюрингии»²⁰.

Клара Цеткин позже обоснованно оценивала это решение как «результат компромисса между партийными лидерами двух противоположных ориентаций, а не как высшую точку единого массового движения»²¹.

Еще одно *непредвиденное препятствие* омрачило эти злосчастные приготовления. Троцкого встревожил явный недостаток согласия и сочувствия среди лидеров КППГ, что не предвещало ничего хорошего для успеха этого предприятия. Его переход к политике революционных действий в Германии не повлиял на его личную лояльность по отношению к Брандлеру и не умерил его недоверия к левым лидерам КППГ²². Он предложил оставить Маслова и Рут Фишер в Москве. После упорного противоборства, в котором Троцкий и Зиновьев возглавляли сторонников и противников этого предложения, был достигнут компромисс. Аргументы против Маслова усиливались тем фактом, что Ленин за год до этого хотел дать ему должность в России, чтобы помешать приносить вред в Германии, а также его былыми связями с «рабочей оппозицией»²³. Было решено задержать его в Москве, пока обвинения его как члена партии будут рассмотрены комиссией Коминтерна, но позволить Рут Фишер вернуться²⁴.

Однако политические вопросы, обсуждавшиеся в Москве, были, наверное, не так важны, как подготовка к военной организации

восстания, которой теперь впервые занялись серьезно²⁵. К мартовской акции 1921 г. были сделаны лишь немногие военные приготовления, а то, что сделали, явилось результатом стихийной местной инициативы, а не какого-то планирования в штаб-квартире КПГ и тем более в Москве. Но это фиаско показало тщетность спорадических и неkoordinированных действий против вымуштрованных сил полиции и рейхсвера. Когда Брандлер был в Москве летом 1922 г., Троцкий предложил послать командира Красной Армии в качестве советника КПГ по вопросам военной организации. Предложение было принято, и осенью Скоблевский, латыш по национальности, прибыл в Германию в этом качестве²⁶.

Зимой 1922/23 г. рост нелегальных политических организаций правых и их едва замаскированная сила и влияние с некоторым запозданием убедили коммунистов в необходимости последовать этому примеру²⁷. Говорят, что в момент оккупации Рура группа из пяти или шести сотрудников советской разведки была послана в Германию и принялась создавать внутри КПГ три тайные организации: разведывательную службу, действующую в тесном контакте с соответствующим советским органом; диверсионную и террористическую группу; военную организацию по созданию ядра борющихся сил — рядовых германской революционной армии²⁸. Армия должна была быть построена на основе отрядов по 100 человек. Это так называемые «красные сотни», или «пролетарские сотни», состоящие из рабочих, но не обязательно членов партии. Накапливалось оружие, которое в изобилии водилось на «черном» рынке. Цементирующее ядро должны были составлять «десятки» из проверенных членов партии. Эти меры военной организации предпринимались все лето 1923 г., пока Германия все глубже погружалась в хаос. Предполагаемая стратегия, очевидно, имела целью мобилизовать «красные сотни» по всей Германии, когда наступит момент, и сконцентрировать их в Саксонии и Тюрингии, оплотах коммунистов, которые служили бы базой для революционной кампании²⁹.

Приготовления, по-видимому, пострадали из-за большого числа ответственных. Скоблевский отвечал за военные операции при содействии директората из семи членов Центрального комитета КПГ. Но Гуральский, который сопровождал Бела Куна в Берлин в марте 1921 г.³⁰ и с тех пор играл активную роль в германских делах под именем Клейне, занимался военной организацией партии и получил в помощь нескольких специалистов Красной Армии и иностранных коммунистов, прошедших стажировку в Красной Армии, которые отвечали за снаряжение и боевую подготовку германских отрядов³¹. Но эта детально продуманная организация дала жалкие результаты. Хваленые «красные сотни» почти не существовали за пределами Рура³². Оценка, данная, как говорят, Брандлером в Москве, будто от 50 000 до 60 000 человек можно было вооружить и мобилизовать в Саксонии, оказалась безосновательной; общее количество винтовок в руках партии не превы-

шало 11 000³³. В вердикте, вынесенном позднее Президиумом ИККИ, если и были ошибки, то в сторону смягчения формулировок:

«Техническая подготовка, мобилизация партийного аппарата для борьбы за власть, снаряжение и моральный дух «сотен» находились на низком уровне. Слишком короткая и поспешная техническая подготовка на практике не дала ничего. В техническом смысле она мобилизовала членов партии на действия, но не сумела охватить широкие пролетарские массы»³⁴.

Никакое обучение с помощью русских не могло тотчас же повысить уровень подготовки военных отрядов КПП до уровня вымуштрованных сил рейхсвера или даже опытных нелегальных формирований правых сил.

Военные приготовления и расчеты ответственных за планирование германского восстания в октябре 1923 г. сегодня легко представить нелепыми. Усилия заговорщиков-дилетантов, не имеющих никаких необходимых качеств, кроме смелости и самонадеянности, были противопоставлены холодной, расчетливой решимости профессионалов рейхсвера. Борьба была столь явно неравной, что ее невозможно было бы начать, если бы не два основных просчета, которые допустили практически все ответственные руководители, как немцы, так и русские.

Первый из этих просчетов касался самого рейхсвера. Верность офицеров и солдат рейхсвера республике была явно сомнительной; считалось, что некоторые из них заражены неясными идеями «национал-большевизма»; руководители же рейхсвера очень высоко ценят свое тайное сотрудничество с Красной Армией. В силу этих фактов в Москве возлагались фантастические надежды на соучастие части рейхсвера в возможном коммунистическом восстании. Троцкий в речи, произнесенной в Москве накануне запланированного восстания, говорил, что рейхсвер состоит «из рабочих элементов, которые в решительный момент не будут особенно стойко отстаивать буржуазию»³⁵ (это Троцкий говорил не о рейхсвере, а о фашистских отрядах. — *Ред.*). Во время беспорядков летом 1923 г. на местах постоянно происходили случаи братания между демонстрантами-коммунистами и полицейскими и солдатами рейхсвера³⁶. Несомненно, на более высоком уровне между коммунистической военной организацией и некоторыми офицерами рейхсвера были установлены тайные контакты. Но в какой мере это были контакты с истинно сочувствующими и в какой — с агентами, выделенными для информации властей о том, что происходит в коммунистических кругах, теперь уже невозможно догадаться. Ясно одно: руководители рейхсвера, как бы они ни относились к Веймарской республике или к желательности рабочих контактов с Советской Россией, никогда не собирались терпеть усиление коммунистов в Германии, а сентиментальные симпатии рядовых никогда не были достаточно сильны или распространены, чтобы подорвать дисциплину рейхсвера. Любые расчеты, построенные на том, что часть

рейхсвера закрывает глаза на захват власти коммунистами, были полностью ошибочными.

Второй существенный просчет лидеров КПП и в еще большей степени Политбюро в Москве относился к позиции немецкого рабочего класса. Этот просчет допустили и левые, которые считали, что партии достаточно выступить в определенный день, чтобы массы пошли за ней, и правые, полагавшие, что активную поддержку значительной части СДПГ можно обеспечить предварительным политическим маневром. Это были все те же иллюзии, которые господствовали в политическом мышлении лидеров большевиков и очень многих немцев с ноября 1918 г.: будто Германия созрела для пролетарской революции; рабочее движение, организованное, вероятно, лучше, чем где бы то ни было в мире, прошло школу марксизма и формировало свои заявления на языке марксизма. В Германии в 1918—1919 гг. все предрасполагающие условия, казалось, складывались в пользу революции. Когда она потерпела неудачу, был сделан вывод, что ее успех просто придет позже. Неудачу в марте 1920 г., а также мартовской акции 1921 г. приписывали ошибочной тактике, а не в корне неправильной оценке. Летом 1923 г. положение Германии было более отчаянным, нищета большей, а перспективы явно более безнадежными, чем в любой другой момент после 1919 г. На этот раз массы не могли не подняться по призыву революции. Исходя из этой твердой веры, в Москве и в Германии принимались решения и составлялись планы. Никто всерьез не предполагал, что победу можно одержать просто благодаря военному перевороту или что «красные сотни» в решительном сражении могли выступить на равных с рейхсвером. Поражение нельзя было бы отнести на счет недостаточных военных приготовлений. Последние имели своей целью поднести в критический момент спичку к легко воспламеняющемуся материалу. Нет причин предполагать, что военные приготовления не сыграли бы эту роль, если бы нужный материал оказался в наличии. Подготовка к восстанию в Германии осенью 1923 г. была обусловлена, как и многие решения, принимавшиеся в Москве после 1917 г., иллюзорной верой в то, что пролетариат Западной Европы, и в частности Германии, созрел для пролетарской революции.

Господство этих иллюзий помогает также объяснить одну из самых загадочных черт советской позиции в отношении кризиса 1923 г. в Германии — не делалось никаких попыток разрешить явное противоречие между политикой Рапалло и секретных соглашений с рейхсвером, с одной стороны, и политикой массовой помощи КПП и пролетарской революции в Германии — с другой. Это противоречие в необычайно драматической форме отражало прирожденную и неистребимую двойственность, присутствующую отношениям Советов с внешним миром. Невозможно было отказаться от веры в завтрашнюю мировую революцию пролетариата или пренебречь мерами, обещающими ускорить ее в отдель-

ных странах. Столь же невозможно было пренебречь средствами, позволявшими сегодня обеспечивать безопасность и устойчивость находившегося в изоляции Советского правительства до тех пор, пока революция не распространилась на другие крупные государства. Это противоречие могло быть разрешено, лишь исходя из предположения (разделявшегося всеми большевистскими лидерами), когда в период Брест-Литовска медленно и полусознательно разрабатывалась двойственная политика, что победу революции в других странах можно ожидать в течение нескольких недель или месяцев. Противоречивость советской политики в Германии осенью 1923 г. можно объяснить лишь верой всех тех, кто отвечал за ее разработку в то, что пролетарская революция в Германии обязательно произойдет через несколько недель. Если принять такую гипотезу, то становятся одинаково очевидными и необходимость поддержать грядущую революцию, и необходимость заполнить недолгий перерыв мероприятиями, которые усилят Советское правительство и отвратят угрозу нападения с Запада — единственную случайность, которая может погубить германскую революцию в колыбели. Противоречие исчезает в свете веры в неизбежную победу революции. Вооружать КПГ и в то же время способствовать вооружению рейхсвера имело смысл только в том случае, если считать, что рейхсвер в действительности никогда не воспользуется оружием против организованного коммунистического восстания, или если полагать, что революция обязательно произойдет задолго до того, как политика помощи рейхсверу даст какие-либо ощутимые результаты. Только эти иллюзии оправдывали двойственную политику по отношению к Германии в 1923 г., а двойственная политика делала иллюзии психологически необходимыми для большевистских лидеров. Вера в них была единственным способом видеть смысл в том, что совершалось.

Невзирая на господствующий оптимизм в колебаниях официальной политики явно ощущается замешательство. В то время как программа неофициальной поддержки русскими германского коммунистического восстания была разработана в мельчайших деталях, официальная политика Советского правительства оказалась неясной не столько из-за дипломатической сдержанности — это качество тогда ценилось меньше, чем потом, — сколько из-за нерешительности в самых высших кругах. В первый период Рурского кризиса смелые умы время от времени обсуждали перспективы интервенции Красной Армии. На XII партийном съезде в апреле 1923 г. один делегат пожаловался на передовую статью «Правды», которая произвела такое впечатление, как будто «мы предлагаем Германии активную поддержку почти даже в виде военного союза»³⁷. В том же месяце один представитель Центрального комитета КПГ посетил штаб-квартиру Тухачевского в Смоленске, где нашел красноармейцев готовыми «маршировать с оружием в руках на помощь германскому и польскому пролетариату», а штаб уверенным, что «русская армия сметет, как соломку, любой

польский барьер, который попытается отделить ее от германского пролетариата в решающий час»³⁸.

Однако паника, вызванная ультиматумом Керзона, положила конец этим провокационным высказываниям. Когда в августе — сентябре 1923 г. назревал германский кризис, стало ясно, что на этот раз не может быть и речи о том, чтобы повторить эксперимент 1920 г. и использовать Красную Армию для обострения революции. Тон был задан в широко пропагандировавшейся беседе Троцкого с высокопоставленным американским визитером в Москве сенатором Кингом:

«Мы прежде всего и больше всего хотим мира. Мы не отправим ни одного красноармейца за пределы Советской России, если не будем к этому принуждены силою. ...А войны мы не хотим. ...Мы слишком твердо помним, что наша война с Польшей означала бы всеевропейский пожар, который стер бы с лица земли остатки европейской цивилизации»³⁹. Номер «Известий», в котором опубликовалась беседа, выводил такую мораль в передовой статье, озаглавленной «Призрак советской агрессивности»:

«Победит ли в Германии или Болгарии революция — это будет зависеть в первую очередь от того, насколько трудящиеся этих стран имеют волю к борьбе и победе».

Однако советские лидеры были обеспокоены вероятностью того, что в случае успешной пролетарской революции в Германии Польша, возможно, под французским давлением, вынуждена будет вмешаться. В этом случае они были готовы угрожать действиями Красной Армии против Польши. Сущность официальной советской внешней политики заключалась в нейтрализации Польши, а не в ином вмешательстве в германский кризис⁴⁰.

Официальная осторожность отразилась в серии из трех речей, произнесенных Троцким накануне решающего момента в Германии в качестве и народного комиссара по военным делам, и активнейшего сторонника германской революции среди большевистских лидеров. Первая речь была произнесена перед членами профсоюза металлистов 19 октября:

«Говорят, что война с Польшей неизбежна. Но это не так. Есть много данных думать, что войны с Польшей не будет... Мы воевать не хотим, и чтобы избежать войны, мы обязаны сделать все возможное и сделаем это. Мы всецело на стороне германских рабочих. Мы с готовностью протянули бы им через голову Польши руку, чтобы подвинтить, где следует. Германским рабочим не нужна военная поддержка в их гражданской борьбе. Плоха та революция, которая не может победить внутренними силами».

Но германским рабочим, продолжал он, будет нужен советский хлеб, а Советскому Союзу нужна германская промышленная продукция.

«Географический ключ от этого товарообмена в руках Польши. Польша может сослужить нам мостом или сделаться барьером».

Он закончил словами, что шансы — 51% за мир и 49% против. На следующий день его речь перед профсоюзом транспортников была выдержана в том же тоне. Предсказав захват власти в Германии рабочими «завтра-послезавтра», он рассмотрел вероятность того, что тогда могут вмешаться Франция и Польша, и продолжал:

«Польша может играть две роли: роль моста между нами и Германией и роль барьера между нами и Германией». ...Мы не хотим войны, мы готовы на договор, что не вступим в войну, но мы не потерпим изоляции от европейского рынка (После отточия не цитата, а изложение. — *Ред.*).

И на следующий день, 21 октября, который стал решающим в событиях в Германии, он высказался на ту же тему без особых изменений на совещании политработников Красной Армии⁴¹. Эти высказывания отразили то, что, видимо, было искренним убеждением Троцкого в тот момент, а именно, что попытка коммунистов захватить власть будет наверняка столь же успешной, как и большевистский переворот в ноябре 1917 г. Однако опасность наступит тогда, когда союзники начнут блокаду коммунистической Германии, пытаясь погубить новый режим голодом⁴². Вопрос заключался не в том, как произвести германскую революцию на свет, а в том, как помешать злым соседям удавить младенца. Чтобы нейтрализовать эту угрозу, советским торговым представителям в Европе было приказано создавать «золотой и хлебный фонд помощи немецкому пролетариату». В то же время принимались меры, чтобы сосредоточить 60 млн. пудов хлеба в Петрограде и других приграничных пунктах и в критический момент перебросить его в Германию⁴³.

Той же причиной была вызвана единственная известная дипломатическая акция, предпринятая в это время Советским правительством, которую Каменев позже назвал «лучшим выражением нашей политики в эти месяцы»⁴⁴. Копп, первый советский представитель в Веймарской республике, вернулся в Москву после назначения Крестинского полпредом в Берлин, затем послан в середине октября со специальной миссией в прибалтийские государства (Латвию и Литву. — *Ред.*) и Польшу. Его целью было добиться заверений на случай, что если в Германии начнутся беспорядки, то эти страны не вмешаются в германские дела и не будут препятствовать транзиту между Союзом и Германией (у Каменева «Центральной Европой». — *Ред.*) «независимо от тех политических изменений социального порядка, которые могут там наступить».

Вопрос о путях и средствах предотвращения польской интервенции, способной подавить успешную коммунистическую революцию в Германии, явился предметом серьезной озабоченности в Москве, и было решено, что одних угроз или дипломатических представлений в Варшаве, возможно, недостаточно. Изобретательный Радек с одобрения Политбюро имел беседу с Кноллем, польским представителем в Москве, в которой предложил, чтобы поль-

ское правительство согласилось признать будущий коммунистический режим в Германии в обмен на уступку Польше Восточной Пруссии. Советское правительство на таких условиях признает «свободу действий» польского правительства в Восточной Пруссии. Такое предложение, стань оно известно в Берлине, явно оказало бы наихудшее влияние на отношения Советов с германским правительством. Поэтому из соображений секретности было решено исключить эти переговоры из полномочий официальной миссии Коппа и поручить их агенту по фамилии Раевский, который должен был прибыть в Варшаву через Данциг одновременно с Коппом⁴⁵. События, однако, предупредили эти непростые акции. Едва Копп отбыл со своей миссией, как в Германии произошли катастрофические события.

В начале октября лидеры КПГ, кроме Маслова, отправились из Москвы обратно в Берлин осуществлять согласованный план. Для руководства событиями в Германии была назначена делегация Коминтерна: Радек отвечал за межпартийные отношения; Пятаков осуществлял общее наблюдение за военными делами вместе со Скоблевским и Гуральским, которые уже были на месте; Шмидт должен был установить контакты с профсоюзами⁴⁶.

За шесть недель обдумывания в Москве ситуация в Германии ничуть не стала менее напряженной. Обесценивание денег продолжалось, первые шаги к стабилизации в форме создания рентной марки еще не принесли плодов. Пассивное сопротивление было официально прекращено 26 сентября 1923 г. Этот акт вызвал забастовку в Руре и демонстрации протеста националистов, осуждавших его как вершину национального позора. Центральное правление КПГ тоже протестовало против «капитуляции правительства Штреземана — Гильфердинга» в обращении, кончившемся словами: «Да здравствует массовая стачка, Да здравствует борьба!» Передовая статья Радека в «Инпрекор» затянула старую песню, апеллируя к национальному чувству и заявляя, что буржуазия перестала «защищать независимость нации» и что руководство осуществлением этой задачи теперь переходит к пролетариату⁴⁷. Правительство Штреземана продемонстрировало храбрость отчаяния, объявив военное положение и поручив Секту и рейхсверу поддержание общественного порядка. Националисты угрожали порядку ничуть не меньше, чем левые. Но в соответствии с прецедентом именно против левых были направлены основные репрессии. Еще 4 сентября «Роте Фане» была запрещена на неделю; снова она была запрещена с 24 сентября до 9 октября; затем — всего лишь через два номера — с 11 до 20 октября. Инициатива начинала переходить в руки правительства.

Такова была обстановка, когда 8 октября 1923 г. Брандлер вернулся в Германию⁴⁸. Переговоры в Саксонии продвинулись уже далеко. 10 октября Центральное правление КПГ официально объявило, что одобряет вхождение Брандлера, Бетхера и Геккерта в

саксонское «правительство пролетарской обороны»⁴⁹, и через два дня была конституирована новая коалиция. Тем временем берлинская секция КПГ начала переговоры с СДПГ, которые неделю тянулись без результата⁵⁰. Радек на пути из Москвы в Саксонию через Прагу остановился в Варшаве, где он, очевидно, сообщил сотрудникам советского представительства свое невысокое мнение о революционном потенциале немецких социал-демократов и пессимистически оценил исход предстоящей борьбы⁵¹. Но к этому времени германское правительство и рейхсвер почувствовали себя достаточно сильными, чтобы воспротивиться включению коммунистов в саксонскую коалицию. 20 октября ей был послан ультиматум с требованием распустить «пролетарские сотни» в Саксонии, а в ответ на отказ силам рейхсвера поступил приказ выступить. «Роте Фане» в день ультиматума вышла вновь и как раз вовремя, чтобы поместить статью Брандлера, выразившего убеждение, что рабочие Германии «не позволят разбить саксонский пролетариат», и сделавшего вывод: «На этот раз все поставлено на карту». Рейхсвер совершил то, от чего устранился Брандлер. Он определил срок, когда коммунисты должны либо действовать, либо признать себя в собственном бессилии.

По всей Германии коммунистические военные организации были наготове и ждали сигнала к восстанию. Верный своему убеждению, что необходимая прелюдия к успешной революции — сотрудничество с левым крылом СДПГ, Брандлер провел воскресенье 21 октября на конференции рабочих организаций в Хемнице, где призвал к всеобщей стачке, чтобы отразить предстоящее вторжение рейхсвера. Рабочими-некоммунистами его речь была встречена без энтузиазма. Один из социал-демократических министров в коалиционном правительстве угрожал уйти с совещания, если будут навязаны предложения. Саксонские социал-демократы не хотели вести гражданскую войну против рейхсвера, а саксонские коммунисты не верили, что смогут действовать в одиночку. Требование всеобщей стачки было вежливо похоронено с помощью резолюции о создании комиссии по изучению этого предложения⁵². Брандлер сделал логический вывод и отменил намечавшееся восстание. Радека и других представителей Исполкома Коминтерна в Хемнице не было, но они согласились с этим решением⁵³. Курьеры, которые ждали приказа действовать, чтобы доставить его ожидающим коммунистам по всей Германии, послали, чтобы отменить приготовления. Из-за трагической ошибки, которая так и не была удовлетворительно объяснена, два члена Центрального комитета партии, Тельман и Реммеле, уехали из Хемница до окончания совещания с впечатлением, что успех обеспечен и, прибыв в Гамбург вечером 22 октября, отдали приказ начать восстание. На следующий день рано утром, когда силы рейхсвера, не встречая сопротивления, продвигались на Дрезден, чтобы низложить коалиционное правительство, несколько сот гамбургских коммунистов атаковали и заняли некоторые полицейские участки, захва-

тив там запасы оружия. Они оставались хозяевами части города 48 часов и отчаянно сражались с полицией и войсками, которые быстро прибыли для подавления этого незначительного восстания⁵⁴.

В Саксонии Радек все еще тщетно призывал к всеобщей стачке⁵⁵. «Правда» 24 октября 1923 г. продолжала предсказывать всеобщую стачку в Германии, а на следующий день с запозданием заявила, что «шестая годовщина Октября совпадает с кануном октябрьских дней в центре Западной Европы». Не утрашившись этих смелых прогнозов, рейхсвер арестовал Цейгнера, низложил его правительство и поставил специального уполномоченного управлять Саксонией. Лидеры коммунистов бежали в Берлин. Так кончилась германская октябрьская революция. «Роте Фане» была снова запрещена, а КППГ вскоре после этого объявлена вне закона. Но репрессии были не слишком серьезными. Лидеры вели себя тихо и остались на свободе. Через несколько дней Гитлер устроил свой знаменитый *путч* в Мюнхене и обеспечил временную поддержку Людендорфа. Это оказалось более серьезной угрозой для властей, чем все усилия КППГ. Но рейхсвер после некоторых колебаний доказал свою лояльность. К середине ноября порядок был восстановлен по всей Германии. Фон Сект овладел ситуацией.

Неудавшееся коммунистическое восстание в Германии оказало некоторое влияние и в Польше. За несколько дней до него произошел таинственный взрыв в варшавской цитадели⁵⁶; в Кракове вспыхнуло восстание; волна стачек, включая стачку железнодорожников, прокатилась по большей части страны⁵⁷. 28 октября 1923 г. до того, как волнения улеглись, в Варшаву прибыл Копп. Его миссия увенчалась необычайным успехом в Ревеле и Риге: эстонское и латвийское правительства дали максимально возможные гарантии их незаинтересованности в событиях в Германии, а также своей готовности облегчить транзит товаров между Германией и Советским Союзом. Однако к тому времени, когда Копп достиг Варшавы, революция в Германии переживала агонию поражения. Несколько дней ситуация оставалась неясной, и беседы Коппа и Сейды, заместителя министра иностранных дел Польши⁵⁸, проходили в сердечной атмосфере, возможно, потому, что реально обсуждать было больше нечего. Сейда отрицал какое-либо намерение со стороны польского правительства вмешиваться в германские дела или препятствовать транзиту товаров из Советского Союза в Германию. Однако не видел причин давать какую-либо письменную официальную гарантию. Тем временем Раевский явно вел какие-то многообещающие неофициальные переговоры о будущем Восточной Пруссии с национал-демократическими политиками. Но до конца их было еще далеко, когда стало ясно, что провал германских коммунистов был полным и окончательным. Революция в Германии больше не стояла на повестке дня. База для пе-

реговоров исчезла, и Коппа неожиданно отозвали в Москву. Дабы соблюсти приличия, туманные словесные заверения Сейды были одобрены как результат успешной дипломатической миссии⁵⁹.

Историк, призванный объяснить несоответствие политики, проводимой большевистскими лидерами посредством Коминтерна и КППГ, и политики, проводимой посредством Советского правительства, может быть, в том, что касается этой проблемы, поражен одинаково обескураживающей аномалией. События 1923 г. являются странный контраст, видимо, немало озадачивший советских руководителей, между советско-германскими отношениями и отношениями с западным миром. Западные державы, особенно Великобритания, были весьма чувствительны ко всякому подозрению в пропаганде или интригах с целью дискредитировать их или подорвать их авторитет; они громко и публично возлагали на Советское правительство ответственность за незаконную деятельность Коминтерна. Германская дипломатия в течение всего 1923 г. оставалась внешне равнодушной не только к самым открытым обвинениям в адрес германского правительства со стороны влиятельных лиц в Москве, но и к подстрекательству и активной подготовке восстания в Германии, проводимой агентами Коминтерна. Германский посол в Москве заявлял вялые протесты против нелегальных поездок Радека в Германию и получал в ответ столь же вялые опровержения⁶⁰. На этом дело и заглохло. Спокойствие германских властей по сравнению с раздражительностью британских вряд ли можно объяснить большим чувством безопасности. Как бы ни был рейхсвер уверен в своей способности подавить коммунистическое восстание, большевистская угроза стабильности режима в Германии в 1923 г. и казалась, и была больше, чем угроза британскому могуществу в Центральной Азии или в Индии.

Различие заключалось в первую очередь в следующем факте. В то время как западные державы видели мало пользы для себя в поддержке отношений с Советской Россией (Соединенные Штаты не имели с ней никаких официальных отношений, а в Великобритании влиятельные круги были бы рады разрыву отношений по торговому соглашению 1921 г.), у Германии были непреодолимые моральные и материальные стимулы сохранять в неприкосновенности политику Рапалло. Поэтому она была не меньше, чем Советское правительство, готова и дальше признавать удобную фикцию разрыва между официальной позицией правительства и тайными интригами Коминтерна и КППГ. Нужно также принять в расчет и более настоятельные заботы в Германии 1923 г., и пресловутые разногласия и соперничество в германской правительственной машине.

Рейхсвер, который, вероятно, больше других знал о подпольных коммунистических заговорах, был в то же время крайне заинтересован в дружеских отношениях с Советским правительством; а рейхсвер имел возможность сам принимать решения и заставлять делать так, чтобы с ними соглашались. Короче говоря,

в то время как Коминтерн был занят планированием пролетарской революции в Германии осенью 1923 г., германский посол в Москве Брокдорф-Ранцау устанавливал тесные и близкие отношения с Чичериным и завоевывал себе высокое положение на дипломатическом поприще; а Крестинский, советский полпред в Берлине, который фактически был членом комитета Политбюро по подготовке германской революции, тем не менее оставался на своем посту еще семь более плодотворных лет. Красин присутствовал на блестящем приеме в советском посольстве в Берлине 7 ноября 1923 г. в ознаменование годовщины большевистской революции. Здесь также была большая группа германских официальных лиц, банкиров и промышленников⁶¹. Неудавшееся коммунистическое восстание две недели назад вряд ли представляло тему для разговора на приеме, и, вероятно, там не было никого, кроме самого полпреда, кто бы знал, что это был тот самый день, который Политбюро шесть недель назад определило для начала революции в Германии. В течение всего 1923 г. постепенно осуществлялись тайные советско-германские соглашения: ведущий советский химик, «эксперт» на службе Советского правительства, пишет о поездке на месяц в Берлин осенью 1923 г. и о поездке в Москву немецкого коммуниста в том же году в связи с германским проектом строительства фабрики по производству отравляющего газа в Советской России⁶². Демаркационная линия между разными уровнями, на которых осуществлялись советско-германские отношения — дипломатические, военные и революционные — в этот хаотический период, по-видимому, также легко признавалась как германским, так и Советским правительствами.

Прошло некоторое время, прежде чем масштабы поражения в Германии были осознаны рядовыми членами КППГ, даже не подозревавшими о чересчур уж больших надеждах, которые возлагала на восстание Москва, и об амбициозных решениях, которые там принимались. Никаких непосредственных выводов не было сделано из фиаско «немецкого Октября», поскольку его таковым не считали; и даже лидерам, кажется, удалось на какое-то время избежать серьезного осуждения. У представителей Коминтерна имелись не менее серьезные основания отложить расследование⁶³. 3 ноября 1923 г. Брандлер выступил с докладом перед Центральным комитетом КППГ. Он признал, что отмена восстания, «за которую я в первую очередь несу и принимаю ответственность», вызвала «нечто вроде шока в партии». Он предлагал «переориентацию партии» (поскольку она теперь меняла легальный статус на нелегальный), говорил о «предстоящей борьбе» и о диктатуре пролетариата как о единственной альтернативе «диктатуре фашизма». Темой резолюции, проект которой был подготовлен им самим и Радеком⁶⁴ и который он представил Центральному комитету, была «победа фашизма над ноябрьской республикой», причем основное значение событий последних двух недель усмат-

ривалось в поражении и банкротстве СДПГ как поборника Веймарской республики, а не в поражении КППГ. Резолюция заканчивалась обычным призывом «готовиться к борьбе за пролетарскую диктатуру». Она была принята 40 голосами против 13. Левое крыло оставалось непримиримым, но все еще было неспособно пошатнуть авторитет Брандлера и Радека⁶⁵.

Последовавший затем новый анализ событий последних двух недель оказался, однако, менее снисходительным к неудачам прошлого. В Центральном комитете КППГ произошел раскол. Здесь начали наконец сказываться нападки левых, и образовалась новая группа, которая стала вместе с левыми критиковать Брандлера и правое руководство. Как только атака была начата, то дилемма стала почти неизбежной. Если решение не вступать в бой в октябре было правильным, то политика «единого фронта», проводившаяся лидерами КППГ в последние два года под руководством Коминтерна, потерпела поражение. Если же побеждала противоположная точка зрения, что из-за колебаний руководства в октябре была упущена беспрецедентная возможность совершить успешную революцию, тогда мера ответственности Брандлера и правых была еще больше. 7 декабря 1923 г. Брандлер и Тальгеймер призвали партию к дискуссии, чтобы восстановить единство на основе резолюции от 3 ноября⁶⁶. Но было уже слишком поздно. Московские авторитеты, до тех пор стремившиеся лишь замазать трещины в германской партии, решили теперь, руководствуясь собственными соображениями, обострить этот вопрос.

Во время критических недель в Германии Кремль одолевали другие заботы. В том же октябре, когда имели место кульминация и провал немецкого революционного движения, два письма Троцкого в Политбюро и «платформа 46-ти» неожиданно выявили острые разногласия в рядах российской партии. Начались большие дебаты. Но никто, даже Троцкий, еще не был готов включить в них вопрос об ответственности за поражение в Германии. И такая осторожность и сдержанность наблюдалась в течение всего ноября 1923 г. Однако данная в Москве оценка фиаско в Германии в октябре 1923 г. была настолько тесно связана с кризисом в российской партии, что объективные высказывания скоро стали невозможны, и вопрос увяз в гуще споров и неразберихе, поэтому историк должен осмотрительно нащупывать свой путь.

В широком смысле поражение в Германии можно рассматривать с двух точек зрения: германский пролетариат к моменту, когда был брошен клич, еще не созрел для успешной революции или, напротив, условия для успешной революции были налицо, но оказались упущены или неправильно истолковывались из-за ошибок руководства. Первой точки зрения, очевидно, придерживался Сталин до октябрьского поражения, а Радек и Брандлер — и до, и после него. Эта точка зрения не позволяла сравнивать положение КППГ в 1923 г. с положением большевиков за шесть лет до этого. Она прослеживается в июльском письме Сталина в ан-

тифашистский день⁶⁷, а позже и у Брандлера, когда он, защищаясь на V конгрессе Коминтерна, заметил, что «в России не было рабочей аристократии»⁶⁸. Из этой точки зрения можно было сделать только тот вывод, что главным виновником являлось не руководство КПГ, рекомендовавшее осторожность, а российское Политбюро, которое решило в пользу революционных действий. Поскольку Радек и Брандлер приняли, пусть даже и неохотно, решение выступить и стали главными действующими силами в попытках его осуществить, их позиция была теперь очень слабой. Сталин, который не высказывался против решения большинства в свое время, теперь был еще менее склонен поставить себя в положение того, кто не согласен с господствующим мнением. И он молчал в течение всего периода, пока линия партии подвергалась сомнению.

Вторая точка зрения нашла наиболее решительного защитника в лице Троцкого, который был самым ярким сторонником революционных действий. Он утверждал, что революционная ситуация в Германии существовала с мая, или по крайней мере с июля, и до ноября 1923 г., когда Сект наконец укрепил свою власть. Поэтому решение Политбюро было совершенно правильным. Ошибку следовало искать в другом:

«Если бы [германская] коммунистическая партия, резко изменив темп работы, использовала предоставленные ей историей 5—6 месяцев полностью и целиком для непосредственно политической, организационной, технической подготовки к захвату власти, развязка событий могла бы быть совсем не той, какую мы наблюдали в ноябре... Пролетариат должен был увидеть в действии революционную партию, идущую непосредственно на завоевание власти. Между тем, партия в основном продолжала вчерашнюю, пропагандистскую политику, только в более широком масштабе»⁶⁹.

Позже, в сентябре 1924 г., в своей более знаменитой работе «Уроки Октября» Троцкий привел этот случай как «классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения»⁷⁰. Эта точка зрения подчеркивала параллель между Октябрем 1917 г. и октябрём 1923 г., чтобы осудить лидеров КПГ за упущенную уникальную возможность действовать. Позицию самого Троцкого отличала любопытная черта: несмотря на свое мнение о причинах поражения, он сохранил личные отношения с правым руководством КПГ и особенно с Брандлером, а также враждебность к левому крылу, точки зрения которого и до, и после октябрьских событий были куда ближе его собственной. Кардинально отличаясь от Радека в оценке ситуации в Германии, Троцкий сходил с Радеком в важном практическом вопросе: он не видел никакой пользы в замене правого руководства КПГ левым.

Перед лицом таких расхождений во мнениях Зиновьеву, теперь бесспорному хозяину Коминтерна, было в известной мере

трудно занять ясную позицию. Во время дискуссий в Москве перед октябрём проявилась его антипатия к Радеку и Брандлеру. Но он не мог предложить никакой продуманной альтернативы, а потребности партийной борьбы не сделали его склонным принять оценку Троцкого. Между 12 октября и 1 ноября 1923 г. из-под пера Зиновьева вышла и была опубликована в «Правде» серия из десяти статей под общим (кроме последней. — *Ред.*) заглавием «Проблемы германской революции». Они были традиционными по тону и содержанию и не предвещали никакой перемены взглядов. Первые шесть статей были написаны и опубликованы до того, как кризис в Саксонии достиг кульминации. А самая первая из них оптимистически приветствовала надвигающуюся революцию в Германии:

«Пройдет немного времени, и каждому станет ясно, что осенние месяцы 1923 г. явились переломным пунктом не только в истории Германии, но, через нее, в истории всего человечества. Трепетными руками германский пролетариат перелистывает важнейшую страницу в истории мировой борьбы рабочего класса. Бьет час. Начинается новая глава мировой пролетарской революции». В пятой статье утверждалось, что, несмотря на трудности, «германский пролетариат удержит власть», — намек на знаменитую работу Ленина от сентября 1917 г. «Удержат ли большевики государственную власть?». В шестой обсуждалась «Ахиллесова пята германской революции» — угроза иностранной интервенции, но в соответствии с установками официальной советской политики в ней не было и намека на военную помощь со стороны Советского Союза. В седьмой статье, опубликованной 22 октября (27 октября. — *Ред.*), на следующий день после неудачи Хемницкой конференции, утверждалось, что «нет никакого сомнения в том, что германская компартия в общем и целом применила тактику единого фронта с громадным успехом» и что «возражения «левых» коммунистов... бьют мимо цели». И только в десятой и последней статье, опубликованной 1 ноября и озаглавленной «Без иллюзий», упоминалось о катастрофах в Саксонии и Гамбурге. Ситуация оценивалась так: «германская социал-демократия распустила дорожку фашистам для «мирного» завоевания власти... коалиционное правительство Саксонии «выполнить не смогло» стоящие перед ним задачи из-за обструкции социал-демократов. Это было подтверждение линии, взятой в свое время Брандлером и правым крылом КПП. Осудить руководство КПП не предлагалось ни в статьях, ни в предисловии, написанном 2 ноября и предпосланном переводу их на немецкий язык, который был издан в Германии в виде брошюры⁷¹.

Однако когда масштабы катастрофы постепенно прояснились, критические настроения обнаружились как в Москве, так и в Берлине. Первым симптомом этого стало письмо Президиума ИККИ Центральному комитету КПП, где лидеры КПП обвинялись в том, что не сумели использовать ситуацию в Саксонии как исходную

точку вооруженного выступления и превратили «участие в саксонском правительстве в банальную парламентскую комбинацию с социал-демократами»⁷². В ноябре Зиновьев публично повторил эту критику в «Послесловии», поспешно добавленном к немецкому переводу своих статей из «Правды», и упомянул об «ошибке партии». Тем самым в косвенной форме было объявлено, что Зиновьев отделяет себя от Радека и Брандлера. Но в тот момент обошлось без открытых нападок, и воздействие критики было ослаблено заключительной мыслью, что «единство внутри германской партии должно быть обеспечено *во что бы то ни стало*»⁷³. Напрашивается догадка, что новая линия Зиновьева была, возможно, связана с Масловым, которого держали в Москве в течение всего времени событий в Германии. Расследование дела Маслова партийной комиссией, которое послужило предлогом для его задержки, было, кажется, проведено поверхностно. Хотя формально оно еще продолжалось, «атмосфера неожиданно изменилась» в ноябре, когда Зиновьев «вел себя с Масловым по-дружески, часто советуясь с ним по вопросам германской политики»⁷⁴.

Примерно в это время Маслов написал статью «Саксонский опыт и его уроки», которая была, несомненно, известна Зиновьеву, хотя и опубликована только два месяца спустя. Это были яростные нападки на вступление лидеров КПП в коалиционное саксонское правительство. В статье выносился вердикт, что «партия, не столь уже молодая, недооценила революционное положение, не сумела применить свою собственную силу, принимала Германскую Соц. Партию за партию революционную или, во всяком случае, поддающуюся революционизированию»⁷⁵. С точки зрения Зиновьева, заслуга Маслова заключалась в том, что он принадлежал к левому крылу КПП, был заклятым врагом Брандлера и, следовательно, Радека. Но Маслов был также и врагом Троцкого. Следовательно, Зиновьев являлся единственным русским лидером (поскольку Сталин не играл самостоятельной роли в германском вопросе), к которому Маслов мог обратиться за поддержкой.

Некоторое время Зиновьев продолжал колебаться. В статье в «Правде» 23 ноября он безоговорочно принял линию Маслова. Он прямо напал на формулировку, введенную в резолюцию КПП от 3 ноября по подсказке Радека, которая оценивала октябрьские события как «победу фашизма над ноябрьской республикой». Сект, утверждал Зиновьев теперь, был не фашистом, а «германским Колчаком». Подобно тому, как так называемая «революционная демократия» Керенского «сама по частям передавала власть военной реакции» в лице Корнилова, Алексева и Колчака, так и германские социал-демократы передали власть Секту. «Диктатура Секта» и «ноябрьская республика» были отнюдь не противоположностями, а двумя сторонами одной медали. Социал-демократы, далеко не побежденные, лишь показали свою истинную суть.

На следующий день неподписанная передовая статья в «Правде» обвинила германских социал-демократов в том, что они всту-

пили в союз с «колчаковщиной» Секта против рабочих-коммунистов. Мораль этой оценки очевидна. КПГ не было позволено скрыть свое поражение за поражением «ноябрьской республики», и тех, кто близоруко выступал за союз с социал-демократами, заклеили как виновников катастрофы⁷⁶.

Но Зиновьев чуть ли не потребовал замены руководства КПГ и, вероятно, напуганный собственной смелостью, попытался через несколько дней замести следы. 1 декабря 1923 г. «Правда» напечатала его длинную статью, озаглавленную «Вторая волна международной революции». Его главной целью было избавить от вины руководителей Коминтерна за ошибки и завышенную оценку перспектив германской революции. Это было достигнуто с помощью цитат из Ленина, который осенью 1918 г. считал, как и его последователи пять лет спустя, что «история... ускорила свой бег» на пути к всемирной революции. (См.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 37, с. 99. — *Ред.*) Статья Зиновьева излучала обычный и неубедительный оптимизм и не критиковала ни КПГ, ни ее тогдашнее руководство. Таким образом, к началу декабря 1923 г. ни Зиновьев, ни Сталин не связали себя никакими высказываниями по германскому вопросу. Оба выжидали, как наилучшим образом можно будет использовать этот скользкий и деликатный вопрос в российской партийной борьбе, близившейся теперь к стадии обострения. Но если Сталин маскировал свои сомнения, с важным видом загадочно помалкивая, то Зиновьев выдавал себя потоком взволнованных, неопределенных, а иногда и противоречивых высказываний. По словам Радека, Зиновьев только 7 декабря, когда делегация Коминтерна вернулась из Германии в Москву, решил, что никакие перемены в Центральном комитете КПГ не нужны⁷⁷.

Обстановку обострило открытие, которому с тех пор предстояло играть важную деморализующую роль в делах Коминтерна. Неожиданно стало очевидно, что зарубежные коммунистические партии, неразрывно связанные с Москвой через органы Коминтерна, вряд ли останутся равнодушными к драматическим разногласиям в российской партии, которые уже невозможно было от них скрывать. Если так, то столь же очевидно, что разногласия внутри зарубежных коммунистических партий (такие, как разногласия в германской партии, самой важной из всех) по вопросу об октябрьском фиаско, могут быть использованы в интересах той или другой стороны во внутренней борьбе в России. Честь этого открытия принадлежит не Зиновьеву. 13 декабря 1923 г. Радек, недавно вернувшийся из Германии, произнес речь на партийном собрании в Москве, в которой отметил, что, если бы большинство Центрального Комитета российской партии выступило против Троцкого, то большинство германской и польской партий выступило бы против большинства Центрального Комитета⁷⁸. Примерно в то же время было получено письмо от Центрального комитета Коммунистической партии Польши, видимо, в подтверждение такой оцен-

ки, насколько это касалось польской партии. В самой важной части письма говорилось:

«Главный пункт нынешнего кризиса в Российской коммунистической партии состоит в разногласиях между большинством РКП и товарищем Троцким. Мы знаем, что эти разногласия связаны со сложными проблемами строительства социализма, и не можем рассудить их в том, что касается экономической политики. Нам ясно только одно: имя товарища Троцкого для нашей партии, для всего Интернационала, для всего мирового революционного пролетариата неразрывно связано с победоносной Октябрьской революцией, с Красной Армией, с коммунизмом и мировой революцией.

Мы не можем допустить, чтобы товарищ Троцкий оказался вне рядов руководителей РКП и Интернационала. Тем не менее мы обеспокоены тем, что дискуссии могут выйти за рамки обсуждаемых конкретных проблем, и некоторые публичные высказывания ответственных руководителей партии дают основания для самой серьезной озабоченности»⁷⁹.

Российские руководители забеспокоились. Если Троцкий и оппозиция получают поддержку от секций зарубежных коммунистических партий, то крайне необходимо там же искать и союзников в целях поддержки официальной линии. С середины декабря всякая сдержанность была отброшена и кампания против Троцкого стала набирать силу⁸⁰. События в КППГ, возможно, прямо или косвенно стимулируемые из Москвы, побуждали к вмешательству. Соотношение сил в партии теперь явно изменилось не в пользу правых, а большинство Центрального правления, представлявшее группу центра, претендовавшую на промежуточное положение между правым руководством и его наиболее крайними критиками из левых, составило проект тезисов, резко критикующих ту политику и те взгляды, на которых лежит ответственность за «октябрьское отступление»⁸¹. Требование заменить лидеров стало непреодолимым, и все группы — левые, правые и центр — получили предложение послать представителей в Москву в конце декабря на встречу с Президиумом ИККИ.

Кризис в российской партии стал главной темой в КППГ, отодвинув на второй план ее внутренние разногласия. Каковы бы ни были шансы Брандлера и его сторонников на отпущение грехов в Москве, их уничтожила та поддержка, которую они получили от оппозиции в российской партии. Зиновьев, все еще осторожно державший себя с Троцким, мог теперь одновременно и свести старые счеты, и еще более ослабить позицию Троцкого, разгромив Радека. 27 декабря 1923 г. Политбюро приняло, возможно, в отсутствие Троцкого, следующую резолюцию:

«а) Радек держит курс целиком на поддержку правого меньшинства ЦК КППГ и дезавуирование левого крыла партии, что объективно грозит расколом германской компартии, между тем как Политбюро ЦК РКП строит свою политику на поддерж-

ке громадного большинства ЦК КПГ и сотрудничестве с левой при критике ее ошибок и поддержке того, что у нее есть правильного, а равно и критике грубейших ошибок правой;

б) общий взгляд Радека на ход дальнейшей борьбы в Германии исходит из неправильной оценки классовых сил в Германии: оппортунистическая переоценка разногласий внутри фашизма и попытка на этих разногласиях построить политику рабочего класса в Германии»⁸².

Радек, не сумевший осознать силу и решимость выставленных против него сил, не растерялся и не притих, а, как говорят, напомнил своим оппонентам, что он несет ответственность за свои действия в Германии не перед Центральным Комитетом Российской партии, а перед Международным Конгрессом Коминтерна⁸³, что свидетельствовало о трогательной вере в доктрину верховной власти Коммунистического Интернационала над всеми входящими в него партиями, включая и российскую партию.

Этой вере предстояло вскоре подвергнуться испытаниям. Дебаты в Президиуме ИККИ с многочисленными представителями трех фракций КПГ, которые начались 11 января 1924 г., происходили уже в условиях углубляющегося кризиса в российской партии, что остро осознавали все присутствующие. Зиновьев один выступал от имени ИККИ, и ни Троцкого, ни какого-либо другого партийного руководителя на этом заседании более не было. В начале доклад сделал Радек как главный представитель Коминтерна в Германии во время обсуждаемых событий. Еще с 1919 г. Радек в глубине души пессимистически оценивал перспективы революции в Германии, и потому теперь он стремился отвести хулу от руководства партии.

«То, что сейчас существует в германском пролетариате, есть отражение общего положения в Германии, упадка политической деятельности, чрезвычайной политической пассивности во всех классах общества, кроме армии... Будучи хорошей рабочей партией, мы еще не стали хорошей коммунистической партией. И это самое важное, что я вижу во всей ситуации. Неверно, товарищи, что руководство не хочет драться, а массы везде бурлят. Было не так»⁸⁴.

В конце Радек предложил тезисы, которые были, по его словам, «составлены товарищами Троцким и П[ятаковым] и мной»; они защищали октябрьское отступление от критики слева как необходимый и оправданный шаг и приписывали «панике» требования об изменениях в Центральном правлении германской партии⁸⁵. Брандлер прибыл только после начала дебатов, поскольку в Москве затянули выдачу ему паспорта⁸⁶. Он, Реммеле и Рут Фишер выступали соответственно от имени групп правых, центра и левых в КПГ, повторяя затасканные аргументы. Центристы высказывали по существу те же критические замечания, что и левые, но в менее догматических выражениях и с меньшим личным ожесточением против правых лидеров⁸⁷.

На следующий день Зиновьев подвел итоги сказанного против Брандлера и Радека в таких словах, резкость которых была, несомненно, отчасти вызвана их общением с Троцким, хотя из осторожности Зиновьев не присоединился безоговорочно к точке зрения левых и придал видимость своего одобрения группе центра. Он посчитал поведение трех руководителей, которые были министрами в саксонском правительстве, «симптомом загнивания». Называть октябрьские события «победой над ноябрьской республикой», а не победой над рабочим классом было «либо бессмыслицей, либо оппортунизмом», говорил он. Руководство КПП нужно заменить; он советует передать руководство «нынешнему большинству в Центральном правлении вместе с левыми в партии». Речь Зиновьева часто прерывали правые, а Радек и Пик в какой-то момент даже обвинили его в попытках «развалить Центральное правление»⁸⁸. Но в отсутствие Троцкого ни у кого не было ни авторитета, ни смелости противостоять Зиновьеву, который вел заседания так, как считал нужным. Комиссия по подготовке резолюции состояла из Маслова и Тельмана от левых членов КПП; Ремеле и Кенен от центра и Пика от правых; Куусинена — как представителя Коминтерна. Предложение включить Радека и Брандлера было забаллотировано, его поддерживали только Цеткин и Радек. В резолюции подробно рассматривались ошибки, совершенные КПП за прошедший год; говорилось, что признание этих ошибок — условие будущего прогресса. Резолюция заканчивалась призывом к партийному единству⁸⁹. Она была явно составлена как вотум недоверия старому руководству КПП и как призыв к смене лидеров.

Тем временем важные события происходили в другом месте. Пленум ЦК РКП(б) на заседании 14—15 января одобрил постановление Политбюро, осуждающее Радека, и дополнил его фразой в том смысле, что он «поставлен в необходимость довести до сведения ИККИ, что в данном вопросе т. Радек не выражает мнение ЦК РКП». С этим дополнением постановление было опубликовано в «Правде» 16 января 1924 г., в день, когда открылась XIII партийная конференция. 18 января Зиновьев выступил на конференции с длинным докладом о международном положении, большая часть которого была посвящена событиям в Германии за последние три месяца. Изложение событий, хотя на него и повлияли взгляды и предубеждения Зиновьева, было весьма сдержанным. В этом вопросе у докладчика было много уязвимых мест. Но доклад содержал целый ряд косвенных и слегка завуалированных нападок на Троцкого, а также и ожесточенный выпад против Радека, который, хотя и «был больше всего знаком с этим [то есть германским] движением, считался самым большим знатоком его», тем не менее «ошибся больше всех» и «держал партию за фалды, когда нужно было звать ее на бой». Радек ограничил свой ответ коротким и формальным заявлением, отвергающим обвинения против него. Но его сдержанность привела к упрекам не только со

стороны Зиновьева, но и одного делегата из числа присутствующих в зале, который, вспомнив обвинения против Брандлера, крикнул с места, что Радек «без боя отступил»⁹⁰.

Затем была принята резолюция, одобряющая настоящую позицию Центрального Комитета по германскому вопросу, где повторялся текст с осуждением Радека, высказанным Политбюро 27 декабря 1923 г., и с предупреждением его о необходимости подчиняться решениям Центрального Комитета. Резолюция была принята единогласно при одном воздержавшемся: Радека, вероятно, еще не научили голосовать за свое собственное унижение⁹¹.

На следующий день после этих дебатов собрался Президиум ИККИ, чтобы заслушать доклад своей комиссии. Необходимости в дальнейшем обсуждении больше не было. Президиум отверг две поправки, предложенные Пиком, смысл которых сводился к оправданию октябрьского отступления обстоятельствами, в которых оно происходило, и принял резолюцию в такой форме, что из членов комиссии четверо голосовали «за», а двое «против», причем «против» снова были Цеткин и Радек⁹². Что произошло за кулисами этой с небольшим преимуществом победы — неизвестно. Но когда Президиум за несколько часов до смерти Ленина собрался 21 января на свое заключительное заседание, напряженность несколько уменьшилась. Зиновьев в заключительной речи великодушно высказал мысль, которую большинство отказалось включить в резолюцию, о неизбежности октябрьского отступления:

«Не только как результат ошибок и слабости партии, но и как результат слабости рабочего класса отступление было абсолютно необходимо. Конечно, целый ряд рабочих всегда будут говорить: момент был упущен».

В ответ на эту уступку Цеткин и Радек, не боясь упреков Маслова, заявили о своей готовности во имя партийного единства голосовать за резолюцию, которая была тогда единодушно принята Президиумом⁹³. Финал заседания был отмечен любопытным заявлением польской делегации. Варский, глава делегации, очевидно, вмешался в дебаты на стороне правых⁹⁴. В отсутствие Варского польская делегация сделала письменное заявление о том, что она согласна с текстом итоговой резолюции на том парадоксальном основании, что «резолюция сохраняет верность нынешней тактике Коминтерна, за разрыв с которой выступали так называемые левые в Германии». В заявлении польской делегации осуждалась «безответственная агитация (Гетце)» против лидеров КПГ из числа правых, которые, хотя и виновны в ошибках и упущениях, составляют «самое старое, самое испытанное и самое опытное ядро партии». Выразив опасение, как бы отсутствие Ленина и дискредитация Троцкого российским Центральным Комитетом не ослабили «авторитет руководства Коммунистического Интернационала», заявление активно защищало Радека:

«Мы считаем обвинение в оппортунизме, выдвинутое против Радека, одного из самых достойных лидеров Коминтерна, не толь-

ко несправедливым, но и в высшей степени вредным для авторитета всех руководителей Коминтерна... Такого рода различия в мнениях между самыми известными руководителями Коминтерна в оценке германского вопроса неизбежны в живой революционной партии, особенно в такой трудной ситуации. Они и раньше имели место в руководстве ИККИ, не вызывая взаимных обвинений в оппортунизме»⁹⁵.

Эти соображения явно были вызваны не только внутренним кризисом в российской партии, но и кризисом в германских делах. Последний был неразрывно связан с первым. И сторонники официальной линии не замедлили выявить эту связь. Она была недвусмысленно констатирована Гуральским, представителем Зиновьева в Германии:

«Альянс между Брандлером — Тальгеймером и Радеком — Троцким в германском вопросе не случайность. Он затрагивает фундаментальные вопросы: дебольшевизация Российской коммунистической партии и дебольшевизация европейских партий или сохранение большевистской опеки над Российской коммунистической партией и большевизация европейских партий»⁹⁶.

Центральный комитет КПГ собрался в Галле 19 февраля 1924 г., чтобы рассмотреть результаты московского заседания. Это была лишь формальность. Брандлер от имени старого руководства вручил заявление, в котором пожаловался, что «наш представитель был практически не допущен к дебатам в Москве»⁹⁷. Центральный комитет КПГ единодушно одобрил резолюцию Президиума ИККИ; еще одна резолюция, осуждающая прежнюю политику правых, была принята лишь при небольшом числе возражавших. Новый лозунг «большевизации партии» помогал не только дискредитировать прежнюю политику, но и льстить лидерам Коминтерна, чье мощное влияние послужило передаче руководства партией центру и левым. Было избрано новое Центральное правление, состоящее из пяти членов от центра и двух от левых⁹⁸.

Но удача отвернулась от партии после октябрьского отступления. В Германии начиналось экономическое оживление, близилась денежная реформа и Веймарская республика, казалось, снова возрождалась к жизни. Запрещение КПГ было отменено 1 марта 1924 г. Однако ее руководители все еще жили под угрозой ареста, и только в апреле во Франкфурте состоялся IX съезд партии. Готовясь к съезду, ИККИ послал письмо Центральному комитету партии, в котором говорилось, что «победа левого крыла КПГ» имеет «огромное значение для судеб германской революции». Но письмо сопровождалось статьей Зиновьева, в которой при одобрении политики левых в партии фактически содержался призыв к левым не заходить слишком далеко благодаря этой победе⁹⁹. Призыв не имел особого воздействия.

На Франкфуртском съезде и снова на V конгрессе Коминтерна в Москве в июне сражения внутри германской партии по прежним вопросам велись с прежним ожесточением. Но за ними и под

их прикрытием начиналась новая борьба в новой обстановке, где спорными вопросами оказались отношения не столько между КППГ и Коминтерном, сколько между фракциями в германской партии и фракциями в российской партии. События 1923 г. в Германии, хотя их конечный эффект проявился не сразу, уничтожили в значительной мере ту независимость, которой до тех пор пользовалась КППГ, и превратили ее в арену для российских фракционных раздоров. В этом состояло главное значение КППГ на ближайшие три года.

ГЛАВА 10

ПРИЗНАНИЕ

Во второй половине 1923 г. внимание Советов к внешнему миру было ослаблено озабоченностью внутренним кризисом. Мало внимания уделялось событиям, происходившим за рубежом, исключение составляли драматические и бесплодные революции в Болгарии и Германии. И только к концу этого года Советское правительство полностью смогло отдать себе отчет в том, насколько благоприятнее для него со времени тревожных дней ультиматума Керзона стала ситуация в Европе. Причины этой перемены были различны, а отчасти и случайны. В течение 1923 г. противодействие политике Франции в отношении к Германии стало очевидным и распространилось из Европы на Соединенные Штаты. В декабре 1923 г. для рассмотрения всех аспектов репарационной проблемы были назначены две союзнические «экспертные комиссии», в состав которых вошли также американские специалисты. Это событие явилось продолжением длительного дипломатического спора, в котором Франция и Бельгия, находясь в изоляции, выдержали арьергардный бой против других европейских держав и Соединенных Штатов, которые стремились добиться умиротворения Европы посредством урегулирования финансовых взаимоотношений с Германией. Изменения внешнеполитических отношений благоприятствовали левым в Великобритании в проведении их внутренней политики, так как еще в 1919 г. либеральная и лейбористская партии были не склонны доверять политике Франции в Европе и проявляли большую снисходительность по отношению к Германии. Между тем, в 1923 г. коммерческие и финансовые интересы, а также интересы рабочего класса потребовали финансовой и экономической разрядки в Европе, и внешняя политика Великобритании приобрела заметную прогерманскую ориентацию.

В результате такого изменения климата Советская Россия непроизвольно и непреднамеренно оказалась в выигрыше. Те группы в Западной Европе, которые были настроены по отношению к Германии либо самым бескомпромиссным, либо самым миролюбивым образом, начиная с 1919 г. заняли сходную позицию в отношении Советской России. Рапалльский договор, заключенный

в апреле 1922 г., явился дипломатическим оформлением уже существовавших общих интересов. В течение 1923 г. в общественном мнении Великобритании и британской политике заметно усилились прогерманские настроения, что автоматически повлекло за собой и благоприятные последствия для Советского Союза. Политика в русле ультиматума Керзона не пользовалась большой популярностью даже в консервативных кругах и, похоже, потерпела фиаско, за исключением ограниченных групп, имевших финансовые претензии к Советскому правительству.

Во Франции за умиротворение Германии или Советской России открыто выступали не только левые радикалы. Пуанкаре проявлял некоторое беспокойство по отношению к этим двум странам по крайней мере потому, что они оказывали опасное влияние на англо-французские отношения.

В Италии Муссолини, будучи человеком без предрассудков, несомненно, был готов к любому шагу в отношении Германии и Советской России, шагу, который обещал бы немедленную выгоду его государству или его режиму.

В Соединенных Штатах умиротворение Германии напрямую не связывали с умиротворением Советской России. Но даже там волна ненависти к большевизму и страха перед ним, которая достигла апогея в 1919 г., к 1920 г. ослабла. Снова появилась возможность разумного обсуждения проблем американо-советских отношений.

Таким образом, во второй половине 1923 г. во взаимоотношениях Советского правительства с западными странами, и особенно с Великобританией, наступила постепенная, но явная разрядка. Говорить об усилении примиренческих тенденций в советской политике в отношении капиталистического мира представляется нелогичным, если учесть, что осенью того же года в Германии большевики проявляли некоторую активность. Однако события, происходящие в Германии, правомерно рассматривались на Западе как исключительные, продиктованные особыми условиями в Германии, а не воздействием основных тенденций советской политики. Реакция Советской России на ультиматум Керзона позволила сделать правильный вывод о готовности Советского правительства идти на уступки в поисках разрешения споров с западными государствами.

С момента введения НЭПа развитие экономики было весьма обнадеживающим. В Лондоне напряженно и с успехом работал Красин. В период экономического кризиса и безработицы советские порядки были большим благом и обладали притягательностью. Возобновление экспорта хлеба означало возврат к взаимовыгодным довоенным коммерческим отношениям между Россией и Западом¹. В августе 1923 г. значительная группа британских бизнесменов, представлявших не менее восьмидесяти английских технических фирм, посетила Советский Союз². Им был оказан радушный прием, гарантированы солидные заказы, и они верну-

лись домой по большей части убежденными сторонниками признания Советского правительства. Прежде всего стремительный прогресс в деле воссоздания стабильной валюты в Советской России — первые признаки этого процесса были бы так важны в Германии, — готовность советских финансистов следовать предписаниям капиталистов и одобрять их здравую капиталистическую деятельность в сфере международных финансов производили отличное впечатление. Так, глава советской торговой делегации в Лондоне, выступив на страницах газеты «Известия», отметил, что «Сити давно признало Россию, а это в Англии кое-что да значит»³. В конце 1923 г. настроенные оптимистически западноевропейские «специалисты» вновь обрели веру в процветающую Европу, в которой экономики и Германии, и России, излечившись от болезней и кошмаров, мучивших их с 1918 г., опять смогли бы сотрудничать под эгидой надежных финансов и упорядоченных коммерческих отношений.

1923 г. стал также началом той расширяющейся американской экономической деятельности в России, которая продолжалась в течение 20-х гг. и разительным образом контрастировала с отсутствием политических отношений. В январе 1923 г. Советское правительство официально одобрило нефтяную концессию в северной части Сахалина, которая была первоначально в 1921 г. предоставлена «Синклер Эксплорейшн Компани» Дальневосточной Республикой⁴. «Синклер Компани» немедленно обратилась в государственный департамент с просьбой сделать дипломатический запрос японскому правительству о возможном расширении концессии, однако получила сдержанный ответ следующего содержания: «В официальную компетенцию департамента не входят контракты, заключенные с правительством, которое не признано Соединенными Штатами», и департамент не может предпринять никаких дипломатических шагов для поддержки этого⁵.

В тех случаях, однако, когда коммерческие сделки могли заключаться без официального одобрения, их судьба была более удачной. В 1923 г. были предприняты две инициативы, получившие значительное развитие. Во-первых, была основана Объединенная американская компания, которая действовала в Москве в качестве представителя более чем 30 американских экспортеров, заинтересованных в торговле с Советским Союзом. Летом 1923 г. компания заключила генеральный договор с Внешторгом о советско-американской торговле, обязуясь ввозить в Россию товары на сумму 2 400 тыс. золотых рублей в год — преимущественно машины, оборудование для шахт и сельскохозяйственную технику, — а также организовать экспорт из Советского Союза (главным образом сырье) в соответствующем объеме. Впоследствии побочным результатом этого соглашения стал план финансирования советских текстильных фабрик Американским Международным профсоюзом рабочих швейной промышленности⁶. Во-вторых, Советским Союзом была организована закупка больших партий хлопка-сырца

в Соединенных Штатах. Ногин, директор советского текстильного треста *, прибыл в Нью-Йорк 21 ноября 1923 г., как было объявлено в печати, с намерением закупить хлопок для советских фабрик на сумму 1,5 млн. долларов. Одним из результатов его визита явилась организация в Нью-Йорке «Всероссийского текстильного синдиката, инкорпорированного», который получил от «Чейз нэционал банк» заем в 2 млн. долларов для финансирования советских закупок хлопка в Соединенных Штатах⁷. Эти и им подобные сделки демонстрировали рост экономической заинтересованности, постепенно пробивающей себе дорогу через барьеры официальной отчужденности.

Эти сдвиги возрождали надежды на изменение официальной позиции американского правительства, которые несколько ослабли после марта 1921 г., когда пост президента занял Гардинг и возобновление дискуссии по вопросу об отношении с Россией стало невозможным⁸. Реймонд Робинс снова возглавил кампанию за признание России, при этом оставаясь в тени, а Бора, сенатор от штата Айдахо, стал главным лицом, действующим публично. Летом 1923 г. Гардинг, вероятно, стараясь избежать постоянного давления, а вовсе не с целью предпринимать какие-либо конкретные шаги, санкционировал конфиденциальный визит Робинса в Москву, чтобы тот оценил ситуацию на месте. Когда Робинс был уже в Берлине, Гардинг неожиданно умер 2 августа 1923 г. Считая миссию бесполезной, Робинс возвратился в Вашингтон, чтобы обрабатывать преемника Гардинга — Кулиджа⁹. Несколько дней спустя группа из пяти американских сенаторов и конгрессменов во главе с сенатором Кингом прибыла в Москву. Они были восторженно встречены, провели в стране несколько недель, посетив за это время разные районы Советского Союза¹⁰. Эти факты породили оптимистические настроения в советских кругах.

В Вашингтоне группа Робинса — Бора питала большие надежды в связи с первым посланием Кулиджа конгрессу, которое было опубликовано 6 декабря 1923 г. В нем была подтверждена непреклонная позиция прежней администрации по вопросу об условиях признания России и сделан, по существу, небольшой шаг вперед. В послании говорилось, что американское правительство не возражает против коммерческих отношений между американскими и русскими гражданами и что Соединенные Штаты готовы «пойти на очень большие уступки в целях спасения народа России» от экономической разрухи. В послании также было сказано: «Мы думаем, близко то время, когда мы сможем действовать»¹¹. Газета «Известия», ободренная оптимизмом Робинса и этой ничтожной официальной поддержкой, объявила в своей передовой статье 9 декабря, что «движение в пользу соглашения

* В. П. Ногин — в 1924 г. председатель правления «Всероссийского текстильного синдиката», в советской печати 1923 г. упоминается в качестве председателя Центротекстиля. — *Прим. ред.*

с Советской Республикой захватило и Америку», и высказала мнение, что «борьба на Тихом океане, где Соединенные Штаты сталкиваются с японским империализмом», явилась одной из причин перемен. Через неделю Чичерин направил Кулиджу послание, в котором выразил одобрение его официального заявления и готовность Советского правительства обсудить «все вопросы, затронутые в Вашем послании, причем в основу этих переговоров будет положен принцип обоюдного невмешательства во внутренние дела другой стороны». Однако к этому времени Кулидж потерял всякий интерес к данному вопросу и был готов передать его рассмотрение в государственный департамент, у которого была более твердая рука. 18 декабря 1923 г. государственный секретарь Юз отправил неожиданно быстрый ответ на официальное предложение находящегося в заблуждении Чичерина:

«Сейчас не может быть речи о переговорах, так как Американское правительство, как и президент в своем послании к конгрессу, заявили, что они не намерены менять свои принципы... Если Советское правительство готово отменить декреты о непризнании русских долгов и признать их, то пусть оно это сделает. Для этого не нужны ни конференции, ни переговоры»¹².

На следующий день государственный департамент опубликовал пространное письмо Зиновьева Рабочей партии Америки, в заключительных словах которого выражалась надежда на то, что «партия шаг за шагом овладеет пролетарскими силами Америки и в недалеком будущем поднимет красный флаг над Белым домом»¹³. Заявление Рабочей партии Америки о том, что письмо является «подлогом от первого до последнего слова»¹⁴, не поколебало официального отношения. Бора добился назначения сенатской комиссии для расследования дела и 7 января 1924 г. выступил в сенате в поддержку рассмотрения¹⁵. Но наступательная позиция Робинса — Бора не выдержала натиска опытного и неуступчивого государственного департамента, и в течение нескольких последующих лет к этому вопросу не возвращались.

В Европе движение за признание Советского правительства развивалось менее шумно, но имело более солидную основу. Франция, настроенная по отношению к Советской России столь же враждебно, как и к Германии, оставалась самым трудным препятствием. В сентябре 1922 г. Москву посетил лидер радикалов Эррио. Спустя год, в августе 1923 г., сенатор от партии радикалов Де Монци приехал в Москву, где был встречен дружелюбно, и возвратился в Париж твердым сторонником признания России. Однако подобные личные инициативы противников непреклонного Пуанкаре вряд ли могли оказать на него влияние.

Первым, кто сделал эффектный шаг, был Муссолини в своей речи, произнесенной 30 ноября 1923 г. За несколько недель до этого начались советско-итальянские переговоры о заключении торгового договора, который должен был заменить мертворожденное соглашение 1921 г.¹⁶ Муссолини заявил тогда, что он готов

де-юре признать Советское правительство, и отметил, что сам акт признания совпадает с заключением нового договора.

Это заявление, хотя и вызвало минутное замешательство в рядах Коммунистической партии Италии¹⁷, было с триумфом встречено в Москве как первый «прорыв старого антантовского единого фронта против Советской Республики»¹⁸. До сих пор, писал советский комментатор, западные страны надеялись обменять политическое признание на выплату личных долгов и реставрацию частной собственности: «Муссолини принадлежит заслуга и честь вбить осиновый кол в могилу этой надежды»¹⁹. Но прежде чем инициатива Муссолини смогла обрести силу, произошли более важные события.

Всеобщие выборы в Великобритании 6 декабря 1923 г. ознаменовали сдвиг влево, что отчасти, видимо, было вызвано внешнеполитическими событиями. Лейбористская партия оставалась самой крупной оппозиционной партией, которая, однако, на выборах не получила абсолютного большинства, поэтому будущее лейбористское правительство зависело от поддержки со стороны либеральной партии. Но так как и либеральная и лейбористская партии выступили за полное признание Советского правительства, то этот вопрос был решен, во всяком случае в принципе, путем народного голосования.

Небольшое волнение было теперь вызвано тем, кто первый — Италия или Великобритания, победит в соревновании и признает Россию де-юре. С приходом к власти 23 января 1924 г. нового лейбористского правительства во главе с Рамсеем Макдональдом признание России считалось неизбежным, но многие полагали, что этому будут предшествовать переговоры между обоими правительствами по спорным вопросам. Каменев, выступая несколько дней спустя на Всесоюзном съезде Советов, признал, что отношения между Советской Республикой и Великобританией представляют «громадный и ближайший интерес в данной стадии мировой истории». Однако он открыто признал, что не питает иллюзий за счет британских лейбористских лидеров, и что их приход к власти даст «рабочему классу Англии» возможность «проверить» их истинный характер²⁰.

Торговые переговоры в Риме все еще задерживались из-за возникших осложнений по вопросу о статусе будущей советской торговой делегации в Италии. 31 января 1924 г. Муссолини, потеряв терпение, вмешался в решение этой проблемы и пошел на уступки; было предложено, что подписание соглашения о признании России де-юре состоится 3 февраля.

Тем временем британское правительство решилось на безоговорочное признание. 1 февраля 1924 г. британский официальный агент в Москве Ходжсон уведомил Советское правительство о том, что правительство Великобритании «признает Союз Советских Социалистических Республик в качестве правителей де-юре тех территорий бывшей Российской Империи, которые признают его

власть». В ноте также содержалось приглашение «российскому правительству» направить в Лондон представителей для выработки «предварительной основы окончательного договора, для улаживания всех спорных между обеими сторонами вопросов». Были названы три вопроса: законность всех договоров, заключенных до революции; урегулирование претензий и пропаганда. Ходжсону был придан статус поверенного в делах. Нота не содержала указания о назначении послов; король Георг V высказывал личные возражения относительно принятия посла государства, на которое он возлагал ответственность за убийство его кузена, царя Николая II, и царской семьи²¹.

На следующий день на II съезде Советов СССР Литвинов зачитал ноту Ходжсона. Съезд принял постановление, в котором был одобрен «этот исторический шаг». В постановлении также отмечалось, что рабочий класс Великобритании всегда являлся «верным союзником трудящихся масс Союза Советских Социалистических Республик»; съезд протянул «дружественную братскую руку английскому народу» и уполномочил Советское правительство начать переговоры с британским правительством по вопросам, вытекающим из факта признания²². 8 февраля 1924 г. Раковский официально сообщил об удовлетворении, выраженном Советским правительством, фактом признания Советской России, о готовности принять приглашение и направить в Лондон представителей для ведения переговоров, а также о своем собственном назначении поверенным в делах «впредь до назначения посла»²³. Это не помешало Исполкому Коминтерна 6 февраля направить Коммунистической партии Великобритании длинное послание с сообщением о признании. В заключительных словах послания коммунистической партии предписывалось превратиться «во влиятельную революционную массовую партию»²⁴.

Между тем Муссолини, который вследствие внезапной акции Великобритании теперь уже не мог быть первым, как он надеялся, направил 7 февраля ноту Советскому правительству о его признании де-юре²⁵.

Получив признание двух основных союзных держав, Советское правительство могло позволить себе жест триумфатора. В своей беседе (с иностранными корреспондентами. — *Ред.*), помещенной в газете «Правда», Литвинов отметил, что Великобритания и Италия наконец отбросили «иллюзию, будто признание несет выгоды исключительно советским республикам», что для других государств признание Советского правительства будет иметь теперь «неизмеримо большее значение, чем для Советского правительства» и что советский ответ на будущее предложение о признании окажется следующим: «Никаких переговоров и никаких предварительных обсуждений каких бы то ни было вопросов, признание должно быть безусловное и безоговорочное»²⁶.

Официальное признание Советского правительства Великобританией и Италией укрепило его международный престиж, но не

повлияло на экономические позиции. Советско-итальянский торговый договор был подписан 7 февраля 1924 г. и ратифицирован месяц спустя²⁷. О своем намерении возобновить дипломатические отношения объявила Австрия. Через несколько недель Греция, Норвегия и Швеция заявили о признании Советского государства де-юре²⁸.

Однако большая группа европейских государств, которые все еще внимали подсказкам Франции, продолжали проявлять отчужденность. В частности, Франция сумела вбить клин в переговоры Советской России с Румынией. Извечно спорный вопрос о Бессарабии, из-за которого румынские делегаты не присутствовали на Московской конференции по разоружению в декабре 1922 г.²⁹, оказался и год спустя фатальным препятствием на переговорах о заключении торгового договора между двумя странами, которые происходили в Одессе³⁰. Этот вопрос стал, по сути, вопросом атомг — ргоре. Советское правительство хотя и не стремилось к немедленному пересмотру статус-кво, но официально и не отказывалось от своих претензий на Бессарабию. Румынское правительство не шло ни на какие уступки.

В этих условиях после многочисленных затруднений было достигнуто соглашение созвать в Вене в марте 1924 г. конференцию для поиска решений этой проблемы³¹. Но 12 марта французское правительство предприняло важный шаг, от которого до сих пор воздерживалось: оно представило в палату депутатов для ратификации договор от 28 октября 1920 г., по которому союзные правительства признавали суверенитет Румынии в Бессарабии. Этот акт, вызвавший энергичный протест Москвы³², был рассчитан на то, чтобы спровоцировать неуступчивость Румынии. Конференция состоялась в конце марта. Руководителем советской делегации был Крестинский. Однако через несколько дней после начала работы конференция была прервана: поводом послужил старый принципиальный вопрос. Последним шагом советской стороны было предложение о проведении плебисцита в Бессарабии, которое румынская делегация отклонила³³. Стало ясно, что успехи советской дипломатии в Европе достигли максимального предела и, до тех пор пока позиция французского правительства будет оставаться неизменной, новые достижения невозможны.

Проведенные 11 мая 1924 г. всеобщие выборы во Франции показали, что французские избиратели последовали примеру британских и во Франции произошел сдвиг влево. Пуанкаре уступил место коалиции радикалов и социалистов, которую возглавил Эррио. Подобная перемена фортуны возвестила о важных изменениях в политике Франции по отношению к Германии и Советской России.

Однако эти события, как и англо-советские переговоры, начавшиеся в апреле 1924 г., относятся к следующему периоду. Весной 1924 г. признание России Великобританией по-прежнему казалось решающим фактором для международной позиции Советского пра-

вительства и обозначало историческую веху, не менее впечатляющую по своему значению, чем первое англо-советское торговое соглашение, заключенное три года назад. Признание означало, как заявил на II съезде Советов СССР Каменев, «крушение всех основных сил, которые создавали Версальский мир и которые пытались нормы Версальского мира навязать всему человечеству как гарантию мира, свободы и материального благосостояния»³⁴. В тот момент, когда Советский Союз, по-видимому, достиг новой вершины политической, экономической и финансовой стабильности внутри страны, он в то же самое время был опять признан европейскими державами в качестве полноправного члена их круга.

Часть III
ТРИУМВИРАТ У ВЛАСТИ

ТРИУМВИРАТ ПРИХОДИТ К ВЛАСТИ

Кризис, потрясший партию в то время, когда Ленин находился при смерти в последние месяцы 1923 г., начался, вероятно, тогда, когда во второй раз в декабре 1922 г. резко ухудшилось состояние его здоровья. 20 ноября 1922 г. Ленин выступил последний раз с речью на пленуме Моссовета. Вскоре после этого состоялась его последняя беседа с Троцким, беседа, которой Троцкий впоследствии приписывал большое значение. Однако впервые он сообщил о ней примерно пять лет спустя. Ленин был в ужасе, страшая роста бюрократии в советском аппарате, что стало излюбленной темой его разговоров в то время. Троцкий резко возразил на это, что бюрократизм можно обнаружить не только в государственных, но и в партийных учреждениях. И Ленин в полусутильной форме предложил ему «блок: против бюрократизма, вообще, против Оргбюро в частности»¹.

12 декабря, следуя предписанию врачей после нового ухудшения состояния здоровья, Ленин удалился в свою квартиру в Кремле, где четыре дня спустя у него произошел второй удар, вызвавший паралич правой стороны. В промежутке между 12 декабря и вторым ударом Ленин написал несколько записок против предложения ослабить монополию внешней торговли². В течение последующих трех месяцев, несмотря на то, что Ленин не покидал своих апартаментов, он полностью сохранил свои умственные способности, писал статьи и записки личного характера о партийных и правительственных делах. Насколько можно установить, он не встречался ни с какими другими руководителями, а имел с ними только письменные контакты через записки, передаваемые с помощью Крупской³. Именно тогда он впервые ясно понял, что его дни сочтены, и его охватила тревога за будущее. 25 декабря 1922 г., через девять дней после второго удара, он продиктовал документ, известный в истории партии как «Завещание», которое часто цитировали в связи с частными вопросами, вместо того чтобы изучить его в полном объеме:

«Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости

нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшие Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности»⁴.

Кроме, вероятно, туманного и противоречивого суждения относительно Бухарина и одного неубедительного конкретного предложения об увеличении числа членов ЦК, Завещание не содержало указаний на симптомы слабеющей власти. Немногие ведущие члены партии были в то время достаточно проницательны, чтобы увидеть в Троцком и Сталине двух основных соперников, претендующих на власть, не принимая во внимание Зиновьева и Каменева, не говоря уже о Бухарине. Личные амбиции Троцкого и безрассудное использование власти Сталиным — эти сюжеты были затронуты слабо. В высшей степени проницательно был вскрыт главный недостаток, свойственный и Троцкому и Пятакову, — чрезмерное увлечение административной стороной дела в ущерб политической⁵. Однако, хотя Завещание и создавало впечатление предупреждения, оно не указывало никакого пути решения. В этом смысле в нем отсутствовало то, что партия привыкла ожидать от своего вождя.

Судя по Завещанию, Ленин понимал, что вскоре встанет вопрос о его преемнике, хотя в это время его работоспособность после второго удара постепенно восстанавливалась. 27 декабря он продиктовал записку членам Политбюро, в которой выразил частичное согласие, а частично и несогласие с предложениями Троцкого относительно функций и полномочий Госплана⁶. Затем, и до сих пор не понятно из каких конкретных побуждений, Ленин переключил свое внимание на грузинский вопрос. Еще с марта 1921 г., то есть с того момента, когда была образована Грузинская ССР и когда предложения Ленина о коалиции с меньшевиками были отложены в долгий ящик⁷, Ленин проявлял беспокойство в отношении этой проблемы. Ситуация в Грузии отличалась тем, что создание там советской социалистической республики и ее вхождение в состав СССР — через Закавказскую федерацию в качестве промежуточного звена — осуществлялось менее гладко, и тем, что там Москва не только столкнулась с энергичной неприкрытой оппозицией со стороны местной коммунистической партии, но и навлекла на себя сильное недоверие в международном масштабе. Когда в конце лета 1922 г. Ленин оправился от первого удара, сообщения о поездке комиссии Дзержинского в Грузию и смещении Мдивани и Махарадзе⁸ снова вызвали его беспокойство, хотя уже с октября 1922 г. он стал по-прежнему решительно настаивать на подчинении ЦК Компартии Грузии решениям Москвы⁹. И только после того, как была одержана победа над оппозицией в Грузии и образована Закавказская Федеративная Советская Социалистическая Республика, подписавшая соглашение о вхождении в Союз, какое-то обстоятельство заставило Ленина изменить его позицию и в целом обострило его внимание к этой проблеме. 30 декабря 1922 г., через пять дней после того, как было написано Завещание и именно в тот самый день, когда делегаты РСФСР, Украинской, Белорусской и Закавказской Федеративной республик после торжественной речи Сталина проголосовали за создание

СССР и провозгласили свое заседание I съездом Советов¹⁶, Ленин продиктовал первое письмо, или памятную записку, по национальному вопросу, за которым на следующий день последовали еще два. В первых же строках он признался, что «сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично» в этот вопрос на более ранней стадии. «Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна». В чем может состоять преимущество единого государственного аппарата, когда существующий российский аппарат «насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину»? *

«Я думаю, — продолжал Ленин, — что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».

Орджоникидзе дошел до того, что применил физическое насилие, а Дзержинский слишком легко примирился с этим. Орджоникидзе нужно «примерно наказать», а Сталина и Дзержинского сделать «политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию».

В основном союз социалистических республик был необходим и его следовало поддерживать в военном и дипломатическом отношении (во всем советском государственном аппарате самым лучшим отделом был Наркоминдел, так как в него не был допущен ни один сколько-нибудь влиятельный человек из старой царской бюрократии). Следует, однако, проявить готовность к восстановлению «полной самостоятельности» других комиссариатов. Недостаток координации здесь будет являться меньшим злом, чем подрыв авторитета Советской власти в Азии «малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам»¹⁷. Четыре дня спустя, 4 января 1923 г. тяжелые раздумья большого вождя над этими вопросами вылились в еще одну записку. Он продиктовал добавление к Завещанию:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не ме-

* У Карра ошибочно: «буржуазную и царскую машину». — *Прим. ред.*

лось, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»¹².

Завещание вместе с добавлением к нему и памятной запиской по национальному вопросу оставались до поры в бумагах Ленина, держались в тайне и были известны только его жене и секретарю.

В январе 1923 г. Ленин продолжал работать с перерывами. Из беглых набросков, сделанных в этом месяце, сохранились две небольшие статьи (вернее два черновых варианта одной статьи) о кооперации, датированные 4 и 6 января, и статьи о записках Суханова о революции, незадолго до этого опубликованных в Берлине. Все эти документы были напечатаны в «Правде» через несколько месяцев, после последнего удара у Ленина¹³. Затем Ленин переключил свое внимание на народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин) — его наркомом со дня основания в 1920 г. по май 1922 г. был Сталин¹⁴ — и опубликовал 25 января 1923 г. в «Правде» статью «Как нам реорганизовать Рабкрин. (Предложение XII съезду партии)». В начале статьи он указал на «громадную трудность» задачи и упорно подчеркивал, что она «до сих пор не решена». Но поскольку вслед за этим Ленин выразил несогласие с мнением «тех товарищей», которые отрицают «пользу или надобность Рабкрина», и признал негодным весь «наш госаппарат, за исключением Наркоминдела», то в целом не создавалось впечатления, что единственным объектом критики был прежний наркомат Сталина. Статья заканчивалась предложением, которое было принято позже XII съездом партии, об усилении Рабкрина путем соединения его с Центральной контрольной комиссией партии¹⁵.

Однако 10 дней спустя, 6 февраля 1923 г., Ленин, все еще размышляя на эту тему, написал еще одну статью совершенно другого характера, в три раза большую по объему, чем предыдущая, — «Лучше меньше, да лучше»¹⁶. Она содержала неприкрытые ожесточенные нападки на всю деятельность и организацию Рабкрина¹⁷. Имя Сталина не упоминалось. Но первая же фраза статьи, в которой Ленин советовал «не гнаться за количеством и не торопиться», по существу, вторила его памятной записке от 30 декабря 1922 г., где критиковались «торопливость и администраторское увлечение» Сталина. Повторенное дважды в решительной форме обвинение в том, что «бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных», было недвусмысленно высказано в адрес генерального секретаря¹⁸.

Хотя еще не было известно о зародившейся у Ленина личной враждебности по отношению к Сталину, а в партии даже и не подозревали об этом, и Сталин там по-прежнему считался одним из самых преданных Ленину и самых нужных подчиненных, несмотря на это, статья, без сомнения, была направлена против Сталина. Ее публикация явилась бы для партии сообщением, свидетельствующим о том, что Сталин больше не пользуется доверием Ленина. Это обстоятельство объясняет чрезвычайные меры, которые были

предприняты, чтобы не допустить ее опубликования. Сначала была использована тактика оттягивания, но полные нетерпения записки Ленина, которые передавались через Крупскую, заставили Политбюро принять решение. Согласно Троцкому, все присутствовавшие на заседании Политбюро, кроме него (он называет еще Сталина, Молотова, Куйбышева, Рыкова, Калинина и Бухарина), вначале были против публикации. Однако поскольку Ленин продолжал настаивать, Куйбышев (третий член Секретариата после Сталина и Молотова) предложил напечатать поддельный номер «Правды» с этой статьей специально для Ленина. Это предложение привело в замешательство некоторых менее стойких его коллег. И лишь после того, как к ним присоединился опоздавший на заседание Каменев, который принял сторону Троцкого, Политбюро после некоторых колебаний согласилось на публикацию¹⁹. Статья «Лучше меньше, да лучше» была помещена в «Правде» 4 марта 1923 г. Для того чтобы, видимо, скрыть отсрочку и колебания Политбюро, она была датирована 2 марта²⁰.

В начале марта состояние здоровья Ленина снова ухудшилось. Он понимал, что не сможет присутствовать на предстоящем партийном съезде. 5 марта он направил Троцкому (из всех членов Политбюро, очевидно, только ему) памятную записку по национальному вопросу, составленную 30—31 декабря 1922 г., с объяснениями, что он не может положиться на «беспристрастность» Сталина и Дзержинского и в связи с этим просил Троцкого «предпринять защиту» его идей на съезде. Он также сообщил, что Каменев отправится в Грузию через два дня. На следующий день Ленин пошел в своих действиях гораздо дальше, чем когда-либо прежде, написав письмо Мдивани и Махарадзе, в котором обещал им свою поддержку и осудил «грубость» Орджоникидзе и «попустительство» Сталина и Дзержинского²¹. Это открытое осуждение коллег по Центральному Комитету партии (а в случае со Сталиным — по Политбюро) перед рядовыми членами было, без сомнения, нарушением партийной этики и грозило вызвать очень сильную нервозность и раздражение. Именно этим, очевидно, и был вызван инцидент, который, по всей вероятности, произошел вечером предыдущего дня и привел к тому, что Ленин в ночь с 5 на 6 марта 1923 г. написал письмо о разрыве «дружеских отношений» со Сталиным. Непосредственный повод для разрыва отношений, судя по всему, имел личный, а не политический характер. Сталин устроил перебранку с женой Ленина и, с точки зрения Крупской, повел себя оскорбительно. Письмо никогда не было опубликовано и не было показано ни одному непредубежденному человеку: тем не менее о его существовании было известно Каменеву, который сообщил об этом Троцкому²². Инцидент был бы незначительным, если бы не та обстановка политической подозрительности, в которой он произошел. Письмо в адрес Сталина и письмо грузинским товарищам, насколько известно, были последними документами, написанными Лениным.

9 марта 1923 г. третий удар снова вызвал паралич правой стороны, лишил речи и положил конец участию Ленина в общественных делах. В первом бюллетене от 12 марта сообщалось, что «в состоянии здоровья Владимира Ильича произошло значительное ухудшение» и «некоторое ослабление двигательных функций правой руки и правой ноги». На следующий день в бюллетене, помещенном в экстренном выпуске «Правды», говорилось, что «кроме слабости в правой руке и правой ноге было отмечено у Владимира Ильича также и некоторое расстройство речи». В тот же день заместитель председателя Совнаркома Рыков объявил о состоявшейся консультации с «авторитетами медицинской науки, приехавшими из Германии». Медицинское заключение было неутешительным, но в нем подчеркивалось, что «опасности рокового исхода нет» и что «по истечении некоторого срока возможно выздоровление»²³. В последующие несколько недель в прессе регулярно публиковались не сильно обнадеживающие бюллетени о состоянии здоровья Ленина, сначала ежедневно, затем со все более увеличивающимися интервалами. В те дни было широко распространено предположение, которое, вероятно, разделяли и ближайшие коллеги Ленина, о его по меньшей мере частичном выздоровлении после самого последнего удара, как это было до недавнего времени.

Тем временем партия готовилась отметить двадцать пятую годовщину со дня своего основания на съезде в Минске 1/13 марта 1898 г. Тезисы «К 25-летию юбилею Российской Коммунистической партии»*, опубликованные Центральным Комитетом в связи с этим событием, обрисовывали в общих чертах историю партии. Не был назван ни один партийный руководитель, кроме Ленина, и только в заключительной части тезисов сообщалось, что во время мировой войны «большевики во главе с Лениным и Зиновьевым выступают в международном масштабе как организаторы левых элементов международного социализма». Деятельность оппозиции, возглавляемой Зиновьевым и Каменевым, накануне Октябрьской революции и непосредственно после нее была обойдена молчанием. Однако была упомянута группа «левого коммунизма», которая противостояла Ленину в период Брест-Литовска, и оппозиционные группы, о которых говорилось в связи с X съездом партии, состоявшимся в марте 1921 г.²⁴ Документ был примечателен в двух аспектах: сдержанным отношением к Зиновьеву как к соратнику Ленина по руководству партией в критический период ее деятельности и намеком на определенное недоверие к тем, кто в прошлом находился в оппозиции к Ленину.

XII съезд Российской Коммунистической партии должен был состояться в марте 1923 г. Начиная с 1918 г. партийные съезды ежегодно созывались в марте. Тяжелое состояние здоровья Ленина

* В газете «Правда» этот документ был опубликован под заголовком: «25 лет Р. К. П. (Тезисы)». — *Прим. ред.*

и замешательство в Политбюро вызвали отсрочку XII съезда, который собрался 17 апреля — бóльшая отсрочка в таком важном деле, как партийный съезд, была бы непозволительна. Ситуация, в которой оказались партийные лидеры, представлялась неутешительной. Теперь стало очевидным, что отсутствие Ленина могло продолжаться неопределенное время. Были и такие, кто полагал, что оно будет постоянным. И даже наиболее оптимистически настроенные не могли ответить, восстановится ли здоровье Ленина и в какой степени. Сам факт существования Завещания и дополнений к нему оставался все еще неизвестным даже узкому кругу лидеров. Инцидент со статьей «Лучше меньше, да лучше» вызвал, без преувеличения, определенную неловкость, а памятная записка по национальному вопросу, которая имела хождение в Политбюро в марте 1923 г. и вскоре попала в руки других членов партии, показала, что Ленин еще способен наносить неожиданные и искусные удары. Эта неопределенность не рассеялась по мере приближения съезда.

Дополнительная проблема возникла из-за преобладавшего в партийных рядах беспокойства. Облегчение и энтузиазм, которые вызвал НЭП, уже прошли, и очевидный дефицит руководства в связи с отходом Ленина от дел рисовал политический горизонт все более мрачным. Несмотря на то, что претензии и требования двух, более или менее организованных оппозиционных групп — «Рабочей правды» и «Рабочей группы»²⁵ — носили преимущественно экономический характер, они неизбежно должны были выступать с критикой и такого явления, как образование партийной иерархии и ее поведение. «Рабочая группа», в частности, соединила свою экономическую программу с далеко идущими политическими требованиями: она, правда, выражала презрение к «борьбе за пятачок» и осуждала «всякую проповедь забастовок... с целью улучшения материального положения пролетариата в передовых капиталистических странах» как «вредную проповедь»²⁶. В Манифесте группы значительное место уделялось критике тактики единого фронта Коминтерна в капиталистических странах, при этом критика строилась на отрицании эффективности выдвижения ограниченных требований. Не допускалось никакого компромисса с буржуазией: партии пролетариата «со всей силой и энергией, на которую только способны, должны призывать... к войне» во всех ведущих капиталистических странах²⁷. Члены группы не верили в способность интеллигенции играть какую-либо заметную роль в партии и критиковали партийную бюрократию, которая обращалась с «серой массой» рабочих как с «материалом, из которого наши герои — коммунистические чиновники — будут строить коммунистический рай»²⁸. Энергично выдвигалось требование свободы слова для рабочих: «пусть буржуй молчат, но право на свободное слово пролетария, отстаивающего своею кровью власть свою, кто посмеет опаривать?»²⁹ Манифест заканчивался бескомпромиссной критикой существующего партийного руководства:

«Слой, занимающий ведущие позиции, очень тонок и, несмотря на частую смену должностей, остается все тем же или всецело замещается непролетарскими элементами.

Мы находимся перед лицом опасности превращения пролетарской власти в основательно окопавшуюся клику, которая воодушевлена общей волей сохранить в своих руках политическую и экономическую власть, конечно, под прикрытием самых благородных целей: «в интересах пролетариата, мировой революции и других возвышенных идей!»³⁰.

В „Воззвании”, опубликованном после XII съезда партии в апреле 1923 г. в качестве предисловия к Манифесту, было выражено недовольство тем, что правящая партийная группа „не может воспринимать критику, так как считает себя столь же непогрешимой, как Римский папа”³¹. Другой фрагмент Манифеста содержал вопрос, как бы пролетариат „не вынужден был вновь и вновь начинать борьбу, да, может быть, кровавую за свержение олигархий”³².

Группа „Рабочая правда” также выражала политическое недовольство, хотя в своих официальных заявлениях она не подражала несдержанному пафосу Манифеста Рабочей группы РКП.

Прежняя группа «децистов»³³ как таковая уже не воскресла. Но Осинский, самый известный из ее руководителей, продолжал критиковать организационное построение партии.

Все эти группы, какова бы ни была их исходная позиция, выступали против растущей концентрации власти в руках партийных лидеров и с позиций демократии или от имени рабочих выражали протест против злоупотребления этой властью.

На XII съезде партии получила хождение анонимная брошюра. Она призывала „все пролетарские честные элементы” и в партии и вне ее, примыкавшие к „децистам”, группе „Рабочая правда” или „рабочей оппозиции”, объединиться на основах Манифеста „Рабочей группы” РКП и выдвигала конкретное требование об исключении Зиновьева, Каменева и Сталина из Центрального Комитета партии³⁴.

Как и на двух предыдущих съездах над оппозицией внутри партии и в этот раз могла быть одержана победа, которая обеспечила бы сохранение единства партийного руководства. Это было главной проблемой, которая занимала умы тех, кто вел подготовку к съезду. Отсутствие Ленина сразу же обнажило потенциальное соперничество Троцкого и Зиновьева, двух наиболее очевидных кандидатов-преемников, и изолировало Троцкого в Политбюро, где он занимал исключительную позицию отчасти благодаря своим собственным способностям, отчасти также благодаря защите и поддержке со стороны Ленина. Личная вражда между Троцким и Зиновьевым нашла отражение и в политике. Троцкий начал критиковать некоторые аспекты НЭПа и стал решительным сторонником организации и поддержки промышленности. В этом смысле он оказался близок к тем оппозиционным группам, которые тре-

бовали защиты интересов промышленных рабочих в условиях НЭПа. Но он не мог апеллировать к этим группам не только из-за своей партийной лояльности, но и вследствие враждебного отношения к нему со стороны этих групп (или их предшественников) в период дискуссии о профсоюзах в 1921 г. Зиновьев, который ссыался на традиции НЭПа и „смычку” между крестьянином и рабочим, за что так страстно ратовал Ленин, мог рассчитывать на сотрудничество других главных членов Политбюро: Каменева, руководителя Московской партийной организации, и Сталина, ключевые позиции которого как хозяина всего партийного аппарата едва ли пока признавали. Разговоры о правящей *тройке* или триумвирате, состоящем из Зиновьева, Каменева и Сталина, уже имели хождение в партийных кругах в первые месяцы 1923 г.

Определяющим фактором в сложившейся ситуации было то, что и Сталин и Троцкий в это время уклонились от обострения отношений. Личные нападки Ленина, представлявшие до некоторой степени угрозу Сталину, а также явное желание Ленина найти в Троцком опору против него, ослабили позиции Сталина. Сталин гораздо глубже, чем тщеславный и неумный Зиновьев, осознавал опасность разрыва с Троцким при сложившихся обстоятельствах и был лично очень заинтересован в том, чтобы на съезде как можно меньше грязного белья стирали публично. Позиция Троцкого, который осознавал свою изоляцию и который вопреки всяким надеждам питал иллюзии на возвращение Ленина, была более сложной. Объяснение причин своего бездействия, которые он, вне всякого сомнения, честно изложил позднее в автобиографии, все же не свободно от некоторого желания оправдать себя и свою непредусмотрительность:

„Главным препятствием на этом пути было, однако, состояние самого Ленина. Ждали, что он снова поднимется, как после первого удара, и примет участие в XII съезде, как принял в XI. Он сам на это надеялся. Врачи обнадеживали, хотя все с меньшей твердостью. Идея „блока Ленина и Троцкого” против аппаратчиков и бюрократов была в тот момент полностью известна только Ленину и мне, остальные члены политбюро смутно догадывались. Письма Ленина по национальному вопросу, как и его Завещание, никому не были известны. Мое выступление могло быть понято, вернее сказать, изображено, как моя личная борьба за место Ленина в партии и государстве. Я не мог без внутреннего содрогания думать об этом. Я считал, что это может внести такую деморализацию в наши ряды, за которую, даже в случае победы, пришлось бы жестоко расплачиваться. Во всех планах и расчетах был решающий элемент неопределенности: это сам Ленин, со своим физическим состоянием. Сможет ли он высказаться? Успеет ли? Поймет ли партия, что дело идет о борьбе Ленина и Троцкого за будущность революции, а не о борьбе Троцкого за место больного Ленина?”³⁵

Аргумент являлся веским до тех пор, пока существовала разумная надежда на выздоровление Ленина. Однако создается довольно сильное впечатление, что пассивность Троцкого объяснялась частично отсутствием у него той политической интуиции и проницательности, которыми в избытке обладал Сталин. Троцкий бездействовал, потому что в отсутствие Ленина он осознал свою собственную беспомощность; и он нашел более или менее правдоподобное объяснение своего бездействия. Вследствие того, что Сталин и Троцкий, хотя и по разным причинам, решили избежать раскола в партийном руководстве, подготовка к съезду велась с особой предусмотрительностью.

Прежде всего предстояло решить, кто выступит с основным докладом Центрального Комитета; начиная с 1918 г. ежегодно с таким докладом выступал Ленин. Сталин сразу же предложил это сделать Троцкому. Последний, отклоняя столь лестное предложение, в свою очередь предложил обойтись без основного доклада и добавил, что „у нас с вами разногласия по хозяйственным вопросам”. При поддержке Калинина Сталин, преуменьшая имеющиеся разногласия, безуспешно пытался настоять на кандидатуре Троцкого в качестве докладчика³⁶. Дилемму разрешил Зиновьев, возвратившийся из отпуска. Предвкушая мантию Ленина на своих плечах, он сам вызвался выступить с докладом. В ходе предварительных дискуссий Сталин добился самого главного — соглашения не противоречить друг другу. Зиновьев был доволен получить мандат оратора, выступающего с основным докладом — главной речью на съезде. Сталин должен был делать содоклад по партийно-организационным вопросам, Троцкий взял на себя специальный доклад о промышленности, что дало ему возможность развивать тему, к которой он чувствовал большое расположение — планирование промышленности. В свою очередь Сталин, как и на X съезде, должен был выступать с докладом по национальному вопросу, который на этот раз стоял остро. Проекты основных решений, в соответствии с существующей практикой предоставлявшиеся вместе с текстами докладов, как обычно получили предварительное одобрение в Центральном Комитете партии и были опубликованы в „Правде” перед съездом³⁷. Подобная процедура влекла за собой коллективную ответственность руководителей за все доклады. Подразумевалось, что Троцкий воздержится от нападок на триумvirат, и триумvirат в свою очередь не будет нападать на него. Это соглашение свято соблюдалось на съезде всеми, за исключением Зиновьева. Не упоминая имени Троцкого, Зиновьев позволил себе косвенно покритиковать его концепцию планирования³⁸. Троцкий буквально воспринял соглашение и выступил на съезде только по теме своего доклада, по проблемам промышленности. Его молчание по национальному вопросу вопреки просьбе Ленина, выраженной в письме от 5—6 марта, видимо, явилось тогда самой значительной удачей Сталина³⁹.

XII съезд партии, состоявшийся в апреле 1923 г., был первым с 1917 г. съездом, на ход которого не оказывало влияние присутствие Ленина, и последним, происходившим при его жизни. На съезде не было достигнуто никаких сенсационных результатов, он был типичен для периода выжидания и интриг в борьбе за положение среди партийных лидеров. Важнейшие его черты, вероятно, обратили на себя мало внимания современников, тем не менее они стали предвестниками многих последующих явлений. Имя Ленина было на устах каждого докладчика; а те, кто имел весьма серьезные намерения побыстрее забыть самые последние высказывания Ленина, не скупясь расточали лстыивые похвалы его мудрости. Каменев, открывая съезд, искусно задал этот тон. „...мы знаем, — сказал он, — только одно противоядие против любого кризиса, против любого неверного решения: это учение Владимира Ильича”. Однако он добавил, что Ленин „не мог знать и не знает ни порядка дня нашего съезда, ни резолюций, подготовленных ЦК”, и таким образом дал понять, что все, написанное Лениным перед съездом, не имело непосредственного отношения к нему⁴⁰. Вполне естественно, что Зиновьев начал свою главную речь с напоминания делегатам о том, что на предыдущих съездах с подобной речью неизменно выступал Ленин:

„Когда мы ездили на эти съезды, мы прежде всего имели в виду послушать именно эту речь, так как мы заранее знали, что получим в ней не только ученный опыт прожитого времени, но получим твердые указания и на будущее. Вы помните, с какой жаждой мы выслушивали всегда эту речь, — жаждой, которая напоминает жажду человека, в летний знойный день припадающего к глубокому ясному ключу, чтобы напиться»⁴¹.

И в этом смысле, и в других отношениях Сталин отличался от своих коллег по триумvirату продуманной умеренностью, которая вызывала симпатии. В первые три месяца 1923 г. он только один раз выступил публично в „Правде” с длинной нравоучительной статьей. Основой для нее послужили лекции, прочитанные им в рабочем клубе и Рабоче-Крестьянском Коммунистическом Университете (Свердловском университете), которые Сталин охарактеризовал как «сжатое и схематическое изложение основных взглядов тов. Ленина»⁴². Оба доклада Сталина на съезде — организационный и по национальному вопросу — были строго посвящены теме, он не позволил себе никаких цветистых панегириков больному вождю и цитировал Ленина только для того, чтобы показать свои способности скромного ученика и толкователя⁴³. На торжественном заседании в честь 25-й годовщины образования партии, состоявшемся в Большом театре, на долю Каменева выпала роль продолжить начатое Зиновьевым и задать тон, который будет слишком хорошо знаком в последующее время:

„На этом съезде Владимир Ильич не мог присутствовать, но все то, что проделал уже съезд, показывает, что хотя физически Владимир Ильич не был в том зале, где заседал съезд, но идейно

и фактически он руководит этим съездом. Его заветы выполняли мы, принимая свои решения. С его учением сверялись каждый раз, когда перед нами становилась та или иная проблема, тот или иной трудный вопрос. Мысленно каждый из нас спрашивал себя: а как бы ответил на это Владимир Ильич?"⁴⁴

Эти фразы, произносившиеся на XII съезде, были подобны открытой тактовой черте в нотной записи симфонической музыки, которая указывала направление развития главной музыкальной темы⁴⁵.

Зарождение культа личности Ленина было вызвано необходимостью укрепить авторитет партийного руководства во имя единства партии. Зиновьев, вызвав в воображении делегатов ужасы возможной новой интервенции империалистических держав, которую они могли начать в расчете на отсутствие Ленина, громко и настойчиво потребовал, чтобы „в это время мы насчет единства партии не допускали ни малейшей двусмысленности, никаких кривотолков" и сформулировал принцип, о который сам споткнулся в скором времени:

„Всякая критика партийной линии, хотя бы так называемая „левая", является ныне объективно-меньшевистской критикой"⁴⁶. Место Ленина после его смерти может быть заполнено только „коллективной волей, коллективной мыслью, коллективной энергией и коллективной настойчивостью"⁴⁷. Критика Лениным Рабрина и его далеко идущее предложение о преобразовании этого наркомата были, по словам одного из делегатов, „чем-то вроде разорвавшейся бомбы"⁴⁸. Однако Сталин в своем организационном отчете заранее обезвредил возможные критические выступления, повторив и одобрив ленинскую критику бюрократизма. Наступило время, сказал Сталин, для подготовки „нового поколения будущих руководителей", и с этой целью необходимо „втянуть в работу ЦК новых, свежих работников и в ходе работы поднять их вверх, поднять наиболее способных и независимых"⁴⁹. Резолюция, которую он предложил на утверждение съезду и которая была принята единогласно, содержала ленинское предложение о слиянии Рабрина и существенно расширенной Центральной контрольной комиссии⁵⁰. Поскольку это предписание для нанесения удара по бюрократии было сделано самим Лениным, то любое утверждение в неадекватности или неэффективности его могло быть расценено как нелояльность по отношению к больному вождю.

Эти меры, однако, не полностью притупили критику. Диктаторская власть партийной бюрократии впервые стала основной мишенью нападок всех оппозиционных групп и всех недовольных. Возглавивший это наступление В. Косиор утверждал, что организационная политика Центрального Комитета делает единство партии невозможным:

„Основной вопрос, по моему мнению, заключается в том, что руководящая группа Центрального Комитета в своей организационной политике в значительной степени проводит групповую полити-

ку, — политику, которая, по моему мнению, сплошь и рядом не совпадает с интересами партии. Эта, товарищи, политика в первую голову проявляется в той организационной форме, в которой у нас происходят подбор и использование ответственных работников для советской и партийной работы. Десятки наших товарищей стоят вне партийной и советской работы. Эти товарищи стоят вне этой работы не потому, что они худые организаторы, не потому, что они плохие коммунисты, но исключительно потому, что в различное время и по различным поводам они участвовали в тех или иных группировках, что они принимали участие в дискуссиях против официальной линии, которая проводилась Центральным Комитетом”.

В качестве примера Косиор сослался на массовый переброс в другие места членов партии с Урала и из Петрограда через Учраспред ЦК⁵¹ после XI съезда партии и потребовал отменить резолюцию, принятую на X партийном съезде против внутрипартийных группировок. Она была продиктована исключительно обстоятельствами, вызванными кронштадтским кризисом, и „превратилась чуть ли не в систему управления нашей партии”⁵². Лутовинов заявил, что „не вся партия, а только лишь Политбюро является непогрешимым папой”, и отверг претензию Политбюро на „такое монопольное право, что мы спасем партию без участия всех членов партии”⁵³. Красин выразил недовольство тем, что „верхи нашей партии построены, примерно, так, как это было два десятка лет назад”, и высмеял предположение, что «какая бы то ни было тройка или пятерка заменит т. Ленина, и что мы „все оставляем по-старому”»⁵⁴. Преображенский настоятельно утверждал, что существует угроза централизации, и подробно остановился на обстоятельстве, вызывающем недовольство и ставшем ключевым вопросом внутрипартийной дискуссии: он заявил, что „приблизительно 30% всех секретарей наших губкомов являются, как это принято выражаться, „рекомендованными” Центральным Комитетом”⁵⁵.

Позже, когда на съезде обсуждался национальный вопрос, Раковский возобновил атаку на партийную бюрократию⁵⁶. Эти нападки создавали впечатление широко распространенной, но при этом распыленной и неэффективной оппозиции, которая не имела ни сплоченной организации, ни руководства, ни прежде всего определенной политической линии и тактического плана. В конце своей речи Косиор довольно неудачно высказался против каких-либо изменений в составе Центрального Комитета.

Съезд в целом не характеризовался критическим настроением. Ногин, бывший рабочий-текстильщик, член ЦК, имевший репутацию человека со здравым смыслом, изо всех сил старался похвалить Секретариат с большими достижениями в его технической работе со времени последнего съезда”⁵⁷. Немногие из делегатов, по-видимому, спешили отметить возросшую эффективность Секретариата и его влияние с того момента, когда год назад Сталин вступил в должность. Нечасто партийный съезд собирался в об-

становке такой охватившей многих неуверенности и недовольства. Тем не менее каждая резолюция съезда принималась единогласно лишь с незначительными поправками в тексте, одобренными Политбюро и Центральным Комитетом. В отличие от двух предыдущих съездов на этом съезде не было исключено ни одного члена партии, и даже не прозвучали угрозы об исключении из партийных рядов. Каковы бы ни были чувства личного недовольства, все же сказался заученный урок партийной дисциплины. Совершенно очевидно, что партийный руководитель, который смог добиться таких результатов, притом без всяких внешних проявлений своеволия, был силой, с которой приходилось считаться.

Тем не менее на съезде имели место две основные дискуссии, но не по организационному вопросу, а по докладам Троцкого о промышленности и Сталина по национальному вопросу. Ни одна из дискуссий не закончилась принятием заслуживающих внимания решений и не имела никаких конкретных последствий. Однако их значение заключалось в том, что они продемонстрировали равновесие сил партийных руководителей. Дискуссия о промышленности показала, что Троцкий в изоляции. Находясь в плену своего высокомерия, прошлой репутации и своего решения не нарушать единства Политбюро, он не мог примкнуть ни к так называемой „рабочей оппозиции“, ни к хозяйственникам. Когда Косиор в своей вызывающей речи заявил, что Троцкий остается „неиспользованным“, Троцкий был вынужден в силу взятых на себя обязательств проявить лояльность к коллегам; он назвал это замечание „неуместным“, и его изъяли из стенографического отчета⁵⁸.

Благодаря сделке между лидерами Троцкий смог, не отступая явно от взятых обязательств, представить съезду обоснованный обзор экономического положения и соответствующую резолюцию, в которой были воплощены принципы государственного планирования и государственной поддержки промышленности⁵⁹. Но эта победа существовала только на бумаге лишь до тех пор, пока Троцкий формально продолжал поддерживать официальную политику. Его слишком заметный отказ отстаивать свои претензии на роль лидера теперь, когда Ленин удалился от дел, удивило многих, главным образом тех, кто более других опасался со стороны Троцкого подобных действий. Его самоустранение по-прежнему воспринималось как тактический ход⁶⁰. Между тем разочарование, вызванное отказом Троцкого взять на себя инициативу, уменьшило его авторитет среди недовольных рядовых членов партии, тех, кто мог бы с таким рвением сплотиться вокруг него.

Заседания съезда, на которых рассматривался национальный вопрос, имели одну общую черту с теми заседаниями, где был заслушан доклад о промышленности и состоялось его обсуждение. Такое же формальное значение в обоих случаях придавалось основным принципам, которые никто не оспаривал, в то время как глубокие разногласия в вопросе об использовании этих принципов,

по возможности, оставались вне рассмотрения. Сталин пытался, как и в докладе по оргвопросам, обезоружить оппозицию тем, что откровенно и полностью принял критику Ленина, присвоив ее при этом себе. Точно так же, как и тогда, когда он изложил и поддержал предложения Ленина о реорганизации Рабкрина и тем самым уменьшил силу нападок в свой адрес, так и теперь он подчеркнуто одобрил предложение о двухпалатном ЦИК (которое он принял в штыки прошлой осенью, когда Ленин впервые поставил его на обсуждение) и нагло заявил, что без второй палаты, представляющей национальности, „нельзя в таком государстве управлять”⁶¹. Резолюция, предложенная Сталиным на рассмотрение съезда и единодушно принятая им, шла еще дальше в удовлетворении чаяний национальностей, чем все предыдущие партийные решения по этому вопросу. Махарадзе выступил с враждебной речью, в самом начале которой признал, что „безусловно в смысле теоретическом национальный вопрос не вызывает здесь никаких возражений”⁶². Однако он не смог по-настоящему сгладить столь усердно создаваемое Сталиным впечатление, будто грузинские претензии являются результатом мелочного местного национализма.

Самой существенной чертой дебатов, однако, было отношение к памятной записке Ленина от 30—31 декабря 1922 г. (которую на съезде, как правило, называли „письмом”). Президиум съезда принял по этому поводу решение не публиковать ее „в виду характера тех указаний, которые дал сам В. И.”. Но копии этого документа имели широкое хождение и, по откровенному признанию Зиновьева, его читали все делегаты⁶³. И хотя в целом соблюдалось соглашение не цитировать его, все же замечания многих делегатов выдавали их близкое знакомство с текстом этого документа. Мдивани, Махарадзе, представитель крымских татар Саид-Галиев — все они повторяли фразы из документа Ленина, а Махарадзе ссылаясь на более раннюю по дате переписку Ленина со Сталиным от 27 сентября 1922 г.⁶⁴ Бухарин, единственный из руководителей партии, поддержавший оппозицию, чем заслужил себе насмешливое прозвище „почетного грузина”, задавал вполне уместные вопросы: почему Ленин „с такой бешеной энергией стал бить тревогу в грузинском вопросе” и почему Ленин „не сказал ни слова в своем письме об ошибках уклонистов и, наоборот, все слова сказал, и четырехъяршинные слова сказал, против политики, которая велась против уклонистов”⁶⁵. Из всех защитников официальной политики только Енукидзе открыто выступил против письма Ленина. Но его попытка отрицать то обстоятельство, „что тов. Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать всецело их политику”, была пресечена отрывистой репликой Бухарина („Конечно, с этой целью”). Тогда Енукидзе выдвинул более разумную причину, сказав, что в тех частях письма, где Ленин писал о конкретных личностях, он „сделался жертвой односторонней неправильной информации”⁶⁶.

Но решающим было отношение Сталина к этому спорному вопросу, и оно заслуживает изучения как образец его метода. Сталин знал уязвимость своего положения. Он чувствовал острину каждого ленинского слова, нацеленного на него и в письме от 27 сентября, и в памятной записке от 30—31 декабря, и поступил в своей обычной манере: вывел себя из-под обстрела. Он уже негодовал по поводу обвинения его в „торопливости“, высказанном Лениным в более раннем письме, и в своем ответе выдвинул то же самое обвинение в адрес Ленина⁶⁷. В памятной записке от 30—31 декабря Ленин повторил свое обвинение; и теперь, когда Сталин был задет, он с характерным упорством пытался искусно возразить публично. Ссылаясь на еще более раннее предложение Ленина о Закавказской федерации, сделанное в ноябре 1921 г., он вспомнил, что по этому поводу ответил Ленину, призывая его „не торопиться“, и что Ленин дал согласие отсрочить осуществление этого решения на „2—3 месяца“⁶⁸. Именно Ленин, а не Сталин, проявил ненужную торопливость в деле с федерацией. В своей основной речи на съезде по национальному вопросу Сталин еще раз вернулся к этому язвительному слову: „Не случайно также, что тов. Ленин так торопился и так напирал на то, чтобы федерация была введена немедленно“⁶⁹. В той же речи он осторожно подчеркнул все пункты, по которым Ленин выступил против него в сентябрьском письме и декабрьской памятной записке. Ленин закончил предупреждением: „когда мы сами попадаем... в империалистические отношения к угнетаемым народностям“, то шанс мобилизовать Азию против „империалистов Запада, защищающих капиталистический мир“, будет упущен; Сталин в начале своей речи привел именно этот довод. Ленин требовал, чтобы основой союза было равенство республик; Сталин провозгласил, что основой союза являются „добровольность и правовое равенство“. Ленин, игнорируя опасность, грозившую со стороны местного национализма, на котором Сталин до сих пор сосредоточивал в основном свое внимание, много места уделил „великорусскому шовинизму“ „типичного русского бюрократы“; Сталин теперь тоже доказывал, что „в связи с нэпом у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, старающийся стереть все нерусское“ и что он „наш опаснейший враг, которого мы должны свалить, ибо если мы его свалим, то на $\frac{9}{10}$ свалим и тот национализм, который сохранился и который развивается в отдельных республиках“⁷⁰.

До сих пор Сталин не делал никаких конкретных ссылок на неопубликованную памятную записку Ленина. Однако, подводя итоги дискуссии, в ходе которой этот документ упоминался прямо и косвенно почти каждым оратором, Сталин в своем выступлении чрезвычайно хитроумно обратился к этой проблеме в свойственной ему манере, то есть испробовал околный путь. Он нашел повод, чтобы процитировать фрагменты из двух статей Ленина, написанных в 1914 и 1916 гг., предварив их тонко рассчитанными оправданиями: „Многие ссылались на записки и статьи Владими-

ра Ильича. Я не хотел бы цитировать учителя моего, тов. Ленина, так как его здесь нет, и я боюсь, что может быть, неправильно и не к месту сошлюсь на него. Тем не менее, я вынужден одно место аксиоматическое, не вызывающее никаких недоразумений, процитировать”.

И еще: „Позвольте мне и здесь сослаться на тов. Ленина. Я бы этого не сделал, но так как на нашем съезде есть много товарищей, которые вкривь и вкось цитируют тов. Ленина, искажая его, разрешите прочесть несколько слов из одной всем известной статьи тов. Ленина”⁷¹.

Вслед за основным выступлением, в котором Сталин с такой педантичной точностью следовал Ленину, это цитирование работ Ленина явилось блестящим тактическим ходом. Претензия Сталина называться учеником Ленина одновременно была и безупречной и скромной. Какой бы строгой ни была критика больного Ленина по поводу второстепенных ошибок стойкого и преданного ученика, эта критика была несущественной, и Сталин мог легко оправдаться. Тактично и с честью Сталин выпутался из положения незаслуженно оскорбленного и создал себе репутацию скромного, обладающего здравым смыслом человека. Троцкий полностью уклонился от участия в дискуссии по национальному вопросу. Он сослался на занятость работой над поправками к составленной им резолюции по промышленности⁷². И на этот раз он не был склонен присоединиться к борьбе.

Характер XII съезда и его место в истории партии были полностью predetermined отсутствием Ленина в условиях, которые делали его возможное возвращение к делам проблематичным: этот съезд состоялся в условиях междуцарствия. По существу, его решения фактически сводились к реорганизации Рабкрина и увеличению количества членов ЦК до 40 человек и „кандидатов в члены” до 15—20⁷³. Основные резолюции отличались большей частью банальным изложением согласованных принципов, и лишь случайные обороты фразы в формулировках этих принципов обнаруживали или, наоборот, скрывали существующие подспудные конфликты и соперничество. Задача съезда заключалась в том, чтобы оттянуть время до выяснения вопроса о преемнике. Пока же требовалась временная власть, которая могла бы заполнить образовавшийся вакуум. Выступив с докладом в день открытия съезда, Зиновьев недвусмысленно предложил себя на роль заместителя Ленина. Но Зиновьев не мог стремиться и не стремился править в одиночку; а необходимость иметь оборонительный союз против предполагаемых амбиций Троцкого всегда присутствовала в мыслях „старых большевиков”. Именно Зиновьев настаивал на необходимости заменить „компетентное слово Владимира Ильича” на „коллективную волю, коллективную мысль, коллективную энергию и коллективную настойчивость”. Угрозе диктатуры Троцкого — советского Бонапарта — необходимо было противопоставить диктатуру партии. В своих планах Зиновьев при поддержке Петро-

градской партийной организации мог рассчитывать на помощь всегда услужливого и не имевшего личных амбиций Каменева, возглавлявшего Московскую парторганизацию, и на Сталина, который пока был фигурой меньшего значения, но имел вес благодаря умелому руководству Секретариатом партии. Бухарин, единственный руководитель того же уровня и престижа, был больше теоретиком, чем политиком, и к тому же в тот момент находился в оппозиции к Сталину по национальному вопросу. Временный триумvirат в составе Зиновьева, Каменева и Сталина (именно в такой последовательности) заметно оформился еще перед съездом. Любая оппозиция на съезде, какой бы ни была ее политическая окраска, была направлена против триумvirата, либо в его полном составе, либо против отдельных его членов. Анонимная платформа, авторы которой предлагали исключить Зиновьева, Каменева и Сталина из Центрального Комитета⁷⁴, отражала тайные стремления всех оппозиционных групп.

Сталин был самой слабой и уязвимой фигурой в триумvirате отчасти в силу только недавно приобретенного положения, отчасти из-за последних нападков на него Ленина. Было нетрудно представить себе ситуацию, в которой соблазн упрочить свои собственные позиции толкнул бы Зиновьева на разрыв со своим непопулярным партнером. Следовательно, оформление власти в форме триумvirата и поддержание более тесных связей между его членами отвечало прежде всего интересам Сталина. Именно с этой целью он действовал без устали, не привлекая особого внимания, и в период до съезда и в ходе его. Раздраженное выступление Осинского с критикой Зиновьева дало Сталину нужный повод:

„Я не могу, товарищи, пройти мимо той выходки тов. Осинского, которую он допустил, — некрасивой выходки, неприличной, — которую он допустил в отношении тов. Зиновьева. Он похвалил тов. Сталина, похвалил тов. Каменева и лягул тов. Зиновьева, решив, что пока достаточно отстранить одного, а потом дойдет очередь и до других. Он взял курс на разложение того ядра, которое создалось внутри ЦК за годы работы, с тем, чтобы постепенно, шаг за шагом, разложить все. Если он серьезно думает преследовать такую цель, если тов. Осинский серьезно думает предпринять такие атаки против того или иного члена ядра нашего ЦК, я должен его предупредить, что он наткнется на сплошную стену, о которую, я боюсь, он расшибет себе голову. Пусть пожалеет себя тов. Осинский”⁷⁵.

О том, насколько сильно этот эпизод польстил тщеславию Зиновьева, говорит тот факт, что он вспомнил эти слова и процитировал их через два с половиной года, в момент, когда Сталин порвал с ними⁷⁶. Тогда же, на XII съезде, он уплатил долг, хотя и в более холодных выражениях, выступив в поддержку сталинской резолюции по национальному вопросу. Приобретенный в ходе съезда опыт сильнее сплотил членов триумvirата, в основе которого лежал страх перед Троцким, усилившийся нападками оппо-

зии; тот же опыт укрепил положение Сталина, который, чтобы стать равным партнером, действовал с большим упорством и вел себя более благоразумно, чем его коллеги. После XII съезда (апрель 1923 г.) уже было невозможно относиться к Сталину, как к второстепенной фигуре в партийной иерархии.

Лето после XII партийного съезда было временем кажущегося затишья в партийной жизни. Это был в полном смысле слова период междоусобицы, когда старая власть потеряла свою силу, а природа и характер власти, идущей на смену, были еще непредсказуемы. Между тем любая попытка занять кресло, которое реально еще не освободилось, могла спровоцировать враждебную ревность со стороны других возможных претендентов, а в глазах рядовых членов партии она выглядела бы непристойной и беспардонной. Съезд наделил триумvirат руководящей властью на период длительного отсутствия Ленина. Вопреки всему Троцкий все еще продолжал надеяться на выздоровление Ленина и поэтому не бросал вызова триумvirату. А так как он воздержался, то и никто другой, не имея достаточно сильных позиций, также не выступал. Началась борьба, которой Ленин столь опасался и которую предсказывал в своем Завещании, и этот нарыв разъедал партийную дисциплину; внешние проявления борьбы были незаметны, так как еще был жив больной вождь; конкуренты, стремившиеся к одной и той же цели, продолжали сохранять вежливость в полемике и последние следы лояльности, хотя напряженность в их отношениях росла. Приведем анекдотический случай, имевший место в то время, который иллюстрирует, с одной стороны, состояние постоянного раздражения Троцкого, скрываемого под маской официальной сдержанности, и, с другой стороны, осторожность Сталина, его отказ подать хоть малейший повод для провокации в его адрес и стремление самому не поддаваться ни на какие провокации. После бурных дебатов Политбюро одобрило ответ на ультиматум Керзона, который был составлен на основе проекта Троцкого с учетом многочисленных поправок, внесенных его коллегами. Два секретаря Сталина недобросовестно подготовили окончательный вариант текста; и Троцкий не преминул воспользоваться случаем, чтобы покритиковать некомпетентность секретариата Сталина, что, по-видимому, вылилось в долгое обсуждение членами Политбюро вопроса о работе с секретными документами. Сталин с должным смирением уволил провинившихся секретарей и назначил на их место Бажанова, который несколько лет спустя уехал из Советской России и описал этот эпизод в своих мемуарах⁷⁷.

Летом 1923 г. усиливающаяся власть Сталина заметно продемонстрировала свою силу, нанеся удар в сфере, безраздельно принадлежавшей Сталину. Татарский большевик Султан-Галиев, школьный учитель из Казани, в первые дни революции был членом коллегии наркомата по делам национальностей и возглавлял его

мусульманский комиссариат. В то время он явно принадлежал к тем „руссифицированным не-русским“, интернациональное мировоззрение которых делало их самыми стойкими сторонниками политики централизации⁷⁸. Он оставался преданным слугой Москвы в период 1919—1920 гг.; во время волнений в восточных пограничных районах был заклятым врагом Валидова и других национальных лидеров, которые слишком настойчиво выдвигали требование независимости мусульманского народа и обвинялись в буржуазном национализме; по-видимому, он был связан с возникшим в 1920 г. движением за более широкую веротерпимость мусульманской религии и ее культовых учреждений⁷⁹. И только по мере того, как в восточных пограничных районах и в Средней Азии начал упрочиваться новый режим и появилось такое зло, как великорусский шовинизм, Султан-Галиев изменил свою линию, став поборником прав угнетенных мусульманских народов, и пытался помогать совместным действиям их лидеров и выразителей их интересов в партии в целях обеспечения более широкой автономии. Вследствие этого он быстро попал под подозрение Москвы, особенно после инцидента с грузинскими большевиками во второй половине 1922 г. Весной 1923 г. ГПУ перехватило письмо Султан-Галиева к его друзьям в Уфе, в котором он выражал недовольство по поводу того, что „политика советского правительства в отношении не-русских народов едва ли вообще отличается от политики великодержавного шовинизма“ и что „обещания, данные в 1917 г., остались лишь словами“. Автор предлагал вести переговоры с „казахами и населением Туркестана“ и „предпринять вместе с ними совместные действия на предстоящих съездах партии и сессиях исполкома“⁸⁰. Султан-Галиев был арестован; он был первым видным деятелем партии, который подвергся подобному наказанию за политическое преступление. Прецедент был примечательным и полезным для будущего. Есть сведения, что Сталин хотел заручиться и заручился поддержкой Зиновьева и Каменева, прежде чем пойти на этот шаг⁸¹.

В начале июня 1923 г., для того чтобы предать гласности падение Султан-Галиева, извлечь надлежащие уроки и предостеречь других от аналогичных действий, было созвано совещание ЦК партии „с ответственными работниками национальных республик и областей“⁸². Куйбышев, председатель Центральной Контрольной Комиссии, в ведении которой находились вопросы партийной дисциплины, был основным докладчиком по делу Султан-Галиева. Сталин делал общий доклад по национальному вопросу и, помимо этого, много выступал по делу Султан-Галиева. С некоторым налетом иронии Сталин признал справедливость обвинения, высказанного ему „левыми“ в том, что в прошлом он защищал Султан-Галиева, так же как ранее он защищал Валидова. Эти уступки местному национализму, эта политика „терпимости и предусмотрительности“ была продиктована надеждой, что националист „сделается марксистом“; она также была необхо-

дима для сплочения местных партий. Естественно, что Султан-Галиев не присутствовал и не мог выступить в свою защиту. Но Сталин продолжил нападки персонально на тех делегатов, которые, выступая с разоблачениями предательских действий Султан-Галиева, не отмежевались достаточно решительно от его взглядов. Свою речь Сталин закончил пространным рассуждением на тему о среднем пути между „правым” и „левым” уклонами, которые сослужили самому Сталину хорошую службу на последнем этапе его собственной карьеры. В национальных республиках и областях, как показало „дело Султан-Галиева”, для „правых” существует опасность соскользнуть на контрреволюционные позиции; формой меньшевизма „правых” был национализм. „Левые” возражали против необходимых и законных уступок буржуазно-демократическим элементам, которые проявили лояльность к советскому строю.

„Если правые грозят тем, что они своей податливостью к национализму могут затруднить рост наших коммунистических кадров на окраинах, то „левые” грозят партии тем, что они в увлечении своим упрощенным и скоропалительным „коммунизмом” могут оторвать нашу партию от крестьянства и широких слоев местного населения”.

Чтобы соответствовать существующему стилю партийного руководства, Сталин проявлял осторожность; свою политику в национальном вопросе он соединил с умиротворением крестьянства, осудив своих противников как меньшевиков ⁸³.

Резолюция, принятая совещанием „по делу Султан-Галиева”, еще в большей степени, чем речь Сталина стала знаменательным предвестником будущих событий. Обвинения против Султан-Галиева сводились к тому, что он создал внутри партии „нелегальную организацию для противодействия мероприятиям центральных партийных органов”; что деятельность этой организации была направлена „в сторону подрыва доверия ранее угнетенных национальностей к революционному пролетариату”; что он пытался распространить свою организацию за пределы Советского Союза, „стремясь связаться со своими сторонниками в некоторых восточных государствах (Персия, Турция)”, что „антипартийные и объективно контрреволюционные задачи, поставленные Султан-Галиевым, и сама логика антипартийной работы привели его к предательским поискам союза с явно контрреволюционными силами”, среди которых были особо выделены басмачи и Валидов. В резолюции был сделан следующий вывод: „Преступные действия Султан-Галиева по отношению к партии и ее единству, а также по отношению к Советской республике, подтвержденные его собственным полным признанием, ставят его вне рядов коммунистической партии”. Ни о каком ином наказании не говорилось; оставшая часть резолюции была посвящена тем мерам, которые должны быть приняты партией, чтобы оградить ее от повторения подобных инцидентов ⁸⁴. Можно предположить, что в отношении

сторонников и сообщников Султан-Галиева также были предприняты дисциплинарные меры. Но в тот период не было ни малейшего намека на пан-тюркистские амбиции и стремление создать обширное татаро-турецкое государство, которое начиналось бы от берегов Волги, охватывая территорию всей Средней Азии, в чем впоследствии обвинялся Султан-Галиев⁸⁵.

Среди вопросов, затронутых в основном докладе Сталина и в резолюции совещания, была отмечена проблема продолжающегося недовольства украинцев в связи с общегосударственной конституцией СССР⁸⁶. Поскольку комиссия по составлению проекта конституции получила от партийного съезда четкие директивы относительно внесения в текст окончательных поправок, то, естественно, что совещание не имело на этот счет никаких полномочий. Тем не менее в прениях этот вопрос был поднят Раковским и Скрыпником, что при подведении итогов обсуждения встретило резкое возражение Сталина⁸⁷. Раковский являлся председателем Совнаркома Украинской ССР и главным защитником требований Украины в ходе обсуждения конституции; он также поддержал Троцкого в ЦК партии, выступившего против возобновления монополии на торговлю водкой⁸⁸. В июле 1923 г., через месяц после совещания представителей национальностей и через несколько дней после официального вступления в силу Конституции СССР, Раковский был назначен советским представителем в Лондоне вместо Красина⁸⁹. Это было разумное назначение: среди большевистских руководителей немногие располагали столь очевидными данными для дипломатической работы в странах Западной Европы. Это не являлось также чем-то необычным для правительства, которое для работы за границей останавливало свой выбор на видных деятелях, чьи взгляды или яркая индивидуальность, возможно, могли привести к разногласиям дома. Никого не удивило, что Крестинский после того, как на X съезде в марте 1921 г. он был выведен из Секретариата ЦК⁹⁰, оказался направлен с миссией в Германию и позже стал советским представителем в этой стране. Но члены партии уже начинали осознавать степень концентрации власти в руках Сталина, так как он нес ответственность за основные назначения, и догадывались, с каким неослабным умением и основательностью эта власть будет употреблена. С этой точки зрения назначение Раковского в Лондон, возможно, впервые вызвало широкий резонанс. Осинский, обративший на себя внимание на XII партийном съезде своим критическим выступлением против триумвирата, примерно в то же самое время был направлен советским торгпредом в Швецию.

Летом 1923 г. произошел инцидент, который получил среди членов партии печальную известность; тогда он остался без последствий, но в будущем сыграл зловещую роль. Несмотря на явную гармонию между членами триумвирата, Зиновьев все же не был абсолютно слеп, чтобы не видеть усиление власти Сталина вследствие принадлежавшего тому исключительного права конт-

роля за деятельностью Секретариата и преобладающего положения в Оргбюро. При больном Ленине, когда он находился в стороне от дел, Секретариат превратился в нечто полностью отличающееся от того Секретариата, который ранее работал под его неусыпным наблюдением. Обнаружив опасность, Зиновьев избрал самый нелепый способ противостоять ей. В то время когда в августе — сентябре 1923 г. основная часть руководителей находилась на отдыхе на Кавказе, он пригласил некоторых видных партийных деятелей на встречу, которая состоялась в одной из пещер близ Кисловодска. Среди присутствующих, насколько известно, кроме Зиновьева, были Бухарин, Евдокимов, Лашевич и Ворошилов. Здесь Зиновьев предложил план „политизировать” Секретариат и установить над ним контроль со стороны Политбюро: ввести двух заместителей Сталина одного с ним ранга для укрепления его положения. Одним из заместителей должен был быть Троцкий, другим — Зиновьев, или Каменев, или Бухарин. Каково было мнение гостей Зиновьева относительно этого проекта, осталось неизвестным.

Но через несколько дней после этой встречи Зиновьев передал Орджоникидзе, который направлялся в Москву, а затем в Германию на лечение, письмо для Сталина, содержавшее основные положения проекта⁹¹. Сталин, более чем достойный противник для такой неуклюжей дипломатии, ответил, по словам Зиновьева, телеграммой „грубовато-дружеского тона”, в которой выразил предположение о каком-то возможном недоразумении; вскоре после этого Сталин прибыл в Кисловодск для переговоров с Зиновьевым и Бухариным. Через небольшой промежуток времени был достигнут компромисс. Сталин сохранил свои позиции в Секретариате неизменными. Но Зиновьев, Троцкий и Бухарин приглашались на заседания Оргбюро. Сталин знал, как надо организовывать дела. Зиновьев побывал на одном или двух заседаниях Оргбюро и, не заметив ничего достойного для возражений или для вмешательства, больше не появлялся там. Троцкий же и Бухарин вообще считали нецелесообразным присутствовать на этих заседаниях. В отличие от Зиновьева Троцкий едва ли осознавал серьезность проблемы⁹².

Наивный план Зиновьева по обузданию власти Сталина провалился, больше о нем ничего не было слышно. Инцидент лишь способствовал росту самоуверенности Сталина и усилению его презрительного отношения к способностям его же коллег по триумvirату. До определенного момента инцидент не имел последствий. Тройка сплотилась еще теснее благодаря общему интересу: поединку с потенциально более грозным противником — Троцким⁹³.

ГЛАВА 12

НАПРЯЖЕННОСТЬ И СТРЕСС

Осенью 1923 г. кризис в партии начался как незначительная вспышка недовольства в периферийных и низовых партийных организациях; он достиг апогея с появлением открытых разногласий среди руководящей верхушки. Обе эти стадии отражали напряженность и стрессы, связанные с нерешенной экономической дилеммой; в них также проявилась повсеместно распространенная тревога, вызванная ростом влияния партийной бюрократии и усилившейся тенденцией подавлять различия во взглядах внутри партии или решительно скрывать их. По мере углубления кризиса возникали вопросы, связанные с пониманием «партийной демократии», и они становились важнее экономических проблем, которым в конечном счете они были обязаны своим появлением. Недовольство рядовых членов партии было продолжением или рецидивом явлений, вскрытых в 1921 и 1922 гг. «рабочей оппозицией», группой Мясникова, московским дискуссионным клубом и «Декларацией 22-х»¹: действительно, много известных имен всплыло снова в качестве участников новых группировок. Не было предпринято никаких шагов для разъяснения двусмысленности резолюции X съезда о единстве партии, которая строго запрещала всякие формы фракционной деятельности и в то же время подразумевала принцип демократии в партийной жизни.

Из двух нелегальных групп, действовавших в партийных кругах ко времени XII съезда партии (апрель 1923 г.), наибольшим упорством отличалась «Рабочая группа» Мясникова и Кузнецова, и именно на нее обрушились первые официальные репрессии. Исключение Мясникова из партии в 1922 г. за «фракционность» делало его особенно уязвимым. Он был арестован в конце мая 1923 г. органами ГПУ. Руководителем группы стал Кузнецов, исключенный из партии несколькими неделями позже Мясникова. Третий автор Манифеста группы, Моисеев, как член партии, имевший чистую репутацию, в этот момент отошел от участия в дальнейшей деятельности.

В начале июня 1923 г. в Москве состоялась конференция группы, где было избрано Московское бюро. Оно вступило в переговоры с теми, кто примыкал к прежним оппозициям, особенно с Коллонтай, Шляпниковым, Медведевым, Лутовиновым и Рязано-

вым; однако это не привело ни к каким заметным результатам. Бюро установило контакты с группами недовольных промышленных рабочих в провинциальных центрах. Оно надеялось на поддержку из-за границы: со стороны лидера левых в КППГ — Маслова. Заявляя о своей верности программе партии², члены группы давали клятву противостоять «всем попыткам свергнуть Советскую власть», что, вероятно, было вызвано кризисом в связи с ультиматумом Керзона.

В июле и августе в промышленных районах прокатилась волна недовольства и забастовок. Эти обстоятельства открывали новые перспективы. Они заключались в появлении возможности трансформации экономических требований рабочих в политические. На обсуждение был поставлен вопрос об организации массовой демонстрации рабочих, как в случае с петицией к царю в Кровавое воскресенье 9 января 1905 г.³ К этому времени ГПУ уже знало об основных нитях «заговора», и в сентябре 1923 г. Кузнецов и еще 20 членов группы (общее число членов в Москве составляло приблизительно 200 человек) были арестованы. Из 28 человек, в конечном счете привлеченных по этому делу, пятеро уже были исключены из партии; было вынесено решение исключить еще девять человек; оставшиеся 14 отделались выговором⁴. Мясников после своего ареста в мае был освобожден и получил разрешение выехать в Германию. По возвращении оттуда осенью он был вновь арестован. Однако, по-видимому, после нескольких месяцев содержания под арестом и Мясников, и Кузнецов были освобождены. Несколько позже аналогичные наказания последовали относительно группы «Рабочая правда»: семь членов этого «коллектива» и шесть оказывавших содействие были исключены из партии⁵.

Никто из руководящих деятелей партии не относился всерьез к «Рабочей правде» и «Рабочей группе», и их рассматривали лишь как второстепенный рецидив квазисиндикалистского «уклона» в партии, который время от времени начиная с 1917 г. давал о себе знать. Но это был симптом, и он приковал внимание к растущим волнениям в промышленности, усилил чувство тревоги среди рядовых коммунистов и среди самих вождей⁶. Центральный Комитет забил тревогу. Именно Дзержинский, бывший председатель ГПУ, никогда не принадлежавший ни к какой оппозиции, теперь утверждал, что «мертвенность партии, мертвенность внутренней ее жизни, господство назначенства вместо выборности — становятся политической опасностью и парализуют нашу партию в деле политического руководства рабочим классом»⁷.

В результате в сентябре 1923 г. Центральный Комитет принял решение создать три комиссии: о «ножницах», о заработной плате, о внутрипартийном положении⁸. Последнюю комиссию возглавил Дзержинский. Позже Сталин сыграл на том обстоятельстве, что и Троцкий, и те, кто спустя время самым активным образом критиковали политику ЦК (Преображенский и Сапронов), отсутствовали в тот момент и находились в Москве, когда принималось

это решение, и что комиссии были созданы исключительно по инициативе большинства⁹.

Троцкий, однако, прибыл вовремя для того, чтобы предотвратить принятие другого решения, предложенного, по-видимому, Центральному Комитету на том же пленуме, решения о реорганизации Реввоенсовета Республики, председателем которого с момента его основания в апреле 1918 г. (тогда — Высший Военный Совет) был Троцкий. Это оказалась не первая попытка соперников Троцкого, предпринятая для подрыва его по-прежнему непрерываемого авторитета в Красной Армии. В результате преобразований в Реввоенсовете, проведенных в июле 1919 г., в разгар гражданской войны, в него были введены Смирнов и Гусев. Оба являлись членами военной фракции, находившейся в оппозиции к Троцкому¹⁰.

Теперь же было предложено преобразовать и укрепить Совет, введя в его состав нескольких членов Центрального Комитета партии, в том числе Сталина. Троцкий столь решительно выступил против нового предложения, что оно не прошло. Тем не менее тогда же новыми членами Реввоенсовета были назначены Лашевич и Ворошилов. Лашевич, бывший унтер-офицер царской армии, отличился в период военной подготовки Октябрьского переворота, Ворошилов — во время партизанской войны на Украине. В ходе внутрипартийных разногласий в годы гражданской войны возникла неприязнь Троцкого по отношению к обоим, они платили той же монетой. Новому назначению Лашевич был, по-видимому, обязан своему патрону — Зиновьеву, Ворошилов — Сталину¹¹.

Сразу же после пленума Центрального Комитета, на котором произошли эти важные события, в октябре 1923 г. началась переписка Троцкого с Центральным Комитетом; 15 октября возникла «платформа 46-ти» и вскоре революция в Германии потерпела поражение. Разногласия, впервые открыто проявившиеся в дискуссии об экономической политике, теперь вышли за пределы этого вопроса и вылились в борьбу за контроль над партией. Письмом Троцкого в адрес ЦК от 8 октября 1923 г., экономические разделы которого уже цитировались выше¹², началась атака на партийное руководство изнутри самого Политбюро. В качестве отправного момента была избрана рекомендация комиссии, руководимой Дзержинским. Согласно этой рекомендации, было необходимо обязать членов партии, располагавших сведениями о группировках в партии, официально сообщить их ГПУ, ЦК и ЦКК.

Уже одно то, что сочли необходимым говорить о подобной элементарной обязанности, казалось Троцкому явным доказательством существующего «в корне неправильного и нездорового внутрипартийного режима», что и было одной из главных тем его письма. «Очень многие члены партии, отнюдь не худшие, — пишет Троцкий, — с величайшей тревогой отнеслись к тем способам и приемам, при помощи которых созывался XII съезд партии»¹³; после XII съезда положение еще более ухудшилось. Далее, касаясь недостатков в экономической политике, Троцкий вновь вер-

нулся к партийным делам и выступил с критикой методов назначения Оргбюро партийных работников, особенно на значительные посты: они назначались не с учетом достоинств работников, а «прежде всего, под тем углом зрения, в какой мере они могут содействовать или противодействовать поддержке того внутрипартийного режима, который — негласно и неофициально, но тем более действенно — проводился через Оргбюро и секретариат ЦК». Несколькими едкими фразами Троцкий высветил суть проблемы «назначенства» в сравнении с выборами работников на ответственные посты в партии: даже в самые тяжкие дни гражданской войны практика «назначенства внутри партии» не имела и на 1/10 того распространения, что в настоящее время¹⁴. «Создаваемый сверху вниз секретарский аппарат» сосредоточил в своих руках все нити, и участие масс в формировании партийной организации стало «призрачным». За последний год-полтора усилению формировалась «секретарская психология, главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решать все и всякие вопросы...». Недовольство в партийных рядах аппаратом секретарей неизбежно должно было обратиться против старых большевиков, с которыми отождествляли этот аппарат.

Троцкий заявлял протест против предпринятого недавно вмешательства в военную сферу и привел циничное заявление в его адрес, якобы сделанное Куйбышевым: «Мы считаем необходимым вести против вас борьбу, но не можем объявить вас врагом; вот почему мы принуждены прибегать к таким методам». В заключение Троцкий выдвинул требование заменить «секретарский бюрократизм» «партийной демократией» — «в тех, по крайней мере, пределах, без которых партии грозит окостенение и вырождение». Письмо Троцкого заканчивалось угрозой. Он писал, что в течение полутора лет он боролся против «ложной политики» и при этом уклонялся вынести разногласия за узкие рамки ЦК партии. Эти ограниченные действия не принесли никаких результатов и грозят возникновением «кризиса исключительной остроты». Теперь он считает себя свободным от обязательств и может открыть факты «каждому члену партии, которого я считаю достаточно подготовленным, зрелым, выдержанным и, следовательно, способным помочь партии выйти из тупика без фракционных судорог и потрясений»¹⁵.

Письмо произвело на членов ЦК эффект разорвавшейся бомбы. Ровно через неделю получила хождение «платформа 46-ти». Отсутствуют какие-либо свидетельства о негласном соглашении между Троцким и авторами платформы. Группа, которая сформировалась вокруг Троцкого еще в период дискуссии о профсоюзах в 1920—1921 гг., распалась¹⁶; с тех пор он с особой педантичностью соблюдал решение X съезда партии, запрещавшее «фракционные группировки». Однако среди подписавших платформу были главным образом те, кто и раньше, и позже принадлежал к

ближайшим политическим сторонникам Троцкого¹⁷. Представляется неправдоподобным, чтобы они не информировали его о своих намерениях или не предложили ему присоединиться к группе. В том случае, если бы он примкнул к ним, он автоматически стал бы их лидером. То, что Троцкий остался в стороне, было проявлением его нерешительности и нежелания открыто бросить вызов триумvirату, пока еще выздоровление и возвращение Ленина к делам были возможны. Придерживаясь тактики критиковать в одиночку, он тем самым избегал возможного обвинения во «фракционности» и окончательно не сжигал свои корабли. В конечном счете от его ограниченных действий было мало пользы. Даже в том случае, если письмо Троцкого от 8 октября 1923 г. и «платформа 46-ти» были написаны и появились независимо друг от друга (как, видимо, и могло быть на самом деле), имеющих в обоих документах совпадений — в характерном содержании и даже в языке — было достаточно для чувствительных вождей партии, чтобы они могли втайне начать совместные наступательные действия. Но тот факт, что аналогичная жесткая критика исходила в одно и то же время из двух независимых друг от друга источников, явился даже более сильным симптомом широко распространенного в партии беспокойства.

«Платформа 46-ти» осудила «несоответствие партийного руководства как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений»: посвятив три абзаца экономическому и финансовому кризису, подписавшиеся обратились затем ко второй, основной своей теме¹⁸.

В документе содержалось описание «продолжающего расти и в настоящее время почти не скрываемого разделения партии на секретарскую иерархию и «тихий народ», на профессиональных партийных чиновников, назначаемых сверху, и основную партийную массу, которая не участвует в общественной жизни». Рядовые члены партии, не одобряющие происходящего, «боятся говорить об этом на партийных собраниях и тем более в беседе, если только собеседник не является с точки зрения «космотрительности» достаточно надежным». «Секретарская иерархия» все более открыто влияет на подбор участников конференций и съездов, «которые превращаются во все большем масштабе в собрания, исполняющие волю этой иерархии». (Это утверждение было созвучно критике Троцким подготовки XII съезда). Как утверждалось в документе, режим «диктатуры внутри партии» ведет начало от X партийного съезда, то есть с 1921 г. Некоторые из подписавших «платформу» полагали, что предпринятые тогда шаги были необходимы в качестве «временной меры»; другие с самого начала оценивали их «скептически или проявили негативное отношение». Однако теперь уже все сошлись на том, что ко времени XII съезда (апрель 1923 г.) «этот режим изжил себя».

Протест, содержащийся в «платформе 46-ти», был лишен действительности, благодаря двум обесценивающим его допущениям:

во-первых, тем, что «теперешние руководители ни при каких условиях не могут не быть назначены партией на выдающиеся посты государства диктатуры рабочих» (признание невозможности альтернативного руководства); во-вторых, неубедительностью и единственно конкретной по существу рекомендацией немедленного созыва конференции ЦК с активными партийными работниками для решения вопроса: что делать дальше. В отношении характеристики существующей ситуации некоторые подписавшиеся сделали оговорки, хотя они и были согласны с общим содержанием документа и с его заключительным предложением. Есть сведения, что Радек уже накануне отъезда в Германию от своего имени написал письмо в Центральный Комитет примерно в тех же выражениях; однако его текст не обнаружен¹⁹.

К моменту этого второго взрыва недовольства большинство членов Политбюро уже подготовило ответ на письмо Троцкого от 8 октября. Ответ, очевидно, был направлен в Центральный Комитет, но не был опубликован: с тех пор лишь небольшая часть ответа вообще была опубликована. В нем Политбюро заявило, что ЦК не желает «идти на диктатуру Троцкого в области хозяйства и военного дела». Политбюро обвинило Троцкого в том, что он не исполняет возложенные на него функции — он ни разу не присутствовал на заседаниях Совнаркома и СТО, отказался от поста заместителя председателя Совнаркома, руководствуется правилом «все или ничего». Та часть ответа, которая не сохранилась, была посвящена, очевидно, событиям прошлых лет, когда идеи Троцкого расходились со взглядами Ленина²⁰.

Ответ Политбюро вызвал язвительное и резкое возражение Троцкого²¹. Он писал, что Ленин частично признал его взгляды по вопросу о плановом руководстве. Троцкий сослался на соглашение между ним и Лениным против других членов Политбюро и ЦК в вопросе о сохранении монополии внешней торговли²². Далее, перейдя в наступление, Троцкий напомнил о своей переписке с Лениным по грузинскому вопросу, а также о критике Лениным Рабкина и затем продолжал: «Если вспомнить, что дольше всего стоял во главе Рабкина, то не трудно понять, против кого направлена эта характеристика, равно как и статья по национальному вопросу». Затем он описал неловкую ситуацию в Политбюро, когда для того, чтобы умиротворить Ленина, Куйбышев предложил напечатать поддельный номер «Правды» со статьей Ленина о Рабкине²³. Резкого тона ответа Троцкого и боязни, что ответ будет предан огласке, было, видимо, достаточно, чтобы на время положить конец этой личной полемике²⁴.

Таково было положение, в котором оказался ЦК, когда 25 октября 1923 г. состоялся пленум ЦК совместно с ЦКК и представителями 10 ведущих парторганизаций (Троцкий отсутствовал в связи с болезнью). Конституционная определенность, которая всегда позволяла партийным вождям проводить совместные пленумы ЦК (или сессии ЦИК, когда речь шла о государственной машине)

с другими организациями и рассматривать подобные заседания как особо торжественные сессии главного органа, теперь, когда нужно было продемонстрировать солидарность партии против оппозиции, впервые приобрела особое значение. На страже партийной лояльности стояла Центральная контрольная комиссия, на членов которой и их суровое отношение к раскольникам всегда можно было положиться. Понятно также, что десять неназванных парторганизаций не были бы приглашены, если бы их преданность партийному руководству вызвала сомнение. Двенадцать человек, подписавших «платформу 46-ти», были также среди приглашенных и могли изложить свои взгляды. Но право голоса имели только члены ЦК.

От имени всех подписавших платформу Преображенский представил на рассмотрение резолюцию из 6 пунктов, в которой были перечислены мероприятия «для действительного осуществления принципов рабочей демократии», изложенных в резолюции X съезда партии. Резолюция из 6 пунктов представляла собой самое четкое изложение того, что оппозиция понимала тогда под рабочей демократией. Ее основными пунктами были обсуждение «всех важнейших вопросов внутрипартийной, политической и хозяйственной жизни» всеми членами партии; свобода выражения партийного мнения, как индивидуального, так и коллективного, и отмена запрета дискуссий, особенно в партклубах и партийной прессе; контроль над партийными органами «со стороны общественного мнения партии»; прекращение практики назначения на ведущие партийные должности путем выдвижения из центра и восстановление принципа выборности партийных органов и должностных лиц; прекращение практики избрания партийных работников по степени их законопослушания, без учета их компетентности; и отчет о перебросках партийных работников, вызванных их несогласием с ортодоксальными взглядами²⁵.

Пленум продолжался три дня, однако никакой стенограммы не сохранилось. Проект Преображенского не встретил поддержки. Единственным официальным итогом пленума явилась опубликованная краткая резолюция «О внутрипартийном положении», которая была принята 102 голосами против двух при 10 воздержавшихся²⁶. Резолюция рекомендовала Политбюро ускорить работу трех комиссий, которые были образованы месяцем раньше, и предпринять все необходимые действия в соответствии с их докладами; она квалифицировала выступление Троцкого «в переживаемый международной революцией и партией ответственный момент» как «глубокую политическую ошибку», тем более что оно послужило «сигналом к фракционной группировке («заявление 46-ти»)». Это «заявление 46-ти» было «решительно осуждено» как «шаг фракционно-раскольничьей политики», и, таким образом, квалифицировано как «фракционная деятельность», которая была запрещена резолюцией X партсъезда (1921). На этом осно-

вании «заявлению 46-ти» было отказано в распространении и публикации²⁷.

В то же время резолюция вновь подтвердила приверженность ЦК принципу рабочей демократии. Острые разногласия в партии относительно того, какие вопросы в экономической политике считать первостепенными, больше нельзя было скрывать. В статье, помещенной в «Правде» 7 ноября 1923 г. под заглавием «Новые задачи партии», Зиновьев заявил, что «необходимо внутрипартийную рабочую демократию применять на деле». В примечании «От редакции» говорилось, что газета предоставит свои страницы для обсуждения, в котором могут принять участие члены партии, члены профсоюзов и беспартийные рабочие. Это стало большим событием в истории партии.

В течение почти всего ноября 1923 г. дискуссия на страницах «Правды» развивалась в довольно умеренных тонах, в ней участвовали лишь фигуры второстепенные²⁸. Комиссия по «ножницам» продолжала заседать за закрытыми дверями, пытаясь найти подходящее решение экономических проблем. Однако постепенно политический аспект — вызов принципам и методам существующего партийного руководства — становится все более определяющим в дискуссии.

Статья в «Правде» от 28 ноября, автором которой был Преображенский — первый среди подписавших «платформу 46-ти», один из ее главных инициаторов, — была написана в бескомпромиссном тоне и явилась, по существу, основной. Со времени введения НЭПа, писал Преображенский, партия «ведет в основном неверную линию в своей внутрипартийной политике». X партийный съезд, состоявшийся в марте 1921 г., принял решение «о переходе от милитарных методов к методам внутрипартийной демократии» (Преображенский умолчал о решениях съезда относительно единства партии и запрещения фракций). Необходимо было «ликвидировать милитарные методы внутри партии, восстановить партийную жизнь отчасти по типу 1917—1918 годов».

Вместо этого линия, которой придерживался Центральный Комитет, просто «усилила бюрократизм, казенщину, количество предпринятых сверху вопросов, усилила наметившееся в военный период деление партии на принимающих решения и несущих ответственность и на массу исполнителей, не участвующих в выработке этих партийных решений»*. Был взят курс «на хороший аппарат и на хорошего партийного чиновника», но «ценой угасания внутрипартийной жизни». В результате мы имеем «замирание внутрипартийной жизни» и «рост карьеризма и прислужничества». Эти масштабные атаки на партийную бюрократию были способны вызвать смутные, однако повсеместные симпатии среди рядо-

* У Преображенского: «...мы... усилили бюрократизм, казенщину...» и т. д. — *Прим. ред.*

вых членов; и руководство партии очень болезненно воспринимало угрозы своему авторитету.

Однако недостаток сплоченности и отсутствие единства цели у выступавших с критикой позволили триумvirату дискредитировать их и в результате нескольких отдельных столкновений одержать над ними победу. Так, 46 оппозиционеров держались в стороне от «Рабочей группы», которая подверглась преследованиям еще до того, как была выработана «платформа 46-ти».

Более затруднительной задачей представлялась теперь изоляция Троцкого от 46-ти, духовное родство которых с ним было гораздо сильнее и которые с воодушевлением приветствовали бы его руководство. В этот период триумvirат ставил перед собой тактическую задачу избежать открытой стычки с Троцким, так как это могло бы послужить его сближению с 46-ю или с другими оппозиционными группами и залатать брешь, образовавшуюся после принятия резолюции 25 октября. И триумvirат мог рассчитывать на активную или молчаливую поддержку не только других членов Политбюро, но и большинства Центрального Комитета²⁹.

В этот момент на ход событий некоторое влияние оказало одно случайное обстоятельство. Зимой 1923/24 г. впервые за всю свою карьеру Троцкий постоянно болел. Еще весной 1923 г., в те критические недели перед последним ударом Ленина в марте, Троцкий был прикован к постели из-за приступа люмбаго и находился в Кремле³⁰. Во второй половине октября, во время утиной охоты, он сильно простудился; это событие получило довольно подробное освещение в его автобиографии, где сопровождалось философскими размышлениями о роли случайности в истории³¹. Последствием этой простуды, как он писал позднее, явилась «скрытая, таинственная инфекция, происхождение которой осталось загадкой для моих врачей»³².

Симптомы инфлюэнцы продолжались с перерывами вплоть до января 1924 г., когда Троцкий уехал из Москвы на Кавказ. В течение этого времени он не появлялся на людях, хотя продолжал работать; несколько написанных им статей и писем были опубликованы в декабре в печати. Историк вряд ли сможет избежать соблазна не поразмышлять о возможных психологических факторах болезни Троцкого, вызвавшей его бездействие или давшей ему повод для бездействия в этой кризисной для его судьбы ситуации.

Именно в этих условиях триумvirат сделал попытки к примирению с Троцким. Задача была не из легких. Сталин говорит о «двух частных совещаниях» своих главных коллег с Троцким (Зиновьев определенно утверждает, что присутствовали все члены Политбюро)³³, где пришли к соглашению по «всем вопросам хозяйственного и партийного порядка». Подготовка проекта резолюции для Политбюро тогда же была поручена подкомиссии в составе Сталина, Каменева и Троцкого, которая, очевидно, заменила третью комиссию, образованную Политбюро в конце сентября³⁴. Троцкий не оставил никаких записей об этих совещаниях,

кроме описания, которое он процитировал, заимствовав из неопубликованных мемуаров своей жены:

«Он был один, был болен и боролся против всех. Из-за болезни Л. Д. заседания происходили в нашей квартире, я сидела в спальне рядом и слышала его выступления. Он говорил всем своим существом, казалось, что с каждой такой речью он теряет часть своих сил, с такой «кровью» он говорил им. И я слышала в ответ холодные безразличные ответы. Ведь все предreshалось заранее. Зачем им было волноваться? Каждый раз после такого заседания у Л. Д. подскакивала температура, он выходил из кабинета мокрый до костей, раздевался и ложился в постель»³⁵.

Дилемма состояла в том, чтобы примирить необходимость провозглашенной «партийной демократии» с запрещением фракций и «фракционных группировок»: Троцкий пытался расширить, а триумвират — ограничить право оппозиции выступать против Центрального Комитета. Впоследствии Сталин цинично объяснял, кто какой тактики придерживался:

«Мы с Каменевым решительно ставили вопрос о запрещении группировок. Троцкий ультимативно протестовал против запрещения группировок, сказав, что он не может голосовать за резолюцию при таком положении вещей. Мы тогда ограничились ссылкой на резолюцию X съезда, которую тогда Троцкий, по-видимому, не читал, и где говорится не только о запрещении фракций, но и о запрещении группировок»³⁶.

Вообще говоря, триумвират был готов почти на любые уступки Троцкому в провозглашении основных принципов, лишь бы не дать ему возможность стать во главе оппозиции и публично выступить против ЦК. Троцкий, привыкший к разногласиям среди членов партии, которые боролись друг с другом и примирались при выработке партийных решений, приписывал победе на бумаге реальное значение; но при новом партийном руководстве такого значения «бумажная» победа больше уже не имела³⁷.

Проект резолюции, который был составлен Сталиным, Каменевым и Троцким, представлял собой один из тех компромиссов, которые могут быть достигнуты при условии, что цели и расчеты конфликтующих сторон лежат в разных плоскостях, и поэтому они одновременно могли достигнуть каждый своей цели без каких-либо явных противоречий. Резолюция являла собой смешение известных идей, значение которых заключалось только в распределении акцентов. Естественно, что разные интерпретаторы выделяли разные аспекты. Краткий обзор экономического положения не содержал ничего нового; в его последней части было обращено внимание на «исключительную важность Госплана — хозяйственного штаба социалистического государства». Обращаясь к теме об опасностях, которые подстерегают партию в условиях противоречий НЭПа, резолюция перечисляла «отрицательные тенденции», включив в этот список почти все положения, с которыми выступала оппозиция:

«...резкое расхождение в материальном положении членов партии в связи с разницей их функций и так называемые «излишества»; рост связи с буржуазными элементами и идеологическое влияние этих последних; ведомственное сужение кругозора, которое следует отличать от необходимой специализации, и возникающее на этой почве ослабление связи между коммунистами различных отраслей работы; опасность утери перспектив социалистического строительства в целом и мировой революции; отмеченная уже съездом опасность «нэповского» перерождения части работников, по роду своей деятельности наиболее близко соприкасающихся с буржуазной средой; наблюдающаяся бюрократизация партийных аппаратов и возникающая отсюда угроза отрыва партии от масс».

Однако резолюция не была столь категорична при определении способов преодоления этих явлений. В самом деле она содержала требование «серьезного изменения партийного курса в смысле действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии». Правда, в таком решающем вопросе, как осуществление контроля из центра за назначением партийных секретарей на местах, она сохраняла двусмысленность. Резолюция ссылалась на устав партии, где говорилось, что утверждение подобных назначений проводится вышестоящей партийной инстанцией, тем не менее в ней также было указано на то, что наступило время «на основании уже имеющегося опыта, особенно низовых организаций, проверить целесообразность» этих и других ограничений прав местных организаций. В заключении этого раздела было сказано: «Во всяком случае нельзя допускать превращения права утверждения секретарей в фактическое их назначение».

Нужно было быть большим оптимистом, чтобы в этих застывших фразах увидеть решимость порвать с установившейся практикой. В качестве другого средства (помимо «внутрипартийной демократии»), о котором в резолюции говорилось не один раз, называлась давнишняя панацея — «приток [в партию. — *Ред.*] новых кадров промышленных рабочих»; существующий перевес «непролетарских элементов» нужно изменить путем привлечения «членов партии из рабочих от станка». Эта партийная доктрина отличалась безупречностью, и в течение многих последующих лет звучали неискренние заверения в приверженности ей. До сих пор никто не задумывался, к чему может привести ее применение.

Помимо того, что совместная резолюция провозгласила принципы партийного строительства, ее также следовало расценивать и как принятие решения о текущих партийных разногласиях. И в этом вопросе основной смысл документа читался между строк. «Рабочая правда» и «Рабочая группа» были названы и подвергнуты осуждению. «Платформа 46-ти» особо не упоминалась. Тем не менее в резолюции была процитирована и затем подтверждена принятая ранее, 25 октября, резолюция ЦК, одобрявшая «полностью своевременно намеченный Политбюро курс на внутрипар-

тийную демократию». А так как одной из основных целей этой резолюции, принятой в отсутствие Троцкого, было осуждение 46 оппозиционеров, то становилось ясным, что они также имелись в виду, когда «фракционные группировки» вновь подверглись осуждению. Таким окольным путем Троцкого заставили во имя преданности партии вынести приговор своим потенциальным сторонникам.

Едва ли можно спорить с тем, что, когда Троцкий дал согласие на одобрительное цитирование ранее принятого решения Политбюро, которое он сам же критиковал в письме от 8 октября, то при этом он признал справедливость этого порицания. Именно он, а не коллеги по Политбюро, отступился от позиции, занимаемой в октябре. Единство среди вождей было восстановлено. В то время как Троцкий самонадеянно полагал, что оно было восстановлено путем признания коллегами его взглядов, другие, с той же вероятностью, могли считать, что Троцкий откликнулся на призыв быть верным партии и принял по всем основным вопросам точку зрения большинства. Во всяком случае, основным моментом этих двух гипотетических предположений был факт установления нового единства в Политбюро. Оппозиция подверглась осуждению и была изолирована.

Проект резолюции, составленный Троцким, Сталиным и Каменевым, получил единодушное одобрение на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК 5 декабря 1923 г. (и принят как Резолюция ЦК и ЦКК о партстроительстве. — *Ред.*)³⁸. Члены триумvirата могли вздохнуть с облегчением. Опасность раскола, в результате которого Троцкий возглавил бы рядовых членов партии против триумvirата, была еще раз предотвращена.

ГЛАВА 13

БОРЬБА ПРОТИВ ТРОЦКОГО

Декабрь 1923 г. стал переломным моментом в истории внутрипартийного кризиса. Затаившееся было ожесточение полностью выплеснулось на поверхность, и партия оказалась в небывалом положении, когда в течение последующих 10 лет на карту была поставлена ее судьба. Кризис начал проявляться постепенно. Имея соглашение с Троцким, триумвират теперь не спешил предпринимать никаких новых шагов.

1 декабря «Правда» опубликовала статью Зиновьева о революции в Германии¹, которая не содержала даже намека на повод для ссоры с Троцким или Радеком по этому вопросу. В тот же день Зиновьев выступил на конференции Петроградской губернской партийной организации с бесцветной по содержанию речью, также не содержащей никаких провокационных моментов. В ключевых фразах резолюции, принятой на конференции, была просто повторена общепринятая формулировка без какой-либо попытки преодолеть содержавшееся в ней противоречие: «Свободная дискуссия в партии по ряду вопросов необходима. Свобода «группировок» и фракций — ни в каком случае»².

2 декабря в «Правде» было опубликовано постановление об исключении из партии членов «Рабочей группы», оно содержало также строгое предупреждение тем, кто был связан с ее деятельностью³. Это решение продемонстрировало единство всех ответственных руководителей партии, осудивших раскольническую деятельность оппозиции и выступивших в защиту партийной дисциплины и лояльности.

В тот же день (это было воскресенье) Сталин сделал доклад на собрании членов партии Красной Пресни, промышленного района на окраине Москвы. Отрицая за собой право выступать от имени ЦК партии и отметив, что назначенная в сентябре Центральным Комитетом комиссия вскоре представит свои выводы о внутрипартийном положении, Сталин осторожно предупредил против слишком вольного понимания принципов (партийной жизни. — *Ред.*). Следует сохранить выборность губернских и других секретарей партийных комитетов, при этом в равной степени важно придерживаться правила, согласно которому право быть избранным на эту должность остается за членами партии с определен-

ным партстажем. Различные мнения в партии должны свободно высказываться, но при этом дискуссия должна иметь границы; назначение партии состоит не в том, чтобы просто формулировать мнения, а в том, чтобы проводить в жизнь программу действий. Здесь Сталин выступил в защиту Троцкого против тех, кто приписал ему определение партии, как «добровольный союз единомышленников». Сталин не поверил в то, что Троцкому принадлежит такое высказывание, так как он знал Троцкого как «одного из тех членов ЦК, которые более всего подчеркивают действительную сторону партийной работы»⁴. Знаменательно, что в речи Сталина проявилась решимость не навязывать спорных вопросов и не показывать до поры свою власть. Его доклад изобилдовал теми штампами, которые не содержали ничего нового и уж тем более не могли никого задеть. И хотя в защите Сталиным Троцкого можно было обнаружить некоторый иронический оттенок, примечательным явилось то, что это было последнее публичное выступление Сталина без открытой враждебности к Троцкому.

5 декабря в «Правде» была помещена небольшая заметка, вероятно, написанная провинциальным корреспондентом, привнесшая некоторое замешательство. Автор выражал недовольство тем, что «дискуссия по внутрипартийным вопросам застала провинцию врасплох» и что большинство членов партии не знают, что и подумать, бояться «заговора молчания».

На следующий день в «Правде» появилась статья Троцкого, озаглавленная «О смычке. (Точнее о смычке и о ложных слухах.)». В ней он изложил взгляды Ленина на «смычку» между пролетариатом и крестьянством и опроверг распространяемые слухи (с определенным расчетом приписываемые нэпманам) о расхождении взглядов Ленина и Троцкого в этом вопросе. Так же, как и во всех написанных им в этот период работах, Троцкий еще раз со всей убежденностью высказался за необходимость «сознательно рассчитанного, планового подхода к рынку и вообще к задачам хозяйства»⁵. Статья не вызвала в партийных кругах ни резкого возражения, ни публичного комментирования. На следующий день, 7 декабря, «Правда» напечатала совместную резолюцию Политбюро [ЦК и Президиума ЦКК] от 5 декабря.

Понятая всеми заинтересованными лицами как средство предотвратить или отсрочить угрозу раскола в руководстве резолюция от 5 декабря произвела совершенно обратный эффект. Она оказалась последним документом, где члены триумвирата и Троцкий с некоторыми условными оговорками пришли к общему соглашению. Какое именно обстоятельство ускорило разрыв, не ясно еще и теперь. Когда замышляемый удар готовится длительное время, то сам момент его нанесения часто определяется внезапно появляющейся боязнью последствий в том случае, если он будет отложен. Возможно, в этом и состоит наиболее правдоподобное объяснение того, что произошло.

Поводом к разрыву явилось письмо Троцкого от 8 декабря, адресованное к партийным совещаниям. В письме он дал официальные объяснения по поводу своего отсутствия. Письмо вместе с постскриптом было опубликовано в «Правде» 11 декабря. По форме это был комментарий к резолюции от 5 декабря, то есть изложение по Троцкому значения этого документа и отрицание любого другого возможного варианта его понимания. Это не было преднамеренное выступление (как позже интерпретировалось) против согласованного текста резолюции или против других членов Политбюро и Центрального Комитета.

Троцкий наивно полагал, что изложенные им взгляды настолько убедительны, что его коллеги согласятся с ними. По замыслу Троцкого, письмо поставило точки над «i» в отношении резолюции и зафиксировало его победу. Троцкий высказал предположение, что резолюцию могут подвергнуть критике только те «некоторые консервативно настроенные товарищи, склонные переоценивать роль аппарата и недооценивать самостоятельность партии». Вывод резолюции заключался в том, что «центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии».

За этим последовали рассуждения Троцкого, которые впоследствии вызвали самое сильное негодование. Он отметил, что бюрократия, которую, естественно, составляли «более опытные и заслуженные товарищи», сильно давит на растущее поколение; и именно по этой причине «молодежь — вернейший барометр партии, — резче всего реагирует на партийный бюрократизм». «Перерождение „старой гвардии“», то есть ее сползание в «оппортунизм», наблюдалось в истории не раз: ярким примером в этом плане было поведение германской социал-демократии накануне 1914 г.⁶ Некоторые «обюрократившиеся представители аппарата», вероятно, даже сейчас готовятся «формально... принять новый курс «к сведению», т. е. *бюрократически свести его на нет*». Вслед за этим предупреждением последовало упоминание об «опасностях фракционности». Мимоходом было замечено, что *«аппаратный бюрократизм является одним из важнейших источников фракционности»*; это замечание было выражено с меньшей убежденностью, чем его нападки на «аппарат». Опубликованный вместе с письмом постскриптом был написан уже после того, как письмо было зачитано и обсуждено на нескольких партийных собраниях. В нем была сделана попытка опровергнуть обвинение в противопоставлении молодого поколения «старой гвардии».

Троцкий также объяснил, что ссылка на социал-демократов до 1914 г. ни в коей мере не должна быть истолкована как полное соответствие двух периодов. Троцкий, однако, совершенно справедливо обратил внимание «на опасности нэпа, тесно связанные с *затяжным* характером международной революции»⁷. Постскрип-

тум, похоже, не успокоил тех, кто почувствовал тревогу в связи с первоначальным письмом Троцкого.

Одновременно с распространением письма Троцкого оппозиция в ходе партийных собраний удвоила свои усилия. И несмотря на то, что до сих пор не было признано полного совпадения взглядов Троцкого и оппозиции, тем не менее выдвигаемые ею методы лечения четко соотносились с диагнозом болезни, поставленным Троцким. В это время самыми активными деятелями оппозиции являлись Преображенский и Сапронов (Пятаков, по-видимому, оставался в Германии до середины декабря); типичную программу оппозиции представляла собой резолюция, предложенная Преображенским на партийном собрании, состоявшемся 8 или 9 декабря в одном из промышленных районов Москвы. В ней содержались следующие требования: «необходимо упразднить назначение, как систему»; «ввести выборность (как правило) партийных органов и ответственных работников аппарата»; «фактическая ответственность парторганов перед партийной массой»; «точно формулировать вопрос о фракциях»; «предоставить в первую очередь ячейкам решать вопрос о применении репрессий по отношению к членам партии» и «провести перевыборы всех тех парторганов, которые раньше были назначены»⁸.

Эти требования, несмотря на неопределенный характер некоторых из них, явно были рассчитаны на рядовых членов. И все же общее впечатление получилось расплывчатым, и призывы к внутрипартийной демократии были малоубедительны. Помимо мероприятий дискриминационного характера и репрессий со стороны партийных властей успеху оппозиции продолжали препятствовать два таких недостатка, как отсутствие руководства и расчет не на позитивную программу проведения реформ, а на недовольство существующей политикой.

Члены триумvirата, ознакомившись с содержанием письма Троцкого на собраниях 8 и 9 декабря⁹, медлили с ответными действиями и не сразу решились трактовать его как объявление войны против резолюции 5 декабря. Многолюдное собрание Московской городской партийной организации, состоявшееся в день публикации письма Троцкого в «Правде» 11 декабря в Колонном зале Дома Союзов (бывшее Дворянское Собрание), застало членов триумvirата без какого бы то ни было ясного или согласованного плана борьбы. Каменев открыл заседание длинной, сдержанной речью в защиту Центрального Комитета и «аппарата», сослался на нападки со стороны Преображенского, Сапронова и Смирнова и при этом совсем не упомянул Троцкого. Сапронов, выступивший от оппозиции, не стал ограничивать себя подобным образом и буквально наспигивал свою речь цитатами из письма Троцкого.

Последовали основные прения, в ходе которых выступающие разделились поровну — сторонники ЦК и оппозиции. Только что вернувшийся из Германии Радек пытался занять промежуточную

позицию, однако в его речи чувствовалось враждебное отношение к руководству. «Пролетариат, — едко заметил он, — который проделал гражданскую войну, а теперь 3 года учится марксизму, хочет сам рассуждать о делах партии». Он выразил сожаление по поводу сравнения в письме Троцкого старых большевиков с немецкими ревизионистами, но отметил, что Преображенский и Смирнов разделяли взгляды Троцкого относительно роли Госплана. По его мнению, обе стороны «обостряют вопрос».

Зиновьев перенес обсуждение в более сенсационную плоскость. Обратив внимание на тот факт, что большинство лидеров теперешней оппозиции (среди них Преображенский, Осинский, Радек, Пятаков и В. Смирнов) в 1918 г. были «левыми» коммунистами, он напомнил недавнее выступление Бухарина (вероятно, официально о нем не сообщалось), в котором описывался следующий эпизод. Во время Брест-Литовского кризиса левые эсеры обратились к «левым» коммунистам с предложением арестовать весь Совнарком «с т. Лениным во главе», и «левые» коммунисты вполне серьезно обсуждали новый состав Совнаркома «причем председателем имели в виду назначить тов. Пятакова»¹⁰. Отношение Зиновьева к Троцкому, который в 1918 г. вместе с Лениным выступал против «левых» коммунистов, было намного сдержаннее. Однако он считал, что письмо Троцкого «не предвещает ничего хорошего», и мы «посмотрим, как пойдет дело дальше». При этом он добавил зловеще: «Кто будет срывать достигнутое единогласие, тот будет отвечать за это перед всей партией».

Преображенский не упомянул фамилии Троцкого, тем не менее повел прямую атаку на «руководящую тройку» в Политбюро, о которой Сталин говорил на XII партсъезде¹¹. Безусловно, триумфират не имел никакой основы в организационной структуре партии. Однако попытка Преображенского представить триумфират как нелегальную «группировку» была до некоторой степени несерьезным и даже спорным вопросом.

Секретарь Контрольной комиссии Ярославский, который становился известен как человек Сталина, был единственным среди выступавших, кто позволил себе прямой выпад против Троцкого. В резких выражениях он обвинил его в попытке разрушить партийный «аппарат». Однако запись его выступления показывает, что эта часть речи Ярославского была встречена неодобрительно, и враждебно настроенная аудитория почти заставила его покинуть трибуну. Открытые нападки на Троцкого на партийном собрании по-прежнему были рискованны и не пользовались популярностью.

В своем выступлении, завершившем прения, Каменев проявил тонкое понимание необходимости действовать более изощренно. Он привел процитированные Сапроновым фрагменты письма Троцкого как текст самого Сапронова. Вполне естественно, что Сапронов должен был бы выразить свою солидарность с Троцким.

«Хорошо звучит: «А я согласен с Троцким...». Что Сапронов согласен взять формулировку Троцкого, чтобы бить ЦК, в этом

я не сомневаюсь, а вот согласен ли Троцкий с Сапроновым, этого я не знаю».

Эти слова Каменева были встречены аплодисментами; получив, таким образом, одобрение, он далее, как и Радек, выразил сожаление в связи с тем, что Троцкий «употребил сравнение «верхушки нашей партии» с перерождением Бернштейна и т. д.». Он сказал, что статья Троцкого содержит опасный подтекст, и закончил следующими словами:

«Видимо, статья Троцкого нуждается в дополнении и разъяснении, чтобы в низах у рабочих не возникало таких сомнений, что тов. Троцкий призывает снимать аппаратчиков».

Затем собрание приняло спокойное по тону заявление, в котором была одобрена резолюция от 5 декабря и выражена приверженность единству партии. В связи с этим Преображенский предложил на рассмотрение свою резолюцию, которая так незначительно отличалась от официальной линии, что было трудно оспаривать ее. Она также приветствовала резолюцию от 5 декабря как «первый серьезный шаг на пути к проведению в жизнь давно назревших для партии мероприятий» и назвала ее «новым курсом партийной политики». И тем не менее резолюция Преображенского была отвергнута подавляющим большинством¹². Месяц спустя на партийной конференции Сталин выразил лицемерное удивление в связи с тем, что эту безобидную резолюцию Преображенского «почему-то» отвергли¹³.

Собрание, состоявшееся в Москве 11 декабря 1923 г., вероятно, заслуживает того, чтобы запомнить его: в последний раз публичная дискуссия, способная повлиять на мнение в партии, получила откровенное и полное официальное освещение. Наступил поворотный момент. Очевидно, что в последующие два-три дня члены триумвирата с особым беспокойством и тщательностью анализировали ситуацию. 13 декабря в подтверждение слов Радека о престиже и популярности Троцкого среди зарубежных коммунистических партий, последовало письмо от польского Центрального комитета в поддержку Троцкого¹⁴. В сложившейся ситуации оно стало новым источником опасения раздражения. 14 декабря в «Правде» появилась еще одна передовица, которая в осторожных тонах осудила любую попытку вбить клин между старым и молодым поколениями в партии; фамилия Троцкого в ней не упоминалась¹⁵.

Затем 15 декабря началось согласованное наступление. В тот день в «Правде» была напечатана статья Сталина, который до сих пор, после своего последнего выступления 2 декабря, отмалчивался. Теперь же он высказал мнение, что дискуссия подходит к концу при полном поражении оппозиции; оппозицию он охарактеризовал как «блок части «левых» коммунистов (Преображенский, Стуков, Пятаков и пр.) с так называемыми демократическими централистами (Рафаил, Сапронов и пр.)»; и далее Сталин подверг детальной критике речь Рафаила, в которой тот сравнил

дисциплину, навязанную партии, с армейской, а также статьи Преображенского и Сапронова. Затем в завершающем разделе, добавленном, возможно, в результате последующих раздумий, Сталин внезапно резко напал на Троцкого, до этого момента в статье не упоминавшегося. Письмо Троцкого не может быть истолковано иначе, как «попытка ослабить волю членов партии к единству в деле поддержки ЦК и его позиции». Сталин привел дословно рассуждения Троцкого о «перерождении» большевистской «старой гвардии» и с тяжеловесной иронией растолковал читателям мысль, ставшую с этого времени одной из его основных — о несостоятельности претензии Троцкого причислять себя к старым большевикам:

«Во-первых, я должен рассеять одно возможное недоразумение. Троцкий, как видно из его письма, причисляет себя к старой гвардии большевиков, проявляя тем самым готовность принять на себя те возможные обвинения, которые могут пасть на голову старой гвардии, если она в самом деле станет на путь перерождения. Нужно признать, что эта готовность жертвовать собой, несомненно, является чертой благородства. Но я должен защитить Троцкого от Троцкого, ибо он, по понятным причинам, не может и не должен нести ответственность за возможное перерождение основных кадров старой большевистской гвардии. Жертва, конечно, дело хорошее, но нужна ли она старым большевикам? Я думаю, что она не нужна».

Сталин учтиво взял под защиту старых большевиков от обвинения в перерождении: опасность трансформации исходит, вне всякого сомнения, не от них, а от «части меньшевиков, вошедших в нашу партию *поневоле* и не изживших еще старых оппортунистических навыков». Это был еще один не прямой, но явный выпад против Троцкого. Сталин назвал «единство «стариков» и «молдых»», которое Троцкий пытался подорвать, «основной силой нашей революции». Наконец, намекнув на то, что письмо Троцкого явилось «дипломатическим» и что на нем лежит «печать двойственности», он высказал окончательное суждение, сформулировав его в одной очень краткой фразе:

«Троцкий состоит в блоке с демократическими централистами и частью «левых» коммунистов — в этом политический смысл выступления Троцкого»¹⁶.

Почти все, что в последующие четыре года Сталин будет писать и говорить о Троцком, в зародыше уже содержалось в этих нескольких абзацах.

Вместе со статьей Сталина в том же номере «Правды» была опубликована его заметка за официальной подписью Генерального (этого слова в подписи нет. — *Ред.*) секретаря ЦК, в которой члены партии — немосквичи «во всех уголках СССР» призывают к обсуждению сложившегося в партии положения, «не доводя однако дела до образования группировок, запрещенных X съездом партии». Та же газета напечатала резолюцию, принятую оппозиционерами на одном из местных собраний. Эта публикация

сопровождалась кратким примечанием следующего содержания: «Редакция считает эту резолюцию, составленную из цитат, взятых из письма тов. Троцкого, примером фракционного использования этого письма».

Вне всякого сомнения, Зиновьев, побуждаемый Сталиным, который наконец-то решился открыто действовать против Троцкого, вечером того же дня начал свою кампанию на большом собрании партийных работников Петрограда. Он начал спокойно, с полемики против Преображенского в вопросе о допустимости «фракционных группировок» в партии. Он указал на то, что 55 членов и кандидатов в члены ЦК поддержали большинство и только трое выступили за оппозицию. Затем он показал свои истинные цели: «Мне особенно неприятно полемизировать с тов. Троцким в его отсутствие, но, к сожалению, тов. Троцкий не мог приехать». Зиновьев подверг критике группу «демократического централизма», используя хорошо известную цитату Ленина. Что касается этого вопроса, то сначала Троцкий «не высказывался ясно», однако когда он понял, что ЦК решительно настроен предпринять действия против его нынешних союзников из демократического центра, тогда он «вышел из своего резерва» и написал письмо о «новом курсе». Зайдя так далеко, Зиновьев несколько ретировался и суммировал свое обвинение в более умеренных выражениях:

«Статья тов. Троцкого, повторяю, написана крайне туманно, но мы, большинство ЦК, явно видим в ней не поддержку, а помеху линии ЦК и единогласной его резолюции».

Затем Зиновьев обратился к событиям прошлых лет. «Вы знаете, что «троцкизм» — здесь он впервые в ходе текущей полемики употребил это слово — был определенным течением в русском рабочем движении». Он без лишних усилий обошел молчанием факт игнорирования Троцким крестьянства — эта тема еще не была в достаточной степени разработана — и долго говорил о давнишней концепции партии у Троцкого, который определил ее как «конгломерат отдельных фракций и течений». Именно с этой концепцией, представлявшей собой противоположность большевизму, были связаны нападки Троцкого на партийный аппарат и «старую гвардию». В заключительной части своей речи Зиновьев, словно испугавшись собственных слов, еще раз ретировался на более твердую почву: «Что бы там ни было, а совместная работа с т. Троцким в политбюро и в других органах необходима». Тем не менее наряду с новым священным канонем — «ленинизмом» уже было положено робкое и осторожное начало новому дьявольскому символу веры — «троцкизму».

Красноречие Зиновьева, не подвергаясь текстовой обработке, оказывается как всегда эффективным. На собрании, где присутствовало 3000 человек, был принят пространный документ в форме «Письма петроградской организации членам нашей партии». При голосовании лишь пятеро были против и семеро воздержались. В «Письме» Троцкий обвинялся в нарушении един-

ства Политбюро, хотя несколько дней назад он лицемерно заверил в своем единодушии с ним¹⁷. Подобные собрания были организованы по всей стране и начиная с 16 декабря в «Правде» стали появляться сообщения из разных центров о состоявшихся там собраниях. Почти везде присутствовавшие выражали доверие Центральному Комитету и подавляющим большинством отклоняли решения в поддержку Троцкого и оппозиции. Подобная тактика уже применялась Сталиным три года назад в период дискуссии о профсоюзах¹⁸.

На следующий день Политбюро в отсутствие Троцкого приняло постановление. Составленное в осторожных выражениях, оно выдавало некоторую неуверенность, еще преобладавшую среди руководителей. В постановлении говорилось, что письмо Троцкого (оно названо там статьей) «немедленно было использовано оппозицией для обострения внутрипартийной борьбы», что, естественно, повлекло за собой возражения «со стороны центрального органа партии «Правда» и отдельных членов ЦК (статья тов. Сталина)». Однако само предположение, что существует хоть один единственный член ЦК или Политбюро, «представляющий себе работу политбюро, ЦК и органов государственной власти без активнейшего участия тов. Троцкого», является, безусловно, «злостным вымыслом». Политбюро считает совершенно необходимой «дружную совместную работу с т. Троцким». По случайному совпадению в том же номере «Правды» вместе с этим постановлением¹⁹ было помещено письмо Троцкого, состоящее из одного предложения: он отказывался отвечать в печати на выдвинутые против него обвинения.

Между тем та стадия борьбы, когда ее участники использовали в качестве поля боя страницы газеты «Правда», подходила, однако, к концу. Новая фаза, начавшаяся с открытой кампании против Троцкого 15 декабря 1923 г., сопровождалась важными изменениями в политической линии и редакционном составе партийной газеты. Вслед за объявлением, напечатанным 7 ноября 1923 г., предоставившим страницы «Правды» для партийной дискуссии, в рубрике «Партийная жизнь» были опубликованы многочисленные статьи с критикой Центрального Комитета. Эта рубрика находилась в ведении молодого 23-летнего сотрудника Константинова, члена партии с шестилетним стажем. В начале декабря Зиновьев, обеспокоенный большим количеством подобных нападок²⁰, затребовал портфель неопубликованных статей, выбрал из них четыре и стал настаивать на их публикации. Ответственный редактор «Правды» Бухарин, будучи мягким по характеру человеком, не возражал. Но Константинов назвал это требование Зиновьева «нажимом», противоречившим постановлению ЦК и ЦКК от 5 декабря о партийной демократии, и после опубликования одной из этих статей вышел из состава редакции. На место Константинова пришел его заместитель, 20-летний Вигилянский²¹. Однако когда редколлегия, решив, что Вигилянский слишком молод для такой

деликатной работы, поставила над ним ответственного члена партии, Вигилянский отбыл в отпуск и больше не появлялся. Эти события, совпавшие с началом большой кампании против Троцкого и оппозиции, с одной стороны, обратили на себя внимание как доказательство того, что Константинов и Вигилянский (привлеченные оппозицией) стремились превратить «Правду» в орудие оппозиции, и с другой стороны — как свидетельство того, что отныне «Правда» перестала претендовать на беспристрастность²².

Таким образом, начиная с этого момента, исключительное официальное разрешение дискуссии, данное 7 ноября, негласно потеряло свою силу. С середины декабря «Правда» восстановила свой прежний статус органа ЦК; по мере нарастания ожесточенности борьбы лишь несколько статей, представлявших мнение оппозиции, были напечатаны на ее страницах, да и то лишь с соблюдением особых мер предосторожности. Ответ Рафаила на статью Сталина от 15 декабря и краткая заметка Сапронова были помещены в «Правде» 22 и 23 декабря. Однако в обоих случаях им предшествовали и за ними вслед были напечатаны статьи в поддержку Центрального Комитета. Троцкий подробно изложил свои взгляды в двух статьях: «Группировки и фракционные образования» и «Вопрос о партийных поколениях», которые были опубликованы 28 и 29 декабря. Вторая из двух статей, хотя по времени была написана раньше²³, не содержала тех восхваленных молодого поколения, которые были в его письме 8 декабря и нанесли столь сильную обиду. Теперь Троцкий завуалированно атаковал «старую гвардию» с несколько другой, хотя и имеющей отношение к предыдущему вопросу, стороны: он рассмотрел вопрос о власти, которая находится в руках партийного аппарата. Недавний кризис вскрыл, «до какой степени партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях». Старое поколение «продолжало упорно думать и решать за нее [партию]*»; и «некоторые товарищи» «искренно не замечали бюрократической опасности, носителями которой они были сами». В статье «Группировки и фракционные образования» признавалось, что «сторонники старого курса» голосовали за резолюцию 5 декабря «в уверенности, что все останется по-старому». Но это значило уклониться от проблемы: «объявить группировки и фракции злом, чтобы этим самым сделать невозможным их возникновение». Однако в этой статье Троцкому не удалось разрешить существующее противоречие между признанием свободы дискуссий в партии и запрещением фракционных группировок; ссылка на «опасность консервативно-бюрократической фракционности» в действительности также не прояснила проблему.

Чтобы нейтрализовать любое возможное воздействие статей Троцкого на читателей «Правды», вместе с ними были опубли-

* У Троцкого: «...партийный аппарат... продолжал упорно думать и решать за нее». — *Прим. ред.*

кованы две первые части длинной анонимной статьи «Долой фракционность!», автором которой был Бухарин. Статья была представлена как «ответ редакции Ц. О. т. Троцкому» на критику и печаталась с продолжением в пяти последующих номерах «Правды»²⁴. Она представляла собой первый систематический опыт наглой эксплуатации прошлых разногласий Троцкого с Лениным, что впоследствии стало основной чертой борьбы против него.

В своей последней статье Троцкий призывал коллег сначала «постараться понять друг друга», «ибо погорячиться успеем после». По словам же Бухарина, именно Троцкий был виновен во «фракционной горячности». Три года назад в ходе дискуссии о профсоюзах Ленин писал о Троцком, что «один член Цека остается одним из 19, который подбирает себе группу вне Цека и с «коллективным» «трудом» этой группы выступает, как с «платформой», предлагая партсъезду выбирать между «двумя тенденциями»²⁵. Теперь история вновь повторяется. «В вопросах *внутрипартийной* политики фракция тов. Троцкого, Сапронова, Преображенского волей — неволей *отходит от ленинизма*». Именно большевизм всегда выступал за строгую дисциплину, в то время как меньшевизм соглашался на «свободу мнений», «свободу группировок», «свободу течений».

Намек на меньшевистское прошлое Троцкого не получил дальнейшего развития. Однако, что касается истории партии с 1917 г., здесь не было никаких ограничений. В этот период, писал Бухарин, партия пережила три основных кризиса: Брест-Литовский, профсоюзный 1920—1921 гг. и теперешний. В ходе каждого из них Троцкий стремился навязать партии решение вне всякой связи с действительностью. В период Брест-Литовской дискуссии он был связан с «левыми» коммунистами, которые уповали либо на «революционную войну», либо «на никчемную формулу: ни мира, ни войны». Как выяснилось в ходе дискуссии о профсоюзах, он не смог понять «массовой психологии» крестьянства, которое требовало «удаления оков военного коммунизма»²⁶. Теперь он проявлял ту же однобокость и утопическое пристрастие к планированию и «диктатуре промышленности». Эти рассуждения были приведены в качестве доказательства «уклона» Троцкого «от ленинизма». Предупреждения о потенциальной деградации «старой гвардии», содержащиеся в обращении Троцкого к молодому поколению, с большим эффектом противоречили его собственному выступлению на XI съезде партии, процитированному Бухариным. Тогда, на XI съезде, Троцкий сказал, что молодым не хватает «опыта классовой борьбы, который... создал и закалил партию» и что «у молодого рабочего не закладывается фундамент классового опыта борьбы». Тем не менее преобладающим фактором в статье Бухарина явно были не разумные доводы, а пристрастное отношение.

Перемены в позиции «Правды», происшедшие накануне нового года, явились предметом серьезной критики со стороны Троцкого, Радека и Пятакова²⁷. В «ультиматуме», указывая на «режим под-

логов, царящий в партийном отделе «Правды», они потребовали временной отставки двух работников газеты — Назаретяна и Сафронова и назначения со стороны Политбюро комиссии для выяснения дел в связи с их заявлением, которая в течение 24 часов должна сообщить о результатах своей работы²⁸. Комиссия, по-видимому, была назначена. О результатах ее работы можно судить по постановлению Президиума Центральной контрольной комиссии от 7 января 1924 г., которая осудила поведение Константинова и Вигилянского и дала следующее разъяснение: «Орган ЦК не может не проводить совершенно определенно линию ЦК». Это мнение было подтверждено на пленуме Центральной контрольной комиссии несколько дней спустя²⁹. XIII партийная конференция, при трех голосах «против», поздравила газету «Правда» с тем, что ее редакция «заняла боевую большевистскую позицию и последовательно отстаивала основные идеи ленинизма во всем ходе дискуссии»³⁰. В период внутрипартийного кризиса в ноябре — декабре 1923 г. «Правда» в последний раз смогла обеспечить свободную дискуссию представителей противоборствующих группировок внутри партии. После этого она превратилась исключительно в официальный рупор ЦК или Политбюро.

История жестокого партийного кризиса, который достиг своей критической точки в последние недели жизни Ленина, все еще содержит много неясных моментов. События общественного характера хорошо освещены в документах. Но доказательства, на основе которых можно с достоверностью оценить силы участвующих в этом кризисе, более скудные. Осенью 1923 г. в острейший момент экономического кризиса и в условиях продолжающейся дезорганизации в партии, вызванной замешательством и неопределенностью в делах в связи с затянувшейся болезнью Ленина, оппозиция смогла собрать вокруг себя массу потенциально недовольных, имеющих неопределенно сформулированные претензии против неумелого руководства. Все возможные желания рядовых членов партии могли быть выражены в одном главном предложении — необходимо изменить направление политики наверху. В конечном счете источник слабости оппозиции, без сомнения, заключался в основном в опоре на негативную программу. Тем не менее лидеры, ревниво относящиеся к своему превосходству, чувствовали достаточно тревожные для того момента симптомы. Ретроспективно Сталин отмечал, что «борьба шла о жизни и смерти партии»³¹. Рыков был более реалистичен, заявив, что борьба «поставила московскую организацию на грань чуть ли не раскола»³².

Так как партийная печать стремилась преподнести только итоги, благоприятные для официальной линии, то трудно было подсчитать те силы, которые оказывали оппозиции поддержку. Тем не менее имеется отчет большого партийного собрания в одном из районов Москвы, на котором Каменев, выступавший в каче-

стве представителя ЦК, смог собрать только шесть голосов против подавляющего большинства сторонников оппозиции. Рыков также признавал, что и Пятаков и другие выступавшие оппозиционеры, «неоднократно» получали на партийных собраниях большинство голосов³³.

Поддержка оппозиции не может быть измерена только результатами голосования, так как страх перед наказанием — оправдан он или нет, — конечно, являлся сдерживающим фактором, в особенности на последних стадиях дискуссии. Не удивительно, что в обстановке такого подвижного равновесия отношение триумvirата к Троцкому определялось установкой: удержать этого несгибаемого лидера от выступлений против членов триумvirата.

Позже в резолюции XIII партконференции отмечалось, что деятельность оппозиции была особенно активной в военных партийках и в ячейках высших учебных заведений³⁴; существуют доказательства, что мрачные опасения триумvirата были особенно связаны именно с этими сферами. Авторитет Троцкого как наркома по военным и морским делам был высок в Красной Армии и среди членов военной администрации. Однако даже его самые злейшие противники вовсе не предполагали, что он собирается воспользоваться этим в партийной борьбе.

Но два человека, подписавших «платформу 46-ти» — Антонов-Овсеенко, начальник Политуправления Реввоенсовета³⁵, и И. Н. Смирнов, ответственный сотрудник Политуправления, — не проявили должной осмотрительности. Против Антонова-Овсеенко были выдвинуты обвинения в проведении в военных учебных заведениях собраний членов партии с целью организации политических дискуссий без ведома или одобрения ЦК; в том, что 24 декабря 1923 г. он разослал в партийки военных соединений циркуляр о применении принципов внутрипартийной демократии, игнорируя при этом требование Секретариата о предварительном согласовании подобных документов с ЦК; а также в том, что, когда за несоблюдение субординации Антонова-Овсеенко призвали к порядку, он написал письмо, в котором обвинил ЦК в оскорбительно «бесшабашных и безыдейных нападках на того, кто в глазах самых широких масс является вождем, организатором и вдохновителем побед революции». Не удивительно поэтому, что Оргбюро отозвало Антонова-Овсеенко с занимаемого поста. Это была первая, открыто проведенная дисциплинарная акция против одного из 46-ти. О Смирнове не было сообщено ничего особенного, кроме того, что он поощрял в партийках Красной Армии враждебное отношение к ЦК и хвастливо заявлял, что $\frac{1}{3}$ всех ячеек поддерживает оппозицию. В тот момент его не тронули³⁶.

Вторую главную опасность представляла масса студентов технических институтов и университетов, молодость и энергия которых легко сделали их сторонниками оппозиции. «Правда» от

18 декабря 1923 г.* сообщила о недавно состоявшейся целой серии собраний 400 молодых членов партии, учащихся высших технических курсов Народного комиссариата путей сообщений, на которых при всеобщем одобрении высказывались такие мнения, как, например, что Госплан проводит политику капитуляции перед нэпманами; что партия состоит из 40 000 членов с молотками в руках и 400 000 — с портфелями; что ЦК загнал партию в подполье; что руководство является никчемным, «когда по такому вопросу, как германская революция, в Политбюро был раскол».

Если такие настроения были типичны для столичного студенчества³⁷, то неожиданное обращение Троцкого к молодому поколению как к «верхнейшему барометру партии» и гарантии против злоупотреблений бюрократии и перерождения «старой гвардии» вызвало тревогу, которая не нуждается в особых пояснениях.

Троцкий писал: «Совершенно недостаточно, чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, выработывала себе собственное мнение, собственное лицо, и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера. Пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм — из партии вон!»³⁸

В той обстановке эти слова едва ли воспринимались иначе, чем подстрекательство молодежи к неповиновению постановлениям ЦК. Не так-то легко было найти оружие для защиты. 1 января 1924 г. «Правда» опубликовала статью 9-ти членов ЦК РКСМ и Коммунистического Интернационала Молодежи, в которой Троцкий обвинялся в том, что он «притянул вопрос о молодежи за волосы». Для этой цели в статье были приведены слова Ленина, что «льстить молодежи мы не должны» и что от нее нельзя ожидать «теоретической ясности и твердости». Спустя два дня Крупская в своей статье подчеркнула необходимость принять в партию рабочих и добавила, что об этом забывает Троцкий, «когда он призывает партию ориентироваться на молодежь». Но это не возымело большого действия. Девять авторов получили ответ от группы из восьми членов комсомола (двое из которых являлись членами ЦК РКСМ) в виде заявления, которое было отправлено Троцкому и напечатано им. В заявлении они защищали Троцкого от обвинений в лести в адрес молодежи и в нападках на «старую гвардию»³⁹. Порядок был восстановлен только тогда, когда большинство членов ЦК РКСМ (всего 15 человек) были смещены со своих постов и направлены на периферию; после этого недовольство еще длительное время продолжало будоражить комсомол и особенно его петроградскую организацию⁴⁰.

Промышленные рабочие были той частью рядовых членов партии, среди которых оппозиция пользовалась наименьшим влияни-

* У Карра ошибочно «10 декабря 1923 г.». — *Прим. ред.*

ем и поэтому не могла привлечь их на свою сторону. Призывы оппозиции, касающиеся материальной сферы, были в интересах промышленности, но могли заинтересовать прежде всего хозяйственников и технических служащих, а не промышленный пролетариат. Идеинная программа, содержащая требование партийной демократии, была вполне в духе западных традиций и находила сильный отклик только среди исчезающего меньшинства партийной интеллигенции. Ничего другого в экономической или политической платформе оппозиции не могло захватить воображение рабочего или затронуть его непосредственные материальные интересы; ничего не было сделано, чтобы соотнести платформу с его сегодняшними нуждами. Ведущие члены оппозиции были полностью лишены демагогического дара. Поэтому партийному руководству было не трудно создать впечатление, что они являются политическими раскольниками, не имеющими никакой практической программы, которые лишь стремятся затеять ссору с властями и поднять знамя демократии в интересах своих собственных неудовлетворенных амбиций. На собрании московской организации 11 декабря 1923 г. один железнодорожник говорил: «...рабочие * ...спросят меня, каковы основные разногласия?.. Я сказать прямо — не знаю, что отвечу»⁴¹.

В то время как в Москве большинство студентов — членов партии голосовали за оппозицию, ее сторонники могли рассчитывать на поддержку лишь 67 партячек промышленных рабочих из 346⁴². Рабочие боялись встать на сторону оппозиции из страха потерять работу; такое объяснение, вероятно, имело под собой некоторое основание. Тем не менее есть достаточно доказательств, чтобы согласиться с Лариным, который утверждал, что оппозиция опиралась главным образом на непролетарские элементы в партии⁴³. Профсоюзный делегат, рабочий-транспортник, выступавший на XIII партсъезде, имевший взгляды, не во всем совпадающие с официальной линией, и критиковавший политику заработной платы, тем не менее присоединился к жестоким и энергичным нападкам на Троцкого⁴⁴.

Хотя поражение оппозиции справедливо связывают с безграничным превосходством организаторских способностей Сталина, однако более верное объяснение заключается в том, что деятельность оппозиции была обречена на поражение, потому что ей не доставало широкой социальной и экономической опоры в партии и в особенности потому что она не осмеливалась отождествить свои требования с промышленным пролетариатом. Некоторая доля вины за поражение, вероятно, лежит на Троцком, который своей политикой милитаризации труда и «огосударствливания» профсоюзов, содействовал более, чем кто-либо другой, справедливым обвинениям в том, что диктатура пролетариата превратилась в

* В цитируемом Карром источнике («Правда», 18 декабря 1923 г.): «185 рабочих...». — *Прим. ред.*

диктатуру над пролетариатом. Именно это сделало невозможным сплочение вокруг него пролетарских сил в период партийного кризиса. Именно этот парадокс сделал Троцкого в его новой роли поборника партийной демократии сильно уязвимым для обвинения в непоследовательности⁴⁵.

Однако истинные причины поражения находятся еще глубже. Небольшая, энергичная, с высоко развитым классовым сознанием часть пролетариата, которая была передовым отрядом революции в Петрограде и Москве, в час энтузиазма вынесла на своих плечах массу полуграмотных, полупролетаризированных крестьян, которые продолжали составлять большинство фабричных рабочих. Вследствие разочарований, голода, разрухи пролетариат сам стал переживать период распада. Бегство с фабрик и из городов, стагнация производства несли с собой не только экономические беды: они нарушили равновесие социальных и политических сил, которые участвовали в революции. НЭП приостановил и реверсировал процесс экономического упадка, но пока не повлиял на его политические последствия. Отсутствие у оппозиции опоры в лице пролетариата было проявлением слабости не только оппозиции, но и самого пролетариата. Это была еще одна трагическая иллюстрация той реально существовавшей дилеммы построения социализма в стране, в которой не было ни экономических, ни политических предпосылок для развития демократии.

С середины декабря 1923 г. шла подготовка к всесоюзной партийной конференции, которая должна была состояться в середине января. Ей предшествовал ряд важных собраний в Москве, определяющей чертой которых была борьба против оппозиции. 6 января 1924 г. открылось заседание Президиума ИККИ, где Зиновьев выступил с длинным заявлением о разногласиях в Российской коммунистической партии. Большая часть речи Зиновьева была посвящена неуклюжим усилиям подорвать престиж и популярность Троцкого в зарубежных коммунистических партиях, что стало предметом серьезного беспокойства российских вождей. Зиновьев начал с того, что поддержал запрещение фракций как неотъемлемый элемент большевистской традиции и похвалил несправедливо раскритикованный поборниками партийной демократии партийный аппарат, назвав его «железным инструментом» для сохранения единства партии. Он доказал несостоятельность попытки Троцкого противопоставить молодое поколение старому и обвинить большевистскую «старую гвардию» в перерождении. Затем он перешел в критике Троцким хозяйственной политики и наметнул на игнорирование им крестьянства:

«Он не чувствует реальных экономических отношений в России: он никогда этого не понимал. Подобный психологический фактор нельзя сбрасывать со счета».

Даже пристрастие Троцкого к планированию было названо данью буржуазности, так как Госплан «состоит из 300 профессо-

ров и специалистов, которые в прежние времена проявляли активность в экономических вопросах, чьи знания и опыт очень полезны нам, но они, тем не менее, представляют собой, вообще говоря, обычный буржуазный элемент». Карьера Троцкого была прослежена тщательным образом и под враждебным углом зрения. Зиновьев вспомнил о его оппозиции Ленину перед 1914 г., в Брест-Литовске и в период дискуссии о профсоюзах 1920—1921 гг. Он, Троцкий, «игнорировал нужды сельского хозяйства». Он был «откровенным индивидуалистом»; по этой причине он «никогда не мог создать прочную фракцию». Зиновьев заверил аудиторию в том, что сторонники ЦК среди рядовых членов партии по численности превосходят сторонников оппозиции в соотношении 9:1. Даже в Москве, где оппозиционеры наиболее сильны, их поддерживает не более 20—25% членов партии. Речь была закончена ожесточенными нападками на Радека и ЦК компартии Польши за его «вмешательство на стороне фракции Троцкого»⁴⁶. Последующие заседания показали, что Зиновьеву не удалось успокоить возмущение, возникшее во многих отрядах Коминтерна в связи с подобным отношением к Троцкому⁴⁷.

Следующая возможность представилась на Московской губернской партийной конференции, состоявшейся 10—11 января 1924 г. под председательством Каменева. О нежелании ее участников прибегнуть к крайним мерам свидетельствовали такие факты, что в почетный президиум конференции были избраны Ленин, Зиновьев, Сталин и Троцкий (именно в этом порядке), а также направленные Ленину и Троцкому приветствия в связи с их отсутствием по болезни. Каменев ухитрился обвинить Троцкого в оппортунизме и меньшевизме и в то же самое время охарактеризовал его как неотъемлемую часть партии — эту непоследовательность язвительно отметил Преображенский, выступая с основной речью от имени оппозиции. Тем не менее резолюция Каменева, выразившая доверие Центральному Комитету, получила 325 голосов; лишь 61 делегат поддержал предложение оппозиции, выдвинутое Преображенским, и 9 человек — несколько странную резолюцию Рязанова⁴⁸. Этот легко доставшийся партийным вождям успех в цитадели оппозиции должен был вселить в них уверенность. 12—13 января Центральная Контрольная Комиссия на своем пленуме приняла длинную резолюцию. Она была связана с проступком Антонова-Овсеенко и изменениями в редколлегии «Правды»⁴⁹. Резолюция недвусмысленно намекала на недопустимость проявлений мягкотелости к мятежникам:

«Пленум ЦКК обращает внимание всей партии на необходимость возможно скорее сгладить и изжить те взаимные озлобленно-фракционные отношения, которые создались у некоторой части партийных товарищей во время дискуссии... Лучшим, однако, путем к этому пленум ЦКК считает отнюдь не замалчивание или затушевывание действительно возникших и возникающих разногласий, а всестороннее и полное выяснение этих разногласий, с од-

ной стороны, а с другой — решительное активное проведение в жизнь принятых партией решений».

Некоторые пункты резолюции составили основу окончательной резолюции партконференции, принятой по итогам дискуссии. Однако комиссия выступила с предложением, которое не было одобрено, не обсуждалось на партконференции и поэтому не обрело законную силу:

«Пленум ЦКК считает необходимым отменить постановление октябрьского пленума ЦК и ЦКК о запрещении распространения переписки ЦК с тов. Троцким и всех документов, предшествовавших дискуссии, — обращение 46-ти и т. д. Пределы распространения этих документов установить президиуму ЦКК вместе с Политбюро ЦК»⁵⁰.

Эти документы вообще не были опубликованы и не получили распространения среди членов партии, их полные тексты до сих пор недоступны. Немедленно вслед за пленумом ЦКК, 14—15 января, последовал пленум ЦК РКП(б), где была завершена подготовка к конференции. Согласно небольшой заметке об этом заседании, опубликованной в «Правде», на нем были заслушаны сообщения нескольких членов партии, работающих на местах, которые «в резкой и категорической форме осудили линию оппозиции (Троцкого, Радека, Пятакова и др.)», одобрено постановление Политбюро с критикой Радека⁵¹ и определена повестка дня предстоящей конференции⁵².

Вопрос о том, будет ли Троцкий лично выступать против партийных вождей, должно быть, вызвал у них в ходе подготовки конференции самое сильное беспокойство. Ответ на этот вопрос дал бюллетень о состоянии здоровья Троцкого, подписанный 31 декабря 1923 г. шестью кремлевскими врачами, в том числе наркомом здравоохранения Семашко; он был опубликован неделю спустя. Определив диагноз болезни Троцкого, врачи рекомендовали ему в заключение следующее:

«В виду затяжного течения болезни, могущей принять более резкую форму при местных климатических условиях, мы считаем необходимым предоставить больному немедленно отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей для специального климатического лечения на срок не менее двух месяцев»⁵³.

Троцкий подчинился рекомендациям и в середине января 1924 г. уехал из Москвы на Кавказ, то есть примерно в тот момент, когда должна была состояться XIII партконференция. Накануне отъезда он опубликовал брошюру, озаглавленную «Новый курс», в которую вошли: его письмо от 8 декабря 1923 г., статьи, опубликованные в «Правде» в течение этого же месяца и четыре еще неопубликованные статьи по теме партийной дискуссии. В одной из них, «Традиция и революционная политика», он сделал попытку лично ответить на критику его партийной карьеры:

«Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком. Кроме своих действий на службе партии, я никому ника-

ких дополнительных гарантий дать не могу. И если уж ставить вопрос в плоскости биографических изысканий, то нужно это делать как следует быть. Тогда пришлось бы давать ответы на острые вопросы: всякий ли, кто был учителю верен в малом, оказывался ему верен и в большом? Всякий ли, кто проявлял в присутствии учителя послушание, дает тем самым гарантии последовательности в отсутствие учителя? Исчерпывается ли ленинизм послушанием?..

Традиции большевизма во всем их объеме нам не менее дороги, чем кому бы то ни было. Но пусть никто не смеет отождествлять бюрократизм с большевизмом, а традицию — с казенщиной!»⁵⁴

Брошюра была воспринята как признание того факта, что Троцкий поставил себя во главе оппозиции, хотя он лично не присутствовал и не мог предстать в этой роли; подобное обстоятельство, по-видимому, вдвойне облегчило задачу считать его основной мишенью для нападок, несмотря на то что на конференции он отсутствовал и, следовательно, не мог защищаться.

XIII партийная конференция начала работу 16 января 1924 г. и продолжалась три дня. Конференции были менее представительными, меньшими по количеству участников, а также менее полномочными форумами, чем съезды партии. На конференции, открывшейся в январе 1924 г., было лишь 128 делегатов с правом голоса. Однако представительство обеспечивалось на той же основе. Делегаты избирались губернскими партийными конференциями, на которых в свою очередь были представлены делегаты районных или уездных конференций. Состав участников этих конференций был предметом постоянных забот партийного штаба, находящегося под опытным руководством Сталина. В «платформе 46-ти» уже указывалось, что составы партийных съездов и конференций подтазовывались «партийной иерархией»⁵⁵; триумvirат отстоял от посягательств рабочей демократии пункт в резолюции 5 декабря, где говорилось о праве ЦК выдвигать секретарей губкомов и укомов, которые играли важную роль в проведении выборов. Мало известно о том, что происходило за пределами Москвы в период выборов делегатов в декабре 1923 и январе 1924 гг. Оппозиция, похоже, завоевала парторганизации Рязани, Пензы, Калуги, Симбирска и Челябинска. Этот результат представители оппозиции вполне оправданно связывали с тем обстоятельством, что в провинциальных центрах преобладали партийные должностные лица, высланные из центра в наказание за свои взгляды, не совпадающие с официальными⁵⁶. Но центром оппозиции была Москва; именно здесь состоялась и была проиграна основная битва.

Из всех делегатов, избранных участниками конференций уездных партийных организаций Московской губернии в декабре 1923 г., 36% являлись сторонниками оппозиции. 18% делегатов — участников Московской губернской партконференции, проходившей 10—11 января 1924 г., которая непосредственно предшество-

вала Всесоюзной конференции, принадлежали к оппозиции. И сами выборы и подсчеты, сделанные в результате выборов, были, однако, предметом бесконечных взаимных обвинений. До сих пор там, где на партийных конференциях, проводимых на местах, высказывались различные мнения, действовала, по-видимому, практика пропорционального выдвижения делегатов на вышестоящую конференцию на основе результатов голосования. Теперь же страсти разгорелись так сильно, что делегаты районных конференций, имевшие большинство голосов — представлявшие либо линию ЦК, либо оппозицию, — пытались назначить делегатов, представлявших исключительно мнение большинства; эти попытки иногда достигали успеха, иногда кончались неудачей. То и дело при избрании делегатов звучали не всегда обоснованные заявления о «давлении со стороны партийного аппарата». Официальные представители связывали уменьшение поддержки, оказываемой оппозиции, с ростом понимания опасности раскола в партии; в свою очередь представители оппозиции объясняли это явление страхом потерять работу, который возникал у всякого, кто хотел открыто выступить против ЦК; партийные чиновники, известные своим расположением к оппозиции, имели все основания ожидать смещения или передвижения на менее подходящую должность. Перед XIII партконференцией те, кто критиковал линию партии, по-видимому, прямо и открыто не преследовались, исключение составляли те, кто был официально осужден за «фракционную» деятельность. Тем не менее непрямая дискриминация, конечно же, имела место; страх перед этими и будущими более жестокими мерами стал уже влиятельным фактором, формирующим партийное мнение и, более того, фактором, определяющим выбор делегатов⁵⁷.

План проведения конференции был тщательно продуман. Было решено, что Рыков внесет на рассмотрение резолюцию об экономической политике, Сталин — о партстроительстве и Зиновьев — о международном положении. Председательствовать будет Каменев. Его роль ограничивалась официальным выступлением при открытии и закрытии конференции и содокладом в ходе обсуждения экономических вопросов; примечательно, что теперь его имя было указано после имен Ленина, Зиновьева и Сталина в списке членов президиума, одобренного на первом заседании⁵⁸. К началу конференции Сталин уже не считался младшим членом триумвирата. Самыми продолжительными явились прения во вопросам экономической политики, вероятно, потому что это был первый пункт повестки дня, а не потому что этот пункт считали самым важным; прения закончились разгромом оппозиции в лице Пятакова⁵⁹. Затем Сталин произнес речь на самую щекотливую и важную тему конференции⁶⁰. С самого начала он задал слегка шутливый, добродушный тон, сказав о чувствительном отношении оппозиции к нападкам на Троцкого, который сам никогда не мешкал с выпадами против других. Далее, высказав свое мнение о резолюции от 5 декабря и приступив к схематичному изложению,

ставшему характерным для всех его основных выступлений, Сталин назвал два условия существования внутрипартийной демократии (рост индустрии и промышленного пролетариата; отсутствие угрозы нападения извне) и три препятствия, мешающие ее реализации (психологические последствия «военного коммунизма», давление государственной бюрократии на партию и низкий культурный уровень многих партийных работников). Все это было преподнесено в теоретическом плане и являлось относительно бесспорным. За этим последовал очень краткий ретроспективный экскурс в историю недавнего партийного кризиса, который он завершил упоминанием письма Троцкого от 8 декабря. Таким образом, Сталин подошел к кульминационному пункту своей речи — перечню «шести серьезных ошибок», допущенных Троцким.

Шесть ошибок так или иначе были связаны с письмом Троцкого, которое Сталин впервые теперь недвусмысленно осудил как «новую платформу, противопоставленную резолюции ЦК, принятой единогласно». Первая ошибка заключалась в том, что своим поведением Троцкий противопоставил себя другим членам ЦК и тем самым нарушил основы партийной дисциплины; он «возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями». Таким образом, в этом содержался тонкий намек на известное обвинение Троцкого в личных амбициях. Вторая ошибка Троцкого состояла в том, что он четко не проявил свою позицию — выступает ли он за или против ЦК, за или против оппозиции; дискуссия проводилась не для того, чтобы поощрять «увертки». Это был расчетливый удар по основному слабому месту в поведении Троцкого — его неопределенной, промежуточной позиции в партийной борьбе. Но именно Сталин благодаря той самой компромиссной по содержанию резолюции 5 декабря помог заманить его в ловушку. Третья ошибка, допущенная Троцким, состояла в том, что он противопоставил партии партийный аппарат, как будто партийная работа может вестись без аппарата. Сталин не собирався, как он вкрадчиво разъяснял, поставить Троцкого на одну доску с меньшевиками: однако это был все тот же «анархо-меньшевистский взгляд». Четвертая ошибка заключалась в том, что Троцкий противопоставил молодежь «старой гвардии»: в этом Сталин усмотрел демагогию и с довольно фальшивым пафосом отверг сравнение старой большевистской гвардии с социал-демократами Германии. Пятая ошибка заключалась в том, что Троцкий призывал ориентироваться на интеллигенцию и студенчество в партии; подкрепив свое выступление цитатами из работ Ленина, Сталин доказывал, что, возвеличивая интеллигенцию, Троцкий тем самым недооценивал требования рабочих и предлагал «порвать с организационной линией большевизма». Наконец, шестая ошибка Троцкого состояла в его попытке провести различие между группировками и фракциями и защищать право на существование группировок: в опасных условиях НЭПа ЦК никогда не мирился с группировками. Сталин приберег «бомбу» под конец. Он

зачитал делегатам конференции секретный «седьмой пункт» резолюции X съезда о тех условиях, при которых в отношении членов ЦК могли быть приняты дисциплинарные меры⁶¹, предложил внести этот пункт в резолюцию конференции и сделать его достоянием общественности. Это было безотказно действующее предупреждение сторонникам оппозиции, занимавшим высокие посты.

От имени оппозиции Сталину отвечал Преображенский. Он посвятил много времени истории дискуссии и нарисовал образ консервативного и дремлющего ЦК, приведенного в движение под давлением оппозиции в октябре и еще раз при принятии резолюции 5 декабря. Он был единственным среди сторонников оппозиции, кто осмелился выступить против ЦК за его третирование Троцкого «в нашей большевистской среде... как чужака». Он также выразил протест против возобновления старых ссор с целью приклеивания оппозиции «меньшевистских» ярлыков и использования термина «ленинизм» для оправдания бюрократизма. Однако выступление Преображенского было холодно встречено хорошо вымуштрованной аудиторией. После него дискуссия быстро сошла на нет.

Ломинадзе и Ярославский, оба жаждали зарекомендовать себя как люди Сталина, посчитали необязательным для себя преднамеренно сдержанный тон хозяина, увлеклись грубой бранью в адрес оппозиции и призывали к крутым мерам. Ярославский зачитал письма, якобы написанные членами группы «Рабочая Правда» и адресованные Троцкому, которые были перехвачены ЦКК. Таким образом, он пытался вовлечь Троцкого в соучастие не только в «платформе 46-ти», но и в более ранней, достойной еще меньшего уважения оппозиционной группе. Примечательно, что Лашевич, до сих пор считавшийся сторонником Зиновьева, мимоходом перечисляя членов триумvirата, назвал Сталина первым — вероятно, впервые Сталин оказался в таком положении. Двое или трое представителей оппозиции, в том числе Радек, выступили довольно слабо и были вынуждены подчиниться негромким выкрикам с мест, прерывавшим их. «...Может быть у нас осталось всего несколько часов полной демократии, — воскликнул один из представителей оппозиции, Врачев, в ответ на реплику из зала, — так разрешите нам этими часами воспользоваться». А в тот момент, когда в заключение своего выступления Врачев рассуждал о том, что будет говорить Генеральный секретарь на следующем партсъезде, Ломинадзе грубо выкрикнул с места: «Тебе не придется слышать».

Прения закончились выступлениями Преображенского и Сталина. Преображенский пытался — правда, не всегда успешно — опровергнуть обвинение в том, что оппозиция не имеет позитивной программы⁶². В заключительной речи, почти такой же длинной, как и первая, и еще более беззастенчивой, Сталин зашел далеко⁶³. Открыто признав, что экскурс Преображенского в историю партии развязывает ему руки, он безудержно ринулся в борьбу,

чтобы дискредитировать сторонников оппозиции, для чего привел факты их деятельности в прошлом. Сталин открыто говорил об «оппозиции во главе с Троцким» и презрительно указал на него как на «патриарха бюрократов», который теперь заявляет, что «без демократии жить не может» — тот самый Троцкий, который раньше требовал «перетряхивания профсоюзов сверху»⁶⁴. Преображенский был против Ленина в период Брест-Литовского кризиса, Сапронов — на X партсъезде; а теперь оба объявили Ленина своим учителем. Радек является одним из тех, которые «сами подчинены своему языку и управляются им». Сталин пришел к выводу, что оппозиция «выражает настроения и устремления непролетарских элементов в партии и за пределами партии».

В конце дебатов по вопросу о внутрипартийном кризисе было объявлено, что участникам конференции сразу же будет предложено утвердить резолюцию Политбюро от 5 декабря 1923 г. и что последующая резолюция по результатам прений будет внесена позже. По первому пункту возникли некоторые осложнения. Делегат из Киргизии* предложил внести к резолюции 5 декабря поправку, подчеркивавшую важность «рабочей внутрипартийной демократии» особенно на местах и обратившую внимание на «безусловную необходимость дальнейшего привлечения тов. Троцкого к активнейшему участию в работе по руководству партией и страной». Председательствующий объявил о том, что поправка была получена, но без оглашения содержания отклонена как неприемлемая. Затем резолюция была поставлена на голосование и принята единогласно. В стенограмме не было зафиксировано никаких возражений против проведения голосования. Однако тот факт, что текст отвергнутой поправки был зачитан председательствующим на вечернем заседании, хотя никто не выступал в поддержку ее, заставляет предположить, что против попытки скрыть ее содержание все же возникли возражения влиятельных лиц⁶⁵. Партийные конференции и съезды были последним оплотом свободы слова в партии.

Третьим пунктом повестки дня был вопрос о международном положении. Его рассмотрение было отодвинуто на последнее вечернее заседание конференции и ограничено двумя выступлениями Зиновьева и коротким заявлением Радека⁶⁶. При всеобщем оживлении Зиновьев начал с пересказа толков о партийном кризисе в России из иностранной прессы: что Троцкий арестован, что Троцкий нашел убежище в бронированном поезде, что советский посол в Берлине Крестинский является одним из вождей оппозиции и что Советский Союз находится накануне «нэпа политического». Он говорил о предварительных перспективах признания Советского правительства Великобританией, Францией и Италией. Он высмеял оппозицию за ее неспособность решить, хочет ли она подобно Красину усилить НЭП путем дальнейших уступок иност-

* У Карра ошибочно: «из Казахстана». — *Прим. ред.*

ранному капиталу или вернуться назад в «военному коммунизму». Однако главное место в выступлении Зиновьева было отведено недавним событиям в Германии; и по этому вопросу он также принял скромное участие в дискредитировании Троцкого и особенно Радека. Затем была принята соответствующая резолюция⁶⁷.

И прения и резолюция по этому вопросу были самыми краткими в работе конференции. Постановления относительно КППГ были приняты в ИККИ. Международные вопросы могли внести лишь небольшой и несущественный вклад в поражение оппозиции.

Когда с обсуждением международного положения было покончено, конференции оставалось только официально принять резолюции об экономической политике и по итогам дискуссии о внутрипартийном кризисе. Резолюция по экономическим вопросам была принята с минимальными поправками. Резолюция о внутрипартийном положении доставила больше неприятностей. Проекту, внесенному ЦК, был противопоставлен проект, предложенный Преображенским. В последнем выражалось порицание такому положению, когда критика партийной бюрократии или бессистемной экономической политики осуждалась как попытка подорвать авторитет ЦК и когда защита бюрократии приравнивалась к защите принципов большевизма. Однако в заключении проекта содержалась неясная рекомендация обеспечить «режим активности партийных масс»⁶⁸.

Проект Преображенского получил лишь 3 голоса, остальные проголосовали за проект ЦК. В нем была изложена длинная и подробная история полемики, задуманная для того, чтобы недвусмысленно ассоциировать Троцкого с оппозицией и таким образом установить его зловещую роль в качестве ее лидера и источника того авторитета, которым она располагала. Теперь Троцкий открыто был назван ответственным не только за «платформу 46-ти», но и за всю последующую борьбу против вождей.

Острая стадия борьбы была вызвана его «фракционным маневром» от 8 декабря. Деятельность оппозиции, говорилось в резолюции, представляет собой «не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон»; ярлык «меньшевизма» был снят. Выводы были изложены в 15 пунктах. Их содержание может быть кратко сформулировано так: 1) привлечь в ряды партии не менее 100 000 «рабочих от станка», при этом окончательно должен быть закрыт прием в партию всех непролетарских элементов; 2) привлечь беспартийных рабочих во все Советы и во все советские органы; 3) провести «особенно заботливую разъяснительную работу» в тех ячейках, лояльность которых в отношении партийной линии вызывала сомнения; 4) сократить численность студентов в партии, при этом улучшить их материальное положение и «усилить качественную сторону работы в вузах»; 5) улучшить изучение истории партии, «и, прежде всего, основных фактов борьбы большевизма с меньшевизмом, роли отдельных фракций и течений

во время этой борьбы, в особенности тех эклектических фракций, которые пытались «примирить» большевизм с меньшевизмом» (это было единственное упоминание меньшевизма в тексте резолюции); 6) создать во всех партийных организациях «кружки по изучению ленинизма»; 7) укрепить «Правду» с тем, чтобы она имела возможность «систематически разъяснять основы большевизма и вести кампанию против всех уклонов от него»; 8) перенести текущую дискуссию со страниц «Правды» на страницы отдельного «Дискуссионного листка» (возможно, это был тактический ход, предпринимаемый для прекращения публикации взглядов инакомыслящих, так как никакого издания «Дискуссионного листка» на деле, видимо, не было); 9) поддерживать свободу дискуссии при соблюдении партийной дисциплины; 10) принять строгие меры «вплоть до исключения из партии» за распространение «непроверенных слухов» или «запрещенных к распространению документов»; 11) улучшить распространение партийной литературы; 12) «карать особенно сурово» за попытки вести фракционную деятельность в рядах Красной Армии; 13) подтвердить решение X съезда партии о запрещении фракционных группировок; 14) опубликовать секретный «пункт 7» резолюции X съезда; 15) принять самые решительные меры, «вплоть до исключения из партии», против организаторов «фракционной группировки» в Москве. Резолюция заканчивалась заявлением об окончании дискуссии и призывом к единству партии⁶⁹.

Проект резолюции, предложенный ЦК, получил одобрение конференции, несколько незначительных поправок были либо приняты, либо отвергнуты открытым голосованием. Две из них представляют некоторый интерес. По предложению Орджоникидзе, из первоначального текста была опущена фраза о принадлежности к оппозиции «ряда товарищей, перешедших в нашу партию из рядов меньшевиков и с.-р.»; подразумевалось, что это должно стать гарантией для бывших меньшевиков и эсеров, проявивших в настоящий момент верность партийной линии, что их прошлое не будет истолковано против них. Вторая поправка содержала предложение привлечь в партию 100 000 новых членов, среди которых наряду с рабочими от станка должны быть и «бедняцкие и батрацкие элементы деревни». Сталин отклонил эту поправку, мотивируя тем, что, несмотря на ее безусловный характер в принципе, это отсрочит решение ударной задачи, «чтобы индустриальный пролетариат вовлечь в партию»; и в соответствии с этим поправка была отклонена⁷⁰. В тот период Сталин не разделял энтузиазма Зиновьева относительно крестьянства. Обвинение в недооценке крестьянства станет одним из нескольких неотъемлемых элементов той амальгамы взглядов, которую позднее называли «троцкизмом». На конференции же в обвинениях Сталина в адрес Троцкого этот элемент еще отсутствовал.

Несмотря на ее формально второстепенный статус, XIII партконференция, состоявшаяся в январе 1924 г., имела более решаю-

щее значение в истории партии по сравнению с предшествовавшим ей XII съездом (апрель 1923 г.) или XIII съездом, созванным после нее, в мае 1924 г. Она положила конец желчной дискуссии, сотрясавшей партию более трех месяцев, и подтвердила власть триумvirата, оградив ее от посягательств оппозиции. На конференции, однако, проявилась новая черта, вызывавшая тревогу. Это был первый представительный партийный форум, где четко можно было увидеть, что на карту поставлены не принципы, а личности. Главной заботой партийных вождей была дискредитация оппозиции, а не обоснование или отказ от проводимой политики. Борьба за власть приняла обнаженные формы. Но конференция также ознаменовала новую, решающую стадию этой борьбы. Вплоть до середины декабря 1923 г. вожди были серьезно озабочены тем, чтобы вбить клин между Троцким и оппозицией и свести к минимуму степень общности их платформы. Некоторая осторожность соблюдалась в этом плане даже после начала прямых нападков на Троцкого. На XIII конференции эти меры предосторожности были за ненадобностью отброшены. От прежней тактики отказались, были предприняты все возможные усилия для идентификации во всех деталях взглядов Троцкого и оппозиции. В этом проявилась та новая уверенность в прочности своих позиций, которую почувствовали вожди и в особенности Сталин. Им уже не нужно было маневрировать, чтобы расколоть своих врагов. И Троцкий, и вся оппозиция были до такой степени ослаблены и обезоружены, что позицию можно было занять в результате прямой атаки.

ГЛАВА 14

СМЕРТЬ ЛЕНИНА

После удара 9 марта 1923 г. Ленин уже не мог больше говорить, он был в состоянии произносить лишь несколько односложных, бессвязных слов. В течение некоторого времени правая сторона была полностью парализована, левая сторона действовала частично. Когда 15 мая его перевезли в загородный дом в Горки, медицинские прогнозы внушали «самые мрачные мысли»¹. Перемена места вызвала некоторое облегчение. В последующие 3—4 месяца обострение болезни, наступившее в июне, сменилось заметным, постепенным улучшением, которое еще раз перешло в частичное выздоровление в пределах ожидаемого. В течение этого времени Ленин объяснялся довольно понятно при помощи жестов, хотя и с трудом. Преданная Крупская читала ему газеты и пыталась, очевидно, безуспешно научить его писать левой рукой. Вероятно, после удара, происшедшего в декабре 1922 г., он больше не видел никого из своих политических соратников. В течение последующих трех месяцев он общался с ними только через записки или через Крупскую. После удара 9 марта 1923 г., как было особо зафиксировано, «он... решительно уклонился от всех личных свиданий с крупными политическими вождями»².

Однако время от времени Ленин принимал делегации крестьян и рабочих преимущественно из близлежащих районов и отвечал на их приветствия «ласковыми жестами». Регулярно его возили в машине на прогулки; вскоре подвижность правой парализованной ноги восстановилась настолько, что он мог передвигаться без посторонней помощи.

Однажды, 21 октября 1923 г.³, он проявил сильное желание поехать в Москву, преодолев нежелание окружающих. Он смог подняться по лестнице в свою прежнюю квартиру в Кремле, провел там несколько минут, огляделся вокруг, не спеша отобрал некоторые книги в своей библиотеке. Потом его привезли обратно в Горки, и больше он оттуда никуда не выезжал.

Поздней осенью наступило «новое и последнее ухудшение». Последний раз он смог принять делегацию рабочих 2 ноября⁴. Однако вплоть до 19 января 1924 г. никаких видимых симптомов удара не было, в тот день он выглядел особенно изнуренным и знаками показал, что его зрение поражено. В понедельник 21 ян-

варя в 6 часов вечера последовал еще один тяжелый удар и через пятьдесят минут Ленин скончался.

В течение всего этого времени о состоянии здоровья Ленина общественности было мало известно⁵. К концу апреля 1923 г. публикация бюллетеней в печати прекратилась; и те, кто имел доступ к конфиденциальным сообщениям врачей в мае и июне, должно быть, имели основание подозревать, что Ленин уже не вернется к делам. Возможно, для многих это прозвучало зловеще, когда Центральный Комитет в соответствии с пожеланием Московской партийной конференции решил учредить Институт В. И. Ленина, где будут собраны рукописи Ленина и связанные с ним документы, опубликовал обращение за подписью Сталина и Каменева с просьбой о передаче в Институт всех подобных материалов⁶, или когда на территории сельскохозяйственной выставки при Центральном Доме крестьянина был создан «Ленинский уголок», посвященный жизни Ленина и истории партии⁷. 30 августа 1923 г., в день, когда исполнилось 5 лет со дня покушения на жизнь Ленина, газета «Известия» напечатала выступления Зиновьева и Каменева, в которых говорилось о недавнем улучшении здоровья Ленина. 9 октября в прессе было помещено подробное заявление Молотова, с которым он за два дня до этого выступил на курсах секретарей партийных организаций. Молотов сообщил, что в течение лета здоровье Ленина было в очень тяжелом состоянии, что дало повод для острой тревоги; однако в последние два месяца его здоровье значительно улучшилось и теперь основным затруднением является восстановление речи. В заключении сообщения была выражена надежда на скорое и полное выздоровление Ленина. Несколько дней спустя нарком здравоохранения Семашко сделал похожее заявление на празднике, организованном на сельскохозяйственной выставке:

«В здоровье В. И. Ленина с начала августа произошли настолько значительные улучшения, что для пользующих его врачей это оказалось неожиданным.

Общее самочувствие Владимира Ильича хорошее — он читает газеты, интересуется разными вопросами, в том числе и выставкой. Но, конечно, ему надо лечиться и отдыхать, прежде, чем он вновь вернется к работе»⁸.

Примерно тогда же, выступая на одном комсомольском собрании, Зиновьев говорил о «непрерывном улучшении здоровья» Ленина в течение последних двух месяцев и сделал характерное, неискреннее добавление: «не врачи руководят лечением великого вождя, а он сам дирижирует ходом лечения»⁹. Последовав примеру Зиновьева, Томский сообщил, что «врачи удивлены происшедшей переменой и уверяют, что теперь дело быстро пойдет на улучшение»¹⁰. К концу октября поток успокоительных заявлений прекратился. После этого молчание не нарушалось ни одним официальным сообщением. Однако настроение тревожного оптимизма продолжало преобладать. В середине декабря 1923 г. на собра-

нии железнодорожников в Брянске, адресуя вопрос Лежаве, кто-то выкрикнул: «Хотим знать о здоровье Ильича!» И Лежава ответил, что Ленин поправляется и что «недалек тот момент, когда он, если не вполне возьмет руль правления, то будет иметь возможность давать нам указания и советы»¹¹.

Конец наступил вечером 21 января 1924 г. до того, как какие-либо сведения о непосредственном критическом положении здоровья Ленина достигли Москвы. Там, в Москве, проходили заседания II Всесоюзного и XI Всероссийского съездов Советов. Ранее в тот день Зиновьев завершил затянувшуюся сессию Президиума ИККИ¹². Номера газет за 22 января уже пошли в печать; но были отпечатаны экстренные выпуски с объявлением о смерти Ленина. Поздно вечером в тот же день большевистские руководители — Зиновьев, Бухарин, Томский, Калинин, Сталин и Каменев (Рыков не смог к ним присоединиться из-за болезни) — отправились в Горки на автомобилях¹³.

Зиновьев описал происходившее в Горках. Была морозная лунная ночь. Тело Ленина находилось на столе в обрамлении цветов и сосновых веток в комнате, где, как вспоминал Зиновьев, руководители встретились летом 1920 г., чтобы обсудить наступление на Варшаву. Отдав последние почести умершему вождю, они возвратились в Москву на траурное заседание пленума ЦК партии, назначенное на 2 часа дня, на которое они опоздали, приехав на час позже. На следующее утро было произведено вскрытие, и объявлено, что причиной смерти явился «распространенный атеросклероз сосудов» головного мозга¹⁴.

В тот же день, 22 января, Центральный Комитет опубликовал свое прощальное слово. Это было обращение «К партии, ко всем трудящимся». Прежде, чем отметить заслуги Ленина как вождя Октябрьской революции, обращение охарактеризовало его (не совсем верно, но отсутствовал Троцкий, который мог бы выразить протест, если б имел такие намерения), как «человека, под руководством которого несокрушимые ряды большевиков дрались в 1905 году». В обращении был отмечен основной вклад, который Ленин внес в марксистскую теорию «разработкой учения о пролетарской диктатуре, о союзе рабочих и крестьян, о всем значении для борющегося пролетариата национального и колониального вопросов и, наконец, его учением о роли и природе партии». В документе было сказано: «Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина». Обращение заканчивалось гордой претензией на превосходство:

«В европейской развалине мы являемся единственной страной, которая под властью рабочих возрождается и смело смотрит в свое будущее»¹⁵.

23 января газеты не вышли. Номер «Правды» от 24 января был целиком посвящен оказанию последних почестей и статьям в память о Ленине.

Последующий ритуал явился выражением искренних и всенародных чувств и вместе с тем первым опытом революционного режима в организации официальной пышной церемонии похорон. 23 января, в среду, члены ЦК партии выехали в Горки и приняли участие в сопровождении гроба с телом Ленина. Когда поезд прибыл в Москву, к траурной процессии присоединились делегаты II Всесоюзного и XI Всероссийского съездов Советов, которые пешком направились в Дом Союзов; там гроб с телом Ленина находился вплоть до дня похорон; у гроба был выставлен почетный караул, в составе которого были большевистские руководители. Бросалось в глаза отсутствие Троцкого, который несколькими днями раньше отбыл из Москвы на Кавказ, и получил известие о смерти Ленина вечером 21 января в Тифлисе. На следующий день, по его словам, он телеграфировал в Москву, чтобы узнать, на какой день назначены похороны, и получил от Сталина ответ, что они назначены на 26 января. На обратный путь по железной дороге от Тифлиса в Москву, который занял бы четыре дня, времени не хватало. (На самом деле похороны состоялись 27 января, в воскресенье.) Троцкий продолжил свой путь до Сухума¹⁶. После того как за три дня до смерти Ленина на XIII партконференции Троцкому был вынесен вердикт, его отсутствие на церемонии прощания вызвало у его коллег только облегчение.

Со своей стороны Сталин в течение последнего года понял значение своей роли самого скромного и самого преданного ученика Ленина. Теперь представилась возможность применить на практике усвоенный урок, и он не собирался упускать случай. Лишь накануне похорон он взял особый тон. В тот день, 26 января, состоялось траурное заседание II съезда Советов СССР, на котором большевистские руководители выступали с хвалебными речами в честь своего умершего вождя. Сталин говорил четвертым, после Калинина, Крупской и Зиновьева. В то время как другие ораторы произносили панегирики, используя традиционную лексику большевизма, выступление Сталина было необычным как по содержанию, так и своей форме. По содержанию: отношение партии к Ленину было изображено как отношение скромных учеников, почитающих его и повинующихся основателю партии, своему законодателю, своему вождю, надежде обездоленных и презираемых во всем мире. Трезвый анализ Маркса уступил место благочестивым призывам. Своей формой и языком речь, изученная столь тщательно, как ни одно другое, вышедшее когда-либо из-под пера Сталина произведение, очевидно, обязана влиянию духовного образования, полученного Сталиным в юности. Ее отличал библейский слог. Структурно речь напоминала антифон: каждая последующая «заповедь» Ленина чередовалась с единообразными ответами от имени тех, кто поклонялся ему. Особенность этого выступления проявилась уже в первом абзаце и серии «ответов»:

«Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем ар-

мию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как знание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должен быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!»¹⁷.

Многим большевикам, воспитанным в западных традициях, подобная ритуальная экзальтация лидера, должно быть, показалась столь же чуждой, какой она была бы для самого Ленина. Но для тех, кто вырос в условиях России, не зная западных традиций, эта речь могла задеть некоторые знакомые, полузабытые струны их души и добавить к их скорби ту теплоту и эмоциональность, которых так не хватало аскетичной интеллектуальной атмосфере марксизма.

На том же заседании съезда, где были заслушаны эти речи, получил также одобрение целый ряд предложений об увековечивании памяти Ленина. Первое из них касалось переименования города Петрограда, колыбели революции, в Ленинград¹⁸. Это пред-

ложение внес Калинин в своем официальном выступлении от имени ВЦИКа, и оно было принято без обсуждения. Был уже поздний час, и оставшиеся предложения приняли списком без дальнейших формальностей. Было решено объявить 21 января, день годовщины смерти Ленина, днем национального траура, соорудить памятники Ленину во всех главных городах СССР и издать его избранные сочинения. Последнее постановление гласило:

«1) Гроб с телом Владимира Ильича Ленина сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

2) Склеп соорудить у Кремлевской стены, на Красной площади, среди братских могил борцов октябрьской революции»¹⁹.

Ничего не известно о том, кто изначально явился автором этих проектов и обсуждались ли они предварительно на заседании Политбюро или среди руководителей. В тот момент любой проект в память о Ленине сразу же после его выдвижения получал одобрение почти автоматически²⁰.

Похороны, состоявшиеся в воскресенье 27 января, были проведены в соответствии с принятыми традициями. В 9 часов утра Сталин, Зиновьев и шестеро рабочих вынесли гроб с телом Ленина из Дома Союзов; затем из их рук гроб приняли Калинин, Каменев, Курский, четверо рабочих и крестьян и пронесли его во главе процессии по Красной площади. Здесь, несмотря на то что день выдался очень холодным, в течение долгого времени находилось множество людей, пока бесконечное число делегатов и представителей возлагали венки и произносили речи в честь усопшего. Только в 4 часа дня Сталин, Зиновьев, Каменев, Молотов, Бухарин, Рудзутак, Томский и Дзержинский снова подняли гроб и опустили его в наскоро сооруженный перед Кремлевской стеной склеп, который вскоре заменил более долговременный мавзолей²¹.

В течение последующих дней и недель советские газеты и периодические издания печатали статьи, восхваляющие Ленина и рассказывающие о встречах и впечатлениях от встреч с ним. Из всех авторов, выступивших с воспоминаниями, самым плодовитым и красноречивым был Зиновьев. Его близкое общение с Лениным в Швейцарии во время войны отвело ему уникальное место в истории партии. Зиновьев вернулся в Петроград в апреле 1917 г. в запломбированном вагоне в качестве признанного и незаменимого первого заместителя вождя. И когда в «июльские дни» партия решила, что ее вождь должен во чтобы то ни стало избежать ареста, именно Зиновьев сопровождал Ленина в убежище. Его противодействие захвату власти и суровая критика его Лениным в то время была едва ли известна и то лишь нескольким стойким членам партии в Центральном Комитете. После смерти Ленина Зиновьеву было легко создать себе почти бесспорное положение ближайшего последователя Ленина и верховного жреца нового вероучения — ленинизма.

«Ленин умер, — говорилось в его длинной памятной статье в «Правде» 30 января, — ленинизм живет. Живет в нашей великой

партии, в Коминтерне, в революционном движении всего мира. Когда пролетарская революция победит во всем мире, это будет прежде всего победа ленинизма...»

Сталин не мог особенно похвастаться личным общением с умершим вождем и поэтому держал себя с самоуничижающей скромностью. Но на следующий день после своего выступления на заседании съезда Советов СССР он обратился с речью к кремлевским курсантам. Перед тем, как начать хвалебную речь революционному вождю и его гению, Сталин коротко рассказал в этой речи историю своих первых встреч с Лениным в Таммерфорсе, Стокгольме и Лондоне. Свои воспоминания он предварил новым эпизодом, о котором нет никаких других свидетельств, кроме этого единственного упоминания самого Сталина. Он рассказал, что после прочтения первых номеров «Искры» и других ранних партийных произведений он находился под сильным впечатлением, осознав, что Ленин на целую голову выше всех других большевиков, он — «горный орел». О своем впечатлении Сталин написал неназванному другу, который показал письмо Ленину; в конце 1903 г. Сталин, находившийся тогда в сибирской ссылке, получил от Ленина «простое, но глубоко содержательное письмо», которое «по привычке старого подпольщика» немедленно сжег²². Строгие критики отнесли эту историю к категории исторического вымысла. Неважно, была ли она правдивой или выдуманной, ее назначение в данном контексте было очевидным. Этот рассказ поднял авторитет Сталина как старого большевика, который, таким образом, еще в ранний период истории партии обратил на себя внимание будущего вождя. Троцкий впервые познакомился с Лениным в Лондоне в 1902 г.

Официальная передача государственных постов, которые занимал Ленин, не доставила никаких хлопот и не стала большим событием. Председателем Совнаркома СССР стал Рыков, который одновременно являлся председателем Совнаркома РСФСР: на посту председателя ВСНХ Рыкова сменил Дзержинский. Каменев занял место Ленина в качестве председателя СТО, а Цюрупа сменил Кржижановского на посту председателя Госплана: они оба стали также заместителями председателя Совнаркома. Ленин одновременно являлся партийным лидером и главой исполнительной государственной власти. Указанные назначения, которые 2 февраля 1924 г. были подтверждены ЦИК²³, показывают, что с этого времени существовало разделение функций и что центр тяжести находился в партии. Через несколько дней после похорон Ленина собрался пленум ЦК партии, чтобы утвердить резолюцию XIII партконференции; так как это была только конференция, то ее решения не имели официальной силы до тех пор, пока не получали подтверждения Центрального Комитета от имени съезда как высшего органа партии. Суть резолюции конференции «Об итогах дискуссии» была доведена до сознания членов партии с помощью

указания на все более растущую необходимость партийного единства «теперь, после того, как выбыл из строя тов. Ленин»²⁴.

Однако основной задачей была организация мер по приему в партию «рабочих от станка», как было решено на конференции. Теперь Центральный Комитет объявил, что смерть Ленина усилила тягу рабочих в партию, и постановил проведение трехмесячной кампании по вовлечению рабочих в партию. Правила приема были смягчены до такой степени, что рабочие, обращающиеся с этой просьбой, должны были войти в контакт с членами партии, если возможно, с рабочими той же фабрики, которые могли бы подтвердить их надежность. С этой целью собирались общие собрания рабочих; но прием в партию предполагал проведение «предварительного рассмотрения каждой кандидатуры в отдельности»; кандидатуры тех, кто раньше состоял членом других партий, должны были рассматриваться с особой предусмотрительностью. Наконец, обучение в партшколах для членов и кандидатов в члены должно быть пересмотрено с тем, чтобы «главное внимание этих школ политграмоты было сосредоточено на истории партии в связи с исключительной ролью в ней руководящих идей тов. Ленина»²⁵.

Решение увеличить численность партии за счет широкого приема «рабочих от станка» не привлекло большого внимания делегатов конференции, состоявшейся в январе; оно казалось скорее традиционным реверансом в поддержку доктрины партийной демократии, чем практическим нововведением. Оно явилось в высшей степени важным как для численности партии, так и для ее состава. Численность партии, которая начинала с небольших групп, постоянно увеличивалась после Февральской революции 1917 г., и еще быстрее — после завоевания власти в октябре. Перед первой большой чисткой 1921 г. партия насчитывала более 650 тыс. членов. Чистка серьезно ограничила этот процесс роста. Она не только единым махом сократила численность членов до 500 тыс.²⁶, но и создала прецедент для обязательных периодических пересмотров численного состава партии, что и в дальнейшем позволило к началу 1924 г. сократить численность партии до 350 тыс., когда в партии было 120 тыс. кандидатов в члены партии²⁷. В этих решениях нашли отражение идеи Ленина, которые он настойчиво высказывал. В 1919 г. он гордился тем, что «партия революционного рабочего класса» — «единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества»²⁸. И накануне XI съезда партии в 1922 г., последнего съезда, на котором присутствовал Ленин, он продолжал настаивать на строгом ограничении численности партии:

«Если у нас имеется в партии 300—400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии»²⁹.

Решение XIII партийной конференции, принятое в январе 1924 г., когда Ленин находился при смерти, повернуло вспять этот процесс сокращения и способствовало увеличению партийных рядов, что автоматически явилось ответом на требование расширить «партийную демократию». С этого момента численность партии начала расти, что продолжалось без перерыва, несмотря на все последующие превратности ее истории.

Принятое решение при новом приеме в партию отдавать предпочтение «рабочим от станка» оказалось важным, но оно не являлось чем-то новым в партийной доктрине. Слабость пролетарского элемента в партии была хроническим недугом с самых первых лет ее существования: на III съезде партии в 1905 г. Ленин указывал, что в составе партийных комитетов следовало бы иметь на каждых 2-х интеллигентов 8 рабочих³⁰. Быстрый рост рядов партии после Октябрьской революции создал новые проблемы из-за большого количества вновь вступивших, которые «к правящей партии примыкают... уже потому, что эта партия есть правящая». Среди тех, кто вступил в партию из карьеристских соображений, непролетарские элементы были если не самыми многочисленными, то, во всяком случае, самыми заметными; было разумным признать, что зло можно было бы пресечь путем лимитирования численности непролетарских членов партии. В конце 1919 г. Ленин, заключая свою оценку качественного состава партии рабочих, рекомендовал ей «вбирать в себя вне рабочего класса только тех выходцев из других классов, которых она имеет возможность испытать с величайшей осторожностью»³¹. Самым недавним конкретным официальным партийным заявлением по этому вопросу было решение XI партийной конференции в сентябре 1920 г., по которому прием в партию регулировался таким образом, «чтобы свести до минимума все формальности для рабочих и пролетарских элементов крестьянства и увеличить до максимума препятствия для вступления в партию непролетарских элементов»³². В этом отношении решение январской конференции полностью соответствовало взглядам Ленина и любого другого ответственного партийного руководителя.

Все три месяца — февраль, март и апрель 1924 г. — продолжался известный в истории партии так называемый «ленинский призыв». Правила приема были изложены очень неопределенно с тем, чтобы предоставить местным партийным властям почти неограниченные полномочия; и знающая свое дело партийная машина, созданная секретариатом Сталина, получила возможность проявить себя. На состоявшемся в конце марта пленуме Центрального Комитета, где рассматривались вопросы подготовки к XIII съезду партии, было решено предоставить всем кандидатам в члены партии (возможно, имелись в виду те, которые были зарегистрированы как кандидаты в местных партийных органах) и членам партии право решающего голоса при выборе делегатов на партийный съезд³³. Это означало, что новый «призыв» будет об-

ладать полными правами на съезде, даже если процедура приема в партию из-за нехватки времени не была доведена до конца.

На съезде, который собрался в конце мая 1924 г., было объявлено, что перед 1 мая было принято 128 тыс. новых членов партии, в результате чего общая численность партии составила 600 тыс. человек, и что к концу мая новый призыв составит не менее 200 тыс.³⁴ В действительности даже этот предел был превзойден; «ленинский призыв» достиг 240 тыс. человек, что увеличило общую численность партии, включая кандидатов, более, чем на 50%. А так как новые члены были почти все «рабочими от станка», то доля промышленных рабочих в партии впервые превысила половину ее численности. И без того большой перевес великорусского элемента в партии еще больше увеличился, так как русские продолжали все еще составлять подавляющее большинство промышленных рабочих³⁵.

Однако самое важное изменение «ленинский призыв» внес в политическую подоплеку членства в партии. С завоеванием власти сама партия изменила свой характер. Никакие усилия Ленина не могли сохранить понимание партии как однородной группы преданных революционеров в условиях, когда это понимание реально уже было более неприменимо. После 1917 г., а еще больше после 1921 г. партия уже не была организацией отважных смельчаков, объединившихся, чтобы завоевать свободу путем свержения господства несправедливости и угнетения. Она незаметно трансформировалась в политическую машину для управления делами и наблюдения за их исполнением в пределах огромного государства. Более старые члены партии были интеллигентами-энтузиастами или рабочими с обостренным классовым сознанием, вступившими в партию для того, чтобы осуществить революцию. Но к 1923 г. из этих «старых большевиков» осталось лишь 10 тыс.; и не все из них были по-прежнему активными³⁶. Из тех, кто вступил в партию после 1917 г., многие — в особенности, вероятно, молодые — погибли в горячее революционное время, отдали свои жизни в опасных сражениях гражданской войны и, не жалея себя, трудились, созидая новое социалистическое общество. Но со временем среди вновь принятых в партию все большее число стали составлять те, кто в период бури и натиска оставался в стороне, а сейчас вступал в партию не для того, чтобы свергнуть старый порядок или требовать новые права, а чтобы сохранить установленный порядок и пользоваться соответствующими привилегиями. До того времени, когда умер Ленин, карьеристов в партии можно было найти в основном, вероятно, среди тех, кто рекрутировался из бывших представителей буржуазии — ее интеллигенции или ее администраторов; и с помощью партийного билета они надеялись добиться влияния и власти, а также и улучшения материального положения. В действительности ограничения, все еще имеющие силу и распространявшиеся на заработки членов партии, часто означали, что член партии, занятый в хозяйственной администра-

ции, получал меньше в переводе на язык финансовых вознаграждений, чем его непартийный коллега. «Ленинский призыв» послужил новым стимулом для своекорыстия более широкого слоя.

Это был первый такого масштаба набор в партию, сознательно запланированный и организованный с особой целью. Члены партии всегда считали себя людьми, обладающими особыми привилегиями и особыми обязанностями. Но теперь привилегии впервые начал принимать преимущественно материальные формы — в период безработицы члены партии были первыми, кого брали на работу и последними, кого увольняли; среди обязанностей, пунктуальное выполнение которых гарантировало сохранение привилегий, обязанность быть верным партийным властям оценивалась выше, чем когда-либо прежде. На организацию «ленинского призыва» всеохватывающее влияние оказала борьба с оппозицией. Он означал и только что завоеванную победу и гарантию против нового возобновления борьбы. Единство партии и преданность ее вождям были провозглашены — более четко, чем ранее, — высшим идеалом. «Развитие партии в дальнейшем будет, несомненно, опираться на этот ленинский призыв», — заявил Молотов ³⁷.

Успех «ленинского призыва» сопровождался соответствующей чисткой. Ни о каких официальных партийных решениях относительно начала кампании чистки не сообщалось, и то, что было сделано, вероятно, не отличалось от той периодически проводившейся ревизии численности партии, которая время от времени проходила в ней, начиная с первой чистки в 1921 г. Это был не первый случай, когда в ходе чистки допускались злоупотребления. Незадолго до последнего удара Ленин настойчиво выражал недовольство по поводу такого распространенного явления, как «сведение личных и местных счетов», допускаемого местными партийными комиссиями, отвечавшими за проведение чистки ³⁸. В этот раз удар должен был пасть главным образом на сторонников оппозиции. Обвинения в их дискриминации, высказанные Преображенским в частном порядке и на XIII партийном съезде, возможно, были преувеличены, но, похоже, имели под собой основания. Было бы лучше, заявил Преображенский, если бы людей открыто изгоняли из партии за их поддержку оппозиции, а не под предлогами, оставлявшими человека «опозоренным политически и морально». Согласно выступлениям официальных представителей, первоначально чистка была ограничена четырьмя городами — Москвой, Ленинградом, Одессой и Пензой; она была направлена против «непролетарских ячеек», «примазавшихся элементов» к партии, в том числе сюда попали также «люди беспринципные, которые голосовали и за ЦК». То, что были допущены ошибки, это признали ³⁹. Проводившаяся в этот момент чистка не могла не восприниматься как новое оружие в руках партийного руководства, решившего принудить к покорному принятию его решений, — оружие менее безопасное, но действующее более быстро и безжалостно, чем контроль при приеме в партию. И произошедший

в тот же период случай, который получил огласку в «Правде», без сомнения, в качестве назидания другим наилучшим образом продемонстрировал намерения властей безотлагательно предпринимать дисциплинарные меры. Против двух молодых членов партии было выдвинуто обвинение в том, что они «распространяли секретные документы, зная о том, что эти документы — секретные и что партия не разрешает их опубликовывать». Их проступок был доказан и основательно усугублен отказом выдать Центральной контрольной комиссии партии фамилии тех, от кого они получили эти документы. В отчете комиссии об этом было сказано как о «вопросе принципиальном»: в одной из своих последних статей Ленин вменил в обязанность ЦКК следить за тем, чтобы «ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности». Оба преступника были исключены из партии, получив разрешение по истечении срока в шесть месяцев, просить о восстановлении; вероятно, при условии, что они назовут нужные имена ⁴⁰.

Пока продолжался «ленинский призыв», Сталин в более широком масштабе повторил то, что он сделал прошлой весной, когда в преддверии XII партийного съезда он выступил с двумя лекциями в рабочем клубе и Свердловском университете, в которых он раскрылся как серьезный ученик и последователь Ленина, революционный теоретик ⁴¹. Теперь, год спустя, накануне XIII съезда он еще раз вступил в борьбу на ниве учения о партии, прочитав серию лекций в Свердловском университете, опубликованных в «Правде» в апреле и мае 1924 г. под названием «Об основах ленинизма». Его толкование ленинизма, который он определил как «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», было убогим, разложенным по полочкам и в высшей степени схематичным. Оно благоразумно не претендовало на оригинальность или глубину, но снова показывало его автора в роли упорного и преданного ученика. Лишь несколько пунктов были важными. В разделе теории без ссылки на Троцкого Сталин напал на поборников «перманентной революции» и старался объяснить, чем учение Ленина (который, подобно Марксу, также употреблял этот термин) отличается от их взглядов:

«...Ленин предлагал «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции, между тем как сторонники «перманентной революции» не понимали серьезной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу революционной энергии крестьянства, недооценивали силу и способность русского пролетариата повести за собой крестьянство и затрудняли, таким образом, дело высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии, дело сплочения крестьянства вокруг пролетариата.

...Ленин предлагал **увенчать** дело революции переходом власти к пролетариату, между тем как сторонники «перманент-

ной революции» думали **начать** дело прямо с власти пролетариата»⁴².

Пытаясь таким образом лишить Троцкого возможности претендовать на роль последователя Ленина, обвиняя его в поддержке неленинского учения, в пренебрежении крестьянством и (более тонко) в том, что он не смог понять специфику условий России, Сталин тем не менее в той части, которая в более поздних изданиях подверглась опущениям и изменениям, продолжил эту тему и вновь подтвердил общепринятое положение, что социализм может быть осуществлен только на международной основе:

«Но свергнуть власть буржуазии и оставить власть пролетариата в одной стране, еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли решить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран»⁴³.

В следующем разделе, посвященном крестьянству, Сталин оберег себя от крайне восторженной оценки крестьянства, которую высказывали в некоторых партийных кругах. «Совершенно неверно», заявил он, считать крестьянский вопрос «исходным пунктом ленинизма». Основным вопросом является диктатура пролетариата: ленинизм — это учение, которое рассматривает «трудящиеся массы крестьянства, как резерв пролетариата»*. Даже в этот период Сталин предусмотрительно держится середины. Но его невыразительные высказывания не содержали ничего положительного или, наоборот, неприятного, что привлекло бы внимание других партийных вождей. Казалось, никто даже не придал никакого особого значения его выступлению по такому вопросу, где до сих пор его амбиции проявлялись довольно слабо.

В мае 1924 г., накануне XIII партийного съезда произошла одна неловкая сцена. В силу в высшей степени личного характера Завещания Ленина, оно было, видимо, предназначено не для всей партии, а для его ближайших партийных соратников. Однако Крупская, наверняка знавшая желание и намерения Ленина, настоятельно просила прочитать его на предстоящем съезде, где можно было бы вынести суждение и предпринять соответствующие шаги. Нет никаких свидетельств о том, когда партийные вожди узнали о содержании и тексте Завещания. Но можно легко пред-

* У Сталина: «...прав ленинизм, рассматривающий трудящиеся массы крестьянства, как резерв пролетариата». — *Прим. ред.*

ставить, с каким ужасом оно было встречено. В Завещании Зиновьеву и Каменеву было недвусмысленно указано, что их несостоятельность в решающий момент революции не была «случайностью». Несмотря на то, что недостатки Троцкого были подвергнуты критике, все же он был охарактеризован как «самый способный человек в настоящем ЦК», в самом Завещании хула и хвала в адрес Сталина были тщательно дозированы, но в постскриптуме к Завещанию Сталин стал мишенью для прямой атаки, там же содержалась рекомендация переместить его с поста Генерального секретаря партии ⁴⁴. И вопрос о мерах, которые надлежало принять в связи с Завещанием, и вопрос о придании его содержания гласности были сверхделикатными. Никто из вождей, за исключением, вероятно, Троцкого, не выиграл бы от его опубликования. Сталин же проиграл бы гораздо больше других. Снова общие интересы борьбы с Троцким сплотили членов триумвирата.

22 мая 1924 г. для рассмотрения этого вопроса состоялось партийное заседание ⁴⁵. Завещание было зачитано Каменевым, который председательствовал на заседании. Затем выступил Зиновьев, его слова были записаны по памяти одним из присутствующих:

«Товарищи, последнее желание Ильича, последнее слово Ильича — без сомнения, закон для нас. Неоднократно мы давали клятву выполнить все, что умиравший Ильич советовал нам осуществить. Вы хорошо знаете, что мы сдержим это обещание... Но мы рады сказать, что в одном пункте опасения Ленина оказались необоснованными. Я имею в виду вопрос о нашем генеральном секретаре. Вы все были свидетелями нашей совместной работы в последние несколько месяцев; и вы, так же как и я, с удовольствием подтвердите, что опасения Ильича не оправдались» *.

Каменев поддержал призыв Зиновьева не выносить решения о перемещении Сталина. Никто не предъявил Сталину никаких обвинений. Многие из присутствовавших, возможно, разделяли сомнения Ленина, но были так же, как Ленин, не в состоянии предложить конкретной альтернативы. Троцкий сидел молча в течение всего заседания. Однако если Сталин (а с ним и теперешнее руководство) должен был остаться, то обнародование ленинских размышлений и опасений не принесло бы ничего, кроме вреда. Большинство в 30 голосов против 10 и вопреки возражению Крупской было решено не читать Завещание съезду, а конфиденциально довести его до сведения глав делегаций, присутствовавших на съезде ⁴⁶. Результаты голосования предотвратили удар, который мог бы положить конец партийной карьере Сталина. Но сами по себе они не усилили его достоинств. Даже пронизательный диагноз Ленина относительно качеств и способностей Сталина все же не научил партию думать о нем, как о своем будущем вожде.

* Источник не указан. — *Прим. ред.*

XIII съезд партии собрался в Москве 23 мая 1924 г. День открытия был ознаменован церемонией, которая свидетельствовала о быстром росте культа памяти Ленина. На Красной площади у Мавзолея Ленина состоялся парад юных пионеров, организованный Коммунистическим союзом молодежи. Пионерам торжественно присвоили звание «ленинцев», и был принят пересмотренный текст пионерской присяги, согласно которой они обещали «неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров и заветы Ильича». Среди тех, кто обратился к ним в связи с этим событием, были Каменев, Бухарин, Троцкий и Клара Цеткин⁴⁷. Сам съезд, не ознаменовавший никакого нового движения ни в каком направлении, послужил тому, чтобы убедить его участников в смятении оппозиционеров и их поражении. Вначале были намерения избежать полемики и дать возможность ранам затянуться. Зиновьев, который так же, как и на XII съезде делал основной доклад, приберег полемику для небольшого раздела в конце своего выступления. Он обратил внимание на опасности «новой, нарождающейся у нас буржуазии» в условиях НЭПа, а с ней и «нового меньшевизма»; это явление Зиновьев назвал «бабье лето меньшевизма». Однако он удержался от того, чтобы открыто связать эту опасность с партийной оппозицией и не назвал Троцкого в своей речи. Заключительная часть доклада касалась полемики, происходившей в партии в течение прошедшего года, и была закончена риторическим призывом:

«Самое умное и достойное большевика, что могла бы сделать оппозиция, — это то, что делает большевик, когда ему случается совершить ту или другую ошибку, — выйти на трибуну партсъезда к партии и сказать: я ошибся, а партия была права...

Есть одно средство действительно ликвидировать дискуссию и кончить ее раз навсегда: это — выйти на эту трибуну и сказать: права была партия и неправы были те, которые утверждали, что мы стоим на краю гибели».

Казалось, что оратор взял ноту, вызвавшую вздох облегчения, и был вознагражден за это «бурными продолжительными аплодисментами». В самом деле, впервые в истории партии он создавал имеющий решающее значение прецедент, когда от оппозиции требовали не преданного повиновения воле большинства, а отречения от своих взглядов. Однако лишь некоторые делегаты съезда, и меньше всех сам Зиновьев, находились под впечатлением новшества или угадывали в нем событие, которое будет иметь значение для будущего. Вслед за ним с докладом о партстроительстве выступил Сталин, который довольствовался фактическим отчетом о работе за год и вообще ничего не сказал об оппозиции. Его репутация человека, занявшего в дискуссии обдуманную и умеренную позицию, которая не привлекала внимания, все же сослужила ему хорошую службу.

Троцкий находился в затруднительном положении. Нельзя было и помыслить, чтобы он присутствовал на партийном съезде и

при этом бы не выступал или чтобы он выступил и при этом проигнорировал разглагольствования Зиновьева, которым так много аплодировали. Он не мог бороться против решения партии: когда он видел перед собой настоящих «старых большевиков», таких, как Зиновьев и Сталин, он всегда чувствовал себя приобщившимся к вере новичком, который должен компенсировать свое запоздалое приобщение вдвойне пылкими заверениями в своей преданности. «Чрезмерно хватаящий самоуверенностью» Троцкий — вот что было отмечено Лениным в качестве отличительной черты его характера. И это не позволяло Троцкому видеть своих ошибок. Он был не способен на тактическое лицемерие. В речи, намного более краткой, чем те, с которыми он обычно выступал на съездах, он вновь подчеркнул опасность бюрократизации в партии, подкрепив свое выступление словами Бухарина, снова повторил двусмысленную фразеологию резолюции от 5 декабря 1923 г. по вопросу о внутрипартийных фракциях и группировках и привел свой обычный довод в пользу большего и лучшего планирования. Но весь пафос его выступления проявился в словесной эквилибристике заключительного раздела, где он попытался прямо ответить на призыв Зиновьева:

«Товарищи, здесь было сделано приглашение всем тем, которые ошибались, заявить, что они ошибались. Нет ничего проще, морально и политически легче, как перед лицом своей собственной партии заявить о тех или других ошибках. Я думаю, что для этого не требуется большого нравственного героизма».

Но резолюция от 5 декабря означала признание со стороны Центрального Комитета, что он допускал ошибки и что следует идти новым курсом. Те, чьи предупреждения побудили принять резолюцию, не могут сейчас заявить, что ошибались.

«Товарищи, — продолжал Троцкий, — никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач. Я уже сказал, что пред лицом партии нет ничего легче, как сказать: вся эта критика, все заявления, предупреждения и протесты, — все это было сплошной ошибкой. Я, товарищи, однако, этого сказать не могу, потому что этого не думаю. Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала. У англичан есть историческая пословица: права или не права, но это моя страна. С гораздо большим историческим правом мы можем сказать: права или не права в отдельных частных конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия».

Тем не менее он не мог голосовать за резолюцию XIII партконференции, в которой он был подвергнут осуждению:

«Не только у отдельного члена партии, но даже у самой партии могут быть отдельные ошибки; таковы, например, отдельные

решения последней конференции, которые я считаю в известных своих частях неправильными и несправедливыми, но у партии не может быть таких решений, хотя бы неправильных и несправедливых, которые могли бы поколебать хотя бы на йоту нашу беззаветную преданность делу партии, готовность каждого из нас на своих плечах нести дисциплину партии при всяких условиях. И если партия выносит решение, которое тот или другой из нас считает решением несправедливым, то он говорит: справедливо или несправедливо, но это моя партия, и я несу последствия ее решения до конца»⁴⁸.

Ряд людей из тех, кто слышал эти слова, позднее должны были делать такие же заявления перед своей совестью, находясь куда в более страшном положении, чем то, в котором оказался Троцкий.

В ходе последовавших прений менее значительные фигуры в партии — такие, как Угланов⁴⁹, Захаров и Рудзутак, — набросились на Троцкого, а Преображенский сосредоточился на экономических вопросах, отстаивал экономическую политику оппозиции. Угланов сделал попытку дискредитировать оппозицию в вопросе, который в общих чертах уже ставился на январской конференции: о том, что оппозиция опиралась на поддержку интеллигенции и бывших буржуазных элементов. Он рассказал о том, что на Сормовском заводе, где он находился в то время, когда были опубликованы «письма» Троцкого, рабочие — и партийные и беспартийные — поддержали Центральный Комитет, а инженеры выступили за Троцкого. «Вот вам, — победно воскликнул Угланов, — классовая сущность настроений тех слоев, которые реагировали на выступления тов. Троцкого»⁵⁰. Каменев, отвечая и Троцкому и Преображенскому, настаивал на приговоре, вынесенном оппозиции на январской конференции, что она представляет собой «мелкобуржуазный уклон». Крупская отчаянно пыталась предотвратить дальнейшее расширение трещины. Она утверждала, что жизнь всегда в конце концов показывает, права партия или нет; Сталин и Зиновьев были правы, основной упор в своих выступлениях сделав на том факте, что жизнь оправдала линию Центрального Комитета. Но теперь важно повернуться лицом к новым задачам, которые выдвигаются жизнью, а не «дублировать ту дискуссию, которая была». Зиновьев был неправ, когда призвал представителей оппозиции признать свои ошибки с трибуны съезда: «Психологически это невозможно». Важно то, что оппозиционеры выражают желание работать с партией. Троцкий признал это, когда выступил против фракций и группировок. Сейчас необходимо «прекратить дальнейшую дискуссию и остановиться, главным образом, на тех вопросах, которые поставлены жизнью перед партией»⁵¹. В последний раз присутствующие на съезде партии услышали из уст вдовы Ленина ленинский призыв к воюющим внутрипартийным фракциям работать вместе во имя общего дела.

Однако слушать советы о взаимном умиротворении было уже слишком поздно — явно обнаружилось то, чего опасался и о чем

писал Ленин в своем Завещании. Выступая на следующий день после призыва Крупской, Сталин резко заявил, что он тоже против «дублировки прений по разногласиям», и поэтому он намеренно не коснулся этих разногласий в своем первом выступлении. Но, после того как Троцкий и Преображенский предложили свои варианты происшедших событий, молчание было бы «непонятно» и молчать «мы не имеем права»; и Сталин ринулся снова в ожесточенную атаку против пренебрежительного отношения Троцкого к резолюции от 5 декабря в его письме и статьях о «новом курсе» и против его отказа признать решения состоявшейся в январе XIII партконференции по этим вопросам. Зиновьев последовал его примеру, выступив в том же плане, но более тяжеловесно и многословно⁵². В основном постановлении съезд подтвердил резолюцию январской конференции о «мелкобуржуазном уклоне» оппозиции и вынес полное одобрение Центральному Комитету за его «твердость и большевистскую непримиримость... в защите основ ленинизма против мелкобуржуазных уклонов»⁵³. Среди членов, избранных на съезде в состав Центрального Комитета партии, был Троцкий. Количество голосов, полученных каждым кандидатом, никогда публично не объявлялось. Но согласно распространенным тогда слухам, Троцкий был 51-м в списке, состоявшем из 52-х прошедших кандидатов⁵⁴.

XIII партсъезд, состоявшийся в мае 1924 г., через четыре месяца после смерти Ленина, ознаменовал кульминационный момент и окончание периода колебаний и неразберихи в партийных делах, который начался в декабре 1922 г. с окончательного устранения Ленина от активной деятельности. В течение этого времени члены триумвирата сблизились теснее, связанные твердой решимостью не допустить Троцкого к руководству, и, осознавая свою зависимость друг от друга, приняли решение проводить политику выжидания и идти на всевозможные компромиссы друг с другом или с другими элементами в партии — компромиссы, необходимые для удержания своей власти. Благодаря хорошему урожаю можно было сохранять контроль над экономическим положением, допуская при этом минимальные изменения в разваливающейся структуре НЭПа и добиваться заметных успехов в осуществлении денежной реформы. Оппозиция была умелым образом расчленена, и ее атаки отбиты. Находившийся в изоляции Троцкий не испытывал желания бороться. На партийной конференции в январе, где сам он не присутствовал, Троцкий был разгромлен. Его присутствие на XIII партсъезде совсем не восстановило равновесие сил, а лишь подтвердило банкротство его собственной платформы и падение его авторитета в партии. Но закат карьеры Троцкого тотчас же ослабил силы, цементирующие триумвират. На XIII съезде Зиновьев — типичная фигура периода междуцарствия — выступил второй и последний раз в роли временного вождя партии, в роли, которую он узурпировал в апреле 1923 г. на XII съезде. Каменев был явно низведен до вторых ролей. Сталин продолжал

демонстрировать свои способности держаться в тени, а также коварное и безграничное терпение. Избежав суда ленинского Завещания и неосознанно благодаря «ленинскому призыву» безмерно усилив свой контроль над рядовыми членами партии, он только выжидал теперь момент, чтобы проявить себя и в полной мере показать свою власть и свои амбиции. Летом 1924 г. шаткое равновесие, характеризовавшееся погоней за компромиссами и оттягиванием времени, нарушилось. Период междуцарствия окончился.

«ПЛАТФОРМА 46-ти»

В Политбюро ЦК РКП *

Секретно

Чрезвычайная серьезность положения побуждает нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) открыто заявить, что продолжение политики, проводимой большинством Политбюро, угрожает всей партии тяжелыми бедствиями. Хозяйственный и финансовый кризис, начавшийся в конце июля текущего года, со всеми вытекающими политическими, и в том числе внутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл несоответствие партийного руководства как в области хозяйства, так особенно в области внутрипартийных отношений.

Случайный, необдуманный и бессистемный характер решений Центрального Комитета, который не может свести концы с концами в области хозяйства, привел к такому положению, когда, несмотря на несомненные большие успехи в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта — успехи, достигнутые хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на несоответствие руководства или, скорее, несмотря на его отсутствие, — мы стоим не только перед перспективой приостановки этих успехов, но также и перед тяжелым экономическим кризисом.

Мы стоим перед приближающимся расстройством червонной валюты, которая стихийно превратилась в основную валюту до того, как был ликвидирован бюджетный дефицит; перед кредитным кризисом, в условиях которого Госбанк больше не сможет, не рискуя при этом серьезными потрясениями, финансировать ни промышленность, ни торговлю промышленными товарами, ни закупку хлеба для экспорта; перед прекращением сбыта промышленных товаров в результате высоких цен, которые, с одной стороны, объясняются отсутствием планомерно организованного руководства промышленностью, а с другой стороны — неправильной кредитной политикой; перед невозможностью осуществить программу экспорта хлеба вследствие неспособности закупать хлеб; перед исключительно низкими ценами на продукты питания, которые разоряют крестьянство и угрожают массовым сокращением сельскохозяйственной продукции; перед перебоями в выдаче зарплаты, что порождает естественное недовольство среди рабочих в связи с бюд-

* Документ дается в переводе с английского языка. — *Прим. ред.*

жетным хаосом, который косвенно вызывает хаос в государственном аппарате. «Революционные» методы сокращений, применяемые при составлении бюджета, и новые очевидные сокращения при его реализации перестали быть переходными мерами и стали постоянным явлением, которое регулярно сотрясает государственный аппарат и в результате отсутствия эффективного планирования сокращений сотрясает его случайным и стихийным образом.

Таковы некоторые элементы начавшегося уже хозяйственного, кредитного и финансового кризиса. В случае, если немедленно не будут приняты широкие, хорошо продуманные, планомерные и энергичные меры, если будет продолжаться теперешнее отсутствие руководства, мы столкнемся, возможно, с исключительно острыми экономическими потрясениями, которые неизбежно повлекут за собой внутривнутриполитические осложнения и полный паралич нашей внешней деятельности и дееспособности. А это последнее, как всякому понятно, более необходимо нам сейчас, чем когда-либо; от этого зависит судьба мировой революции и рабочего класса всех стран.

В области внутривнутрипартийных отношений мы видим то же неправильное руководство, парализующее и разрушающее партию; это особенно явно проявляется в период переживаемого нами кризиса.

Мы объясняем это не политической неспособностью нынешних руководителей партии; наоборот, как бы сильно мы не расходились с ними в оценке положения и в выборе средств для его изменения, мы считаем, что теперешние руководители ни при каких условиях не могут не быть назначены партией на выдающиеся посты государства диктатуры рабочих. Мы объясняем это тем, что под внешней формой формального единства мы имеем в действительности однобокий подбор людей и столь же однобокое направление дел, которое приспособливается к мнению и симпатиям узкого круга. Вследствие искажения линии партийного руководства подобными узкими расчетами партия в значительной степени перестала быть живым, независимым коллективом, который чутко воспринимает действительность, потому что она тысячами нитей связана с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем продолжающееся расти и в настоящее время почти не скрываемое разделение партии на секретарскую иерархию и «тихий народ», на профессиональных партийных чиновников, назначаемых сверху, и основную партийную массу, которая не участвует в общественной жизни.

Вот факт, который известен каждому члену партии. Члены партии, не довольные каким-либо решением ЦК или даже губкома, те, кто сомневается, кто отмечает «про себя» ту или иную ошибку, неурядицы или непорядки, боятся говорить об этом на партийных собраниях и тем более в беседе, если только собеседник не является с точки зрения «осмотрительности» достаточно надежным; свободная дискуссия в партии практически исчезла, пар-

тийное общественное мнение заглохло. В настоящее время не партия и не ее широкие массы выдвигают и выбирают членов губкомов и ЦК РКП. В противовес им секретарская партийная иерархия во все большем масштабе подбирает состав конференций и съездов, которые превращаются во все большем масштабе в собрания, исполняющие волю этой иерархии.

Режим, установленный в партии, совершенно нестерпим; он разрушает независимость мнений членов партии, подменяет партию подобранным бюрократическим аппаратом, который действует безотказно в нормальное время, но неизбежно дает сбой в период кризиса, и который грозит стать совершенно недейственным перед лицом надвигающихся серьезных событий.

Создавшееся положение объясняется тем, что режим фракционной диктатуры внутри партии, который был создан фактически после X съезда, изжил себя. Многие из нас сознательно пошли на покорность режиму. Поворот в политике, происшедший в 1921 г. и затем после болезни Ленина, потребовал, по мнению некоторых из нас, внутрипартийной диктатуры в качестве временной меры. Другие товарищи с самого начала приняли его скептически или проявили негативное отношение к нему. Тем не менее к XII партийному съезду этот режим изжил себя. Он начал оборачиваться своей противоположной стороной. Внутрипартийные связи стали ослабевать. Партия стала замирать. Крайние и явно болезненные оппозиционные течения внутри партии начали приобретать антипартийный характер, так как отсутствовали товарищеские дискуссии наболевших вопросов. Такие дискуссии без труда вскрыли бы и партийной массе, и большинству их участников болезненный характер этих течений. Результатом явились нелегальные течения, которые отрывают членов партии от партии и партию от рабочих масс.

В том случае, если создавшееся положение не будет в ближайшем будущем радикально изменено, хозяйственный кризис в Советской России и кризис фракционной диктатуры в партии нанесут тяжелые удары по рабочей диктатуре в России и Российской коммунистической партии. С таким грузом на плечах диктатура пролетариата в России и ее руководитель — РКП не смогут вступить в стадию надвигающихся новых мировых потрясений иначе, чем с перспективой поражений по всему фронту пролетарской борьбы. Разумеется, было бы, на первый взгляд, самым простым разрешить вопрос ввиду всей обстановки в том смысле, что в настоящий момент нет и не может быть места для постановки вопроса об изменении партийного курса, постановки в повестку дня новых, сложных задач и пр. и пр. Но совершенно очевидно, что подобная точка зрения свелась бы к позиции официального закрывания глаз на действительное положение, так как вся опасность состоит в том, что перед лицом исключительно сложной внутренней и внешней обстановки не существует действительного идейного единства или единства действий. Начавшаяся в партии

борьба ведется тем более ожесточенно, чем более глухо и тайно она ведется. Мы поставили этот вопрос перед ЦК лишь с той целью, чтобы показать скорейший и наименее болезненный выход из противоречий, которые раздирают партию на части, и чтобы без промедления поставить партию на здоровый фундамент. Необходимо действительное единство в суждениях и действиях. Надвигающиеся трудности требуют единодушных, дружеских, полностью сознательных, исключительно активных, исключительно сплоченных действий всех членов нашей партии. Фракционный режим должен быть устранен, и это должны в первую очередь осуществить те, кто создал его; он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии.

Для того чтобы реализовать все вышеизложенное и принять меры, необходимые для выхода из хозяйственного, политического и партийного кризиса, мы предлагаем Центральному Комитету в качестве первого и неотложного шага созвать совещание членов Центрального Комитета с наиболее видными и активными партийными работниками с тем, чтобы в числе приглашенных были бы товарищи, имеющие взгляды на сложившееся положение, отличные от взглядов большинства Центрального Комитета.

*Заявление в Политбюро ЦК РКП
о внутрипартийном положении,
датированное 15 октября 1923 г.,
подписали **

*Е. Преображенский,
Б. Бреслав
Л. Серебряков*

Не соглашаясь с некоторыми пунктами этого письма, в которых объясняются причины создавшегося положения, но, однако, считая, что партия находится непосредственно перед вопросами, которые не могут быть полностью решены теми методами, которые до сих пор применялись, я полностью присоединяюсь к заключительному выводу настоящего письма.

А. Белобородов

* Расположение подписей на копии, с которой сделан настоящий перевод, не дает нам возможности утверждать, что оно соответствует первоначальному порядку подписания этого документа.

С предложениями целиком согласен, хотя расхожусь с некоторыми пунктами мотивировки.

А. Розенгольц
М. Альский

В основном я разделяю мысли этого обращения. Требование прямого и откровенного подхода ко всем нашим болячкам так назрело, что я полностью поддерживаю предложение о созыве указанного совещания с тем, чтобы наметить практические пути, способные вывести из накопившихся затруднений.

Антонов-Овсеенко
А. Бенедиктов
И. Н. Смирнов
*Г. Пятаков **
В. Оболенский (Осинский)
Н. Муралов
Т. Сапронов

Положение в партии и международное положение таково, что оно требует как никогда прежде необычайного напряжения и концентрации сил партии. Присоединяюсь к заявлению, рассматривая его *исключительно* как попытку восстановить единство в партии и подготовить ее к надвигающимся событиям. Естественно, что в настоящий момент не может быть речи о борьбе в партии в какой бы то ни было форме. Необходимо, чтобы Центральный Комитет оценил положение и принял бы неотложные меры для устранения недовольства внутри партии, а также среди беспартийных масс.

А. Гольцман
В. Максимовский
Д. Сосновский
Данишевский
О. Шмидель
Н. Ваганян
И. Стуков
А. Лобанов
Рафаил
С. Васильченко
Мих. Жаков
А. М. Пузаков
Н. Николаев

* У Карра ошибочно: Ю. Пятаков. — *Прим. ред.*

Поскольку я в последнее время находился несколько в стороне от работы в партийных центрах, я воздерживаюсь от суждений относительно первых двух абзацев вводной части; с остальным — я согласен.

Аверин

Я согласен с тем, что изложено в первой части относительно хозяйственного и политического положения в стране. Считаю, что в части, где описывается внутрипартийное положение вкрались определенные преувеличения. Совершенно неотложным является принятие *немедленных* мер для сохранения единства партии.

И. Богуславский

П. Месяцев

Т. Хоречко

Не согласен с рядом положений в первой части заявления; не согласен с рядом характеристик внутрипартийного положения. В то же самое время я глубоко убежден в том, что положение в партии заставляет принять радикальные меры, так как в настоящий момент в партии сложилась нездоровая ситуация. Полностью разделяю практическое предложение.

А. Бубнов

А. Воронский

В. Смирнов

Е. Бош

И. Бык

В. Косиор

Ф. Локацков

С оценкой экономического положения совершенно согласен. Я считаю опасным ослабление политической диктатуры в настоящий момент, освещение необходимо. Считаю созыв конференции совершенно необходимым.

Каганович

Дробнис

П. Коваленко

А. Е. Минкин

В. Яковлева

С практическим предложением полностью согласен.

Б. Эльцин

Подписываюсь с оговоркой товарища Бубнова.

Л. Левитин

Подписываюсь с той же оговоркой, что и Бубнов, хотя не одобряю ни форму, ни тон, характер которых тем более убеждает меня согласиться с практической частью заявления.

И. Палюдов

Не вполне согласен с первой частью, в которой говорится о хозяйственном положении в стране; это действительно очень серьезно и требует исключительно внимательного рассмотрения, но партия до сего момента не создала людей, которые руководили бы лучше, чем те, кто руководил до сих пор. Относительно вопроса о внутрипартийном положении считаю, что в том, что об этом сказано, есть существенная доля правды, и считаю необходимым принять срочные меры.

Ф. Судник

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Знаменательное время

1. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.
2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 212.
3. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.
4. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 77.
5. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
6. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 303.
7. Там же, с. 387. В Завещании Ленина также подчеркнута необходимость соглашения между рабочими и крестьянами как опоры партии (см. с. 193 книги).
8. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
9. Там же.
10. С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте. Сборник статей (1921—1925). М.—Л., 1925 г., с. 230—261. Книга содержит подробные статистические данные этих процессов, первоначально опубликованные в апреле 1923 г. Детальный анализ положения крестьянства Одесской губернии (Украина), который опубликовала газета «Труд», показал, что из 577 тыс. хозяйств 11 тыс. были совершенно без посева, 162 тыс. — без крупного скота и фактически на грани разорения, 137 тыс. хозяйств с 1 головой рабочего скота, они перебивались кое-как. Разорившиеся крестьяне не могли найти работы ни в городах (на Украине безработица в промышленности была большей, чем в остальных районах, см. с. 43 книги), ни в колхозах, которые отнюдь не процветали, ни в совхозах («Большевистская революция...», т. 2, главы 17 и 18), где хозяйствование велось плохо и где постоянной работой было обеспечено лишь 3 тыс. рабочих из всей губернии, а большую часть своей земли они сдавали в аренду. Поэтому много выбора, как идти в батраки, то есть к кулаку в кабалу, не оставалось. Таким образом, на селе происходило резкое расслоение на крепкие и слабые хозяйства, последние гибли, пополняя ряды батраков («Труд», 26 сентября 1923 г.). Год спустя, на XIII съезде партии Каменев, цитируя, видимо, монографию, изданную Центральным статистическим управлением, классифицирует крестьянское население следующим образом: мало-мощное крестьянство составляет 63% крестьянского населения, в его руках 74% хозяйств, 40% посева и только половина рабочего скота; среднее крестьянство — 23% населения, имеет 18% всех хозяйств; 25% всех посевов, 25% рабочего скота; зажиточные крестьяне составляют 14% населения, имеют 8% хозяйств, 34% всего посева, 25% рабочего скота. (См.: «Тринадцатый съезд РКП(б)». Стенографический отчет 23—31 мая 1924 г. М., 1924, с. 408—409. Примеры того, как обходили юридические препоны на право наемного труда посредством таких ухищрений, как фиктивные браки, усыновление или ссуды хлебом или семенами за отработку, даны в кн.: Л. Крицман. Классовое расслоение советской деревни. М., 1926, с. 163—164.
11. «XI Всероссийский съезд Советов». Стенографический отчет. М., 1924, с. 47. Статистические данные также показывают, что 100 тыс. рабочих трудятся в совхозах, 100 тыс. — в лесных хозяйствах, столько же занято на производстве специальных видов сельскохозяйственной продукции, виноградниках и т. д. О задачах Всеработземлеса см. статью в газете «Труд» 2 декабря

1923 г. Всеработземлес был основан в 1920 г. для сельскохозяйственных рабочих по найму, а также для членов артелей и коммун (позднее последние были выведены), но он так и не стал эффективной организацией.

12. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов. 1917—1936 гг., М., 1959, т. 1, с. 235.

13. «Собрание узаконений...», 1923, № 4, ст. 73; № 10, ст. 128.

14. Двенадцатый съезд РКП(б), 17—25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1923, с. 25. Данные о производстве промышленной продукции см. в кн.: Я. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР. М., 1926, с. 515.

15. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

16. Там же.

17. Там же.

18. В 1922/23 фин. г. государственные субсидии тяжелой промышленности все еще превышали банковские кредиты, предоставляемые остальной промышленности; в последующие годы это соотношение в корне изменилось (Я. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, с. 420).

19. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

20. Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству, опубликованный за июль 1923 г. М., 1923, № 7 (10), с. 37—38. Этот приказ (Приказ № 394 по Высшему совету народного хозяйства от 16 июля 1923 г. — *Ред.*) был зачитан Рыковым в его докладе на XIII конференции РКП(б), состоявшейся в январе 1924 г., как пример ошибки в политике, которая проводилась в 1923 г. Автором приказа был Пятаков (см.: «XIII конференция Российской коммунистической партии (большевиков)». М., 1924, с. 9—10).

21. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

22. На Сормовском машиностроительном заводе число рабочих, непосредственно занятых в производстве, упало за период с 1913 по 1922 г. с 6496 до 3708; число вспомогательных рабочих увеличилось в тот же период с 4187 до 6121, а служащих — с 1230 до 2188; соотношение числа вспомогательных рабочих и служащих к числу производственных рабочих возросло с 83% в 1913 г. до 224% в 1922 г. («Труд», 3 февраля 1923 г., две последние цифры вычислены автором книги. — *Ред.*). Согласно подсчетам, во всех основных отраслях промышленности, за исключением химической (где это увеличение было меньшим), соотношение служащих и рабочих удвоилось с 1913 г. (там же, 25 октября 1923 г.).

23. Данные на первый квартал 1923 г. содержатся в кн.: Я. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, с. 222—223. Положение было лучше в Москве, где заводы машиностроительного треста работали с 38%-ной загрузкой; соответствующие цифры для Петроградского машиностроительного треста были 11% загрузки, а Путиловский завод в Петрограде работал только с 4,3%-ной загрузкой. Положение было лучше в легкой промышленности, хотя согласно цифрам, приводившимся на XII съезде партии, загрузка всех предприятий составляла 30% («Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 339.)

24. В январе 1923 г. было принято решение в интересах рационализации закрыть Путиловский машиностроительный завод в Петрограде, одну из цитаделей большевизма в революции 1917 г. Зиновьев обратился в Политбюро, и в последний момент ему удалось добиться отмены решения (*L. Trotsky*. The Real Situation in Russia, (n.d. [1928], p. 276—277). Шесть месяцев спустя орган ЦТО газета «Экономическая жизнь» сообщала, что несмотря на острую необходимость снизить непроизводительные расходы, концентрация промышленности в Петрограде «не должна увеличивать безработицу» («Экономическая жизнь», 17 июня 1923 г.). Вскоре после этого последовало сообщение, что Петроградский машиностроительный трест работает убыточно, 90% этих убытков приписывалось Путиловскому заводу («Труд», 23 августа 1923 г.). Рыков в своем докладе 29 декабря 1923 г. подтвердил, что Путиловский и Брянский заводы не были закрыты «по политическим мотивам» («Правда», 3 января 1924 г.).

25. Я. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, с. 224—225.

26. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 404. Однако в оптовой торговле правительство занимало командное положение. В общем объеме торговли, сказал Зиновьев, соотношение между частной и государственной торговлей было 64% к 36% (там же).

27. З. В. Атлас. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925 гг.). М., 1940, с. 185.

28. «Второй съезд Советов Советских Социалистических Республик». Стенографический отчет. М., 1924, с. 158.

29. «Труд», 5 октября 1923 г.; «Экономическая жизнь», 15 октября 1923 г. («Экономическая жизнь» 15 октября 1923 г. не выходила, в номерах от 14, 16 октября содержатся материалы о ценах, но цитаты Лежавы нет. — *Ред.*) О Комвнуторге см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

30. А. Н. Юровский. На путях к денежной реформе. М., с. 75. Другие расчеты (там же, с. 85) показывают еще большее расхождение.

31. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

32. «Экономическая жизнь», 24 апреля (статья Смирнова), 19 мая 1923 г.

33. С. Г. Струминин. На хозяйственном фронте, с. 215—217. Статья «Проблемы ножиц», в которой изложены эти доводы, была впервые опубликована в апреле 1923 г.

34. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19, 20.

35. «Всероссийская конференция РКП (большевиков)», 1921 г., с. 22.

36. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

37. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 282.

38. На XII съезде партии Троцкий сказал: «Если бы мы не вырабатывали хозяйственного плана, проверяя его, регулируя его и перерабатывая в процессе исполнения, то наш транспорт, наша тяжелая промышленность пошли бы на слом. Конечно, тяжелая промышленность через рынок возродилась бы лет через 10—20, но уже как частная капиталистическая промышленность» (там же, с. 307).

39. Записка Троцкого в Политбюро по этому вопросу, датированная 13 февраля 1923 г., находится в его архивах (Т. 778). Свидетельством того, что Троцкий ратовал за развитие промышленности, является его тезис того же времени о необходимости всеобъемлющего плана и о предоставлении большей власти Госплану («Большевистская революция...», т. 2, гл. 20).

40. В глазах партийных кругов Красин компрометировал себя тем, что его взгляды практически совпадали со взглядами группы бывших буржуазных профессоров и экономистов, которые все еще преподавали в советских университетах. В 1922 г. эта группа выпустила несколько номеров журнала под названием «Экономист», который терпели из-за научного характера публикаций. Лейтмотивом статей журнала был тезис о невозможности возрождения советской экономики без иностранной помощи, что привело бы к возвращению капиталистических принципов. Идеи Красина в то время ценились в партии как дельные в области внешней торговли, но в целом всерьез не принимались.

41. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

42. О подготовке съезда см. далее с. 202—203 книги.

43. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, том II, с. 227—228. В книге Л. Trotsky. Stalin, 1946, с. 366 уже говорится о «серьезных разногласиях». Рыков год спустя отметил, что накануне XIII съезда партии по этому вопросу «была небольшая дискуссия, которая не перешла за пределы ЦК партии» («XIII конференция Российской коммунистической партии (большевиков)». М., 1924, с. 6. Об отношениях между двумя руководителями партии накануне XII съезда см. с. 201—202 данной книги.

44. «Экономическая жизнь», 15 апреля 1923 г.

45. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 416.

46. В двух резолюциях съезда подчеркивалась важность не допускать оскорбления чувств верующих («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 514—524). В статье в газете «Правда» 8 мая 1923 г. «Об антирелигиозной пропаганде» говорилось о том, что «религия имеет глубокие корни» в крестьянстве, и поэтому необходима величайшая осторожность в деле выкорчевывания этих корней, «в противном случае мы будем иметь лишь возникновение легенд».

В газете «Труд» помещено обращение ко всем профорганизациям «Об антирелигиозной пропаганде», где, в частности, говорилось, что профессиональные союзы... «должны относиться с полной терпимостью и тактом к религиозным убеждениям своих членов и не отталкивать их от союза (оскорбляя их религиозное чувство) необдуманными бестактными выступлениями» («Труд», 9 июня 1923 г.). Изменение политики в антирелигиозной пропаганде может быть связано с инцидентом, упомянутым Троцким, который, по всей видимости, произошел в конце 1922 г., как пишет Троцкий (*Л. Троцкий. Моя жизнь*, т. II, с. 213), Сталин назначил Ярославского одним из заместителей Троцкого, для того чтобы руководить антирелигиозной пропагандой. Это было сделано, чтобы отодвинуть Троцкого. Ленин, приступив к работе, выразил сильное неодобрение по этому поводу.

47. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 23—26, 32—39.

48. «ВКП(б) в резолюциях...», ч. I, с. 472—473.

49. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 388—412.

50. Там же, с. 420.

51. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 488—491.

52. «Правда», 24 марта 1923 г. Некоторое время спустя на страницах «Правды» («Правда», 4 апреля 1923 г.) Красину возражает Мартынов, вновь обращенный коммунист из меньшевиков. Мартынов пишет, что то, что постулирует Красин, ему приходилось слышать «от хозяйственников всех окрасок и направлений». Мартынов считает, что основная ошибка Красина заключается в том, что он торопится заменить политику хозяйством в условиях, когда в обществе еще не устранены классовые противоречия. В следующей статье Красин саркастически спрашивает, полагает ли Мартынов, что «смычка» с крестьянством увеличится от «продолжающегося развала крупной индустрии» (там же, 15 апреля 1923 г.).

53. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 101—104, 116—119. В беседе, помещенной в газете «Труд» 17 апреля 1923 г., Красин решительно высказался в защиту экспорта хлеба.

54. Там же, с. 130.

55. Там же, с. 282—283.

56. Там же, с. 285—291.

57. Диаграмма, основанная на цифрах, полученных Троцким от Комвнторга, воспроизводится в кн.: «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 293. Аналогичную диаграмму см. в кн.: *M. H. Dobb. Russian Economic Development since the Revolution* (2nd ed.), 1929, p. 222. Эта диаграмма, основанная на расчетах Струмилина, экономиста Госплана, вносит некоторые уточнения (и, между прочим, указывает момент пересечения в августе, а не в сентябре 1922 г.). Таким образом, искажался простой абрис «ножниц», но общие выводы были те же.

58. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

59. Согласно более точным подсчетам Струмилина, этот раствор «ножниц» является еще более широким. Он дает соотношение цен на февраль 1923 г. соответственно 169 и 60% (в кн.: *С. Г. Струминин*. На хозяйственном фронте..., с. 212).

60. См. с. 60—61 книги.

61. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 294—304. О Промбанке см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Первый директор Промбанка Краснощек был арестован за финансовые махинации в сентябре 1923 г. Сообщение о его злоупотреблениях было опубликовано в «Правде» 12 февраля 1924 г. Незадолго до своего ареста Краснощек предлагал: «За Государственным банком должно быть раньше всего оставлено целевое кредитование... Промбанк должен стать резервуаром коммерческого кредитования в промышленности» («Экономическая жизнь», 7 сентября 1923 г.). Первый отчет Промбанка, опубликованный летом 1923 г., показал, что «главнейшим достижением Промбанка за рассматриваемый период (ноябрь 1922 — май 1923 гг. — *Ред.*) является восстановление его капиталов. ...Ставки по активнотрудным операциям... были чрезмерны... Главным клиентом по активным операциям была легкая индустрия» («Экономическая жизнь», 23 августа 1923 г., приложение № 188, (1398)). По

случаю конференции директоров и представителей Промбанка на местах, состоявшейся в Москве в июне 1923 г., на обсуждение был поставлен проект о превращении Промбанка в центр финансирования тяжелой промышленности (там же, 22 июня 1923 г.). Но этот проект едва ли мог быть принят, поскольку Промбанк целиком и полностью зависел от Госбанка, который выступал в тесном союзе с Наркомфином.

62. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

63. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 306—322. Абзац о планировании уже цитировался в кн. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

64. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 343, 359.

65. Этот абзац был добавлен, когда проект резолюции, одобренный Политбюро, был представлен на одобрение ЦК накануне съезда. Троцкий отвергал это предложение, считая, что съезд будет рассматривать вопрос не о хозяйстве вообще, а только вопрос о промышленности, но при голосовании он потерпел поражение. (См.: «Тринадцатая конференция РКП(б)», с. 6—7.) По словам Троцкого (*Л. Троцкий. «Моя жизнь»*, т. II, с. 229) предложение внес Каменев, и это было использовано как основание для обвинений Троцкого в «недооценке» крестьянства.

66. Об этом разделе резолюции см. ниже с. 41.

67. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 476—488.

68. «Собрание узаконений...», 1923, № 37, ст. 394. Четыре месяца спустя акционерному обществу «Экспортхлеб» было дано монопольное право вывоза за границу хлебных и масляных продуктов (там же, № 95, ст. 954).

69. «Экономическая жизнь». 1, 2 октября 1923 г. Среднегодовой экспорт хлеба в период между 1900 и 1914 гг. составлял более чем 500 млн. пудов. Договор между торговым представительством РСФСР в Германии и Имперским кредитным обществом о покупке хлеба был ратифицирован Постановлением СНК СССР от 17 июля 1923 г. («Сборник декретов, постановлений...», 1923, № 7 (10), с. 49). Другими покупателями хлеба были Финляндия, Скандинавия, Англия.

70. О налоге см.: «Большевистская революция», т. 2, гл. 19.

71. «Собрание узаконений...», 1923, № 42, ст. 451. Позднее, в том же году, часть единого сельскохозяйственного налога, разрешенная плательщикам к сдаче натурой, была сокращена до 50% или менее по отдельным губерниям (там же, № 90, ст. 886, 887).

72. Девять месяцев спустя Троцкий с сожалением отмечал, что «даже на XII съезде вопросы планового руководства хозяйством прошли скорее формально» и что «намеченные в резолюции XII съезда пути и методы почти не нашли до последнего времени своего применения» (*Л. Троцкий. Новый курс*. М., 1924, с. 4).

73. Троцкий резко критиковал Богданова на съезде за его «фатализм» и склонность к «буддистской философии» («Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 370—372).

74. Главным поборником этого проекта был Струмилин, ведущий экономист Госплана, который предлагал использовать довоенный опыт Австрии (*С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте*, с. 103—110). Подобные идеи также выдвигали некоторые западные экономисты, в частности американец Ирвинг Фишер, имя которого часто упоминали в советской литературе того времени.

75. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

76. «Собрание узаконений...», 1923, № 22, ст. 258, 404—405.

77. «Собрание узаконений...», 1922, № 28, ст. 318.

78. Там же, № 48, ст. 604.

79. Там же, № 65, ст. 858.

80. «Собрание узаконений...», 1923, № 11, ст. 133.

81. Там же, № 15, ст. 189.

82. «Правда», 10 марта 1923 г.

83. *Л. Н. Юровский. На путях к денежной реформе*, с. 84.

84. Струмилин в статье в газете «Экономическая жизнь» 22 марта 1923 г. предсказал с большой долей точности, что «еще один-два месяца — и чистый

«доход» от эмиссии превратится в чистый убыток не только для народного хозяйства и всего населения в целом, но и для государственного фиска в частности».

85. Л. Н. Юровский. На путях к денежной реформе, с. 86. Ценность всех советских денежных знаков в червонцах возросла со 113 млн. на 1 января 1923 г. до 148 млн. на 1 апреля и снова упала до 118 млн. на 1 июля; на 1 января 1924 г. она составляла 58 млн.

86. Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сборник документов 1917—1922 гг. М., 1959, т. 1, гл. 19.

87. З. В. Атлас. Очерки по истории денежного обращения в СССР, с. 203.

88. «Большевистская революция...», т. 2, с. 358.

89. Уже осенью 1923 г. тресты держали в своих руках 75% червонцев, находящихся в обращении («Экономическая жизнь», 1, 2 октября 1923 г.).

90. Л. Н. Юровский. На путях к денежной реформе, с. 72—73.

91. Там же, с. 71.

92. Там же, с. 74. По мере расширения эмиссии вклады в инвалюте и их доля по отношению к общему обеспечению возрастали.

93. Там же, с. 75. Разница между двумя индексами отражала тот факт, что разрыв между оптовыми и розничными ценами был значительно большим, нежели в 1913 г., на основе данных которого эти индексы были вычислены (см. с. 17 данной книги).

94. См.: с. 96—97 данной книги.

95. Это обвинение было повторено Преображенским на XIII конференции РКП(б) в январе 1924 г. («Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1924, с. 38).

96. «Собрание узаконений...», 1923, № 19, ст. 237.

97. «Экономическая жизнь», 30 июня 1923 г.

98. О попытке осуществить экономию бюджета за счет заработной платы в промышленности см. с. 60—63 данной книги.

99. «Собрание узаконений...», 1923, № 4, ст. 80; № 43, ст. 457; о первоначальном введении подоходного налога см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Сокольников в ноябре 1923 г. охарактеризовал этот налог (в тексте «проект декрета о подоходно-имущественном налоге». — *Ред.*) как имеющий «совершенно четкую классовую структуру» (Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. М., 1924, Кремль, с. 87). В то же время обложение начиналось на уровне заработка в 75 червонных рублей в месяц — уровень был гораздо выше заработка рабочего.

100. С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте, с. 225—226.

101. Одной из мер повышения государственных доходов в этот период, вызвавших неоправданно большой интерес, был январский декрет 1923 г., разрешающий государственным водочным заводам производство наливок и настоек крепостью не свыше 20% и предоставление им права продажи их продукции населению в специальных магазинах. («Собрание узаконений...», 1923, № 6, ст. 100. Новая водка была любовно окрещена «рыковкой», возможно потому, что Рыков занимался подготовкой проекта декрета или же потому, что о нем шла слава, как о человеке любящем выпить). Запрет царского правительства на государственное производство и продажу водки, введенный после начала империалистической войны, широко пропагандировался и получил одобрение народа. В течение семи или восьми лет алкоголь почти исчез из обихода деревни. Но после гражданской войны и голода с получением богатого урожая в 1922 г. повсеместно началось незаконное производство самогона из зерна и картофеля для продажи и потребления. (Данные об этом процессе на примере Тверской губернии даны в кн.: А. М. Большаков. Деревня, 1917—1927. М., 1927, с. 337). Когда стало ясно, что суровые наказания не являются эффективным средством устранения, финансовому ведомству в его отчаянных поисках новых источников доходов, естественно, пришлось возродить старую монополию на водку и извлекать доходы из склонности, которая иначе будет удовлетворяться незаконно усилиями частных лиц. Однако этот шаг вызвал сильное недовольство. Согласно неопровергнутому заявлению, содержащемуся в письме

Троцкого от 8 октября 1923 г. (с. 299, примечание 48 данной книги), большинство в Политбюро выступало за полное восстановление монополии на водку, но встретило сильную оппозицию в Центральном Комитете и у рядовых членов партии: разрешение *рыковки* было компромиссом. Несколько лет спустя Сталин заявил: «Члены ЦК, в том числе и я, имели тогда беседу с Лениным, который признал, что, в случае недополучения необходимых займов извне, придется пойти открыто и прямо на водочную монополию, как на временное средство необычного свойства». Это заявление Сталин сделал перед иностранными рабочими делегациями, и отсюда следовал вывод, что «некоторая доля ответственности за водочную монополию падает и на наших западноевропейских друзей» (И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 232—234). Других свидетельств о личном участии Ленина в решении этого вопроса не имеется.

102. «Собрание узаконений...», 1923, № 24, ст. 278; о хлебном заеме 1922 г. см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

103. А. М. Большаков. Деревня, 1917—1927, с. 223—226. Автор показывает, что хлебный заем 1923 г. имел высокий спрос у крестьян; стимулом явился тот факт, что облигации использовались для уплаты продналога. (Облигации заема 1922 г. попали в руки только зажиточных крестьян.)

104. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 14.

105. Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Стенографический отчет и постановления. М., 1923, с. 107—118.

106. Там же, с. 161—162.

107. Постановления Второй сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. М., 1923, с. 16—18. (Указанной автором цитаты в Постановлении нет. — *Ред.*) Постановление было издано в виде двух декретов. — «Собрание узаконений...», 1923, № 66, ст. 636, 637.

108. «Экономическая жизнь», 5 июля 1923 г., передовая статья в газете за 15 июля 1923 г. имела такой заголовок: «Не пора ли перейти к единому и общеобязательному ценностному измерителю?»

109. «Собрание узаконений...», 1923, № 90, ст. 882.

110. «Сборник декретов, постановлений...», 1923, № 8 (11), август, с. 21—24; № 9, сентябрь, с. 33.

Глава 2. Положение в сфере труда

1. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

2. Там же.

3. Эти данные, взятые из «Торгово-промышленной газеты» от 2 декабря 1923 г., приведены в статье Ларина в газете «Труд» 30 декабря 1923 г.; явная опечатка в таблицах исправлена. Статья заканчивается обращением к профсоюзам контролировать назначение директоров. Другие данные, охватывающие 88 крупных трестов, показывают, что на 1 января 1924 г. среди председателей правления трестов 91% были членами партии и 51% — рабочими, но из общего числа руководящего состава только 48% были членами партии и 35% — рабочими («Труд», 27 июня 1924 г.). Сверху оказывался сильный нажим, чтобы резервировать должности для членов партии и рабочих.

4. «Собрание узаконений...», 1922, № 49, ст. 617.

5. Предельный размер заработной платы на январь 1923 г. составлял 1500 рублей (образца 1923 г.) в месяц («Собрание узаконений...», 1923, № 3, ст. 41). Минимальная заработная плата на январь 1923 г. варьировалась от 44 до 22 рублей, согласно поясам и разрядам («Сборник декретов, постановлений...», М., 1923, № 1 (4), с. 86—87). Фактическая заработная плата квалифицированных рабочих и большинства чернорабочих в то время значительно превышала легальный минимум заработка (с. 292, примечание 81 данной книги), но расхождение между зарплатами и окладами было разительным.

6. «Собрание узаконений...», 1923, № 12, ст. 164; № 23, ст. 271; № 31, ст. 350. В июне 1923 г. максимум заработной платы был установлен в размере 150 общетоварных рублей в месяц («Сборник декретов, постановлений...», № 6 (9), июнь 1923 г., с. 104). В то время 10 товарных рублей считались

«стандартной» заработной платой рабочего в месяц (см. с. 58 данной книги).

7. Там же, № 4 (7), апрель 1923 г., с. 107 (такой страницы в сборнике нет, он кончается на с. 100. — *Ред.*). Члены партии, ограниченные партмаксимумом, не должны были получать персональные оклады; но это правило явно нарушалось, поскольку была предпринята попытка снова укрепить это положение (там же, № 10, июль 1924, с. 86—87).

8. А. И. Микоян на XIII конференции РКП(б) в январе 1924 г. привел в качестве примера историю о том, как на Кубани «правление одного из наших кооперативов для постановки работы... на кожевенном заводе хотело пригласить из Москвы спеца. Этот спец поставил следующие условия:

1) Оклад содержания — ставка по 17-му разряду плюс дополнительное вознаграждение за нагрузку и ответственность, в общей сумме 500 тов. руб. с гарантией полной выдачи на руки.

2) Квартира при заводе с отоплением и освещением в 4 комнаты, вполне оборудованных, с ванной.

3) Лошадь с экипажем для меня и моей семьи.

4) Два месяца в году отпусковых.

5) Одна деловая командировка в Москву в год.

6) Стоимость переезда за счет союза моей семьи в 6 человек в скором поезде и перевозка вещей за счет союза, а также гарантия обратной поездки, т. е. переездом в Москву за счет союза.

7) Предоставить для моей семьи помещение в две комнаты в летнее время в одном из курортных мест на побережье Черного моря.

8) Возможность держать корову на территории завода».

Правление кооператива приняло эти условия, но было слишком поздно, так как спец отказался ехать, ибо в Москве ему предложили на тех же условиях другую службу. Таких фактов было много (см.: «Тринадцатая конференция РКП(б)», с. 81).

9. Это было предметом жалобы в статье Ломова в газете «Экономическая жизнь», 20 апреля 1923 г. Автор статьи ставит вопрос о направлении спецов на заводы и в цеха. — *Ред.*).

10. «Собрание узаконений...», 1923, № 69, ст. 673.

11. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

12. «Труд», 13 сентября 1922 г. Краснощеков обратился к аудитории как член президиума ВСНХ; видимо, это было одно из его последних публичных выступлений.

13. Там же, 29 сентября 1922 г. О Кодексе законов о труде см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Одним из известных положений кодекса были широкие полномочия, данные хозяйственникам, увольнять нерадивых рабочих.

14. «Экономическая жизнь», 15 октября 1922 г.

15. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

16. «Труд», 15, 17 августа 1922 г.

17. Там же, 25 августа, 13 сентября 1922 г.

18. Там же, 26 декабря 1922 г.

19. История создания Совета съездов и первые шаги его деятельности описаны в статье Смильги в газете «Экономическая жизнь», 2 августа 1923 г. В течение 1923 г. Совет издал несколько номеров журнала под названием «Предприятие», о котором есть сообщение в газете «Труд» 3 января 1924 г.

20. «Экономическая жизнь», 25 января 1923 г.

21. «Труд», 29 марта 1923 г.

22. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

23. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 486.

24. «Труд», 13 июля 1923 г.

25. Данные статистики на январь 1924 г. показывают, что 47% всех случаев увольнения были из-за сокращений по штату и увольнений из-за ликвидации учреждений («Статистика труда». Ежемесячный орган Центрального бюро статистики труда ВЦСПС, ЦСУ, НКТ. 1924, М., № 5, с. 6).

26. Когда Шмидт первый раз привлек внимание к проблеме безработицы на

V Всероссийском съезде профессиональных союзов, проходившем в сентябре 1922 г., он признал, что он не имеет исчерпывающих данных (Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. 1922 г. М., с. 84). Ежемесячный журнал «Статистика труда» (выходивший не строго регулярно), который в конце 1919 г. перестал издаваться, вновь стал выпускаться в декабре 1922 г. теперь уже как орган «Центрального бюро статистики труда ВЦСПС, ЦСУ, НКТ». Статистические данные в нем по безработице за 1922 и 1923 гг. были основаны на сообщениях, поступивших из 52 провинциальных городов (а также Москвы и Петрограда), а позднее от 70 бирж труда. Впоследствии были опубликованы более полные данные, которые были приняты в качестве официальных: эти данные были для удобства сосредоточены в издании «Вопросы труда в цифрах и диаграммах, 1922—1926 гг.», 1927. Вся статистика основывалась на отчетах, поступавших с бирж труда, которые в то время отличались плохой организацией, и поэтому эти данные не вполне надежны. Часто раздавались жалобы, что в регистрационных списках много лиц, никогда не работавших в городах или работавших временно (в том числе мелкобуржуазных элементов, которым временно предоставлена работа в советских учреждениях). Однако весьма вероятно, что неоднократные попытки очистить списки от «фиктивных безработных» иногда приводили к исключению действительно безработных, а иногда безработные были и вовсе не зарегистрированы. (В статье в газете «Труд» 13 января 1923 г. сетовали на то, что, в то время как в списках безработных на биржах полно «фиктивных безработных», безработные квалифицированные рабочие обращаются непосредственно к хозяйственникам и работодателям, избегая биржи труда. Итоговые статистические данные, возможно, грешат недооценкой фактического положения вещей, но достаточно показательны в смысле серьезности кризиса).

27. Общая численность безработных за этот период в тыс.:

сентябрь 1922 г.	503	сентябрь 1923 г.	1060
декабрь 1922 г.	641	декабрь 1923 г.	1240
март 1923 г.	824	март 1924 г.	1369
июнь 1923 г.	1050	июнь 1924 г.	1341

(«Вопросы труда в цифрах и диаграммах, 1922—1926 гг.», 1927). Замедление роста безработицы между июнем и сентябрем 1923 г. объясняется обычным оттоком рабочих из городов в деревню во время уборочной страды.

28. «XIII конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», с. 13; «XI Всероссийский съезд Советов», с. 103. Более точные цифры за январь, опубликованные в июне 1924 г., все еще давали только 111 тыс. безработных, зарегистрированных в Москве, 134 тыс. — в Петрограде и 780 тыс. — на других биржах труда, откуда и поступили сведения. («Статистика труда», 1924, № 5 (14), с. 5). Это было намного меньше общей численности безработных, которая, как было признано впоследствии, тогда составляла один миллион с четвертью. Однако по газете «Экономическая жизнь» от 22 ноября 1923 г. общая численность безработных на 1 сентября 1923 г. «по самым осторожным подсчетам» уже составляла «миллион человек», и на другой день после доклада Рыкова «Труд» сообщила, что численность безработных на 1 декабря 1923 г. достигла 1 200 тыс.

29. «Вопросы труда», 1923, № 2, с. 24. Согласно данным «Статистики труда», декабрь 1922 г., № 1, с. 2, 30% безработных в Москве на 1 ноября 1922 г. составляли советские служащие и более 20% чернорабочие; из общего числа безработных мужчин 35% составляли советские служащие.

30. На основе данных, охвативших свыше 90% всех безработных членов профсоюза, их общая численность на 1 июля 1923 г. составляла 381 тыс. («Статистика труда», 1923, № 9, с. 16). Общая численность безработных в это время уже превышала миллион человек.

31. Этот довод постоянно фигурировал в официальных публикациях того периода. Например, в газете «Труд» от 4 июля 1923 г., где говорилось, что значительную часть зарегистрированных безработных составляли «типичные нетрудовые элементы, занимающиеся торгашеством и спекуляцией и оседаю-

щие на биржах труда для легализации в качестве трудящихся». (См. также заявление Шмидта, которое приводится на 44 с. данной книги.)

32. «Статистика труда», 1924, № 1 (10), с. 1—4. Даже если это было так, число рабочих в промышленности составляло только чуть больше половины общей численности рабочих на 1914 г. (там же, 1923, № 6, с. 3).

33. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

34. Факт притока из деревень в города был использован в качестве одного из объяснений кризиса безработицы, которое дал Рыков на V конгрессе Коминтерн в июне 1924 г. (Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale (п. д.), ii, S. 538—539).

35. «Труд», 9 мая 1923 г.

36. См.: с. 25—26 данной книги.

37. «Труд», 26 июня 1923 г.

38. Там же, 20 июля 1923 г.

39. Там же, 28 сентября 1923 г. Статья, в которой Шмидт делает попытку распределить безработных по категориям, опубликована в журнале «Вопросы труда», 1923, № 10—11, с. 19. В январе 1924 г. Шмидт в своем докладе приводит следующие цифры: 38% от общего числа безработных составляют советские служащие, 24 — квалифицированные рабочие, 26% — чернорабочие. (См.: «XI Всероссийский съезд Советов», с. 103—104.) Но одна из этих цифр — возможно, вторая — была явно неверной.

40. «Вопросы труда», 1923, № 2, с. 28 (в тексте статьи указана цифра 400 млн. — *Ред.*). Постановление не было опубликовано в официальном собрании документов. Обычно это было симптомом того, что постановлению большого значения не придавали.

41. «Труд», 13 мая 1923 г. Рожь не предназначалась для прямого распределения или оплаты натурой: она была реализована за 1300 тыс. золотых рублей, а деньги поступили в фонд. Отпускаемые средства выдавались органами труда не в виде субсидии, а в виде возвратной ссуды заинтересованным хозорганам на определенный срок от 6 до 18 месяцев (там же, 24 октября 1923 г.).

42. Там же, 23 мая 1923 г.

43. Там же, 9 марта, 15 июля 1923 г.

44. Там же, 8 сентября 1923 г.; о стандарте заработной платы см. с. 58 данной книги.

45. «Труд», 23 мая 1923 г.

46. Там же, 28 сентября 1923 г.

47. Там же, 24 октября 1923 г.

48. Там же, 11, 15 июля 1923 г.

49. Там же, 24 октября 1923 г.

50. Там же, 14 декабря 1923 г.

51. «Собрание узаконений...», 1922, № 1, ст. 23. О более ранних декретах см. в кн. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19, примечания. Очерк об истории страхования по безработице до 1924 г. см. в журнале «Социалистическое хозяйство», 1924, № 3, с. 215—229.

52. Инструкция цитируется в журнале «Социалистический вестник» (Берлин). 11 февраля 1924 г., № 3 (73), с. 11; оригинальным текстом мы не располагаем.

53. «Собрание узаконений...», 1922, № 70, ст. 903, параграф 186—187; № 81, ст. 1049.

54. «Статистика труда», 1924, № 3 (12), с. 7. Согласно сообщениям газеты «Труд» за 13 декабря 1923 г., в феврале 1923 г. процент получающих пособие составлял 10,9 к общему числу состоящих на учете на бирже.

55. «Экономическая жизнь», 18 января 1923 г.

56. «Труд», 14 апреля 1923 г. В той же самой статье автор с сожалением отмечает, что в Царицыне биржа издала такую «сложную» инструкцию с несметным количеством параграфов, что в ней безработный не может разобраться. В другом номере газеты в статье об условиях труда бирж отмечается крайняя неустойчивость наличного состава работников, отсюда плохая постановка дела «вследствие чрезвычайно тяжелой и нервной работы, а также по причине

низкой заработной платы; работники бегут при первой же возможности в другие учреждения» (там же, 11 июля 1923 г.).

57. Там же, 26 января 1923 г.

58. Там же, 13 июня 1923 г. В том же номере газеты приводятся оптимистические расчеты ответственного работника в сфере страхования на случай безработицы, согласно которым новое положение о страховании позволит расширить круг получающих пособие по безработице в три раза, размеры пособий будут составлять 50 и 35% стоимости набора продуктов Госплана.

59. Там же, 13 декабря 1923 г. На 1 января 1924 г. процент безработных, получающих пособие, по Москве составлял 30%, по Ленинграду (так в журнале. — *Ред.*) — 16 и 11% по 12 губерниям (в тексте по крупным промышленным центрам. — *Ред.*) («Статистика труда», 1924, № 3 (12), с. 7). Этот процент повсеместно лишь чуть выше, нежели год тому назад.

60. «Труд», 28 сентября 1923 г. Средние нормы пособий за первые восемь месяцев 1923 г. приводятся в газете от 10 октября 1923 г.

61. «Собрание узаконений...», 1922, № 2, ст. 34; № 6, ст. 65.

62. «Собрание узаконений...», 1923, № 27, ст. 313; № 31, ст. 342. Даже в январе 1924 г. еще раздавались сетования на трудности, связанные с взысканием на фонды социального страхования. («XI Всероссийский съезд Советов», с. 96); и на следующий месяц в период финансовой реформы общий вклад для предприятий, находящихся на государственном финансировании, был «временно сокращен» до 10%. («Собрание узаконений...», 1924, № 32, ст. 299).

63. Заявление, сделанное в отчете английской рабочей делегации, посетившей Советскую Россию в 1924 г., цитируется в кн.: «Большевистская революция...», т. 2, глава 19. Это заявление ошибочно приписывало все недостатки социального обеспечения безработных «финансовому провалу системы социального страхования».

64. «Труд», 28 сентября, 13 декабря 1923 г.

65. Там же, 28 сентября 1923 г. В том же докладе Шмидт заявил, что средняя норма пособия по безработице в то время равнялась 5 товарным рублям для квалифицированного рабочего, 3 — для неквалифицированного, по Москве и Петрограду эти нормы были выше и соответственно составляли 6 и 4 товарных рубля.

66. В резолюции IV сессии ВЦСПС говорилось: «Что касается пособий безработным, то повышение их в настоящий момент нецелесообразно, считаясь с существующим уровнем минимальной заработной платы» («Труд», 2 октября 1923 г.). В январе 1924 г. Шмидт опять повторил, что пособия по безработице в сравнении с пособиями по инвалидности и увечности «крайне минимальны» и что «поднять их в ближайшее время мы не сможем» («XI Всероссийский съезд Советов», с. 94—95).

67. В то время как пособия выдаются лишь одной седьмой части зарегистрированной безработной массы, пособия по безработице получает меньше половины безработных — членов профсоюза. «Труд», 13 декабря 1923 г.

68. Там же, 28 сентября, 9 октября 1923 г.

69. Там же, 4 октября 1923 г.

70. «XI Всероссийский съезд Советов», с. 104.

71. Об учреждении этих лагерей см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

72. «Собрание узаконений...», 1923, № 16, ст. 202.

73. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

74. «Статистика труда», 1923, № 3, с. 10; № 4, с. 7; 1924, № 2 (11), с. 19.

75. Там же, 1923, № 9, с. 12—15. О сопротивлении, которое оказывалось в провинции заключению коллективных договоров, писала газета «Труд» 3 мая 1923 г., где, в частности, говорилось о том, что местные органы запрещают коллективные договоры.

76. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

77. «Труд», 21 февраля 1923 г.

78. Там же, 15 июня 1923 г.

79. Там же, 21 сентября, 18 октября 1923 г.

80. «Социалистический вестник», Берлин, 10 мая 1924 г., № 10 (80), с. 15—16. В журнале рассказывается о том, какая система взимания членских взносов была введена на одном из сормовских заводов, где рабочим было дано право избирать сборщиков. Но сборщикам был установлен определенный процент от собираемых ими взносов. Были введены номерные бляхи с инициалами завода, по которым рабочих пропускали на работу, и сделано распоряжение без таких блях не пропускать, а также не отмечать рабочего дня. Сборщики и воспользовались этим порядком для своих целей, отбирая у табельщиков бляхи тех рабочих, которые не уплатили членского взноса, и задерживая их у себя.

81. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Официальный минимум заработной платы в советских рублях был ежемесячно установлен постановлением Наркомтруда на период с декабря 1922 г. по октябрь 1923 г. («Сборник декретов, постановлений...», 1923, № 11 (14). (Номер указан автором неверно, скорее это № 1 (14). — *Ред.*), с. 61—62), а далее в червонных рублях. Вся страна была разделена на три зоны, для которых были установлены различные нормы. Но законный минимум заработной платы был настолько ниже даже самой низкой нормы оплаты, предусмотренной коллективными договорами (на ноябрь 1923 г. он составлял лишь пять рублей по самой высокой категории зоны), что он не играл никакой роли в политике регулирования зарплат. 9 января 1924 г. газета «Труд» мрачно предсказывала, что, если этот уровень не поднимется, он станет «пустой формальностью». На деле это так и оказалось.

82. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

83. См. с. 41 данной книги.

84. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

85. Там же, т. 2, гл. 19.

86. «Сборник декретов, постановлений...», 1923, № 1 (4), с. 91—92. Шесть месяцев спустя издается постановление, которое дает нанимателям право производить «непосредственный отбор рабочей силы из числа зарегистрированных на бирже труда». («Собрание узаконений...», 1923, № 68, ст. 655.)

87. «Собрание узаконений...», 1923, № 13, ст. 171. Протест против расширения перечня профессий, наем которых разрешается с последующей регистрацией на бирже труда, появился в газете «Труд» 10 марта 1923 г.

88. «Собрание узаконений...», 1923, № 68, ст. 655.

89. «Труд», 28 сентября 1923 г.

90. Там же, 30 декабря 1923 г. В той же статье приводились примеры прежних исподлодков на биржах труда — ревностно принимаются за «чистки», рогатки при регистрации, прекращение регистрации приезжих с целью «сократить число безработных».

91. «Собрание законов...» 1925, М., № 2, ст. 15, единственным оставшимся ограничением был запрет создавать частные бюро по найму рабочей силы.

92. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

93. Об этой резолюции в кн.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

94. Статус РКК был впоследствии подтвержден и уточнен Постановлением (НКТ. — *Ред.*) («Собрание узаконений...», 1922, № 74, ст. 911). Решения расценочно-конфликтной комиссии принимаются по соглашению сторон, они обязательны для обеих сторон и обжалованию не подлежат.

95. «Собрание узаконений...», 1922, № 45, ст. 560.

96. Там же, № 54, ст. 683.

97. Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов, с. 86—88.

98. Данные о трудовых конфликтах за вторую половину 1922 г. характеризуют деятельность различных инстанций. Если в июле было заявлено 588 рабочих споров, охвативших 20 тыс. человек, то в декабре число конфликтов увеличилось до 786 и соответственно число участников возросло до 105 тыс. Процент конфликтов, разбиравшихся в РКК, упал с 87 до 79; процент конфликтов, поступивших в примирительные камеры и третейские суды, поднялся

с 9 до 12,7 и с 3 до 7,9 соответственно. («Статистика труда», 1923, № 4, с. 18.)

99. «Собрание узаконений...», 1922, № 70, ст. 903.

100. Там же, 1923, № 24, ст. 288. (В тексте данной статьи этих слов нет. — *Ред.*)

101. Там же, 1923, № 54, ст. 531.

102. «Большевистская революция...», т. 2, с. 329, гл. 19.

Этот декрет был явно неэффективен в отношении квартирной платы, поскольку в конце июня 1923 г. был издан другой декрет — «Об оплате жилых помещений и в целях поддержания исправного состояния домов». Лица, живущие на нетрудовые доходы, и лица свободных профессий платили самую высокую квартирную плату. Рабочим же нормы устанавливались в зависимости от размеров их заработной платы (менее 1%, за исключением наиболее высокооплачиваемых). Лица, состоящие на социальном обеспечении, безработные, семьи красноармейцев и учащиеся были уравнены (приравниваются к группе «А». — *Ред.*). («Собрание узаконений...», 1923, № 55, ст. 540).

103. Согласно декрету от 6 февраля 1923 г. в фонд заработной платы отпускалось 3 383 855 пудов хлеба, из коих транспорту — 270 тыс. пудов, народному комисариату почт и телеграфов — 190 тыс., 493 855 пудов — народным комисариатам и промышленности. («Собрание узаконений...», 1923, № 11, ст. 132). В том же месяце денежная часть заработной платы составила 80% к общему заработку; для Москвы этот процент был выше — 97, а для Петрограда — 88. («Статистика труда», 1923, № 5, с. 11.) Другие данные указывают, что в среднем натуральная часть зарплаты к общему заработку в марте 1923 г. составляла 25%. («Труд», 2 августа 1923 г.) Последние следы натуральной заработной платы исчезли в ходе финансовой реформы в феврале 1924 г.

104. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

105. Там же.

106. «Труд», 14 октября 1922 г.

107. Эти расчеты, сделанные в Госплане и опубликованные в газете «Экономическая жизнь» в феврале 1922 г., см. в кн.: *С. Г. Струмилин*. На хозяйственном фронте, с. 74—79.

108. «Статистика труда», 1923, № 5, с. 10. Детальный помесечный анализ заработной платы промышленных рабочих по десяти главным отраслям промышленности по Петрограду, произведенный в 1922 г., показал, что реальная заработная плата в течение года почти удвоилась, в декабре она достигла 57% довоенного уровня, а пик приходился на ноябрь 1922 г. (петроградский листок «Труда» — Специальное приложение к газете, 8 марта 1923 г.).

109. *С. Г. Струмилин*. На хозяйственном фронте, с. 81—82.

110. «Труд», 27 февраля 1923 г.

111. Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов, с. 512, 527.

112. «XIII конференция РКП (б)», с. 86.

113. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 339.

114. Эту точку зрения решительно отстаивал Струмилин в своих тезисах доклада пленуму Госплана в марте 1923 г.; она нашла свое отражение в резолюции пленума Госплана. И тезисы доклада и резолюция вошли в кн.: *С. Г. Струмилин*. На хозяйственном фронте, с. 87—92.

115. Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов, с. 527—528.

116. «Труд», 25 февраля 1923 г. О том, что это было указание Центрального Комитета, свидетельствуют выступления на XIII конференции РКП(б) год спустя («XIII конференция РКП(б)», с. 51, 84).

117. На III сессии ВЦСПС, состоявшейся в апреле 1923 г., Андреев вновь подтвердил, что «заработная плата есть чистое выражение того, что дается рабочему за его труд», отсюда мораль — только высокая производительность оправдывает повышение заработка (в указанном номере газеты «Труд» от 14 апреля 1923 г. этого нет. — *Ред.*). На (IV. — *Ред.*) сессии ВЦСПС, шесть месяцев спустя, он изложил ту же точку зрения в более категоричной форме: «Параллельно с необходимым повышением зарплаты мы будем вести жесткую линию на то, чтобы добиться повышения производительности труда. Мы за то,

чтобы рационально использовать весь рабочий день» (там же, 30 сентября 1923 г.).

118. Там же, 25 февраля 1923 г.

119. Там же, 1 марта 1923 г. Однако орган СТО, который по этим вопросам выражал взгляды хозяйственников, теперь отстаивал «плановое регулирование заработной платы» со стороны государства («Экономическая жизнь», 7 марта 1927 г. В указанном номере газеты не обнаружено. — *Ред.*).

120. «Труд», 24 марта 1923 г. Андреев на следующем заседании (III сессии ВЦСПС) упоминает это директивное письмо как «документ, подписанный Томским и Богдановым в виде заключительного аккорда к дискуссии о зарплате» (там же, 15 апреля 1923 г.).

121. «Статистика труда», 1924, № 1 (10), с. 14—15.

122. «Труд», 17 апреля 1923 г.

123. О подобной практике, приведя конкретные примеры, писал Струмилин в статье, помещенной в «Бюллетене Госплана» за май 1923 г. (об этом см. в его кн.: С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте, с. 92—99). О том, что от этой практики не хотели отказываться, свидетельствует резкая критика ее Струмилиным и позднее, в октябре 1923 г. (там же, с. 99—102).

124. «Собрание узаконений...», 1923, № 31, ст. 341.

125. С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте, с. 100. Это цитата из статьи «Новая игра с индексом». То, что такая практика существует, с видимой беспечностью признавал апологет официальной политики Рыков: «В каждом учреждении имеется не один, а несколько индексов, которые употребляли в зависимости от выгоды и надобности. Благодаря этим индексам никто не знал, сколько он когда получит и почему он получит столько, а не больше и не меньше» («Правда», 4 января 1924 г.). Путаница, которую создавала подобная практика, а также множество ведомств, занимавшихся статистикой, практически исключали в то время возможность точных подсчетов реальной заработной платы. Таблица, представленная на VI съезде профсоюзов, состоявшемся в ноябре 1924 г., имела целью показать относительно стабильное общее повышение зарплаты в течение 1923 г.; однако один из выступавших на съезде подверг резкой критике Центральное бюро статистики труда (орган ВЦСПС, НКТ и ЦСУ), заявив *inter alia*, что данные о заработной плате основаны не на репрезентативной выборке рабочих. (Шестой съезд профессиональных союзов СССР, 11—18 ноября 1924 г. Пленумы и секции. Полный стенографический отчет. М., 1925, с. 138—140, 293.)

126. С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте, с. 81—82. В этой статье, датированной 18 февраля 1922 г., говорится: «...из глухой провинции голодные сельские учительницы и до сего дня шлют скорбные вести о том, что вот уже 5-й месяц, как им вовсе не выдают ни пайков, ни жалованья».

127. «Собрание узаконений...», 1922, № 48, ст. 609.

128. Примеры по Харьков, Донбассу и Петрограду приводятся в газете «Труд», 21, 27 февраля, 8 марта 1923 г.

129. «Труд», 14 марта 1923 г.

130. Там же, 12 января 1923 г.

131. Там же, 3 июня, 18 июля 1923 г. В начале августа (в статье «Донбасс требует помощи») партийные, хозяйственные и профсоюзные органы Донбасса негодовали по поводу того, что за 8 месяцев рабочие из-за задержки в выплате потеряли 33,5% своего жалованья (там же, 8 августа 1923 г.).

132. Там же, 28 июля 1923 г.

133. «Экономическая жизнь», 13 июня 1923 г.

134. «Сборник декретов, постановлений...», 1923, № 6 (9), с. 103.

135. «Труд», 10 июля 1923 г.

136. «Вопросы труда», 1923, № 2, с. 17

137. Например, в передовой газеты «Труд» 17 марта 1923 г.

138. Об «экономизме» в кн.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 1.

139. Это обращение было опубликовано в меньшевистском журнале «Социалистический вестник», 1923, № 3 (49), с. 12—14. Похоже, что никаких экземпляров изданий группы «Рабочая правда» не сохранилось, кроме как в секретном партийном архиве ГПУ; неизвестно также, сколько было номеров

журнала, первый номер датирован сентябрем 1921 г. Рабочий орган или «коллектив» группы не превышал 20 человек («Правда», 19 декабря, 30 декабря 1923 г.).

140. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.

141. «Социалистический вестник», 1923, № 19 (65), с. 13—14.

142. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.

143. Там же.

144. Основным источником по истории оппозиции «Рабочая группа» является брошюра: В. Сорин. Рабочая группа («Мясниковщина»). М., 1924, партийный памфлет, изданный с предисловием Бухарина. Брошюра содержит множество цитат из Манифеста группы и из заявлений, впоследствии сделанных членами группы на допросах в ГПУ. В России Манифест был распространен нелегально в машинописном виде: напечатан в Берлине летом 1923 г. и сопровожден в качестве предисловия обращением группы «К товарищам коммунистам всей земли», написанном после XII съезда партии. Так как этими документами мы не располагаем, то воспользовались сокращенным немецким переводом обращения и Манифеста (Das Manifest der Arbeitergruppe der Russischen Kommunistischen Partei), опубликованными в Берлине в 1924 г. с комментариями Коммунистической партии Германии и как «издание русской секции IV Интернационала».

145. Das Manifest der Arbeitergruppe der Russischen Kommunistischen Partei (n. d.), 1924, S. 19—20.

146. Ibid., p. 23.

147. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

148. Л. Троцкий. Соч., т. XV, М.—Л., 1927, с. 422. Именно этот тактический маневр Троцкого позволил впоследствии Сталину язвительно назвать его «патриархром бюрократов» (см. с. 251 данной книги).

149. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 23, 316.

150. См. с. 25 данной книги.

151. «ВКП(б) в резолюциях», 1941, ч. I, с. 483—484.

152. В конце 1922 г. ВЦСПС учредил Центральный институт труда, который бросил в массы лозунг научной организации труда (НОТ). Методы работы этого института подверглись на XII съезде партии критическим нападкам со стороны группы профсоюзных деятелей, усмотревших в них «тейлоризм» («Правда», 15 апреля 1923 г.); разногласия длились целый год.

Глава 3. Кризис разразился

1. «Правда», 18 августа 1923 г.

2. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

3. 17 августа было утверждено Положение о выставке. («Собрание узаконений...», 1923, № 95, ст. 938.) Посетить выставку был приглашен целый ряд иностранных делегаций, по этому случаю был основан так называемый Крестьянский Интернационал (см. с. 151 данной книги).

4. «Экономическая жизнь», 1, 2 октября 1923 г. Газета поместила диаграмму Троцкого, которая отражала положение дел на апрель 1923 г. (см. также: «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 396). Она была напечатана в скорректированном на тогдашний момент виде: линии диаграммы были продолжены до апреля 1924 г., когда раствор «ножниц» почти закрылся. С точки зрения интересов крестьянства сравнивать нужно было розничные цены на промышленные товары с оптовыми ценами на сельскохозяйственные продукты, где расхождение было самым большим. Согласно расчетам С. Г. Струмилина (На хозяйственном фронте, с. 220), расхождение между промышленными и сельскохозяйственными ценами на 1 октября 1923 г. составляло 323% по сравнению с 1913 г. (У Струмилина говорится о расхождении розничных и оптовых цен. — *Ред.*)

5. См. с. 15 данной книги.

6. На XIII партийной конференции, состоявшейся в январе 1924 г., имели место острые разногласия по вопросу о характере кризиса. Рыков утверждал, что это был кризис перепроизводства, а Смирнов и Пятаков это отрицали.

(«XIII конференция РКП(б)», с. 8, 69, 81, 86.) Это действительно был кризис перепроизводства в капиталистическом смысле, который партийные руководители пытались лечить «капиталистическими» методами финансового давления. Тем самым хотели ликвидировать скопившиеся на складах товары, а в результате это привело к свертыванию производства. С точки зрения плановой экономики это не был кризис перепроизводства; путь же к снижению цен, как считала оппозиция, лежал через увеличение кредитов промышленности, которые позволят расширить производства. Могла ли эта политика быть реализована в условиях тогдашнего состояния ресурсов — это другой вопрос.

7. «XIII конференция РКП(б)», с. 86.

8. Откровенно говоря, экономисты и финансисты, к которым политические руководители, безусловно, обращались за советом, сами не имели четкого и однозначного представления о причинах кризиса. Статьи из периодической печати того времени цитируются в кн.: *M. H. Dobb. Russian Economic Development*, p. 227—245. Озабоченность аномалией двойной валюты и постоянным падением рубля выражалась в том, что поверхностно судили, будто бы кризис «ножниц» объясним на языке денежных проблем.

9. Богданов на XII съезде партии приводит следующие данные: половина накладных расходов не зависит от самих предприятий и вызывается увеличением налогов, железнодорожного тарифа, ускоренными сроками погашения займов Госбанку, годичным падением валюты и т. д. («Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 332). Как пишет С. Г. Струмилин (На хозяйственном фронте, с. 225—226) в довоенное время промышленные налоги составляли (менее. — *Ред.*) 3% в цене чистой продукции промышленности; в 1922 г. — 3—4%, в 1923 г. налоги (и акцизы. — *Ред.*) составляли 10—12%; кредиты в довоенное время были 6% годовых в 1913 г., в 1923 г. стоимость кредитов возросла до 60%; тарифы, которые в 1922 г. составляли лишь одну треть довоенных, в 1923 г. были выше довоенных на 20—25%.

10. С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте, с. 229.

11. И. В. Сталин. Соц., т. 5, с. 356. Каменев в своем докладе (на собрании бюро ячеек Московской партийной организации. — *Ред.*) 11 декабря 1923 г. (в указанном автором номере газеты такого нет; это высказывания из доклада, опубликованного 13 декабря 1923 г. — *Ред.*) говорил о том, что «в июле и августе месяце» имели место «явления чрезвычайно тревожные внутри рабочего класса», в том числе забастовки в Харькове и Сормове («Правда», 13 декабря 1923 г.). 21 декабря 1923 г. «Правда» сообщала о тех событиях, которые развернулись в течение июля—сентября на ряде крупных предприятий, указывала, что они «вскрыли факт отрыва союзного аппарата от союзной массы». Самые полные сообщения об этих событиях появились в меньшевистском журнале «Социалистический вестник»: обстоятельные отчеты о забастовках в Сормово появились в № 16 (12), 1923, с. 14—15; № 21—22 (67—68), 1923, с. 20—21; о забастовках в Донбассе в № 14 (60), 1923, с. 15—16; № 23—24 (69—70), 1923, с. 17; в Харькове в № 1 (71), 1924, с. 7—8. В период между 1923 и 1927 гг., когда достоверные сообщения о всяких неблагоприятных больше не появлялись в советской печати, зато без особого труда проникали за границу, этот журнал часто печатал ценные и иначе не доступные материалы; при этом, разумеется, нужно абстрагироваться от антисоветской направленности журнала, которая со временем возросла. Среди регулярных информаторов журнала был Рязанов, часто бывавший в Европе по делам Института Маркса — Энгельса.

12. Первоначально эта практика была введена без официального санкционирования (протест против принудительной подписки на заем появился в газете «Труд» 27 июля 1923 г., в дальнейшем, однако, профсоюзы встали на защиту подобной практики (там же, 1 сентября 1923 г.), заявив, что она является необходимым шагом на пути укрепления финансовой стабильности в стране. Декретом от 4 сентября 1923 г. (см. с. 81 данной книги) эта практика была санкционирована год спустя. Томский на VI съезде профсоюзов вспоминает об этом, как об одной из самых больших обид, нанесенных рабочим («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», с. 70).

13. «Труд», 21 ноября 1923 г.

14. На страницах газеты «Труд» в первой половине 1923 г., то есть когда о фактах стачек еще сообщали в печати, нередко рассказывалось о случаях исключения из профсоюза за участие в стачке как наказания за неподчинение профдисциплине (например, «Труд», 18 февраля, 19 мая, 29 июня 1923 г.). Впоследствии подобная практика начала вызывать негодование: в передовой статье газеты «Труд» был выражен протест против того («чистительного» пыла профсоюзов.—*Ред.*), что союзы прибегают к поголовным «чисткам» своих членов («Труд», 27 ноября 1923 г.). Далее, в номере от 15 декабря 1923 г. говорилось, что исключение из числа членов профсоюза проводится правлением союза без всякого ведома общего собрания. Эти жалобы все еще раздавались во время IV съезда профсоюзов. («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», с. XV—XVI, XIX—XX.)

15. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 182.

16. Одним из эпизодов во время экономических споров осенью 1923 г. была вновь возобновившаяся кампания против высокой оплаты спецов; причиной кампании частично явилась стародавняя враждебность профсоюзов, и частично трения между Наркомфином и хозяйственниками по вопросу о кредитовании. 10 октября 1923 г., что вряд ли могло быть совпадением, и «Труд» и «Экономическая жизнь» поместили статьи, в которых была подвергнута резкой критике существующая система выплаты тантьем, так как в погоне за получением тантьем директора предприятий часто заявляли недоказанную прибыль, взвинчивали цены, либо занижали заработную плату. 17 октября газета «Труд» поставила вопрос о регулировании спецставок. На следующий день «Экономическая жизнь» вновь подвергла нападкам систему тантьем, которая была первоначально введена, «чтобы привлекать высококвалифицированных специалистов, не желающих работать по одним идейным соображениям».

17. Кутлер, дельный специалист, член правления Госбанка — см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19, — разъяснил на съезде представителей биржевой торговли, что «широкий кредит торговле в ближайшее время, как бы желателен он ни был, фактически предоставлен быть не может» («Экономическая жизнь», 17 января 1923 г.).

18. С. Г. Струминин. На хозяйственном фронте, с. 225. Данные о нормах процента за кредит (стоимости кредитов) помещены в кн.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

19. «Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва». Стенографический отчет и постановления. М., 1923, с. 114—115. Об этом докладе см. с. 34 данной книги.

20. «Экономическая жизнь», 11 ноября 1923 г. Несмотря на то что газета заняла позицию защиты этой меры в принципе, она признавала, что сама мера была применена «в обрез, довольно грубо»; внезапный и директивный характер акции сокращения кредитов стал одним из пунктов последующего обвинения, выдвинутого оппозицией в адрес официальной политики («XIII конференция РКП(б)», с. 70, 81). Поскольку Госбанк был автономным учреждением, обладавшим всей полнотой власти в деле распоряжения своими фондами, это решение формально не затрагивало компетенцию государства; «самодовлеющий характер нашей финансовой политики» и «автономия Госбанка» — такие формулировки также фигурировали в обвинении оппозиции (см. с. 83 данной книги).

21. См. с. 32 данной книги.

22. Кутлер на страницах газеты «Экономическая жизнь» выступил против политики цен, проводимой промышленностью («Экономическая жизнь», 12 сентября 1923 г.): «...наши продавцы не стесняются тем, что повышение цен может сократить сбыт их продукции... выходом из положения для самих предприятий являются субсидии, кредиты в банках... при отсутствии широкого сбыта оно ведет к накоплению товаров на складах». В ноябре 1923 г. Сокольников вторит ему, заявляя, что «промышленность, получив эти кредиты, в известной степени ими злоупотребила». (Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета СССР. Стенографический отчет. М., 1924, с. 99). Текстильная промышленность, в частности, получив кредиты для сбыта своих товаров, установила такие непомерно высокие цены, что крестьяне не стали

покупать мануфактуру, и финансовым органам пришлось вмешаться и потребовать снижения цен под угрозой отказа в дальнейших кредитах. (Г. Ю. Сокольников. Финансовая политика революции. 1926, М., т. 2, с. 93—95.)

23. Например, в газете «Экономическая жизнь», 10 сентября (табак), 20 (масло), 21 (соль) 1923 г.

24. В начале октября было решено регулировать оптовые цены в официальном порядке (см. с. 87 данной книги). Но именно «зажим» кредитов нанес первый удар, и, судя по прошлому опыту, без этой меры государственное нормирование цен не принесло бы желаемого результата.

25. Г. Ю. Сокольников. Финансовая политика революции, т. 2, с. 93—94. Высказывание Ленина приведено в кн.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

26. В интервью газете «Экономическая жизнь» 26 октября 1923 г. Кутлер объяснял урезывание кредитов промышленности необходимостью кредитования хлебных операций. Это искажает последовательность событий и говорит о наличии прямой связи между этими мерами, которой на деле не было; но обе меры были составными частями одной и той же политики, направленной на преодоление кризиса «ножниц» путем нажима на промышленность и помощи сельскому хозяйству.

27. См. с. 33—34 данной книги.

28. О «моральном давлении» говорится в кн.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Сокольников на сессии ВЦИК в июне 1923 г. признал, что размещение золотого займа встретило на своем пути весьма значительные трудности. Однако, по его мнению, золотой займ, как и хлебный, на следующий год «завоюет... доверие» («Вторая сессия ВЦИКа...», с. 127—128). О выплате жалованья облигациями см. с. 76 данной книги.

29. G. Y. Sokolnikov et al. Soviet Policy in Public Finance. Stanford, 1931, p. 263. В этой книге (p. 265) также говорится, что рыночная стоимость упала до 40% номинальной стоимости, но похоже, что это произошло после принудительного размещения облигаций в широких масштабах.

30. «Экономическая жизнь», 9 августа 1923 г.

31. «Собрание узаконений...», 1923, № 96, ст. 960; № 98, ст. 978; № 99, ст. 981; скала, согласно которой (так в тексте декрета. — *Ред.*) осуществлялось принудительное размещение (займа. — *Ред.*) среди плательщиков подоходного налога, была пересмотрена в следующем декрете от октября 1923 г. («Собрание узаконений...», 1924, № 9, ст. 58).

32. Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. Издание ЦИК Союза ССР. Москва, 1924, с. 85.

33. «Экономическая жизнь», 10 августа 1923 г.

34. Там же, 24 мая 1923 г. Об этой проблеме говорил также председатель Комвнторга Лежава (у автора ошибка. Статья «Торговые и финансовые вопросы реализации урожая» подписана: проф. П. Лященко. — *Ред.*), который считал, что необходимо отодвинуть сроки взимания налогов от сбора урожая (там же, 28 июня 1923 г.).

35. Эти предположения вопреки их распространенности могли и не оправдаться. Известно, что в 1923 г., после того как большие партии совзнаков были посланы в Туркестан для финансирования реализации урожая хлопка, крестьяне поставили в тупик местные власти, потребовав в уплату червонцы (Л. Н. Юровский. На путях к денежной реформе, с. 72).

36. «Собрание узаконений...», 1923, № 87, ст. 842; Там же, 1924, № 13, ст. 120; № 16, ст. 154; № 47, ст. 445. Причина выпуска транспортных сертификатов была так сформулирована в постановлении Наркомфина: «...в целях усиления средств НКПС (Наркомпуть у автора. — *Ред.*) в период реализации урожая» (цит. по кн.: З. В. Атлас. Очерки по истории денежного обращения в СССР, с. 211). Сокольников публично заявил, что цель выпуска транспортных сертификатов заключалась в том, чтобы покрыть дефицит транспорта, составивший в прошлом году 140 млн. рублей, который, как надеялись, удастся сократить в следующем году до 50 млн. рублей («II сессия ВЦИКа», с. 116).

37. Наркомфин предполагал, что половина налога поступит натурой, половина — деньгами или облигациями хлебного займа. На деле же вышло, что несколько более половины поступило деньгами, около четверти — в облигациях хлебного займа и лишь четверть — натурой. («III сессия ЦИКа», с. 85). Это был благоприятный симптом, но он повлек за собой немедленно требование денег. В конце года совсем отказались от практики уплаты налога натурой («Экономическая жизнь», 15 августа 1923 г.).

38. «Экономическая жизнь», 15 августа 1923 г.

39. Декрет от 29 сентября 1923 г. («Собрание узаконений...», 1923, № 102, ст. 1024). Этим декретом санкционировался выпуск в обращение советских денежных знаков образца 1923 г. достоинством в 5000 рублей. Он давал разрешение на выпуск денежных знаков иного и более высокого достоинства в ответ на падающую стоимость рубля, но в нем не были оговорены предельные размеры выпуска. Позднее это решение часто представлялось (например, Рыковым — см.: «XIII конференция РКП(б)», с. 87) как «параллельное» снижению темпов кредитования промышленности: кредиты (предоставляемые в червонцах) были перекачаны (в советских рублях) из промышленности в сельское хозяйство. На деле оба решения не являются взаимозависимыми. Существенная разница между двумя валютами заключалась в том, что червонцы использовались только для кредитных целей, а не для финансирования государственных закупок. («Третья сессия ЦИКа», с. 98.) Хлебные закупки отчасти относятся ко второй категории.

40. См. таблицу в книге: *L. N. Yurovsky. Current Problems and Policy of the Soviet Union. 1925*, p. 106. Некоторые цифры в этой таблице были явно скорректированы по сравнению с первоначально опубликованной таблицей в книге: *Л. Н. Юровский. На путях к денежной реформе*, с. 84.

41. В период «военного коммунизма» рост цен опережал увеличение находившейся в обращении денежной массы («Большевистская революция...», т. 2, гл. 17). На волне процветания, которую вызвал собой НЭП, этот процесс приостановился где-то в период между летом 1922 и летом 1923 г. Тогда рост цен и темпы эмиссии были приблизительно равны, а иногда рост цен даже отставал. С июня 1923 г. и далее рост цен снова начал опережать темпы эмиссии, и этот процесс еще более усугубился, когда в сентябре опять перешли к выпуску денежных знаков без всяких ограничений. Наконец, в январе и феврале 1924 г., когда темп эмиссии составлял 100% ежемесячно, рост цен достиг 200% ежемесячно. (З. В. Атлас. Очерки по истории денежного обращения..., с. 160).

42. Эта докладная записка, видимо, не была опубликована, но она цитируется в письме Троцкого от 8 октября 1923 г. (с. 83—84 данной книги).

43. Решение о назначении комиссий опубликовано не было, но об этих трех комиссиях упомянуто в постановлении ЦК от 25 октября 1923 г. («ВКП (б) в резолюциях...», т. 1, с. 531). О «комиссии о внутрипартийном положении» см. с. 218 данной книги.

44. См. с. 218 данной книги.

45. «XIII конференция РКП(б)», с. 7. Об этом говорит в своем докладе Рыков. Отказ Троцкого участвовать в работе комиссии понятен в свете той тактики, которой он придерживался с момента тяжелой болезни Ленина в марте 1923 г.: не выносить на широкое обсуждение разногласия со своими коллегами в Политбюро.

46. См. с. 165 данной книги.

47. Сталин на XIII партийной конференции обвинил Преображенского и других членов оппозиции в том, что они проигнорировали работу комиссий о «ножницах» («XIII конференция РКП(б)», с. 145).

48. Пространные извлечения из этого письма были опубликованы в журнале: «Социалистический вестник», 24 мая 1924 г., № 11 (81), с. 9—10. Полный текст опубликован не был. О политических аспектах письма Троцкого см. ниже с. 219—220.

49. О политических аспектах платформы см. на с. 219—220 данной книги; полный ее текст помещен на с. 274—280.

50. Извлечения из письма приведены в журнале «Социалистический вестник», 14 мая 1924 г., № 11 (81), с. 11—12.

51. Анализ этих писем приведен на с. 219—220 данной книги.

52. Об этих вопросах дается на с. 219—222 данной книги.

53. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. 1, с. 531—532.

54. Об этой статье и заявлении на с. 300—301 данной книги.

55. Решение возобновить выпуск совзнаков без ограничений, принятое во имя интересов крестьянства, автоматически сняло недостаток наличия денег, который порождал задержку в выплате заработной платы в промышленности. Газета «Труд» 4 октября 1923 г. заявляла, что, хотя несвоевременные выплаты постепенно ликвидируются, тем не менее «потеря на курсе еще имеет место».

56. Отчет об этом заседании помещен в газете «Экономическая жизнь» 16 октября 1923 г.

57. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

58. Там же, т. 2, гл. 19. Как позднее вспоминал Зиновьев, Наркомвнуторг был учрежден как бы мимоходом в результате телефонограммы Ленина, чтобы «изучить рынок». По словам Зиновьева, «мы пошли против частного капитала налегке, с тросточкой» («Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 94). 13 декабря 1922 г. газета «Экономическая жизнь» сетовала на то, что не было ни одного случая, когда бы Наркомвнуторг отказался утвердить цены, установленные синдикатами с позиции стоимости или с учетом рыночной конъюнктуры; как отметил Богданов на XII съезде партии, «воздействие на рынок в порядке принудительного установления цен потерпело фиаско». («XII съезд РКП(б)», 1923, с. 333).

59. О тезисах Лежавы и их одобрении говорится в газете «Экономическая жизнь» 11, 14 января 1923 г.; о дебатах между Лежавой и Сокольниковым — в газете «Труд» 17 января 1923 г.; о резолюции — в «Экономической жизни» 19 января 1923 г.

60. «ВКП(б) в резолюциях...», ч. 1, с. 482.

61. «Экономическая жизнь», 15 августа 1923 г.; «Труд», 23 августа 1923 г.

62. «Экономическая жизнь», 4 октября 1923 г.

63. Там же, 6, 12 октября 1923 г.

64. «Третья сессия ЦИКа СССР», с. 100.

65. Г. Ю. Сокольников. Финансовая политика революции, т. 2, с. 97.

66. См. выше с. 16.

67. Из общего количества патентов, выбранных в 1923 г., 314 тыс., или 66 %, падают на 1-й и 2-й разряды, то есть на торгующих с лотков, с земли, из мешков или имеющих лари, будки и т. д. (Рыков, «Правда», 4 января 1924 г.). О разрядах патентов дано в книге: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

68. О повышении цен на соль и ситец «Экономическая жизнь» писала 5, 10 октября 1923 г. также. Газета приводила примеры того, какие изменения претерпевали розничные цены: аршин ситца продавался текстильными трестами по оптовой цене 32 коп., а в розничной продаже стоил от 70 коп. до 2 рублей. Ногин, бывший рабочий, влиятельный партиец и директор текстильного треста, призывал уничтожить перепродавцов, в которых усматривал причину раздутых цен («Правда», 16 октября 1923 г.).

69. Это признал Рыков в своем выступлении 29 декабря 1923 г., которое было опубликовано в «Правде» 4 января 1924 г. Постепенное изменение направления можно проследить на страницах «Экономической жизни». Передовая статья газеты от 23 октября 1923 г. отстаивала «твердую программу снижения оптовых цен на основные предметы массового потребления», но пока все еще выступала против контроля над розничными ценами; в номере от 15 ноября в статье за подписью Шеханова говорилось, что, несмотря на чрезвычайную сложность решения задачи регулирования розничных цен, к ее разрешению необходимо приступить, потому что без этого не удастся преодолеть кризис «ножниц»; 18 ноября передовая статья, признавая сложности, связанные с задачей государственного регулирования розничных цен, осторожно выступила в поддержку регулирования. В том же номере Лежава подтверждал, что снизить цены и удерживать их на низком уровне на такие товары, как соль и

керосин, не представляет больших трудностей; гораздо сложнее обстоит дело с галантерейными и мануфактурными товарами разного качества. Совещание коммунистов-хозяйственников, состоявшееся 13 ноября 1923 г., выработало резолюцию об экономической политике (и взаимоотношениях трестов с предприятием. — *Ред.*). В резолюцию вошел пункт об «установлении продажных цен на фабриках государственным плановым порядком» (то есть Комвнупотом, Госпланом). («Правда», 20 декабря 1923 г.)

70. Каменев в газете «Правда», 30 декабря 1923 г.

71. «Труд», 8 декабря 1923 г.; «Правда», 30 декабря 1923 г.

72. Это сообщение было сделано Каменевым в его выступлении 27 декабря 1923 г., опубликовано в «Правде» 30 декабря 1923 г. Оно было подтверждено Рыковым на XIII партийной конференции («XIII конференция РКП(б)», с. 6—7, где было выразительно сказано, что работа комиссии «проходила... с полным единодушием»; Пятаков и Преображенский, которые на конференции подтвердили резолюцию резкой критике, вообще не упомянули работу комиссии.

73. «ВКП(б) в резолюциях...», т. I, с. 545—546. В сборнике, где дан текст резолюции с дополнениями, внесенными на XIII партийной конференции, этот раздел остался без изменений; сравнение некоторых абзацев резолюции XII съезда РКП(б) с оригинальным текстом (там же, с. 476) говорит о том, что не стоит отточие там, где выпущен важный абзац, который мы приводим, зато в резолюции XIII конференции есть отточие там, где фактически никаких сокращений сделано не было.

74. «Правда», 1 января 1924 г.

75. Летом 1923 г. Госплан подготовил «пятилетний план» развития металлургии («Экономическая жизнь», 9 августа 1923 г.), а 1 декабря обсуждался «пятилетний перспективный план промышленности» (там же, 4 декабря 1923 г.), но подобные планы в то время были чисто академическими упражнениями.

76. Кампания против персональных окладов специалистам (с. 37—38 данной книги) длилась в течение всей осени. Постановление от 2 ноября 1923 г. предписывало, что все «персональные оклады» регистрируются органами Наркомтруда («Собрание узаконений...», 1924, № 11, ст. 90). (Указания не подтверждались. — *Ред.*)

Через месяц между ВЦСПС и НКТ при участии ЦК союза было достигнуто соглашение о спецставках, о чем с удовлетворением сообщала передовая статья газеты «Труд», ссылаясь на «произвольность индивидуальной оплаты» и на «нынешнюю вакханалию спецставок» («Труд», 1 декабря 1923 г.).

Глава 4. «Ножницы» смыкаются

1. «Экономическая жизнь», 1—2 октября 1923 г. сообщала о том, что зерновая продукция на 1923 г. определена в 2757 (у Карра 2756. — *Ред.*) млн. пудов против 2790 млн. за 1922 г.; только на Украине была перекрыта цифра 1922 г. В остальных районах она была ниже.

2. Данные приведены в таблице в книге: «XIII съезде РКП(б)», с. 396.

3. См. с. 15—16 и 26—27 выше.

4. Сообщение о результатах концентрации производства было опубликовано в газете «Экономическая жизнь», 14 октября 1923 г.; см. также доклад Богданова (В)ЦИКу в ноябре 1923 г. (Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, с. 47—48). Более детально цифры даны в книге: Я. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР..., с. 225—226; наиболее наглядно результаты концентрации проявились на примере Ленинградмаштреста, который уже в ноябре 1923 г. работал с нагрузкой 80—90% (против 11% в начале года).

5. «Труд», 12 декабря 1923 г. Согласно газете «Экономическая жизнь» 1—2 октября 1923 г., общий объем производства в тяжелой промышленности в 1922—1923 гг. возрос на 15% по сравнению с предшествующим годом; число занятых рабочих — на 8; производительность труда отдельного рабочего — на 10; соответствующее повышение для легкой промышленности составило 57, 21 и 26%.

6. «Правда», 20 декабря 1923 г.

7. О дискуссии по общим вопросам говорится на с. 308 и т. д. данной книги.

8. «Правда», 30 декабря 1923 г., 1 января 1924 г.

9. Речь Рыкова в газете «Правда», 1, 3 и 4 января 1924 г. и резолюция оппозиции там же, 1 января.

10. «Известия», 28 декабря 1923 г. (указание не подтвердилось. — *Ред.*) сообщила, что «социально опасные» элементы были арестованы и высланы, что «операция по чистке» идет полным ходом и что аресты вызвали «смещение и растерянность среди нэпманов». «Социалистический вестник» (10 января 1924 г., № 1 (71), с. 13) дал цифру 2000 и сообщил некоторые дополнительные подробности (указание не подтвердилось. — *Ред.*). Зиновьев, ссылаясь на эти данные, не ставил под сомнение их точность, но отверг тот факт, что аресты означают «конец нэпа». («XIII съезд РКП(б)», с. 94, ср. дальнейшая ссылка там же, с. 96 о «нэпманах, нами высылаемых»).

11. «Сборник декретов, постановлений...», 23 декабря 1924 г. № 3 (15), с. 37; о более ранних декретах говорится на с. 81 данной книги.

12. В статье в газете «Экономическая жизнь», 26 октября 1923 г., где сообщалось об этих переменах, содержались нападки на газету «Труд» за противодействие этим мерам и отстаивались преимущества выплаты в устойчивой валюте в обход вопроса о пересчете. Представитель профсоюзов, защищая заключение коллективных договоров на транспорте на этой основе (то есть перехода на червонное исчисление), однако, тонко замечает, что «червонный рубль имеет тенденцию несколько отставать от товарного бюджетного рубля» (там же, 2 ноября 1924 г.).

13. «Труд», 10 ноября 1923 г.

14. Там же, 4 декабря 1923 г.

15. Там же, 15 декабря 1923 г.

16. «Собрание узаконений...», 1924, № 21, ст. 214. Еще в апреле 1924 г. раздавались жалобы о запаздывании с выплатой зарплаты на заводах ГОМЗЫ и на Урале. «Труд», 8 апреля 1924 г.

17. Там же, 6 января 1924 г.

18. Шляпников в статье в газете «Правда», 19 января 1924 г. (указание не подтвердилось. — *Ред.*) доказывал, что «нет причин отделять товарища Троцкого в вопросах политики от других членов ЦК» и нельзя говорить, что Троцкий, который настаивал лишь на большей концентрации промышленности и усилении власти Госплана, был равнодушен к «судьбе рабочего класса».

19. Л. Троцкий. Новый курс, с. 4; о состоянии здоровья Троцкого и его передвижениях см. с. 246 данной книги.

20. Там же, с. 71.

21. «XIII конференция РКП(б)», с. 6—20; то место из доклада Рыкова, где он обрушивается на принцип планирования, уже приводилось в книге: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

22. Выступление Пятакова помещено в книге: «XIII конференция РКП(б)», с. 20—31; поправки там же, с. 219—233. (В издании, доступном нам, эти страницы отсутствуют. — *Ред.*)

23. Рыков признал или даже посетовал, что Пятаков «неоднократно» за время дискуссии по своей резолюции получал большинство. Там же, с. 85.

24. «XIII конференция РКП(б)», с. 21.

25. Там же, с. 35—36. Рыков (там же, с. 15) пытался занижить цифру до 200 или 300 млн., но это прозвучало не слишком убедительно. Ошибка, которую якобы делал Преображенский, состояла не в завышении размеров прибыли частного капитала, а в занижении масштабов восстановления государственной промышленности.

26. «XIII конференция РКП(б)», с. 69—72.

27. Там же, с. 48, 56, 76. Троцкий в сборнике своих статей, опубликованном накануне конференции, отвечая на нападки касательно приказа № 1042, инициатором которых, возможно, был не Микоян, обвинил своих критиков в «ремонте истории» и в ее «фальсификации» («Новый курс», с. 59—74); более подробно этот момент освещен в резкой критике Рудзутака на XIII съезде. («XIII съезд РКП(б)», с. 206). О приказе № 1042 говорится в книге: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

28. «XIII конференция РКП(б)», с. 49. Сокольников в той же манере пытался дискредитировать тех, кто был настроен скептически в отношении денежной реформы, обвиняя их в том, «что они цепляются за идеи, которые владели нами в течение всего особого периода 1918—1921 гг.» (Выступление от 5 декабря 1923 г. цит. в кн.: *S. S. Katsenellenbaum. Soviet Currency and Banking, 1914—1924, 1925, p. 139*).

29. Создается сильное впечатление, что его выступление в стенографическом отчете было сокращено и подправлено в плане резкости тона. («XIII конференция РКП(б)», с. 32—33); трудно поверить, что столь важное выступление было столь кратким, столь бесцветным, с приведением лишь фактов. Выступление Косиора в стенограмме конференции (там же, с. 51—53) не вызывает аналогичных подозрений, хотя известно, что его выступление на XII съезде партии в апреле 1923 г. было дано в сокращенном виде (о нем на с. 207 данной книги). Текст этих выступлений в официальном стенографическом отчете тем не менее практически соответствует тому тексту, который публикует «Правда» 18, 19 января 1924 г.

30. Роль Лутовинова на конференции не вполне ясна. Естественно, что решение представить этот вопрос на конференцию было принято не ВЦСПС (который не был партийным органом), а его партийной фракцией. Но хотя признанные профсоюзные лидеры были членами фракции, никто из них не решился выступить на конференции; неблагодарная задача представить этот трудный и сложный вопрос была оставлена Лутовинову. Он слыл фрондером, которому уже нечего терять. В мае 1924 г. Лутовинов, впавший в отчаяние в связи с событиями в партии, покончил жизнь самоубийством; Бухарин и Троцкий воздали ему должное в речах на его похоронах. («Труд», 11 мая 1924 г.)

31. Это рассматривается на с. 247 ниже.

32. «XIII конференция РКП(б)», с. 31.

33. Там же, с. 81—83, 93.

34. Там же, с. 192.

35. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 552.

36. *З. В. Атлас. Очерки по истории денежного обращения в СССР*, с. 196.

37. «Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик», с. 79—81. Данные за первые девять месяцев показывают, что доля расходов, покрываемых эмиссией, медленно снижалась в течение всего этого времени: в первые четыре месяца она колебалась около 1 к 3, затем снизилась до 14% в августе и снова возросла в сентябре (при возобновлении неограниченного выпуска совзнаков) до 21% (*Л. Н. Юровский*). На путях к денежной реформе, с. 102), в последнем квартале года эта доля упала до 9% (*L. N. Yurovsky. Currency Problems and Policy of the Soviet Union. 1925, p. 124*).

38. *Г. Ю. Сокольников. Финансовая политика революции*, т. I, с. 92.

39. Весь план целиком был изложен Сокольниковым в подробной докладной в январе 1924 г. Она приводится в кн.: *S. S. Katsenellenbaum. Russian Currency and Banking, 1914—1924, 1925, p. 139—142*. (Перевод сделан на основе советской брошюры, которой мы не располагаем.)

40. «XIII конференция РКП(б)», с. 73.

41. Там же, с. 38, 78.

42. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 552.

43. «Собрание узаконений...», 1924, № 32, ст. 288.

44. *S. S. Katsenellenbaum. Russian Currency and Banking, 1914—1924, p. 143—144*.

45. «Собрание узаконений...», 1924, № 34, ст. 308.

46. Там же, № 34, ст. 325.

47. Там же, № 45, ст. 433.

48. *L. N. Yurovsky. Currency Problems and Policy of the Soviet Union. 1925, p. 135*. Единственной областью, где еще использовались товарные рубли, были коллективные договоры, заключаемые профсоюзами, об этом см. с. 107 ниже.

49. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

50. «Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», с. 94.

51. «Известия», 26 марта 1924 г.

52. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

53. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 5.

54. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 392.

55. Наркомтруд как «объединенный» комиссариат (об этом в книге: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 14) имел отношение и к РСФСР и к СССР.

56. «XI Всероссийский съезд Советов», с. 97, 100.

57. Там же, с. 117—119.

58. Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. Сборник документов с вводными статьями и предисловием составителей под общей редакцией академика А. Я. Вышинского. М., 1939, с. 294; это постановление было также опубликовано в сб.: «Собрание узаконений...», 1924, № 27, ст. 262, что указывает на его обязательный характер. В других параграфах Народному комиссариату труда было поручено разработать и представить план организации общественных работ для безработных, «которые представляют действительно пролетарский элемент и которые должны быть прежде всего вовлечены в производство при его расширении»; но из этих избитых предписаний ничего не вышло.

59. «Экономическая жизнь», 1 марта 1924 г.; «Труд», 1 марта 1924 г.

60. Там же, 5 марта 1924 г.

61. Передовая статья в газете «Труд» 13 апреля 1924 г. писала, что, поскольку рабочий теперь имеет зарплату в твердых деньгах, некоторое снижение ее размеров допустимо и неизбежно.

62. «Труд», 5 апреля 1924 г. Изданные постановления предписывали ежемесячное снижение окладов в размере от 100 до 150 рублей на 10 и на 20% снижение окладов свыше 150 рублей (спецставок) служащих. («Собрание узаконений...», 1924, № 53, ст. 525; № 64, ст. 646); другое постановление вновь подтверждало требование (с. 301, примечание 76) о том, что установление персональных окладов производится путем регистрации в органах Наркомтруда и рекомендовало форму примерного трудового договора для лиц, получающих персональные оклады (там же, № 53, ст. 526).

63. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 173.

64. Вопрос о переходе от товарного индекса к червонному рублю прозвучал на VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. скорее в свете прошлых обид рабочего класса, нежели нынешнего положения дел («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», с. 70—71).

65. «Правда», 26 февраля 1924 г.

66. «Экономическая жизнь», 23, 26 февраля 1924 г.

67. См. с. 107 выше.

68. «Труд», 24 апреля 1924 г.

69. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 304.

70. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

71. Там же, с. 338.

72. Этот проект был упомянут Троцким в его выступлении на съезде: проект был разработан и выдвинут Богдановым («Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 304, 333—334).

73. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

74. Эту точку зрения излагал бывший председатель ВСНХ Богданов на сессии ЦИКа в ноябре 1923 г. («Третья сессия ЦИКа», с. 53).

75. Сообщение об этой реформе делает Богданов (там же, с. 52—54) и более кратко Молотов (XIII конференция РКП(б), с. 43—44); она была декретирована постановлением (3-й сессии ЦИК СССР) 12 ноября 1923 г. («Постановления Третьей сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик», 1923, с. 130—134.)

76. Об этом на с. 165 данной книги.

77. «XIII конференция РКП(б)», с. 22—24.

78. «Экономическая жизнь», 5 февраля 1924 г. О ГУМе говорится в книге: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

79. Г. И. Крумин. Пути хозяйственной политики. 1924, с. 39—41. Крумин поддерживает идею созданию комиссариата по регулированию внутренней торговли, но резко возражает против его организационного слияния с ВСНХ; он также не менее резко высказывается против слияния в одном наркомате функций регулирования внешней и внутренней торговли. Брошюру Крумина, вышедшую после XIII партийной конференции, можно рассматривать как выражающую официальную точку зрения.

80. «Известия», 11 мая 1924 г.; «Собрание узаконений...», 1924, № 50, ст. 473; № 62, ст. 620. В начале апреля было принято принципиальное постановление пленума ЦК РКП(б) («Труд», 9 апреля 1924 г.).

81. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

82. «Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», с. 127.

83. «Экономическая жизнь», 25 апреля 1924 г.; «Труд», 25 апреля 1924 г.

84. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 91—92.

85. «Экономическая жизнь», 25 мая 1924 г.

86. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 164, 204.

87. Там же, с. 91—92; «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 567.

88. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 253.

89. Там же, с. 220.

90. Там же, с. 95.

91. Там же, с. 382—397.

92. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 566.

93. Там же, с. 582—583.

94. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 100—102.

95. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 566.

96. О коммунах и совхозах говорится в книге «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17. Коммуны были добровольными группами по совместной обработке земли; совхозы были государственными предприятиями, где применялся наемный труд — отсюда различие их статуса в трудовом законодательстве.

97. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

98. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 458—471.

99. Там же, с. 478.

100. Там же, с. 500.

101. Там же, с. 470, 504; согласно статье в журнале «Социалистический вестник», 1924, № 12—13 (82—83), 20 июня, по этому вопросу в редакционной комиссии съезда «разгорелась битва» (протоколы комиссии не опубликованы). Полный текст резолюции помещен в книге «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 589—598.

Глава 5. Оккупация Рура

1. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 9. (Что касается признания де-юре, то в названном документе говорится: «Мы признаны де-юре десятью следующими государствами: Афганским, Австрийским, Болгарским, Германским, Латвийским, Литовским, Монгольским, Персидским, Польским, Турецким, Финляндским, Эстонским». — *Ред.*)

2. «Бюллетень IV Конгресса Коммунистического Интернационала». М., 19 ноября 1922 г., № 11, с. 13.

3. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

4. «Die Rote Fahne», Berlin, 9. Januar 1923.

5. «Известия», 14 января 1923 г.

6. «Internationale Presse-Korrespondenz», 15. Januar 1923, S. 75.

7. Текст опубликован также в: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», Januar 1923, No. 1, S. 82.

8. «Verhandlungen des Reichstags», ccclvii, 1923, 9429—9434.

9. Неточна во всех деталях, поддающихся проверке, история, которая излагается в книге Рут Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism, Harvard, 1948, p. 264) о том, что на следующий день, после того как в «Роте Фане» появился вышеназванный заголовок, Радек «уволит двух ответ-

ственных за это сотрудников» (один из них был брат Рут Фишер) и заменил этот заголовок на другой: «Против Куно на Шпре, в Руре против Пуанкаре». Первоначальное заглавие не было «срифмовано» и неверно цитируется. Оно не было «изменено» по той простой причине, что газета «Роте Фане» никогда не повторяла своих заголовков, и данное заглавие больше не появилось ни в каком виде. Брандлер впоследствии процитировал этот лозунг так: «Против Пуанкаре в Руре и против Куно — на Шпре» (об этом в книге: «Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 года». Стенографический отчет. Часть I. М., 1925, с. 208.).

10. «Internationale Presse-Korrespondenz», 14. Februar 1923, No. 29, S. 214—215; 9. März 1923, No. 43, S. 319.

11. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

12. «Bericht über die Verhandlungen des III (8) Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», 1923, S. 58.

13. Ibid., S. 186—187.

14. Ibid., S. 328.

15. Ibid., S. 375. Текст принятых тезисов см.: Ibid., S. 415—424.

16. Взгляды левых кратко изложила Рут Фишер после Лейпцигского съезда: «Коммунистическая партия потеряна как революционная партия, если она ограничивается простой пропагандой. Она должна быть активной, она должна действовать. Она должна не только входить всеми своими силами в существующие массовые движения, но и должна постоянно и всегда пытаться привести массы в движение» («Die Internationale», VI, 1. Februar 1923, No. 3, S. 90—91).

17. Рут Фишер в своей книге (*R. Fischer. Stalin and German Communism*, p. 229) и П. Масловский в книге о Тельмане (*P. Maslowski. Thälmann*, 1932, S. 42) отмечают, что именно с этой целью Радек появлялся на каком-либо закрытом заседании съезда. Он находился в Германии нелегально и не присутствовал на открытых заседаниях. Год спустя Рут Фишер отмечала, что «фракционная борьба, ненависть между двумя группами была настолько сильной, что лишь вмешательство представителя ИККИ в последний момент могло предотвратить раскол» (*R. Fischer. Die Lehren der Deutschen Ereignisse*. Hamburg, 1924, S. 51).

18. «Die Internationale», VI, 15. Februar 1923, No. 4, S. 97—102. Перевод этой статьи с указанием даты 13 февраля и с подписью Тальгеймера был опубликован в журнале «Коммунистический Интернационал» 7 июня 1923 г., № 25, кол. 6857—6866.

19. К. Радек. В. И. Ленин. — В книге: К. Радек. О Ленине. М., 1924, с. 26.

20. Статья Зоммера была опубликована в: «Die Internationale», VI, 1. April 1923, No. 7, S. 207—211. Статьи Нейрата и Зоммера были перепечатаны в журнале «Коммунистический Интернационал», 7 июня 1923 г., № 25, колонки 6866—6880, после первоначальной статьи Тальгеймера. За этим следовал его ответ (там же, колонки 6879—6888). Согласно Рут Фишер (в книге: «Stalin and German Communism», p. 282), Нейрат и Зоммер писали свои статьи, поощряемые Зиновьевым, который использовал их как «пешек» в своей полемике с Радеком. Это предшествует вмешательству Зиновьева в дела КПГ и его приверженности левым. Опубликование этих статей в журнале Коминтерна лишь свидетельствует о терпимости в то время к разным точкам зрения. Нет также никаких оснований считать Тальгеймера «пешкой» Радека.

21. «Internationale Presse-Korrespondenz», 29. Januar 1923, No. 19, S. 123—124; 14. März 1923, No. 48, S. 378; 28 März 1923, No. 55—56, S. 456.

22. Состав конференции был подробно описан Бухариным. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 265.

23. Ход конференции был запечатлен в брошюре: «Der Internationale Kampf des Proletariats gegen Kriegsgefahr und Faschismus», 1923.

24. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», 1924, S. 132.

25. «Коммунистический Интернационал», 5 апреля 1923 г., № 24, колонка 6349.

26. О прибытии первого судна с грузом сообщалось в «Роте Фане» («Die Rote Fahne», Berlin, 30. März 1923). Прибытие второго судна было

описано профсоюзным деятелем, сопровождавшим груз, в «Роте геверкшафтс-интернационале» («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», Mai—Juni 1923, No. 5—6 (28—29), S. 484—492). Радек воспользовался этим случаем, чтобы напомнить в резкой статье об отказе СДПГ и НСДПГ от предложения получить советский хлеб в ноябре 1918 г. («Internationale Presse-Korrespondenz», 14. März 1923, No. 47, S. 362—363).

27. Текст письма Зиновьева печатается в брошюре КПГ, содержащей ряд резолюций и заявлений оппозиции («Material zu den Differenzen mit der Opposition», 1923).

28. «Коммунистический Интернационал», 7 июня 1923 г., № 25, колонки 6845—6856.

29. «Internationale Presse-Korrespondenz», 18. Mai 1923, No. 84, S. 709—710.

30. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

31. Согласно Р. Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism, p. 261), он имел кабинеты в советском посольстве, в резиденции советского торгового представительства и в редакции газеты «Роте Фане». Он постоянно сновал между ними и был поистине вездесущ. Но, возможно, Фишер преувеличивает его влияние.

32. «III Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Петербург, 1922, с. 215.

Глава 6. Ультиматум Керзона

1. «Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», с. 62. Некоторое время спустя Штреземан сказал Д'Абернону, что «если бы Пуанкаре осуществил тогда свою политику, то Германия образовала бы коалицию с Россией, и они вместе установили бы свое господство в Европе» (D'Abernon. An Ambassador of Peace, iii, 1930, p. 146). Это был один из тех немногих случаев, когда Штреземан пытался напугать западные державы жуе-лом советско-германского союза.

2. «Известия», 15 февраля 1923 г.

3. «Manchester Guardian», 19 February, 1923. Приблизительно в то же время Радек утверждал, что «если Польша, в случае войны России и Германии, должна принять участие в этой войне, то она не пожелает иметь в тылу Советскую Россию и прежде всего нападет на нас» («Известия», 17 февраля 1923 г.).

4. Троцкий выражал ту же озабоченность в связи с началом войны в 1914 г. («Большевистская революция...», т. 3, Приложение Е).

5. «Manchester Guardian», 1 March, 1923.

6. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть III, вып. 1, М., 1928, с. 233—234, 235—238.

7. Там же, с. 235.

8. Представители РСФСР и Украинской ССР присутствовали на европейской конференции здравоохранения, созданной под эгидой Лиги Наций в Варшаве в марте 1922 г. («League of Nations: Records of the Third Assembly», 1922, ii, 64—65). Организация, на заседании которой присутствовал Семашко в январе 1923 г., официально считалась, чтобы успокоить чувства советских людей, «международной комиссией», заседающей одновременно с Комитетом здравоохранения Лиги Наций. Но Семашко сам отбросил эти предосторожности, объяснив, что «присутствие народного комиссара Советской России на заседании Комитета здравоохранения не должно вызывать никакого удивления... и что это отнюдь не меняет отношения правительства Советов к Лиге Наций» (League of Nations Health Committee: Minutes of the Fifth Session (C27. M13, 1923), iii, 31—35).

9. «Правда», 4 марта 1923 г.; Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. Международная политика..., с. 238—239.

10. «Manchester Guardian», 19 February, 1923.

11. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government respecting the Relations between the Two Governments, Cmd.

1869, 1923, р. 5—13. «Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921—1927 гг.). Ноты и документы». М., 1927, с. 30—39.

12. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 185.
13. «Internationale Presse-Korrespondenz», 11. Mai 1923, No. 77, S. 666.
14. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.
15. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин, цит. соч., с. 243.
16. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.
17. «Англо-советские отношения...», с. 40—47.
18. Л. Троцкий. Как вооружалась революция. Том третий. Книга вторая. М., 1925, с. 87. Все речи воспроизведены в московской прессе от 13 мая 1923 г.
19. «Internationale Presse-Korrespondenz», 18. Mai 1923, No. 84, S. 695—697, 697—698.
20. «Труд», 13 мая 1923 г.
21. «Internationale Presse-Korrespondenz», 17. Mai 1923, No. 83, S. 694.
22. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин, цит. соч., с. 267—268.
23. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 117—119.
24. «Англо-советские отношения...», с. 47—59; «Further Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government respecting the Relations between the Two Governments», Cmd. 1890, 1923.
25. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин, цит. соч., с. 268—272. Этот декрет опубликован также в «Собрании узаконений...», 1923, № 57, ст. 563.
26. «Manchester Guardian», 24 December 1923.

Глава 7. Коммунизм и германский национализм

1. «Die Rote Fahne», Berlin, 29 April 1923.
2. Ibid., 12. May 1923.
3. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.
4. О комитете см. выше на с. 125; название было расширено, чтобы соответствовать потребностям момента.
5. «Die Rote Fahne», Berlin, 20 Mai 1923; «Internationale Presse-Korrespondenz», 28 May 1923, No. 89, S. 754—757.
6. «Die Rote Fahne», Berlin, 26. Mai 1923. Центральный совет Профинтерна на заседании в конце июня 1923 г. издал протест против мнимых попыток МКСП и «реформистских» профсоюзов разрушить единый фронт транспортных рабочих, который удалось создать на этом конгрессе («Internationale Presse-Korrespondenz», 18. Juli 1923, No. 119, S. 1047—1048).
7. «Die Rote Fahne», Berlin, 29 Mai 1923.
8. См. выше с. 123.
9. «Die Internationale», VI, 15. Februar 1923, No. 4, S. 115—119.
10. «Die Rote Fahne». Berlin, 18. Mai 1923. Резолюция, которая была подписана основными членами Центрального комитета, как правыми, так и левыми, была составлена Радеком (Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale, n. d., II, 713). Поскольку Радек только что прибыл из Москвы, где выступал 11 мая с речью по поводу убийства Воровского, он, возможно, добился там одобрения этой линии. Интересно отметить, что так называемая шлагетеровская линия впервые появилась за неделю до казни Шлагетера и за месяц до «шлагетеровской» речи Радека в ИККИ.
11. «Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года)». М., 1923, с. 20—21, 32—33. Полный отчет о расширенном пленуме ИККИ был также опубликован в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 21. Juni 1923, No. 103; 25. Juni 1923, No. 105; 3. Juni 1923. Существенные различия заставляют предположить, что русский и немецкий протоколы велись независимо и не сличались; в основном это различия в стиле и формулировках, но есть места, встречающиеся в одном варианте и отсутствующие в другом. Трудно отдать предпочтение какому-либо варианту, но русский в целом полнее.

12. «Internationale Presse-Korrespondenz», 21. Juni 1923, No. 103, S. 869 этого места нет в русском варианте.

13. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

14. «Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года)», с. 103.

15. Там же, с. 105—127; другими моментами были англо-американское соглашение о долгах, Лозаннская конференция и решение Великобритании построить (расширить. — *Ред.*) военно-морскую базу в Сингапуре.

16. «Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года)», с. 129—130, 131—132, 139—142.

17. «Большевистская революция...», т. 3, Приложение Д.

18. «Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года)», с. 207, 211, 227.

19. Это была любимая тема Радека в то время: в передовой статье в «Правде» 13 сентября 1923 г. он цитировал из Гнейзенау (назвав его «организатором немецкой борьбы за независимость». — *Ред.*) панегирик Французской революции, которая «разбудила все силы [во Франции] и определила каждой силе соответствующий круг действия» (написано Гнейзенау в 1807 г.).

20. «Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года)», с. 237—241.

21. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», п. d., II, 713. Проверено по выступлению Радека на V Всемирном конгрессе Коминтерна (Стенографический отчет. М., 1925, с. 681—682. — *Ред.*).

22. «Коммунистический Интернационал в документах, 1933, с. 379—383.

23. Германия также не была упомянута в длинном отчете о работе ИККИ, сделанном Зиновьевым перед Московской партийной организацией 6 июля 1923 г. «Internationale Presse-Korrespondenz», 30. Juli 1923, No. 125, S. 1089—1098).

24. Радек в речи на сессии Коммунистического Интернационала Молодежи 13 июля 1923 г. защищал новую линию в Германии с осторожностью, которая заставляет предположить, что аудитория приняла ее без энтузиазма. Он разъяснил, что «не будь фашизм расколот на столько частей, он уже одержал бы победу в Германии», и охарактеризовал эту политику следующим образом: «единый фронт пролетариата, пролетарские сотни, вооруженной рукой защищающие пролетариат от фашистов, а в случае необходимости и нападающие на них и одновременно с этим расширение базиса нашей агитации» («Коммунистический Интернационал», 24 августа 1923 г., № 26—27, колонки 7171—7174).

25. Эта точка зрения поразительно напоминает ту, которую Радек предложил Ратенау в 1919 г. См. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 28.

26. K. Radek, etc. Schlageter: Eine Auseinandersetzung, 1923. Третье, значительно расширенное издание вышло в октябре 1923 г., оно включало также остальные статьи Меллера ван ден Брука, Ревентлова и Фрелиха, а заканчивалось длинным резюме Радека под названием «Коммунизм и германское националистическое движение», которое первоначально появилось в трех выпусках «Роте Фане» — 16, 17 августа и 18 сентября.

27. Самой серьезной помехой был антисемитизм, к которому оказались весьма склонны ораторы-националисты. Как далеко коммунисты шли на компромисс со своими принципами по этому вопросу, можно только догадываться. Нападки на еврейских капиталистов часто цитировались по речи Рут Фишер («тот, кто обличает еврейский капитал..., уже боец классовой войны, хотя даже и не знает этого»); но сама выступавшая утверждала, что ее высказывания были искажены (R. Fischer. Stalin and the German Communism, p. 283). «Социалистический вестник» 27 ноября 1923 г., № 21—22 (67—68), на с. 12 приводил фразу приписывавшейся КПГ прокламации, которая, как утверждалось, была выделена жирным шрифтом: «Еврейские капиталисты жиреют на эксплуатации немецкого народа».

28. Эти подробности взяты из изданной КПГ брошюры: «Sowjetstern oder Hakenkreuz? Deutschlands Weg — Deutschlands Rettung: Ein Waffengang zwischen Faschisten und Kommunisten», Berlin, 1923. Статья в: «Internationale Presse-

Korrespondenz», 26 September 1923, No. 151, S. 1304, приветствовала запрет на дальнейшее сотрудничество как доказательство смятения, вызванного среди фашистов коммунистической тактикой.

29. Согласно W. Krivitsky. I was Stalin's Agent, 1939, p. 59—60, коммунисты боролись бок о бок с националистами и германской полицией против рейнских сепаратистов во время демонстрации в Дюссельдорфе в сентябре 1923 г.

30. О национал-большевизме и осуждающих его статьях Радека см. в книге «Большевистская революция...», т. 3, гл. 28.

31. K. Radek, etc. Schlageter: Eine Auseinandersetzung, 3 ed. 1923, S. 20. Ревентлов позже в своем ответе с позиций националиста с таким же воодушевлением отвергал национал-большевизм в его первоначальной форме: «Три года назад угроза «национал-большевизма» среди нас была какое-то время очень велика... В то время в национальных и националистических (*völkisch*) кругах нередко распространялись настроения отчаяния: «Все бесполезно, мы станем большевиками, большевизм грянет, мы попытаемся национализировать его в Германии и спасти Германию с его помощью». Эта волна прошла» (ibid., S. 35).

32. Ibid., S. 15. Статья была первоначально опубликована в «Роте Фане» 7 июля 1923 г. и помечена «Москва, 2 июля».

33. На «шлагетеровскую линию» нападали с этой точки зрения год спустя, когда очернение Радека стало нормой, делегаты КПГ, которые не были связаны с такой политикой («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale, p. d., II, 665), но в тот момент такой критики не было слышно.

34. По словам Радека, «товарищи Рут Фишер и Реммеле вели эту агитацию рука об руку со мной» («Die Lehren der Deutschen Ereignisse», Hamburg, 1924, S. 18). Реммеле позже принадлежал к группе центра.

35. Брандлер, защищая ее, сформулировал важнейший приоритет: «Теперь, когда КПГ успешно убедила пролетарские массы свергнуть буржуазию, перед ней стоит новая важная задача убедить также и колеблющиеся мелкобуржуазные слои» («Die Internationale», 1. August 1923, No. 15, S. 419—421).

36. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

37. «Die Rote Fahne». Berlin, 12. Juli 1923.

38. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 55.

39. Главным источником подтверждения этого случая служит выступление Зиновьева на XIII партийной конференции в январе 1924 г. Дата телеграммы Радека Зиновьеву и Бухарину там приводится как 12 июня — явная оговорка или опечатка («XIII конференция РКП(б)», с. 168—169).

40. Русский текст письма не был опубликован. Немецкий перевод приводится в: A. Thalheimer. 1923: Eine Verpasste Revolution? 1931, S. 31; явно ошибочный английский перевод дается в: L. Trotsky. Stalin, New York, 1946, p. 368—369. Письмо цитировалось Зиновьевым на заседании Центрального Комитета партии в августе 1927 г. Сталин, отвечая ему, заявил, что у него нет копии и он не может проверить текстуальную точность цитаты Зиновьева, но признал подлинность письма и назвал его «безусловно правильным с начала до конца». Он добавил, что был против «демонстрации коммунистических рабочих», потому что считал, что «вооруженные фашисты старались спровоцировать коммунистов на преждевременное выступление», и хотел, чтобы коммунисты «не поддавались на провокации» (И. В. Сталин. Соч., т. X, с. 61—62). Это письмо не включено в собрание сочинений Сталина и не может быть точно датировано. Тальгеймер датирует его «началом августа», Троцкий — просто «августом», а сам Сталин — «концом июля или началом августа». Но упоминание «этой демонстрации», по-видимому, доказывает, что письмо относится к полемике перед антифашистским днем 29 июля 1923 г.

41. «XIII конференция РКП(б)», с. 169.

42. «Die Rote Fahne». Berlin, 30. Juli, 2. August 1923.

43. Ibid., 7, 8, 9, 10 August.

Глава 8. Болгария и крестьянство

1. Число членов партии в момент ее запрета в сентябре 1925 г. приводилось как 39 тыс. («From the 4th to the 5th World Congress CPGB», 1924,

р. 44), соотношение между числом членов партии и количеством поданных за нее на выборах голосов было почти таким же, как и в Германии.

2. «Die Internationale», VI, 1. Mai 1923, No. 9, S. 272—273; о решениях Коминтерна см. в книге: «Большевистская революция...» т. 3, гл. 31.

3. Резолюция приводится в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 3. April 1923, No. 57, S. 464—465, комментарий *ibid.*, S. 459—464; резолюция также опубликована в журнале «Коммунистический Интернационал», № 26—27, 24 августа 1923 г., кол. 7323—7328.

4. О результатах выборов сообщается с обычными заявлениями о «белом терроре» в: «Internationale Presse-Korrespondenz» (Wochenausgabe), 19 May 1923, No. 20, S. 420—471.

5. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

6. «Internationale Presse-Korrespondenz», 30. Juni 1923, No. 102, S. 858—859.

7. *Ibid.* (Wochenausgabe), 16. Juni 1923, No. 24, S. 574.

8. *Ibid.*, 25. Juni 1923, No. 105, S. 886.

9. *Ibid.*, 27. Juni 1923, No. 107, S. 916—917.

10. Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня, 1923 г., с. 101—102; вступительная речь Зиновьева содержала настоящий панегирик Стамбольскому (см. с. 151 ниже). Согласно Г. Беседовскому («На путях к термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата». Париж, 1930, I, с. 74; английский перевод этой работы под названием — «Revelations of a Soviet Diplomat», 1931 — был, очевидно, сделан с очень сокращенного и неточного французского варианта), Гольденштейн, представитель Коминтерна в Вене, наблюдавший за Балканами, тщетно пытался убедить Болгарскую коммунистическую партию поддержать Стамбольского.

11. «Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года)», 1923, с. 254—262.

12. Там же, с. 300—304.

13. «Коммунистический Интернационал», 24 августа 1923 г., № 26—27, кол. 7341—7354; «Internationale Presse-Korrespondenz», 9. Juli 1923, No. 15, S. 1007—1010.

14. *Ibid.*, 18 Juli 1923, No. 120, S. 1051—1053.

15. «Internationale Presse-Korrespondenz», 18. Juli 1923, No. 120, S. 1053—1054.

16. «Die Rote Fahne». Berlin, 10. August 1923.

17. Стоит отметить, что Кабакчиеву было позволено написать в официальном журнале Коминтерна длинную статью, отвечающую на критику и защищающую прежнюю линию («Коммунистический Интернационал», 1 декабря 1923 г., № 28—29, кол. 7679—7754); дни такой терпимости были уже сочтены.

18. Масштабы этой подготовки были, вероятно, впоследствии преувеличены и представителями правительства, которые оправдывали последовавшие репрессии, и партийными историками в интересах Димитрова, участие которого в сентябрьском восстании 1923 г. стало его первым заметным поступком; свидетельства современников на этот счет скудны.

19. В ответ на эту «политику провокаций» немедленно последовал протест ИККИ («Internationale Presse-Korrespondenz», 21. September 1923, No. 149, S. 1285).

20. «Правда», 9 октября 1923 г., перевод появился в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 15. October 1923, No. 161, S. 1371—1372.

21. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

22. Судя по обстоятельному отчету Г. Беседовского (На путях к термидору, с. 101—102), эта точка зрения распространялась группой меньшинства в Коминтерне весной 1923 г.

23. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 228, 245.

24. «Internationale Presse-Korrespondenz», 27. Juni 1923, No. 107, S. 914—915, поместил отчет о предложении аграрной реформы, внесенном в польский сейм двумя депутатами из группы крестьян, связанных с коммунистами.

25. «Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—13 июня 1923 года)», с. 36—43.

26. Там же, с. 47—48. В статье, написанной после пленума, Варга назвал резолюцию о рабоче-крестьянском правительстве «самым важным событием пленума расширенного ИККИ», но считал, что она должна относиться только к «бедным» и «средним» крестьянам («Internationale Presse-Korrespondenz», 22. Juni 1923, No. 104, S. 884). В следующей статье (Ibid., 11 Juli 1923, No. 116, S. 1020—1021) Домбаль нападал на взгляды Варги как на «попытку привлечь Запад лозунгом «деревенской бедноты», который не оправдался в России», и «излишним сужением базы нашей работы»; кампания должна быть обращена к «широким массам крестьянства».

27. «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919—1932». 1933, с. 368—373.

28. Единственным прецедентом для планов Домбалья было предложение, сделанное Осинским в ИККИ в марте 1922 г. о созыве в Москве конференции аграрных секций коммунистических партий, ИККИ одобрил это предложение и назначил комитет по его претворению в жизнь («Die Taktik der Kommunistischen Internationale gegen die Offensive des Kapitals», 1922, S. 135, 163). Но, кажется, больше об этом не было слышно. Домбалья обменяли вместе с еще 21 польским коммунистом в марте 1923 г. на группу поляков, арестованных в Советской России («Правда», 18, 20 марта 1923 г.). Он появился в качестве делегата братской Коммунистической партии Польши на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. («Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 77).

29. См. с. 71 выше.

30. Стенограммы конгресса, дающие резолюции полностью, а выступления в значительно сокращенном варианте, приводятся в: «Protokoll vom Ersten Internationalen Bauernkongress», 1924.

31. Соответствующие документы обо всех этих событиях приводятся в: «Die Bauerninternationale», i, 1924, S. 160—186. «Правда», 22 июля 1924 г.

32. Г. Беседовский. На путях к термидору, i, с. 72—73; согласно этому источнику, визит Радича в Москву был организован Гольдштейном (см. с. 311, примечание 10 выше), который был личным другом Радича.

Глава 9. Фиаско в Германии

1. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», 1924, S. 41.

2. «The Errors of Trotskyism», CPGB, 1925, p. 347.

3. Единственное опубликованное сообщение об этом заседании см.: В. Ва-
zhanov. Stalin (немецкий перевод с французского, 1931), S. 122—126. Автор, сотрудник аппарата Сталина, работал (техническим. — *Ред.*) секретарем Политбюро, куда он был незадолго до этого переведен из Оргбюро (решение о его переводе см.: *ibid.*, S. 5). Он пишет по памяти и в мелодраматическом тоне, и его суждения немногочисленны. Но приводимые им факты обычно совпадают с тем, что известно из других источников. Зиновьев, вспоминая об этом заседании через несколько месяцев, объяснял, что, пока Ленин активно занимался делами, русские сотрудники в Коминтерне «советовались с тов. Лениным лично, — этого было достаточно». Но после того как он отошел от дел, стало необходимо «заменить руководство Ильича руководством коллектива». Так и случилось, что представители партии и Коминтерна обсудили «вопрос о германской революции во всех его деталях» с Политбюро («XIII конференция РКП(б)», с. 167). Это, между прочим, подтверждает предположение, что Политбюро не обсуждало «мартовскую акцию» 1921 г. («Большевистская революция...», т. 3, гл. 28).

4. Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. I, с. 20.

5. «В наиболее критический для буржуазии 1919 г. — писал Троцкий два года спустя, — пролетариат Европы мог бы, несомненно с наименьшими жертвами овладеть государственной властью, если бы во главе его стояла действительно революционная организация, ...т. е. сильная коммунистическая партия» (Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна, б. г. [1924], с. 244) (У Карра ошибочно указана с. 224. — *Ред.*).

6. Сталин упоминал четыре года спустя о создании в это время «германской комиссии Коминтерна», состоящей из Зиновьева, Бухарина, Сталина, Троцкого, Радека и «ряда немецких товарищей» для подготовки к захвату власти (И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 63); по-видимому, свидетельств современников о такой комиссии нет.

7. «Die Rote Fahne». Berlin, 2. September 1923; согласно устному сообщению Брандлера автору данной книги, это воззвание было выпущено по инициативе Троцкого.

8. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», September 1923, No. 9 (32), S. 785—786, 789.

9. «Die Rote Fahne». Berlin, 1. September 1923.

10. «Известия», 19 сентября 1923 г.

11. «Труд», 22 сентября 1923 г. По словам Куусинена год спустя, «товарищ Брандлер поддался фантастическим революционным видениям», и «захват власти теперь казался ему легким и верным делом» («The Errors of Trotskyism», CPGB, 1925, p. 348). Сомнительно, чтобы Брандлер когда-либо придерживался этой точки зрения.

12. Зиновьев позже сказал: «Все [партийные лидеры] без различия оценивали положение вещей так, что революция в Германии есть вопрос недель. Все сведения сходились к этому. Самые пессимистические отзывы отличались от самых оптимистических тем, что пессимистически настроенные товарищи ждали революции на две, три, четыре недели позднее. Вот самое большое расхождение, которое было» («XIII конференция РКП(б)», с. 166). Сам Сталин в речи 1927 г. заявил, что он «стоял решительно и определенно за немедленное взятие власти коммунистами» (И. В. Сталин. Соч., т. 10, с. 63).

13. B. Bazhanov. Stalin, p. 129—130. Побочным результатом этой полемики была статья Троцкого, которая появилась в «Правде» 28 сентября 1923 г. и была перепечатана как специальный выпуск Internationale Presse-Korrespondenz, 26. September 1923, No. 152, под заголовком «Можно ли контр-революцию или революцию сделать в срок?». В статье утверждалось, что Муссолини, «болгарские фашисты», якобинцы в 1789 г. и большевики в 1917 г. — все назначали сроки своих переворотов и что это необходимый шаг для всякой партии, претендующей на руководство в революции, а занимать «выжидательное положение по отношению к нарастающему революционному движению пролетариата» — меньшевизм. Статья была выдержана в теоретической терминологии и не упоминала Германию. Она была перепечатана в книге: Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна, с. 575—580.

14. R. Fischer. Stalin and German Communism, p. 316—317. Зиновьев впоследствии заявлял, что Радек тоже возражал против назначения срока («Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 60).

15. Ibid., p. 50, 64—65; «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., 1, S. 192. Троцкий замечает, что «у нашей партии... были некоторые сомнения и колебания», но что вопрос был решен отрицательно (Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна, с. 555).

16. A. Thalheimer. 1923: Eine Verpasste Revolution? 1931, S. 25.

17. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 5.

18. По свидетельству Рут Фишер («Stalin and German Communism», p. 328), Тельман «вернулся из Москвы, снова воодушевленный стратегией коалиции», — из этих слов следует, что она и Маслов не разделяли этого воодушевления.

19. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», 1924, S. 246.

20. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 60—61. По свидетельству Брандлера (Ibid., S. 24—25), Радек разделял его возражения и безуспешно пытался добиться изменения телеграммы. Зиновьев впоследствии разъяснил мотивы, которые вызвали инструкцию «игнорировать» Мюллера. После объяснения военного положения 26 сентября генерал Мюллер сразу был назначен командующим силами рейхсвера в Саксонии. «Мне припоминается, — продолжал Зиновьев, — пример Кронштадта 1917 г., когда временное правительство назначило комиссаром кадета Пелелеева, а фактически власть была в руках кронштадт-

ского совета, как тогда кронштадтский совет игнорировал Пепеляева и его высмеивал, а потом в свое время мы его арестовали» («XIII съезд РКП(б)», с. 167—168).

21. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», S. 88.

22. Троцкий со времени обсуждения «мартовской акции» на III конгрессе Коминтерна в 1921 г., когда он оказался ведущим защитником официальной политики («Большевистская революция...», т. 3, гл. 30), стал считаться в КПП сторонником правых; в январе 1923 г. Рут Фишер в статье противопоставляла «теоретиков наступления» и «троцкистов» как две основные группы в КПП («Die Internationale», VI, 1. Februar 1923, No. 3, S. 87). Это впечатление подтверждалось тесными связями в то время между Троцким и Радеком, а также личной поддержкой, оказанной Троцким Брандлеру, несмотря на поворот последнего в сторону политики немедленных действий.

23. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30; было только что выяснено, что «Рабочая группа» (см. с. 66—67 выше) стремилась привлечь Маслова в свое Заграничное Бюро (В. Сорин. Рабочая группа, 1924, с. 112), хотя нет никаких сведений, что это бюро когда-либо было создано.

24. В партийной литературе редко упоминается этот эпизод. Относящийся к нему пассаж в речи Зиновьева перед Президиумом ИККИ 11 января 1924 г. («Я признаю, что во время октябрьских дискуссий Радек был со мной и Бухариным против Троцкого, который требовал устранения Рут Фишер и т. д.») напечатан в: «Die Internationale», VII, 28. März 1924, No. 2—3, S. 44, но выпущен в официальном варианте речи в: «Die Lehren der Deutschen Ereignisse». Куусинен, обвиняя Троцкого два года спустя, также упоминает только Рут Фишер, но не Маслова («The Errors of Trotskyism», CPGB, 1925, p. 350—351). Маслов высказывался по поводу этого инцидента, когда его судил прусский суд за измену в 1925 г. (его показание было перепечатано в брошюре КПП: «Der Fall Maslow», 1926, S. 19), а сообщение Рут Фишер («Stalin and German Communism», S. 322—323) носит глубоко личный характер.

25. По свидетельству Р. Фишер («Stalin and German Communism», S. 312), дискуссии были «посвящены главным образом военной стратегии, а не политике».

26. Устное сообщение Брандлера; Брандлер высказывался по этим вопросам в общем виде на V конгрессе Коминтерна («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., I, S. 221—222).

27. В статье в партийном журнале 1923 г. неизвестный член Центрального правления утверждал, что «национал-социалистское движение навязывает нам и создает благоприятные предпосылки для перехода от требования вооруженных отрядов рабочих к формированию их», и далее выступал за отряды, составленные не только из коммунистов, но и из социал-демократов и беспартийных рабочих. При нехватке оружия их надо было обучать джунджитсу («Die Internationale», VI, 1. Februar, 1923, No. 3, S. 75—76). Это подтверждает, что военной организации КПП практически не существовало, пока русские не взяли ее в свои руки.

28. Об этих мероприятиях свидетельствуют главным образом те, кто потом вышел из партии и был готов разгласить ее секреты, поэтому к ним нужно относиться с известной осторожностью. Однако приведенные выше факты, изложенные в книге W. G. Krivitsky. I was Stalin's Agent, p. 55—58, можно считать приблизительно верными. Э. Волленберг (E. Wollenberg. Der Apparat, Bonn, 3 Aufl. 1952, S. 10—11) насчитывает шесть региональных округов, на которые подразделялась военная организация, причем каждому был придан русский старший военный советник; Волленберг командовал одним из округов. Много подробной информации об организации террора, в основном за период после января 1924 г., содержится в книге: W. Zetzsche. Im Dienst der Kommunistischen Terror-Organisation, 1931. Из нее следует, что организация террора находилась под прямым контролем русских, руководство КПП использовало ее особенно для убийства предателей и шпионов, но не брало на себя ответственность за нее в случае неудачи — обычная тактика правительства по отношению к своим собственным секретным организациям. Все сообщения такого рода,

как из русских, так и из немецких источников, по понятным причинам склонны преувеличивать ответственность русских и изображать немецких коммунистов послушными учениками; в начале и середине 20-х гг. тайные террористические организации и «политические» убийства были слишком знакомым делом во всех слоях общества в Германии, чтобы их нужно было инспирировать из-за границы. Одним из проектов, приписываемых коммунистической террористической организации, был заговор с целью убийства фон Секта (*ibid.*, S. 65—66). По сведениям из книги: *J. Valtin. Out of the Night. 1941*, p. 58—59, террористические отряды, организованные Скоблевским, планировали убийство фон Секта и Стиннеса, но «Радек через Брандлера приказал оставить планы убийства фон Секта». Националистический заговор с целью убийства фон Секта был разоблачен в январе 1924 г. (*J. W. Wheeler-Bennett. The Nemesis of Power. 1953*, p. 109).

29. *W. G. Krivitsky. I was Stalin's Agent. 1939*, p. 60.

30. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 28.

31. *J. Valtin. Out of the Night*, p. 48. Автор описывает создание в сентябре 1923 г. «красных сотен» в Гамбурге, которых тренировали пять или шесть «молодых советских офицеров», тайно прибывших для этого из России.

32. *A. Thalheimer. 1923: Eine Verpasste Revolution? 1931*, S. 19.

33. «Die Internationale», VI, 30 November 1923, No. 18, S. 524. Зиновьев использовал эти просчеты на заседаниях Президиума ИККИ и XIII партийной конференции в январе 1924 г., чтобы возложить вину за поражение на руководство КПГ («Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 60; «XIII конференция РКП(б)», с. 170). По словам Брандлера, он узнал от Гуральского по возвращении из Москвы, что за время его отсутствия по сбору оружия не было ничего сделано («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., I, 231). В советской работе, опубликованной в 1931 г. и цитированной в журнале «Вопросы истории», № 11, 1948, с. 6, число «красных сотен» доводится до 800, из которых более трети было в Саксонии; это, должно быть, официально опубликованная цифра; но она, вероятно, не отражает действительность.

34. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 102.

35. «Известия», 21 октября 1923 г.

36. *B. Цойтцель. (W. Zeitschel. Im Dienst der Kommunistischen Terror-Organisation. 1931*, S. 12) пишет о «больших симпатиях даже в рядах полиции и рейхсвера к КПГ». Шлейхер в это время с одобрения фон Секта был занят распространением «нового духа социальной сознательности в рейхсвере», а сентиментальная идея «сообщества товарищеских отношений между солдатами и рабочими» была модной «среди более молодых офицеров» (*J. W. Wheeler-Bennett. The Nemesis of Power. 1953*, p. 110—111).

37. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 134; такой передовой статьи не было обнаружено. Зиновьев на съезде сказал: «Мы говорим германским буржуа..., если вы действительно хотите бороться против оккупации..., против издевательств Антанты, вам ничего не остается, как искать сближения с первой рабочей страной, которая не может не поддерживать те страны, которые сейчас находятся в такой рабской зависимости от международного империализма» (там же, с. 12—13).

38. «Die Rote Fahne». Berlin, 22. April 1923. Планы военного наступления на Польшу, несомненно, обсуждались в это время. Говорят, что в их пользу высказывались Фрунзе и Ворошилов, которые ранее выступали за то, чтобы вновь захватить Бессарабию («Большевистская революция...», т. 3, гл. 29). Но нет доказательств, чтобы эти планы воспринимались всерьез вне военных кругов. Такие идеи были особенно популярны на Украине. Г. Беседовский в книге «На путях к термидору» (Париж, 1981, ч. I, с. 62—65) пишет о проекте, разработанном летом 1922 г. украинскими дипломатами в Центральной Европе, но отвергнутом партийным руководством в Харькове, а затем и Политбюро в Москве.

39. Беседа опубликована в «Правде» и «Известиях» 30 сентября 1923 г. и перепечатана в кн.: *Л. Троцкий. Как вооружалась революция. Том третий. Книга вторая. М., 1925*, с. 114—117.

40. По сведениям Б. Бажанова (*B. Bazhanov*, Stalin, S. 123—124), Троцкий на заседании Политбюро 23 августа 1923 г. предсказывал, что союзники вмешаются, чтобы удушить германскую революцию, и предлагал полностью мобилизовать Красную Армию для ее защиты. Но это противоречит осторожной позиции, которую обычно занимал Троцкий, когда речь шла о военной акции. Ни один другой авторитетный источник не предполагает, что эта акция рассматривалась всерьез, кроме как в случае вмешательства Польши.

41. Эти три доклада в то время публиковались широко и были перепечатаны в кн.: *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, с. 120—125, 126—145, 146—172.

42. Эта точка зрения была, очевидно, основана на опыте блокады Германии союзниками во время первой мировой войны.

43. *Г. Беседовский*. На путях к термидору. Париж, 1931, ч. I, с. 123.

44. «Второй Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», 1924, с. 66. Речь Каменева в январе 1924 г., из которой взята эта цитата, одно из немногих официальных советских заявлений, выдающих некоторое смущение по поводу двойственной политики, проводимой в Германии в 1923 г. Назвав «укрепление дружественных отношений с Германией» одной из «основ нашей политики», Каменев объяснил, что «мы не могли пройти мимо октябрьско-ноябрьского кризиса, который он приписал французскому империализму и германскому фашизму; КПГ вообще не была упомянута (там же, с. 65—66).

45. Главными источниками по вопросу о миссии Коппа служат длинное заявление в «Правде» 17 ноября 1923 г.; речь Каменева на II Всесоюзном съезде Советов в январе 1924 г. («Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», 1924, с. 65—66); *R. Fischer*. The Soviets in World Affairs, 1930, i, p. 459—460, где цитируется ежегодный доклад Наркоминдела за 1923 г., достать который не удалось; *Г. Беседовский*. На путях к термидору. Париж, 1931, ч. I, с. 139—143 (автор работал в то время в советском посольстве в Варшаве). «Таймс» 24 и 29 октября 1923 г. сообщала о принимаемых Коппом шагах. Разговор Радека с Кноллем (польским посланником в Москве. — *Ред.*) приводится в «Таймс» 29 октября 1923 г. (по сообщению ее варшавского корреспондента, у которого были, очевидно, польские источники), а также Беседовским и Фишером последний, хотя это и невероятно, приписывает инициативу Кноллю). О роли Раевского сообщает только Беседовский, но это совпадает с явным желанием Советского правительства снять с себя официальную ответственность за такой проект.

46. *R. Fischer*. Stalin and German Communism, p. 323. Пятаков не упоминается; *W. G. Krivitsky*. I was Stalin's Agent. 1939, p. 61. Пятаков назван, но ошибочно назван и Бухарин. Радек впоследствии заявлял, что делегация сохраняла единодушие в течение всех событий (*Die Lehren der Deutschen Ereignisse*, S. 5).

47. «Internationale Presse-Korrespondenz», 28. September 1923, No. 153, S. 1318; 2. October 1923, No. 155, S. 1327—1328.

48. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 24.

49. «Internationale Presse-Korrespondenz», 12. October 1923, No. 162, S. 1370. Аналогичное одобрение было выражено и в Москве, где в «Известиях» от 18 октября 1923 г. был помещен снимок трех министров-коммунистов.

50. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 63; *G. Zinoviev*. Probleme der Deutschen Revolution. Hamburg, 1923, S. 72.

51. *Г. Беседовский*. На путях к термидору. Париж, 1931, ч. I, с. 130—135. Радека сопровождала Лариса Рейснер, молодая и красивая жена Раскольниковы, героя советского полета на Энзели (иранский порт на Каспийском море. — *Ред.*) в мае 1920 г. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26), впоследствии советского полпреда в Афганистане. Она пришла к Радеку в Москве в сентябре 1923 г. и попросила помочь ей получить серьезное партийное задание в Германии, поехала с ним в Саксонию и была его женой или любовницей до своей внезапной смерти в 1927 (*К. Радек*. Портреты и памфлеты, ч. I, 1933, с. 59—71). Она написала краткий очерк событий в Гамбурге осенью 1923 г. (*Л. Рейснер*. Собр. соч., 1928, ч. II, с. 5—77).

52. Краткий отчет о совещании в Хемнице помещен в «Internationale Press-Korrespondenz», 22. October 1923, No. 164, S. 1398; более полный позднее в кн.: А. Thalheimer. 1923: Eine Verpasste Revolution? 1931, S. 26—27. Брандлер впоследствии заявлял, что рабочие, «не только социал-демократы, но и коммунисты», были против этой акции («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., i, S. 232—233).

53. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 5; «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 356—357. В этом документе добавлена деталь: делегаты отказались принять предложение Брандлера об отставке. По сведениям фон Дирксена (H. von Dirksen. Moskau, Tokio, London. Stuttgart, n. d. [? 1949], S. 63), Радек во время саксонского кризиса жил под вымышленным именем в дрезденской гостинице.

54. Подробная статья о Гамбургском восстании помещена в журнале «Вопросы истории», 1948, № 11, с. 13—23. Согласно ей, в восстании участвовали боевые группы из членов партии, насчитывавшие 1300 человек в целом, вооруженные несколькими десятками устаревших пистолетов. В Гамбурге было (кроме того. — *Ред.*) 15 «красных сотен», которые почти не имели оружия, их подготовка была «очень слабой». Очевидно, они не принимали серьезного участия в боях.

55. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 6—8.

56. Происхождение этого и других взрывов бомб в Варшаве в 1923 г. так и не получили удовлетворительного объяснения. Если верить несколько путаному объяснению Г. Беседовского («На путях к термидору», с. 103—106, 125—129), они были подстроены агентом ГПУ из советского представительства в Варшаве. Однако их вряд ли можно было бы предпринять без организованного участия поляков. В период острой и яростной фракционной борьбы между сторонниками Пилсудского и польскими национал-демократами (президент республики Нарutowич был убит в декабре 1922 г. национал-демократом) ГПУ, как можно допустить, сотрудничала с подпольной организацией одной или обеих этих фракций в подготовке названных взрывов. Коммунистическая партия Польши или по крайней мере ее лидеры в этот период (Варский, Валецкий и Костржева, чьи взгляды и политическая ориентация напоминали взгляды Брандлера в Германии, активно выступали против террора), по-видимому, в них не участвовали. Как говорят, была сделана попытка набрать 300 польских коммунистов «для образования боевой дружины», но «ответственные польские коммунисты, члены центрального комитета» выразили протест против того, что агент ГПУ в Варшаве (Логановский, также поляк) «деморализует варшавскую партийную организацию, втягивая ее в свои уголовные затеи». Эти польские коммунисты считали, что «надо быть наивным человеком, чтобы думать, будто можно спровоцировать террористическую борьбу между польскими буржуазными партиями такими способами» (там же, с. 105—106). Еще одним осложнением было то, что Дзержинский, председатель ГПУ, и его заместитель Уншлихт были оба поляками. Дзержинский, поддерживавший тогдашнее руководство Коммунистической партии Польши, был против террористической деятельности, которой содействовал и которую направлял Уншлихт. После фиаско в октябре 1923 г. эти разногласия были вынесены на Политбюро, которое назначило комиссию по расследованию (там же, с. 116—117, 131—132). Радек разделял взгляды Дзержинского.

57. На V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. Зиновьев обвинил Коммунистическую партию Польши в том, что она осталась пассивной во время восстания в Кракове в октябре 1923 г. Польский представитель ответил, что это восстание было совершенно неожиданным, и заявил, что последовавшая за ним всеобщая стачка была объявлена «под нашим влиянием» («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., I, 100, 285—286). (См. также «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 17 июня — 8 июля 1924 года». Стенографический отчет. Часть первая. М., 1925, с. 85, 271. — *Ред.*).

58. Дмовский, лидер национал-демократов, стал министром иностранных дел накануне прибытия Коппа и сам не принимал участия в разговорах.

59. Об источниках по миссии Коппа см. выше, с. 316, примечание 45.

60. Г. Беседовский. На путях к термидору, ч. I, с. 136—137. В этой книге точно установленные факты протестов приукрашены несколькими невероятными эпизодами. О других акциях советско-германских дипломатических отношений в то время см.: G. Hilger and A. G. Meyer. The Incompatible Allies. New York, 1953, p. 124—125.

61. L. Krasin. Leonid Krasin: His Life and Work, n.d. (1929), p. 220—222.

62. V. Ipatieff. The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 381—386; см. также: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

63. Радек это признал («Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 12).

64. По словам Зиновьева, Радек «начал сочинять целую философию», чтобы оправдать «оппортунистическое поведение» правых («XIII конференция РКП(б)», с. 171).

65. Самый полный отчет о заседании и текст речи Брандлера помещены в: «Die Internationale», VI, 15. November 1923, No. 18, S. 516—530; текст резолюции — в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 7. November 1923, No. 172, S. 1457—1460.

66. «Die Internationale», VII, 28. März 1924, No. 2—3, S. 135—136.

67. См. с. 143 выше; о позиции Сталина в дискуссиях в августе и сентябре см. с. 157 ниже.

68. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n.d., I, S. 228; о «рабочей аристократии» см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

69. Л. Троцкий. Новый курс, с. 42. Статья, в которой содержится этот пассаж, не была опубликована в печати и впервые появилась в середине января 1924 г.

70. Л. Троцкий. Соч., т. 3, ч. I, с. XII.

71. Брошюра вышла под заголовком G. Zinoviev. Probleme der Deutschen Revolution. Hamburg, 1923. Немецкий перевод статей был также напечатан в «Internationale Presse-Korrespondenz» в разных номерах между 19 октября и 12 ноября 1923 г.; предисловие вышло там же (Ibid., 15 Januar 1924, No. 51, S. 33—34).

72. Письмо цитировалось Зиновьевым на XIII партийной конференции в январе 1924 г. («XIII конференция РКП(б)», с. 170—171); он обыграл тот факт, что и Троцкий, и Клара Цеткин его одобрили. Точную дату письма установить невозможно, но, по словам Цеткин, оно было послано «до того, как мы получили подробные отчеты, когда у нас ничего не было» (Die Lehren der Deutschen Ereignisse. Hamburg, 1924, S. 62).

73. G. Zinoviev. Probleme der Deutschen Revolution, S. 105—109. Дата «Послесловия» неизвестна, но, судя по содержанию, его можно считать написанным после Предисловия к изданию от 2 ноября. «Послесловие» не было опубликовано в «Правде» или в «Инпрекоре», но помещено вместе с тремя последними статьями в журнале «Коммунистический Интернационал», 1 декабря 1923 г., № 28—29, кол. 7511—7514.

74. R. Fischer. Stalin and German Communism, p. 360, 363. Невмешательство Зиновьева в дела комиссии, приписанное здесь страху перед Сталиным, скорее всего вызвано нерешительностью самого Зиновьева. Он не принимал окончательного решения до середины декабря, а до того пытался не связывать себя ни с одной из сторон. В предисловии к его книге (G. Zinoviev. Probleme der Deutschen Revolution, S. V) упоминается «один наш старый товарищ из Германии», который называл саксонское дело «огромной и, возможно, фатальной ошибкой». Несомненно, это был Маслов.

75. Эта статья была включена в более длинную статью, опубликованную в официальном журнале Коминтерна в январе 1924 г.; в сноске удостоверилось, что она была написана «в начале ноября 1923 года» («Коммунистический Интернационал», 1924, № 1, кол. 469—490).

76. Перевод статьи Зиновьева от 23 ноября был напечатан в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 20. Dezember 1923, No. 182, S. 1540—1540; в ответ немедленно последовало возражение Тальгеймера, который попытался доказать несостоятельность сравнения Секта с Колчаком и выдержать линию резолюции от 3 ноября.

77. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 357. Зиновьев позже защищался от упреков в том, что он «неожиданно» отрекся от Брандлера, утверждая, что если бы он сделал это позже, то раскол в КПГ стал бы неизбежным («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., I, S. 97).

78. Это выступление, по-видимому, так и не было опубликовано, но его упоминал Зиновьев, выступая перед ИККИ 6 января 1924 г. («Internationale Presse-Korrespondenz», 15. Februar 1924, No. 20, 1924, S. 225), и по другим поводам в ходе дальнейшей полемики. Дата приводится в: A. Thalheimer. 1923: Eine Verpasste Revolution?, S. 11.

79. Этот отрывок цитируется в: J. A. Regula. Historja Komunistycznej Partji Polski w Swietle Faktow i Dokumentow, 1934, str. 105—106 — по коминтерновской публикации: Sprawa Polska na V Kongresie Kominternu, достать которую не удалось. Здесь она не очень точно датируется декабрем 1923 г. Но упоминание ее в более позднем заявлении поляков перед ИККИ (см. с. 178 ниже) доказывает, что она была получена в Москве до 18 декабря. На V конгрессе Коминтерна в июне 1924 г. представитель большинства польской делегации признал, что письмо от 1 декабря 1923 г. было «опportunистической ошибкой» («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., I, S. 283) (См. также «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», с. 268. — *Ред.*), и конгресс принял резолюцию, осуждающую Варского, Костржеву и Валецкого — ответственных за него партийных лидеров («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 463).

80. См. ниже с. 234—235.

81. «Internationale Presse-Korrespondenz», 28. Dezember 1923, No. 185, S. 1564—1566. Эти тезисы не датированы. По словам Зиновьева, они были приняты «через несколько дней после отъезда представителя Коминтерна [то есть Радека] из Германии» («Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 75). Контртезисы, изданные соответственно правыми и левыми, были опубликованы в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 15. Januar 1924, No. 5, S. 40; 18. Januar 1924, No. 6, S. 51—52.

82. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 534.

83. «XIII конференция РКП(б)», с. 173.

84. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 10, 13. Эта книга, вероятно, единственный и явно очень сокращенный опубликованный вариант протоколов. Сталин позднее цитировал «стенограмму 5-го заседания Президиума ИККИ с представителями КП Германии» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 10, с. 64), но каких-либо следов ее публикации не обнаружено. Более полная запись циркулировала в то время в кругах КПГ, поскольку отрывки, которых нет в опубликованном варианте, цитировались в: «Die Internationale» (см. выше с. 314, примечание 24).

85. Ibid., p. 23; эти тезисы не публиковались, но цитаты из них (несомненно, тщательно отобранные) появляются в статье Куусинена в: «The Errors of Trotskyism», CPGB, 1925, p. 340, 343—345, 345. В них не представлено мнение Троцкого об основных причинах поражения, которое отличалось от мнения Радека (см. выше с. 171; процитированная там статья была впервые опубликована через несколько дней после того, как тезисы были представлены на рассмотрение ИККИ); но, невзирая на ошибки прошлого, он не видел никакой пользы в низложении Брандлера и передаче руководства КПГ Маслову и Рут Фишер.

86. Устное высказывание Брандлера; подозрение, что Зиновьев был бы рад держать его на расстоянии, правдоподобно.

87. Выступления помещены в: «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 24—27; тезисы, представленные центром, в: «Die Internationale», VII, 28. März 1924, No. 2—3, S. 47—51, и в: «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», 1924, S. 112—116; тезисы других групп, вероятно, не были опубликованы.

88. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 61, 70, 74—75. Это обвинение особенно не понравилось Зиновьеву, который дважды упомянул его неделю спустя в своей речи на XIII партийной конференции; по его словам, Радек уже

выдвигал это обвинение против Центрального Комитета на собрании студентов в Москве («XIII конференция РКП(б)», с. 167, 175).

89. Краткое примечание о составе и трудах комиссии есть в: «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 81; там же текст резолюции, S. 95—109.

90. «XIII конференция РКП(б)», с. 169, 178—180.

91. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 556.

92. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 81—82. Число голосов, поданных за резолюцию, в официальной записи опущено, но приводится в: «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», S. 355. Этими четырьмя, вероятно, были Зиновьев, Коларов, Куусинен и неназванный представитель Коммунистического Интернационала Молодежи. Русский текст резолюции помещен в «Правде» 7 февраля 1924 г.

93. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 82—89.

94. По словам Р. Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism, p. 373), он защищал Троцкого и «упоминал письмо польского Центрального комитета российскому Политбюро в поддержку Троцкого» (об этом письме см. выше с. 174). Эта речь не была включена в официальный протокол, где просто упоминается «несколько более коротких выступлений других товарищей», предшествовавших основной речи Зиновьева («Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 58).

95. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», S. 92—94. Обвинение в «оппортунизме», которому объявили войну поляки, не было полностью повторено Президиумом ИККИ, но стало сутью яростных нападок Зиновьева на Радека на XIII партийной конференции 18 января 1924 г. («XIII конференция РКП(б)», с. 172—178).

96. «Die Internationale», VII, 31. März 1924, No. 4, S. 161.

97. Ibid., 28. März 1924, No. 2—3, S. 134—139.

98. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», S. 64—75.

99. Письмо и статья, датированные 26 марта 1924 г., были опубликованы вместе с протоколами съезда (Ibid., S. 65—71, 78—85).

Глава 10. Признание

1. В январе 1924 г. в интервью, опубликованном в печати, Чичерин отмечал, что экспорт хлеба способствовал усилению международной позиции Советского Союза («Internationale Presse-Korrespondenz», 15. Januar 1924, No. 5, p. 36).

2. Отчет о ее прибытии в Москву занял видное место в газете «Известия» 21 августа 1923 г.; в том же номере сообщалось о приезде бывшего канцлера Германии Вирта.

3. «Известия», 11 ноября 1923 г.

4. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.

5. «Foreign Relations of the United States. 1923» (1938), vol. II, p. 802—804.

6. Интервью с директором Объединенной американской компании Гаммером (имеется в виду Арманд Хаммер. — *Ред.*) было опубликовано в газете «Экономическая жизнь» 29 июля 1923 г. (в той же газете 22 июля 1923 г. на первой странице было помещено объявление о деятельности Объединенной американской компании); см. также книгу: W. A. Williams. American-Russian Relations, 1781—1947. New York, 1952, p. 211 и цитируемые в ней источники.

7. «Экономическая жизнь», 24 ноября 1923; W. A. Williams. American-Russian Relations, p. 211. По возвращении в Москву Ногин заявил, что «хлопковый блок», состоящий из 60 сенаторов и конгрессменов, настроен теперь дружелюбно по отношению к Советскому правительству («Труд», 14 февраля, 1924 г.).

8. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.

9. W. A. Williams. American-Russian Relations, p. 201—204. Автор использовал в основном неопубликованные материалы.

10. В газете «Известия» 9 августа 1923 г. было опубликовано сообщение о завтраке, устроенном Наркоминделом в их честь, а на следующий день

напечатана фотография гостей вместе с Каменевым; о беседе Троцкого с сенатором Кингом см. выше, с. 163.

11. «Foreign Relations of the United States», vol. I, p. VIII.

12. Ibid., vol. II, p. 787—788. Русский текст послания Чичерина от 16 декабря 1923 г. см. в книге: Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1928, ч. III, вып. 1, с. 294. (Там же есть перевод Заявления, сделанного в сенате госсекретарем Соединенных Штатов Юзом 18 декабря 1923 г. — *Ред.*).

13. «Foreign Relations...», vol. II, p. 788—790. Рабочая партия Америки являлась в то время легальным прикрытием Американской коммунистической партии (см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30).

14. «Internationale Presse-Korrespondenz», 15. Januar, 1924, No. 5, S. 37.

15. Эти дебаты были частично освещены в «Правде» 9 января 1924 г.

16. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.

17. Итальянский депутат-коммунист Бомбаччи в своем выступлении в поддержку предложения Муссолини признать Россию занял позицию, которая позже была названа «чуть ли не националистической»; он выразил опасения по поводу конкуренции со стороны Великобритании и Франции в торговле с Советской Россией и не осудил непомерные требования итальянских капиталистов и итальянского правительства. Его позиция подверглась критике со стороны Центрального комитета Итальянской компартии и соответственно Президиума Исполкома Коминтерна («Правда», 8 января 1924 г.).

18. «Известия», 4 декабря 1923 г.

19. Б. Штейн. После речи Муссолини. — «Экономическая жизнь», 22 декабря 1923 г.

20. «Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», с. 62.

21. H. Nicolson. King George the Fifth. 1952, p. 385. В 1929 г. король напрасно возражал против приема первого советского посла (Ibid., p. 441). По протоколу, поверенный в делах необязательно должен быть лично принят королем.

22. «Второй съезд Советов...», с. 197—198; «2-й съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Постановления». М., 1924, с. 16—17.

23. Нота британского правительства была опубликована в «Таймс» 2 февраля 1924 г., нота Раковского — там же, 9 февраля 1924 г. Русские тексты обоих документов см. в книге: Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин, цит. соч., с. 295—296.

24. «Правда», 19 февраля 1924 г.

25. Тексты этой ноты и ответа Советского правительства от 13 февраля 1924 г. см. в: «СССР. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций». Выпуск I—II, М., 1928, № 18, с. 29—30.

26. «Правда», 14 февраля 1924 г.

27. «СССР. Сборник действующих договоров...», № 82, с. 219—229.

28. Там же, № 3, с. 9; № 14, с. 20; № 28, с. 80; № 40, с. 153.

29. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

30. Сообщение о прекращении этих переговоров было опубликовано в «Правде» 8 января 1924 г.

31. Ссылки на эти переговоры в современной печати собраны в книге: A. J. Toynbee. Survey of International Affairs, 1924 (1926), p. 263.

32. Тексты двух нот Чичерина в адрес Пуанкаре от 16 и 21 марта 1924 г. и нота Пуанкаре от 20 марта 1924 г. были опубликованы с сокращениями в книге: Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин, цит. соч., с. 305—307. Франция окончательно ратифицировала договор 24 апреля 1924 г. («British and Foreign State Papers», 1924, vol. CXIX, p. 515).

33. Л. Фишер (L. Fischer. The Soviets in World Affairs. 1930, vol. II, p. 511—512) цитировал неопубликованные сообщения о конференции; выдержки из заключительного заявления Крестинского и ответ Румынии опубликованы в книге: Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин, цит. соч., с. 307—309. Заседания

конференции освещались с необычной полнотой на страницах газеты «Известия» 1 апреля 1924 г. и в последующие дни.

34. «Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», с. 61.

Глава 11. Триумвират приходит к власти

1. *L. Trotsky. The Real Situation in Russia* (n.d. [1928]), p. 304—305; воспоминания об этой беседе содержатся также в книге Троцкого «Моя жизнь», с. 21—216.

2. Первая записка была адресована Сталину как генеральному секретарю, осуществлявшему координационные связи с Политбюро; она опубликована в: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 45, с. 333—337. Другие адресованы Троцкому, Фрумкину и Стомонякову, они опубликованы в книге Л. Троцкого (*L. Trotsky. The Real Situation...*, p. 285—289). 21 декабря Ленин снова написал Троцкому, поздравив его с успешным результатом заседаний ЦК партии (*Ibid.*, p. 298—290). Об этом эпизоде см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

3. См. настоящий том, с. 334, примечание 2.

4. Так называемое Завещание вместе с дополнением (о нем см. ниже, с. 196) было оглашено на собрании ведущих членов партии 22 мая 1924 г. (см. ниже, с. 268) накануне XIII съезда партии, и именно с того времени его содержание стало широко известно членам партии; однако сам текст был впервые опубликован в 1956 г. В 1926 г. Центральный Комитет решил «испросить разрешение» «на напечатание этого документа» (*И. В. Сталин. Соч.*, т. X, с. 176); но съезд лишь ограничил его распространение. Изложение этого документа, содержащее некоторые ошибки, впервые появилось в «Социалистическом Вестнике», (Берлин), 24 июля 1924 г., № 15 (85), с. 11—12. Довольно нескладный английский перевод (правда, верно передавший содержание), которым располагал Макс Истмен, был напечатан в «Нью-Йорк таймс» 18 октября 1926 г. и в книге Троцкого «*The Real Situation...*», p. 320—323; в дальнейшем он стал принятым вариантом, и именно он был использован выше. Дело осложнилось тем, что в 1925 г. Троцкий под давлением своих коллег в Политбюро, требовавших его публичного отречения от нападок Истмена на партию (*И. В. Сталин. Соч.*, т. X, с. 174), опубликовал статью, в которой назвал «клеветой» обвинение в том, что «ЦК «скрыл» от партии» ряд документов Ленина, включая так называемое Завещание, и далее продолжал: «Под видом «Завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключающее в себе советы организационного порядка» (*Л. Троцкий. По поводу книги Истмена «После смерти Ленина»*. — «Большевик», 1 сентября 1925 г., № 16, с. 68). Несмотря на это вводившее в заблуждение заявление, аутентичность текста не оспаривалась; отдельные фрагменты впоследствии цитировались известными большевиками; дополнение, как, впрочем, и другие фрагменты, цитировал сам Сталин в речи на пленуме ЦК 23 октября 1927 г., опубликованной в «Правде» 21 ноября 1927 г., в «Internationale Presse-Korrespondenz» (8 November 1927, No. 109, S. 23—66) и перепечатана в работе Сталина «Об оппозиции» (1928 г., с. 723) (в варианте речи в: *И. В. Сталин. Соч.*, т. X, с. 175, прямые цитаты были опущены).

5. Согласно более позднему заявлению Молотова, Ленин уже высказал однажды это мнение о Пятакове на XI съезде партии в марте 1922 г.: «Тов. Ленин, который защищал тов. Пятакова, пытаясь всячески его оставить для работы в Донецком бассейне, на XI партийном съезде говорил: тов. Пятаков переадминистрировал, он правильную политику партии искажил, проводил неправильно» («XIII конференция РКП (б)», с. 44). За несколько месяцев до этого Ленин, выступая на IX Всероссийском съезде Советов, говорил о Донбасе, «где работали с чрезвычайной преданностью и с чрезвычайным успехом такие товарищи, как т. Пятаков — в области крупной промышленности» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 44, с. 319).

6. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

7. Там же, т. I, гл. 11.

8. Там же, т. I, гл. 13.

9. Там же. События развивались следующим образом. После возвращения комиссии Держинского вместе с Мдивани и Махарадзе в Москву, ЦК Компартии Грузии рассмотрел 15 сентября 1922 г. предложения, составленные Сталиным о так называемой «автономизации» советских республик. Он принял резолюцию единогласно при одном голосе «против» — Елиавы (хотя некоторые из присутствовавших, не члены ЦК, в том числе Сокольников и Енукидзе, также голосовали против). ЦК отклонил проект «объединения в форме автономизации», назвав его «преждевременным», и поручил Мдивани «опросить мнение и товарищей, находящихся в Москве» («Социалистический Вестник» (Берлин), 17 января 1923, № 2 (48), с. 19). 27 сентября 1922 г., накануне своего возвращения к работе, Ленин направил в Политбюро длинное письмо с замечаниями по поводу составленного Сталиным предварительного проекта об образовании союза советских республик. Хотя письмо не содержало специального упоминания об оппозиции в Грузии, но имевшееся в нем замечание о запланированной на завтра встрече Ленина с Мдивани показывало, что он имел в виду прежде всего именно это. Ленин настаивал на «объединении» формально равноправных республик, а не на их вхождении в РСФСР и предлагал создать два центральных исполнительных комитета (зародыш идеи о возможном разделении ЦИК на две палаты): он добавил в тексте основного замечания, что «Сталин немного имеет устремление торопиться». Сталин в своем ответе возражал против предложения о двух исполнительных комитетах и против обвинения его в несвоевременной торопливости. Он резко парировал, написав, что «товарищ Ленин сам немного поторопился» и что «едва ли можно не сомневаться в том, что эта «торопливость» послужит горячим сторонникам независимости» (Отрывки из их переписки приведены в книге Троцкого (*L. Trotsky. The Real Situation...*, p. 293—296); полный текст писем не публиковался (полный текст письма Ленина от 26 сентября 1922 г. Л. Б. Каменеву, предназначенного членам Политбюро, опубликован в: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 211—213. — *Ред.*). Ленин выступил за примирение, написав 6 октября записку личного характера: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди русский, украинец, грузин и т. д. *Абсолютно!*» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 214). На этот раз Сталин сдался, разногласия удалось сгладить на заседании ЦК партии, где присутствовали и Ленин, и Мдивани. Результаты, однако, были объявлены в излишне категоричной форме. 15 октября 1922 г. Сталин телеграфировал в Тифлис о решении ЦК оставить «без всяких изменений» предложение о объединении Закавказской федеративной республики с РСФСР, Украинской и Белорусской республиками и в «Союз социалистических республик»; было также сообщено, что ввиду этого единодушного решения Мдивани был «вынужден вернуться к предложению Грузинского комитета». За этими событиями последовало гневное заседание ЦК Грузинской компартии в Тифлисе, на котором Махарадзе назвал Закавказскую Федерацию «трупом» и осудил ее как обыкновенное «создание бюрократического аппарата» (его слова процитированы в статье Орджоникидзе в «Правде» 19 апреля 1923 г.). В знак протеста в Москву была отправлена телеграмма, полная негодования, причем она была адресована не Сталину, и не в секретариат, а Бухарину, который был известен как сторонник позиции Грузинского комитета (см. ниже, с. 208). 21 октября Ленин направил в ответ личную телеграмму, в которой высказал крайнее беспокойство по поводу непримиримой позиции грузинских товарищей: «Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других, переданной мне почему то Бухариным, а не одним из секретарей Цека. Я был уверен, что разногласия исчерпаны решением пленума Цека при моем участии и прямом участии Мдивани. Поэтому я решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче Вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на решение секретариату Цека». По получении этой телеграммы ЦК грузинской компартии в полном составе вышел в отставку, был сформирован новый, более гибкий комитет под наблюдением Орджоникидзе («Социалистический Вестник» (Берлин), 17 января 1923 г., № 2 (48), с. 19).

10. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 13.
11. «Социалистический Вестник» (Берлин), 17 декабря 1923 г., № 23—24 (69—70), с. 13—15.
12. Об источниках текста Завещания и цитаты Сталина см. выше, с. 322, примечание 4.
13. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 369—377; 378—382.
14. В мае 1922 г. Сталин уже перестал быть наркомом Рабоче-Крестьянской инспекции (см.: «Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции и социалистического строительства: Путеводитель», под ред. В. В. Макасова. М., 1946, с. 69). По-видимому, это явилось следствием его назначения генеральным секретарем партии, однако этот момент не нашел отражения ни в биографии Сталина, ни в справочной литературе.
15. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 383—388. Об истории Рабкрина и реорганизации этого наркомата в 1923 г. см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9.
16. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 389—406. Дата зафиксирована в кн.: Л. А. Фотиева. Последний период жизни и деятельности В. И. Ленина (1922—1923). М., 1947, с. 21.
17. Критические фрагменты цитируются в книге «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9.
18. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 397. Согласно Троцкому, он затронул вопрос об опасности бюрократизма в партии в своей последней беседе с Лениным незадолго до второго удара у Ленина (см. выше, с. 193).
19. Письмо Троцкого от 24 октября 1923 г. в «Социалистическом Вестнике» (Берлин), 28 мая 1924 г., № 11 (81), с. 11—12. Зиновьев и, естественно, Ленин отсутствовали; фамилия еще одного члена Политбюро, Томского, не упоминается; Молотов, Куйбышев, Рыков и Калинин являлись «кандидатами» в члены Политбюро.
20. При публикации статьи в первом собрании сочинений Ленина под редакцией Каменева, знавшего о фальсификации датировки, дата написания была снята (см. В. И. Ленин. Соч., 1-е изд., т. XVIII, ч. II. М., 1925, с. 129); дата была восстановлена в последующих изданиях.
21. L. Trotsky. The Real Situation..., p. 298—299. В своей автобиографии Троцкий сообщает следующие дополнительные подробности: в своем послании от 5 марта Ленин просил Троцкого не показывать памятную записку Каменеву, так как «Каменев сейчас же покажет Сталину, а Сталин заключит гнилой компромисс и обманет нас»; на следующий день Ленин изменил свое мнение, и Троцкий, получив его одобрение, показал Каменеву документы и заручился поддержкой дезориентированного Каменева против Сталина; по приезде в Тифлис Каменев получил телеграмму от Сталина, в которой сообщалось о третьем ударе у Ленина, после чего, снова изменив свою позицию, Каменев урегулировал грузинский вопрос благоприятным для Сталина образом. (См.: Л. Троцкий. Моя жизнь, ч. II, с. 222—225). К этим подробностям следует относиться с некоторой осторожностью, так как они не подтверждаются ни современниками, ни документальными источниками.
22. L. Trotsky. The Real Situation..., p. 308; Л. Троцкий. Моя жизнь, ч. II, с. 223—226. На этот инцидент сослался также Зиновьев на пленуме ЦК партии (июль 1926 г.), этот фрагмент Троцкий процитировал в своей книге: L. Trotsky. The Suppressed Testament of Lenin. New York, 1935, p. 31—32; Троцкий заимствовал его в свою очередь из официального стенографического отчета пленума.
23. «Труд», 14 марта 1923 г.; «Правда», 22 марта 1923 г. сообщила фамилии пяти немецких специалистов, посетивших Ленина. (Среди них только двое были немецкими врачами — проф. Минковски и проф. Фёрстер. — *Ред.*)
24. Документ был опубликован в «Правде» 25, 27, 28 февраля и 1 марта 1923 г. и в переводе в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 12. März, 1923, No. 45, S. 339—347.
25. См. настоящий том, с. 65—66.
26. В. Сорин. Рабочая группа. М., 1924, с. 26—27 (об источниках «Манифеста Рабочей группы» см. выше, с. 295, примечание 144).

27. Там же, с. 20—21, 32—33; «Das Manifest der Arbeitergruppe der Russischen Kommunistischen Partei» (n. d. (1924)), S. 10—15.

28. Ibid., S. 18; *В. Сорин*. Рабочая группа, с. 94.

29. Там же, с. 74; мы не располагаем полным текстом этого фрагмента; из приведенной цитаты неясно, относилось ли требование свободы к внутривнутрипартийной жизни или ко всем рабочим партиям.

30. «Das Manifest der Arbeitergruppe der Russischen Kommunistischen Partei», p. 21.

31. Ibid., p. 9.

32. *В. Сорин*. Рабочая группа, с. 97.

33. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.

34. Эта «анонимная платформа» несколько раз упоминалась и цитировалась на съезде (см.: «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 46, 122, 136, 145). Однако все те выступавшие, кто поддержал оппозицию, отказались от ответственности за эту платформу. Несмотря на отказ Осинского причислить себя к ее авторам, Е. Ярославский в «Кратком очерке по истории ВКП(б)» (М., 1928, т. II, с. 272; книга до некоторой степени является сомнительным источником) категорически утверждал, что «анонимная платформа» была делом рук Осинского.

35. *Л. Троцкий*. Моя жизнь, ч. II, с. 219—220. Утверждение о том, что «письма» Ленина по национальному вопросу в это время не были известны, является неверным.

36. Там же, с. 227; *L. Trotsky*. Stalin. New York, 1946, p. 366. Согласно более поздней версии Троцкого, в ответ на предложение Сталина он в свою очередь предложил Сталину, как генеральному секретарю, выступить с докладом.

37. Тезисы доклада Сталина по национальному вопросу были опубликованы в «Правде» 24 марта 1923 г., тезисы доклада Троцкого по промышленности — 11 апреля 1923 г.; и те и другие были, как указывала газета, «одобренные ЦК партии».

38. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.

39. Два неопубликованных письма Троцкого, написанных им накануне XII партийного съезда (одно адресовано «членам Центрального Комитета» и датировано 17 апреля 1923 г. и другое — Сталину, написано на следующий день), были помещены в английском переводе в книге Троцкого «Сталин» (*L. Trotsky*. Stalin, p. 362—363). Очевидно, что Троцкий нигде не прокомментировал эти письма, поэтому связанные с ними обстоятельства могут быть выяснены, исходя из их содержания. Письма имели отношение к заявлению Сталина на пленуме ЦК 16 апреля 1923 г., в котором Сталин явно обвинил Троцкого в том, что тот недостойным образом завладел памятной запиской Ленина по национальному вопросу от 30—31 декабря 1922 г. и разгласил ее содержание без санкции Ленина. Секретариат Ленина подтвердил отсутствие каких-либо указаний Ленина относительно использования этой записки. В своем письме от 17 апреля Троцкий проинформировал ЦК о том, каким образом он получил от Ленина этот документ; он оставил у себя копию, вернув оригинал в секретариат; он не был осведомлен о том, поступали ли от Ленина какие-либо дальнейшие указания относительно записки. Письмо заканчивалось словами: «...если кто-нибудь полагает, что я действовал в этом деле недостойно, то ему следует обратиться в конфликтную комиссию партийного съезда или в другую специальную комиссию». В тот же день Сталин в личной беседе с Троцким взял назад обвинение в недостойном поведении последнего и обещал составить письменное заявление на этот счет. На следующее утро Троцкий, не получив этого заявления, написал Сталину о том, что если в течение дня от него не последует обещанного объяснения, то он потребует официального выяснения в комиссии. В заключении письма было написано: «Вы можете понять и оценить лучше, чем кто-нибудь другой, что если я этого до сих пор не сделал, то вовсе не потому, что это могло бы хоть в какой-то степени ущемить мои интересы. Так как никаких других сведений об этом эпизоде не известно, то можно предположить, что Сталин послал объяснение: это соответствовало его намерению избегать любого открытого разрыва с Троцким.

40. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 3.
41. Там же, с. 6.
42. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 160—180.
43. См. ниже, с. 209—210.
44. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 479.
45. По воспоминаниям Б. Бажанова (*B. Bazhanov. Stalin. S. 116—117*), Красин, выступая на съезде, рассказал смешной случай, имевший место еще в 1907 г., который должен был показать, что Ленин не был непогрешимым человеком, особенно когда речь шла о том, чтобы взять денег взаймы; но рассказанный эпизод так сильно противоречил принятым тогда канонам тактичности, что по распоряжению ЦК был выпущен из стенографического отчета съезда.
46. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 46; Радек, который вскоре навлек на себя неприязнь Зиновьева, поспешил выразить свое горячее одобрение этой формулы, там же, с. 125—126.
47. Там же, с. 47.
48. Там же, с. 96.
49. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 206—208. В своем последующем выступлении на съезде Сталин внес довольно неуклюжее разъяснение: под словом «независимые» он имел в виду «независимые не от ленинизма, ...не от нашей партийной линии... но люди, свободные от личных влияний, от тех навыков и традиций борьбы внутри ЦК, которые у нас сложились» («Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 182); в тексте этой речи Сталина, опубликованной позднее в его «Сочинениях», были опущены слова, «независимые не от линии нашей партии», см.: *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 226).
50. Об этой резолюции см.: «Большевистская революция...», т. I, гл. 9.
51. Об этом органе ЦК см. там же, с. 228—229.
52. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 92—95.
53. Там же, с. 105—106.
54. Там же, с. 114—115.
55. Там же, с. 133. На XI партконференции, состоявшейся в декабре 1921 г., была принята резолюция, которая предусматривала необходимость выделения на должность секретарей губкомов членов партии с партстажем до Октябрьской революции 1917 г., а на должность секретарей укомов по меньшей мере — с трехлетним стажем; в резолюции было высказано пожелание о том, чтобы эти назначения «утверждались вышестоящей инстанцией»; эта резолюция была должным образом утверждена XI съездом партии в апреле 1922 г. («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 412, 436). Это явно безобидное решение в то время осталось почти незамеченным; но в период, когда повсеместно ощущалась необходимость в укреплении партийной дисциплины против оппозиционных групп и накануне назначения Сталина генеральным секретарем, эта резолюция стала важной вехой в процессе бюрократизации партийного аппарата. Право Оргбюро или секретариата утверждать назначения на ключевые посты в партийной организации на практике оказалось равносильным праву «рекомендовать» или «выдвигать».
56. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 532.
57. См. там же, с. 63.
58. Там же, с. 369; замечание Косиора отсутствует в стенографической записи его выступления на съезде (см. там же, с. 92—95). Согласно «Социалистическому Вестнику» (Берлин, 1 сентября 1923 г., № 15 (61), с. 4) Каменев ответил Косиору, похвалив Троцкого, отклонившего «высшую честь», предложенную ему Политбюро; этого также в стенограмме не содержится.
59. Об этом обзоре Троцкого и соответствующей резолюции см. выше, с. 23—24.
60. Подобное впечатление решительным образом складывается при чтении весьма содержательного отчета, помещенного, правда, с большой задержкой в «Социалистическом Вестнике» 1 сентября 1923 г., № 15 (61), с. 13—15.
61. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 258—259; см. также: «Большевистская революция...», т. I, гл. 14.
62. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 471; в статье, помещенной в «Правде»

во время работы съезда, Махарадзе выразил свое неудовольствие по поводу плана образования Закавказской федерации и заявил протест против методов, использованных Орджоникидзе для его осуществления («Правда», 19 апреля 1923 г.).

63. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 552, 556.

64. Там же, с. 455—456, 473—474, 522.

65. Там же, с. 563—564.

66. Там же, с. 540—541.

67. См. выше, с. 323, примечание 9.

68. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 228—229. Отдельный фрагмент предложения Ленина от 28 ноября 1921 г. был опубликован в «Сочинениях» Ленина, т. XXVII, с. 94. Издание третье. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 — его источником послужила цитата Сталина; полный текст документа Ленина, по-видимому, не сохранился (полный текст Записки Ленина к Сталину от 28 ноября 1921 г. опубликован в: *И. В. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 255. — *Ред.*).

69. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 257.

70. Там же, с. 237, 242, 245, 262.

71. Там же, с. 266, 268.

72. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 577.

73. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 501.

74. См. выше, с. 201.

75. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 183. В речи Сталина, воспроизведенной позднее в его «Сочинениях» (см.: *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 227), помимо того, что по установленной традиции перед фамилиями тех, кто впоследствии стал преступником, опущено слово «товарищ», были также выпущены слова «некрасивой выходки, неприличной» и последнее предложение (конкретно этот фрагмент в «Сочинениях» Сталина производит странное впечатление, так как слово «товарищ» стоит только перед фамилией Сталина). (В тексте, приведенном в: *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 227 слово «сплошную» отсутствует». — *Ред.*)

76. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Стенографический отчет. М. — Л., 1926, с. 454.

77. *V. Bazhanov*. Stalin..., S. 98—99.

78. «Большевистская революция...», т. I, гл. 10.

79. Там же, гл. 11.

80. Турецкий журнал «Yapa Milli Vol» (1931, No. 10, p. 13—15) осуществил перепечатку из татарской газеты «Кзыл Татарстан» документа, который принято считать текстом именно этого письма Султан-Галиева; однако подлинность и аутентичность текста достоверно не установлены. Согласно Сталину (*И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 302—303), Султан-Галиев написал два конспиративных письма; цитируемое здесь письмо, вероятно, является первым из них. Второе письмо, по-видимому, содержало предложение установить контакты с басмачами и Валидовым. Однако эта версия также достоверно не подтверждается.

81. Каменев признался в этом позже в разговоре с Троцким (*L. Trotsky*. Stalin, p. 417).

82. Чтобы не создавать впечатления исключительного характера совещания, оно было названо «четвертым»; ему предшествовали два съезда мусульманских коммунистов в ноябре 1918 и ноябре 1919 г. («Большевистская революция...», т. I, гл. 11) и еще одно незапротоколированное совещание коммунистов тюркских народов, состоявшееся в январе 1921 г. Стенографический отчет июньского совещания 1923 г. («Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей», 1923) нам увидеть не удалось; о нем, по-видимому, не сообщалось в печати. Однако некоторые сведения можно извлечь из двух основных речей и двух небольших выступлений Сталина на этом совещании (*И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 301—341), а также из резолюций, принятых четвертым совещанием (см. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, стр. 525—530).

83. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 301—312.

84. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 525—526. Никаких других дан-

ных о признании Султан-Галиева не обнаружено; по-видимому, отбыв небольшой срок тюремного заключения, он был выпущен на свободу.

85. Именно эти обвинения были предъявлены Султан-Галиеву в качестве основных пунктов обвинительного акта во время судебного процесса 1929 г., когда он был приговорен к смертной казни.

86. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 14.

87. И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 340—341.

88. M. Eastman. Since Lenin Died. 1925, p. 110; о монополии на торговлю водкой см. выше, с. 286, примечание 101.

89. Впервые сообщение о предполагаемом назначении Раковского появилось в газете «Таймс» 6 июля 1923 г.; официальное сообщение было опубликовано там же 14 июля 1923 г.

90. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.

91. Сведения об этом эпизоде были заимствованы из выступлений на XIV партийном съезде (декабрь 1925 г.), содержащих взаимные обвинения. Согласно Зиновьеву («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевики)»..., с. 455—456), Фрунзе и ряд товарищей совершенно различных настроений присутствовали на этом собрании в пещере; Ворошилов — его сообщение было, пожалуй, наиболее точным и достоверным — назвал фамилии лишь присутствовавших человек и утверждал, что Фрунзе приехал через два дня после собрания (см. там же, с. 398—399); нельзя серьезно относиться к тому, что Зиновьев приписывал авторство проекта Бухарину. О роли Орджоникидзе см. там же, с. 953.

92. Там же, с. 456. Сталин один-единственный раз публично упомянул об этом инциденте, иронично намекнув на «пещерных людей» (там же, с. 487); часть текста в книге Троцкого «Сталин» (L. Trotsky. Stalin, p. 367—368), взятая в скобки, не принадлежит Троцкому.

93. Утверждение Ворошилова, что в это время Зиновьев сделал Троцкому предложение составить блок против Сталина и что Троцкий отказался от него, вероятно, является надуманной версией этого инцидента; как указал в своем ответе Зиновьев, это произошло до разрыва с Троцким («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевики)», с. 399, 457).

Глава 12. Напряженность и стресс

1. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.

2. В своем «Манифесте» группа охарактеризовала себя как «группу, которая организационно не связана с РКП, но которая полностью признает ее программу и устав» («Manifest der Arbeitergruppe der Russischen Kommunistischen Partei» (n. d. [1924]), p. 27).

3. Указанные выше подробности известны из показаний Кузнецова, данных им после ареста; однако не доверять его показаниям нет оснований, данным в тот период (B. Сорин. Рабочая группа, с. 97—100, 109—112).

4. Там же, с. 112—114.

5. «Правда», 30 декабря 1923 г. Согласно сообщениям «Социалистического Вестника» (Берлин, 3 ноября 1923 г., № 20 (66), с. 13—14), в это время было арестовано 400 членов «Рабочей правды». Вероятно, цифра преувеличена; автор сообщения признал, что влияние группы «пока, по-видимому, не очень велико».

6. Позже Бухарин писал, явно ссылаясь на «Рабочую группу», что «летние стачки, антипартийные группировки» 1923 г. «обратили сугубое внимание партии на необходимость снижения цен, ...на необходимость поднятия уровня и политической активности членов нашей же собственной партийной организации» (Предисловие Бухарина к книге В. Сорина. Рабочая группа, с. 3).

7. Об этой вспышке Дзержинского Каменев упомянул в своем докладе на собрании бюро ячеек и активных работников Московской партийной организации 11 декабря 1923 г. (см. ниже, с. 232); доклад был опубликован в «Правде» 13 декабря 1923 г.

8. См. выше, с. 83.

9. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 27—28.

10. Сбивчивые воспоминания об этих изменениях содержатся в книге Троцкого (*L. Trotsky. Stalin*, p. 276, 313—314).

11. Источником этого эпизода является письмо Троцкого в Центральный Комитет партии, написанное им 8 октября 1923 г. («Социалистический Вестник», 28 мая 1924 г., № 11 (81), с. 10).

12. См. настоящий том, с. 83—84.

13. Согласно Ярославскому, в своем письме Троцкий писал о «подтасовке» XII съезда партии («XIII конференция РКП(б)», с. 128); в настоящее время не представляется возможным установить, содержало ли в действительности письмо Троцкого эту фразу или какое-либо подобное утверждение.

14. Троцкий, вероятно, вспомнил, что в декабре 1920 г. он защищал практику «выдвижения сверху» от нападок со стороны профсоюзов; тогда он считал, что это «находится в отношении обратной пропорциональности с развитостью масс, с их культурным уровнем, политической сознательностью...» (*Л. Д. Троцкий*. Соч., т. XV, М. — Л., 1927, с. 422).

15. Об источнике текста этого письма см. выше, с. 299, примечание 48.

16. Из семи членов партии, которые тогда окончательно примкнули к платформе Троцкого по вопросу о профсоюзах («Большевистская революция...», т. 2, гл. 49), Андреев полностью перешел на официальные позиции; Бухарин и Дзержинский, хотя тогда и критиковали «платформу 46-ти», вскоре склонились на ее сторону; Крестинский и Раковский были на дипломатической службе за рубежом; Преображенский и Серебряков безоговорочно подписали «платформу 46-ти».

17. В своей автобиографии Троцкий называет Раковского, И. Н. Смирнова, Сосновского и Преображенского среди тех, кому он говорил в свое время о своей беседе с Лениным об опасности бюрократизма в партии, которая состоялась в ноябре или в начале декабря 1922 г. (*Л. Троцкий*. Моя жизнь, ч. II, с. 215; о самой беседе см. выше, с. 193).

18. О «платформе 46-ти» см. выше, с. 84; ее текст — см. в приложении к настоящему тому, с. 274—280; экономические разделы этого документа часто цитировались в ходе последующих дискуссий, из политического же раздела платформы лишь несколько отдельных предложений попали в печать.

19. *M. Eastman. Since Lenin Died...*, p. 37.

20. Этот фрагмент опубликован в «Социалистическом Вестнике» (Берлин, 28 мая 1924 г., № 11 (81), с. 11); о содержании другого отрывка (которое может быть восстановлено по ответу Троцкого от 24 октября) см.: там же, с. 8.

21. Там же, с. 11—12.

22. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

23. См.: выше, с. 197.

24. Согласно «Социалистическому Вестнику» (Берлин, 28 мая 1924 г., № 11 (81), с. 8) Политбюро ответило также и на второе письмо Троцкого, но текст ответа нигде не публиковался.

25. «XIII конференция РКП(б)», с. 106—107.

26. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 531—532.

27. Согласно докладу Рыкова, с которым он выступил 29 декабря 1923 г. («Правда», 1 января 1924 г.), Центральный Комитет принял официальное решение не распространять ее; после этого все дальнейшие попытки ее авторов распространить документ рассматривались бы как нарушение партийной дисциплины.

28. Позднее Сталин писал об этом «первом периоде», что ЦК партии «не вмешивался в дискуссию на страницах «Правды», предоставляя членам партии полную свободу критики», и что «он не находил даже нужным опровергнуть нелепые обвинения» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 372). Тираж «Правды», как было сказано, в период дискуссии удвоился («Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 62. Указания не подтвердились. — *Ред.*).

29. Впоследствии Троцкий писал о том, что 6 членов официального Политбюро (за исключением его самого) и Куйбышев, как председатель Центральной контрольной комиссии, создали «тайное политбюро»; вошедшие в него «были связаны круговой порукой» и «обязались не полемизировать друг с другом и в

то же время искать поводов для выступлений против меня»; аналогичные группы были созданы в местных партийных организациях (Л. Троцкий. Моя жизнь, т. II, с. 240). Троцкий, безусловно, преувеличил и слишком драматизировал реально существовавшую тогда ситуацию.

30. Там же, с. 220.

31. Там же, с. 234—238.

32. *L. Trotsky. Stalin*, p. 381. В бюллетене о состоянии здоровья Троцкого, подписанном Семашко, Ферстером, Гетье и тремя другими кремлевскими врачами и датированном 31 декабря 1923 г., говорилось следующее: «Л. Д. Троцкий 5 ноября текущего года заболел инфлуэнцей с катаральными явлениями со стороны верхних дыхательных путей; последние вскоре прошли, однако, лихорадочное состояние, не превышающее 38°, длится до настоящего времени. При объективном исследовании констатируется похудание, побледнение, уменьшение работоспособности и понижение аппетита; при исследовании внутренних органов отмечается увеличение бронхальных желез, вызванное указанной инфекцией». («Правда», 8 января, 1924 г.). Поскольку целью бюллетеня было оправдать отъезд Троцкого из Москвы на лечение (см. ниже, с. 246), то серьезность симптомов вряд ли была преуменьшена. Однако указанная дата начала болезни не совпадает с собственным заявлением Троцкого о его отсутствии на пленуме ЦК партии 25 октября 1923 г. в связи с болезнью.

33. Речь в ИККИ, произнесенная 6 января 1924 г.; сообщение о ней опубликовано в «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 18. Februar 1924, No. 20, S. 224.

34. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 33, 224. О комиссиях Политбюро см. выше, с. 218.

35. *Л. Троцкий*. Моя жизнь, ч. II, с. 240.

36. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 224. О резолюции X съезда и определении «фракционности» см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8; резолюция не запрещала «группы» или «группировки» как таковые, а только «образовавшиеся на той или иной платформе группы». Определение было прекрасным, но неприменимым на практике.

37. В книге Л. Троцкого (*L. Trotsky. Stalin*, p. 371) приводится следующий фрагмент, который создает неверное впечатление (в книге он заключен в скобки; это означает, что данная часть текста была включена в рукопись Троцкого издателем): «Троцкий, который с начала ноября был болен и поэтому не имел возможности принять участие в общем обсуждении, поставил свою подпись под ней [резолюцией. — *Ред.*] вместе со всеми другими членами Политбюро». Троцкий придавал резолюции исключительное значение, он рассматривал ее как подтверждение своей точки зрения; в пылу последующей полемики он назвал ее началом четвертого периода в истории партии, определив предыдущие три как «до-октябрьский», «октябрьский» и «пооктябрьский» (*Л. Троцкий*. Новый курс, с. 7, перепечатка; первоначальный текст статьи был опубликован в «Правде» 29 декабря 1923 г.; см. также ниже, с. 238). Через полгода Троцкий продолжал рассматривать резолюцию как документ, в основном удовлетворивший его желания, в том же духе он оценил ее на XIII партсъезде (см. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 154).

38. Текст резолюции был опубликован в «Правде» 7 декабря 1923 г.: этот документ без двух первых абзацев первого раздела, посвященного исключительно экономическим вопросам, был принят XIII партконференцией в качестве резолюции о партстроительстве («ВКП(б) в резолюциях...», ч. 1, 1941, с. 535—540; о двух первых пунктах см.: там же, с. 622—623). Текст резолюции был снова опубликован в своем первоначальном виде в стенографическом отчете XIII партсъезда («Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 733—741).

Глава 13. Борьба против Троцкого

1. См. выше, с. 173.

2. Тексты речи Зиновьева и резолюции конференции были опубликованы в «Правде» 7 декабря 1923 г.

3. См. выше, с. 218.

4. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 354—370; первоначально речь Сталина была опубликована в «Правде» 6 декабря 1923 г.

5. Статья была перепечатана в книге Л. Троцкого «Новый курс», с. 93—99.

6. Этот пример был хорошо знаком из партийной литературы, и сам Троцкий приводил его с той же нравоучительной целью еще перед началом настоящего кризиса. В «Предисловии» к изданным незадолго до этого на немецком языке некоторым его статьям и речам, которое было датировано 4 мая 1923 г. (У Карра неточность: приведенная им ниже цитата взята из «Предисловия» Троцкого к русскому изданию той же книги «Основные вопросы революции», Москва — Петроград, 1923, с. 6, 8. — *Ред.*), Троцкий указал на стремительное переживание германской социал-демократии при отсутствии условий для немедленной революции и далее продолжал: «Та же опасность стоит в известной степени и перед нашей партией, в стране пролетарской диктатуры. Работа наша по необходимости специализируется и уходит в детали... Затяжная ныншняя эпоха таит в себе возможность резких нарушений темпа, глубоких потрясений. Наша трезвая, осторожная, взвешивающая политика должна поэтому сохранять способность к крутым поворотам. В противном случае новая революционная волна, застигнув коммунистическую партию врасплох, могла бы вывести ее из строя. А это почти наверное означало бы новое поражение революции».

7. Письмо и постскрипtum к нему были перепечатаны в книге: *Л. Троцкий*. Новый курс, с. 77—86. Очевидно, Троцкий направил письмо нескольким партийным собраниям, где оно было зачитано; перевод письма был опубликован в «Internationale Presse-Korrespondenz» (21. Januar 1924, No. 8, S. 69—71), где ошибочно утверждалось, что оно было адресовано «расширенному пленуму Центрального Комитета». Позднее на это письмо часто ссылались как на статью, озаглавленную «Новый курс», которую Троцкий поместил в сборник, дав ему это название.

8. «Правда», 12 декабря 1923 г.; в этом же номере сообщалось о двух других аналогичных собраниях, где официальную линию представляли соответственно Сокольников и Каменев. Вероятно, на этих двух собраниях также было зачитано письмо Троцкого от 8 декабря.

9. В соответствии с заявлением, сделанным на XIII конференции, Сталин присутствовал на собрании 8 декабря, Зиновьев и Каменев — на собраниях, состоявшихся 9 декабря, где зачитывалось письмо Троцкого («XIII конференция РКП(б)», с. 131—132).

10. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.

11. О высказывании Сталина см. выше, с. 211.

12. Стенограмма собрания, состоявшегося 11 декабря, была опубликована (безусловно в сокращенном виде) в «Правде» 13, 14, 15, 16 и 18 декабря 1923 г. Речь Каменева на открытии собрания и тексты двух резолюций были напечатаны 13 декабря; выступление Сапронова и заключительная речь Каменева — 14 декабря; затем публиковались речи других ораторов, по-видимому, в порядке их выступления. Сталин не выступал, хотя имеющаяся в его «Сочинениях» ссылка на это собрание (*И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 12) указывает на его присутствие. Перевод речей Каменева и Зиновьева был также опубликован в «Internationale Presse-Korrespondenz», 18. Januar 1924, No. 7.

13. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 12.

14. См. выше, с. 175.

15. Не вызывает сомнения, что статья принадлежит Бухарину, который был тогда редактором «Правды» (см.: «Дискуссия 1923 года. Материалы и документы», под общей редакцией К. А. Попова. М. — Л., 1927, с. 97).

16. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 383—387.

17. Текст резолюции был опубликован в «Правде» 18 декабря 1923 г.; речь Зиновьева — там же 20 и 21 декабря; не было опубликовано в «Правде» ни одно из других выступлений на этом собрании, что существенно отличало его от собрания Московской организации 11 декабря. Перевод письма Троцкого от 8 декабря вместе с постскрипtumом, а также статьи Сталина, опубликованной 15 декабря, и речи Зиновьева, произнесенной в тот же день, были поме-

щены в «Internationale Presse-Korrespondenz», 21. Januar 1924, No. 8, S. 69—82.

18. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

19. «Правда», 18 декабря 1923 г.; текст постановления был перепечатан в книге: «Дискуссия 1923 года», с. 25—26.

20. Впоследствии было установлено, что 44% всех статей, опубликованных в «Правде», исходили от сторонников оппозиции — за какой период не ясно. (Из постановления президиума ЦКК от 7 января 1924 г., которое цитируется в книге: «Дискуссия 1923 года», с. 44.)

21. Вероятно, он являлся автором статьи, защищавшей свободу дискуссии, которая была напечатана в «Правде» 27 ноября 1923 г. за подписью «Н. Виги-льянский».

22. Все эти подробности взяты из доклада Центральной контрольной комиссии, который опубликован в книге: «Дискуссия 1923 года», с. 45—46; можно предположить, что судьба этих двух молодых людей сложилась не самым благополучным образом.

23. В примечании, помещенном под второй статьей, Троцкий сделал следующее разъяснение: вторая статья должна была предшествовать первой и быть опубликована 25 декабря; когда ее публикация была отложена, Троцкий изменил порядок публикации. Обе статьи были перепечатаны в книге Л. Троцкого «Новый курс», с. 7—14, 22—31.

24. «Правда», 28, 29, 30 декабря 1923 г., 1, 4 января 1924 г. Фамилия автора не являлась тайной; Сталин упомянул его в своей речи на XIII партконференции месяц спустя (*И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 38). Перевод статьи был опубликован в «Internationale Presse-Korrespondenz», 28. Januar 1924, No. 13, S. 128—138). Можно сказать, что эта статья знаменовала определенное сближение Бухарина с политикой триумвирата. Он был единственным членом Политбюро, кто занял независимую позицию в грузинском вопросе (см. выше, с. 208); в самом начале дискуссии о партийной демократии он выступил с речью, в которой выразил недовольство по поводу того, что голосование на партийном собрании в Москве превратилось в фарс и что «выборы в партийные организации превращаются в выборы в кавычках»: эта речь не была опубликована, но ее цитировал Троцкий на XIII партийном съезде в мае 1924 г. («Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 155—156).

25. Этот фрагмент цитируется по: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 266; несколькими строчками ниже Ленин обвинил и самого Бухарина как «пособника худшей и вреднейшей фракционности».

26. Воспоминания Бухарина, касающиеся его собственного отношения к этим событиям, придали этому искаженному изображению позиции Троцкого дополнительную пикантность («Большевистская революция...», т. 2, гл. 17, т. 3, гл. 21).

27. Их сотрудничество в этом вопросе, возможно, предшествовало появлению их совместных тезисов о будущей судьбе КПП, предназначенных для ИККИ (см. выше, с. 176); установить точную последовательность событий, однако, невозможно.

28. Отдельные фрагменты «ультиматума» цитировались в «Социалистическом Вестнике» (Берлин), 28 мая 1924 г., № 11 (81), с. 8; полный его текст не публиковался.

29. Обе резолюции приведены в книге: «Дискуссия 1923 года», с. 44; вторая резолюция помещена также в: «XIII конференция РКП(б)», с. 191 (по-видимому, Карр пользовался стенографическим отчетом конференции. Мы данным источником не располагаем. — *Ред.*).

30. «XIII конференция РКП(б)», с. 218.

31. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 253.

32. «XIII конференция РКП(б)», с. 91.

33. Там же, с. 108.

34. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 541.

35. Антонов-Овсеенко, бывший царский офицер, после 1905 г. оставил армию, вступил в члены РСДРП, принадлежал к ее меньшевистскому крылу. В 1915 г. являлся главным инициатором издания в Париже антивоенной газеты «Наше слово», в которой сотрудничали Троцкий и Мартов. В 1917 г., став

вместе с Троцким членом партии большевиков, он вошел в состав Петроградского Военно-революционного комитета и сыграл видную роль в Октябрьской революции, командуя отрядом, захватившим Зимний дворец. В октябре 1923 г. он подписал «платформу 46-ти» и в последующие два года был, вероятно, самым близким после Раковского сподвижником Троцкого.

36. Источником указанных обвинений является резолюция пленума ЦКК от 12—13 января 1924 г. («XIII конференция РКП(б)», с. 195) и выступления Ярославского и Сталина на XIII партконференции (там же, с. 123—131; *И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 42—43).

37. На XIII партконференции Ярославский признал, что большинство партактив в высших учебных заведениях голосовали за оппозицию «XIII конференция РКП(б)», с. 217); в статье Зиновьева, перепечатанной в издании «Партия и воспитание смены», 1924, с. 10—11.

38. *Л. Троцкий. Новый курс*, с. 81—82.

39. Там же, с. 100—104.

40. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Стенографический отчет, М., 1926, с. 459—460, 526.

41. «Правда», 18 декабря 1923 г.

42. «XIII конференция РКП(б)», с. 134.

43. Там же, с. 67.

44. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 172, 174—175.

45. См. ниже, с. 250—251.

46. «Internationale Presse-Korrespondenz», 15. Februar 1924, No. 20, S. 215—226; о вмешательстве КПП см. выше, с. 174—175. Отчет о заседании Президиума ИККИ на русском языке, по-видимому, не публиковался (см. выше, с. 319, примечание 84).

47. См. выше, с. 178—179.

48. «Правда», 12, 13 и 15 января 1924.

49. См. выше, с. 237—238, 241—242.

50. «XIII конференция РКП(б)», с. 191—192.

51. См. выше, с. 175—176.

52. См.: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. 1, с. 533—534.

53. «Правда», 8 января 1924 г.; первая часть бюллетеня цитировалась выше, с. 330, примечание 32.

54. *Л. Троцкий. Новый курс*, с. 48—49.

55. См. выше, с. 221—222.

56. См. «XIII конференция РКП(б)», с. 124, 133.

57. Свидетельства этих преследований содержатся в выступлении на XIII партконференции Ярославского, представлявшего линию ЦК, и Сапронова, представителя оппозиции («XIII конференция РКП(б)», с. 123—127, 130—131); хотя официальные сообщения частично и подверглись цензуре, тем не менее они содержат разоблачительный материал. Через два года на XIV съезде партии Крупская сказала напрямик: «Если мы будем писать резолюции о внутрипартийной демократии и в то же время создаем такие условия для каждого члена партии, что за открыто высказанное мнение он может быть перемещен на другую должность, то все наши благие пожелания о внутрипартийной демократии останутся на бумаге» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», с. 572).

58. «XIII конференция РКП(б)», с. 4.

59. См. выше, с. 98—102.

60. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 5—26.

61. Текст этого пункта см. в: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.

62. Полемика опубликована в: «XIII конференция РКП(б)», с. 104—148.

63. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 27—45.

64. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17; о защите Троцким бюрократии во время дискуссии о профсоюзах см. выше, с. 68.

65. «XIII конференция РКП(б)», с. 156, 180.

66. Там же, с. 158—180.

67. Об этой части речи Зиновьева, а также о заявлении Радека и принятой резолюции см. выше, с. 177—178.

68. «XIII конференция РКП(6)», с. 180—184.
69. «ВКП(6) в резолюциях...», 1941, ч. 1, с. 540—545.
70. «XIII конференция РКП(6)», с. 184—185.

Глава 14. Смерть Ленина

1. Наиболее подробное и, по-видимому, достоверное описание последних месяцев жизни Ленина было дано через три года В. П. Осиповым, одним из врачей, постоянно наблюдавших его с мая 1923 г. вплоть до его смерти («Красная Летопись», 1927, № 2 (23), с. 237—246). Медицинские заключения, опубликованные сразу же после смерти Ленина («Правда», 24 и 31 января 1924 г.; «Известия», 29 января 1924 г.; «Пролетарская революция», март 1924 г., № 3 (26), с. 16—23), по своему тону были более традиционны и, насколько можно судить, менее точны в деталях.

2. «Красная Летопись», 1927, № 2 (23), с. 243. Л. Троцкий в книге «The Real Situation in Russia», (р. 304—305) и Чичерин в «Известиях» 30 января 1924 г. особо отмечали, что они видели Ленина в последний раз перед ударом в декабре 1922 г.; никто из других политических деятелей не говорил о более поздних встречах с Лениным. Зиновьев при случае написал о том, что он, Каменев и Бухарин были в доме в Горках и наблюдали через окно, как Ленин отправлялся в автомобиле на прогулку («Известия», 30 января 1924 г.); однако понятно, что они лицом к лицу с Лениным не встретились. Утверждение Зиновьева на страницах газеты «Известия» 30 августа 1923 г., что он «видел» Ленина двумя днями раньше, очевидно, относится к этому или подобному случаю.

3. В книге Л. А. Фотиевой «Последний период жизни и деятельности В. И. Ленина (1922—1923 гг.)» на с. 23 дана другая дата — 19 октября.

4. См. там же, с. 23—24.

5. О первых медицинских бюллетенях о состоянии здоровья Ленина за март — апрель 1923 г. см. выше, с. 199.

6. «Экономическая жизнь», 8 июля 1923 г.

7. «Известия», 28 и 30 августа 1923 г.

8. «Труд», 14 октября 1923 г.

9. Там же, 18 октября 1923 г.

10. Там же, 23 октября 1923 г.

11. «Правда», 16 декабря 1923 г.

12. См. выше, с. 178.

13. Пространное сообщение Зиновьева об этой поездке было опубликовано в «Правде» 30 января 1924 г. В переводе этой статьи в «Internationale Presse-Korrespondenz» (7. Februar 1924, No. 17, S. 179—181) фамилия Сталина при перечислении поехавших в Горки была опущена, вероятно, из-за случайности; причина этого пропуска едва ли была иной.

14. «Пролетарская революция», март 1924 г., № 3 (26), с. 17; медицинское заключение было опубликовано в «Правде», 24 января 1924 г.

15. «ВКП(6) в резолюциях...», 1941, ч. 1, с. 557—558.

16. Этот рассказ содержится в книге Л. Троцкого «Моя жизнь» (ч. II, с. 250); почти теми же словами он изложен в его книге: *L. Trotsky. Stalin*, p. 381—382. Сомнительно, чтобы уловка, касающаяся даты, была допущена намеренно; о переносе дня похорон с 26 на 27 января было впервые объявлено в «Петроградской правде» 24 января 1924 г.

17. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 46—51. Впечатление литургии усилено при публикации речи в «Сочинениях» Сталина, так как там «ответы» напечатаны заглавными буквами; этого не было ни в первоначальной публикации речи в «Правде» 30 января 1924 г., ни в официальном стенографическом отчете съезда.

18. Это было первое после революции почетное переименование города. Следующим был Екатеринбург, который стал Свердловском 7 ноября 1924 г. («Большая Советская Энциклопедия», 1-е изд., т. 50, М., 1944, с. 407); вскоре после этого (дата не указана, см. там же, т. 27, М., 1933, с. 51) Елизаветград

стал Зиновьевском; это был первый случай, когда город получал имя здравствующего большевистского руководителя; Царицын стал Сталинградом 10 апреля 1925 г. (см. там же, т. 52, М., 1947, с. 625).

19. В официальный стенографический отчет съезда был включен только проект постановления о переименовании города Петрограда («Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», с. 54—55); другие постановления, фактически не обсуждавшиеся на съезде, были опубликованы в: «2-й съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Постановления». М., 1924, с. 7—9.

20. Согласно партийному преданию, Крупская была против большинства этих мемориальных церемоний, включая бальзамирование тела Ленина; и хотя предание документально не удостоверяется, оно, однако, находит некоторое подтверждение в письме Крупской, в котором она выразила благодарность за присланные ей соболезнования; письмо было опубликовано в «Правде» 30 января 1924 г.: «Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, нестройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д., и самое главное, — давайте во всем проводить в жизнь его заветы».

21. Порядок перечисления фамилий в сообщении о похоронах, опубликованном в «Правде» 30 января 1924 г., не может быть случайным. Знаменательно, что при описании открытия и окончания церемонии Сталин был указан в партийной газете первым; никаких других знаков особого внимания к нему или его канцелярии, однако, не было. Газета «Труд» от 30 января 1924 г. назвала «Зиновьева, Томского, Каменева, Сталина и других», которые внесли гроб в склеп. В более поздних отчетах (например, в биографической хронике в «Сочинениях» Сталина — т. 6, с. 418—419) Сталин выглядит самой важной фигурой во время всей процедуры похорон, что, однако, не подтверждают сообщения того времени.

22. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 52—54; текст речи первоначально был напечатан в «Правде» 12 февраля 1924 г.

23. «Первая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик». М., 1924, с. 5—6, 8.

24. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. 1, с. 559.

25. Там же, с. 561—562.

26. «Большевистская революция...», т. I, гл. 8.

27. А. Бубнов. ВКП(б). М. — Л., 1931, с. 613. Институт «кандидатов» был впервые введен в переработанном тексте устава, одобренного партконференцией в декабре 1919 г.: период кандидатского стажа был установлен для рабочих и крестьян — не менее двух месяцев; и для других — не менее шести месяцев («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 318). Кандидатский стаж был позднее существенно увеличен (см. там же, с. 432, 454). До 1922 г. кандидаты не включались в статистику о численности партии (А. Бубнов. ВКП(б), с. 612).

28. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 224.

29. Там же, т. 45, с. 18.

30. Там же, т. 10, с. 163; ср.: Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. — Л., 1930, с. 130.

31. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 360—361.

32. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. 1, с. 350—351.

33. Там же, с. 563; это решение, являвшееся нарушением устава партии требовало одобрения, которое было получено на самом съезде («Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 12—13).

34. Там же, с. 122.

35. Согласно выступлению Молотова, на украинской партийной конференции выдвигалось требование, чтобы в партии было от 65 до 70% рабочих в то время, как парторганизации Украины уже состояли более, чем на 70% из

рабочих («Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 533). Высокий процент рабочих в украинской компартии, без сомнения, был связан с преобладанием в ней великорусского элемента («Большевистская революция...», т. I, гл. 11).

36. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 134.

37. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 515.

38. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 199.

39. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 202—203, 208, 234—235, 283—285.

40. «Правда», 22 февраля 1924 г.

41. См. выше, гл. 3.

42. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 103; о взглядах Ленина и Троцкого на перманентную революцию до 1917 г. см. в: «Большевистская революция...», т. I, с. 56—60.

43. Этот фрагмент был напечатан в «Правде» 30 апреля 1924 г., в отдельном издании работы «Об основах ленинизма» (М., 1924, с. 60) и цитировался самим Сталиным в брошюре «К вопросам ленинизма», опубликованной в январе 1926 г., где он разъяснил, что подобная формулировка является «недостаточной и, потому, неправильной»; она была изменена в последующих изданиях этой брошюры, вышедших до декабря 1924 г. (И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 61—62).

44. Текст Завещания и дополнения к нему см. выше, с. 193—196.

45. Все, за исключением Троцкого, описывая это собрание, называют его Пленумом Центрального Комитета. Троцкий в книге: *L. Trotsky. The Suppressed Testament of Lenin*, p. 11—12 изображает его как «совет старейшин», на рассмотрение которого был передан этот вопрос, так как в Центральном Комитете не было единого мнения. Троцкий описал это событие не ранее 1932 г., но он вряд ли ошибался в этом формальном пункте, о котором другие авторы могли забыть или не уделили ему должного внимания: в действительности это не имело значения.

46. Самое полное сообщение об этом заседании содержится в книге Б. Бажанова (*B. Bazhanov. Stalin*, с. 32—34). Оно описано очень ярким бажановским стилем, но слова, приписываемые Зиновьеву, не могут претендовать на текстовую точность; тем не менее описание, по-видимому, достоверно по существу. Другие детали содержатся в книгах М. Истмена: *M. Eastman. Since Lenin Died*, p. 28 и Л. Троцкого: *L. Trotsky. The Suppressed Testament of Lenin*, p. 13; упоминание о заседании в книге Троцкого (*L. Trotsky. Stalin*, p. 376) создает ошибочное впечатление, что оно происходило при жизни Ленина.

47. Сообщения об этих событиях были помещены на следующий день в печати; выступления опубликованы в: «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 629—633.

48. Там же, с. 153—168.

49. Вскоре после этого Угланов был назначен в Московскую партийную организацию для проведения в ней чистки после посягательств на нее со стороны оппозиции в ноябре—декабре 1923 г. Согласно Б. Бажанову, Угланов был выдвинут Зиновьевым и Каменевым, но его быстро прибрал к рукам Сталин (*B. Bazhanov. Stalin*, p. 37—38).

50. «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 169. В заключительные дни работы съезда Молотов утверждал, что авторы «платформы 46-ти» «отразили... отрицательное влияние чуждых пролетариату слоев» (там же, с. 523).

51. Там же, с. 220—221, 235—237.

52. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 220—223; «Тринадцатый съезд РКП(б)», с. 259—267.

53. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 566.

54. «Социалистический Вестник» (Берлин), 24 июля 1924 г., № 15 (85), с. 13. Согласно М. Истмену (*M. Eastman. Since Lenin Died*, p. 128), Зиновьев при поддержке Каменева «потребовал исключения Троцкого из Политбюро, но Сталин отклонил это требование мотивируя «своими собственными причинами»: во время работы XIII съезда партии Истмен был в Москве и мог многое узнать о том, что происходило за кулисами. Возражение Сталина было в русле его общей осторожности, с которой он действовал в то время.